

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Империя Петра Великого: 300 лет Ништадтскому миру

Война на Северном Кавказе в конце XVII в.

Письмо с поля Полтавской битвы

Цена побед XVIII в.

Символ Великой реформы

Плеве и еврейский вопрос в России

*Русское общество и власть на пути
к дальневосточным авантюрам*

Учреждение Морского генерального штаба в 1906 г.

*Особы Императорской фамилии
и государственные деятели России*

*Итоги и перспективы изучения Российской империи
на Западе*

Обсуждаем книгу

К.А. Соловьёв. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблемы законотворчества

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

4
июль
август
2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блом, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дёнингхаус, С.В. Журавлёв,
В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

Империя Петра Великого: курс — вест, ветер встречный

Дмитрий Редин

Empire of Peter the Great: course — west, headwind

Dmitry Redin

(Institute of History and Archeology, Ural Branch,
Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S086956870016252-8

В этом году исполняется 300 лет с того времени, как Пётр I принял императорский титул, а Россия официально стала империей¹. В научной литературе это событие справедливо связывают с другим, произошедшим в том же 1721 г.: подписанием Ништадтского мирного договора между Россией и побеждённой Швецией. Мир, подведший итог почти четвертьвековой войны Российского государства с одной из сильнейших держав Европы и кардинально изменивший баланс сил на севере субконтинента, олицетворял для современников в Санкт-Петербурге, и прежде всего для самого новоиспечённого императора, не только их военное превосходство, но, что гораздо важнее, правильность выбранного курса осуществлённых за эти годы реформ. В короткой, но прочувствованной речи канцлера гр. Г.И. Головкина, произнесённой 22 октября 1721 г. в кафедральном Свято-Троицком соборе, эта мысль была ясно выражена уже в первой строке: все достижения находящейся на пике успеха страны стали возможны благодаря славным и мужественным «воинским и *политическим* (здесь и далее курсив мой. — Д.Р.) делам» монарха².

И об этих событиях, и в целом о Российской империи (и не только петровского времени) написано так много самой разнообразной литературы, что любое новое сочинение на эту тему крайне рискованно хотя бы потому, что заведомо обречено на повторы: «эффект колеи», бесспорно, грозит в этом случае любому автору. Есть и другие риски: быть обвинённым в поверхностности суждений и банальности, в односторонности оценок, в предвзятости по отношению к императору и его деяниям, которые по давней инерции неизменно предстают в дихотомии «*pro et contra*», и во множестве других грехов. Понимая это, я тем не менее счёл возможным высказать некоторые соображения на тему «империи, которую построил Пётр», облакая их в жанр эссе и осознавая все возможные преимущества и ограничения, которые налагает этот жанр.

© 2021 г. Д.А. Редин

¹ Известно, что международное признание этого факта шло очень долго, и если Пруссия, Соёдинённые Провинции, Дания и Швеция признали притязания России и её монарха почти сразу, то католические державы (Священная Римская империя, Франция, Испания, Речь Посполитая) и Англия долгое время отказывали России в этом. Можно согласиться с Д. Ливеном, считающим, что окончательное и полное утверждение страны в имперском статусе произошло лишь по итогам Семилетней войны (Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 60).

² ПСЗ-I. Т. 6. № 3840.

Уже сами обстоятельства принятия Петром I императорского титула при их, казалось бы, предельной ясности дают повод для размышлений и разноплановой дискуссии. Один из вопросов, вызывающий давние споры, связан с оценкой западнической перспективы, которую царь выбрал в качестве вектора развития возглавляемой им страны. Провозглашение России империей в этом отношении выглядит одним из символических проявлений данного вектора, поскольку российский монарх принял титул, венчавший иерархию именно европейских христианских государей.

Но ни сам западный выбор, ни представления о своей державе как империи не являлись изобретением Петра. Не стану углубляться в толщу веков, приводя доказательства того, что имперская идея, имперское сознание, вероятно, были присущи русской политической элите с ранних веков существования Руси/России как государства³. Они имели различные корни и по-разному акцентировались в зависимости от исторической ситуации, мировоззренческих установок, культурных пристрастий и политических целесообразностей, но как кажется, не исчезали никогда, лишь глубоко скрываясь в наиболее тяжёлые годы так называемого монгольского, или ордынского, периода русской истории. Идеино питаюсь религиозными доктринами и, в известной мере, апеллируя к византийскому наследию⁴, имперские притязания российской власти стали приобретать вполне реальные основания и рационально-политические оттенки в последние десятилетия XV в. В этой связи уместно вспомнить хрестоматийный ныне ответ великого князя Московского и всея Руси Ивана III имперскому посланнику Н. Поппелю, предложившему русскому монарху содействие в получении королевской короны из рук императора Священной Римской империи Фридриха III: «Мы Божию милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы; просим Бога, чтоб нам и детям нашим всегда дал так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде мы не хотели ни от кого, так и теперь не хотим»⁵. В этой фразе в первую очередь сделан акцент на абсолютную суверенность власти московского государя, первого из череды предков добившегося её в результате войны 1480 г. с ханом Большой Орды Ахматом. Это представление по умолчанию предполагало, что никто из европейских монархов, кроме императора, не обладает подлинной политической самостоя-

³ О бытовании этой идеи в Древней Руси и о реализации «имперского идеологического оснащения» в вербальных и невербальных формах на рубеже X—XI вв. и позже см.: *Назаренко А.В.* Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // *Назаренко А.В.* Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2007. С. 103—113.

⁴ Я осторожно отношусь к этому словосочетанию. У России было гораздо меньше общего с империей ромеев, чем принято считать. Московские книжники черпали вдохновение в образах «Греческого царства», бесспорна догматическая и литургическая связь Константинопольской и Московской церквей. Но на институциональном уровне Россия ничего или почти ничего не могла позаимствовать у Византии. О преемственности между Византией и Россией см.: *Козлов А.С.* Европейский миф о Византии и вопрос о византийско-русском континуитете (историософский этюд) // *Imagines mundi.* Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. № 8. Сер. Альбионика. Вып. 4. Екатеринбург, 2011. С. 50—60; *Козлов А.С.* Ещё раз о византийско-российском континуитете: социальный аспект // *Проблемы истории России.* Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени. Екатеринбург, 2011. С. 65—84.

⁵ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. I. СПб., 1851. С. 10—11.

тельностью, поскольку они «имеют поставление» от вышестоящего монарха. Для Ивана III источники его легитимности — Бог и наследственная давность обладания «своей землею»; его ровня — император.

Эта первая, плохо завуалированная, но ещё доктринально не артикулированная претензия великих князей Московских на императорский статус стала одним из важнейших мотивов их дальнейшего позиционирования на международной арене. Светские мотивы обоснования этой претензии со временем лишь усиливались. Итак, имперскость в представлении русских монархов позднего Средневековья — это высший суверенитет. Но одновременно с этим — это и обладание властью над многими государствами. Переход под скипетр Ивана IV Казанского, Астраханского и Сибирского ханств («царств»-империй в русском политическом прочтении того времени) — события, которые должны были развеять последние сомнения в правомочности претензий московских Рюриковичей на императорское достоинство. Но и в более ранние времена, согласно московскому официозу, они уже были государями над государями, как и положено императорам, став обладателями некогда самостоятельных русских областей, таких как Новгород, Псков или Рязань. Не случайно именно на рубеже XV и XVI вв. начала формироваться сложная формула титулования государей всея Руси, скрупулезно фиксирувавшая все их территориальные приобретения; в то же время активизировалось стремление московских монархов присвоить себе официальное именование «царь», однозначно воспринимавшееся в России как императорский титул.

Важно подчеркнуть, что эти амбиции выстраивались исключительно в западной, европейской системе координат. При всей сложности определения «европейскости» для того исторического периода, важнейшими её критериями для современников оставались принадлежность к христианству и общность государственной традиции, восходящей, так или иначе, к Риму. Рубеж Средневековья и Нового времени подверг эти критерии серьёзным испытаниям, связанным как с Реформацией, потрясшей конфессиональное единство Запада, так и с процессами формирования национальных государств. Но русские монархи в Москве, отделённые от своих западных *vis-à-vis* ещё более давним конфессиональным расколом, тем не менее относили себя именно к христианской/европейской семье. Евразийские рассуждения о великих князьях Московских как наследниках монгольской или золотоордынской империй⁶ не имеют под собой ничего, кроме позднейших умозрительных спекуляций. Если Россия и была «главной наследницей монгольской орды», то лишь по территориальному признаку⁷. Иван IV, покоритель Казанского и Астраханского *царств*, и его окружение рассматривали переход этих стран под скипетр русского государя не как *восприемство* власти ордынских царей, а как *покорение* неверных царств христианскому царю. Совершенно недвусмысленно эта трактовка была официально сформулирована и донесена западным соседям по дипломатическим каналам. В одном из наказов 1553 г., данном гонцу в Литву Н. Сущёву, последнему следовало сообщить панам-раде о покорении Казани так: «Которой

⁶ Трубецкой Н.С. О Туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. Кн. 4. Берлин, 1925. С. 92—106; Никитин В.П. Иран, Туран и Россия // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 75—120; Савицкий П.Н. Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Европейский соблазн. М., 1993. С. 123—130.

⁷ Ливен Д. Российская империя... С. 225.

бусурманской род из Казани ото многих лет христианскую кровь проливал и государю нашему до его возрасту многую досаду делал, и тот бусурманский род Казанской, Божиею милостию, государя нашего саблей померли, и на Казани ныне государь наш своих наместников и воевод учинил, *и православною верою христианскою место то бусурманское обновил...* И мы о том Богу хвалу воздаем, дай Боже нам и вперед видети, чтоб и иным бусурманским родом христианская кровь отомстилась»⁸.

То, что московская политическая и интеллектуальная элита видела себя включённой в европейский/христианский универсум, убедительно доказывается фактом формирования в её среде в первой четверти XVI в. концепции, генеалогически возводящей правящую династию к первому римскому императору Октавиану Августу. Хорошо известное историкам и филологам «Сказание о князьях Владимирских», появившееся во вполне конкретных исторических условиях соперничества московских династов с польско-литовскими государями за «древнерусское наследство»⁹, совершенно недвусмысленно подчёркивало происхождение первых от римского императорского рода через мифическое родство легендарного Пруса, якобы предка Рюрика, с «Августом-кесарем». Важно подчеркнуть, что «Сказание» давало идеологическое обоснование претензий русских монархов на императорский титул, апеллируя к тому, что он принадлежал им исстари, доставшись по наследству от самых первых императоров, от которых выводили своё преемство и единственные императоры западного христианского мира. Включённая в «Сказание» легенда о Константиновом даре — наследственном приобретении царских/императорских регалий Константина Великого князем Владимиром Мономахом — не столько, в данном случае, носит самостоятельный характер, сколько подчёркивает непрерывность имперской власти русских государей и, конечно, привносит в эту историю религиозный смысл, акцентируя внимание на благочестии московских Рюриковичей.

Стоит, на мой взгляд, напомнить, что именно «Сказание о князьях Владимирских» стало носить доктринальный характер при московском дворе, оказавшись востребованным и продуктивным на несколько веков вперед. Войдя в состав официальных летописных сводов XVI в. (Воскресенскую и Никоновскую летописи), оно устойчиво транслировалось и в других официальных текстах XVI—XVII вв.: Царственной книге, Государевом родословце, Степенной книге, использовавшихся в дипломатической практике Русского государства и не потерявших актуальность в первой четверти XVIII в., при формировании новых европейски ориентированных политических конструкций¹⁰. Полагаю, что

⁸ Сборник императорского русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 372. Свою христианскую (европейскую) идентичность и противопоставление мусульманскому Востоку московская дипломатия формулировала столь же однозначно и раньше, например, во время переговоров с имперским послом Франческо да Колло летом 1518 г. (*Синицина Н.В.* Два мира: возможность взаимопонимания // *Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы.* М., 1997. С. 35—37).

⁹ *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 2000. С. 213—216.

¹⁰ *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955; *Дмитриева Р.П.* К истории о великих князьях Владимирских // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (далее — ТОДРЛ). Т. XVII. М.; Л., 1961; *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях Владимирских // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2. Л.—Я. Л., 1989; *Гольдберг А.Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976; *Зимин А.А.* Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси // *Источниковедение: теоретические и методологические про-*

именно светский потенциал, содержащийся в «Сказании», обеспечил ему столь долгую жизнь и востребованность, в отличие от воззрений в духе «Москва — Третий Рим» или «Россия — Новый Израиль», которые были сосредоточены исключительно на религиозной, эсхатологической трактовке судьбы Российского царства и, строго говоря, никогда не имели официально-доктринального политического характера¹¹. Светская составляющая (происхождение власти от первых, дохристианских римских кесарей) позволяла смягчать напряжённость, порождённую конфессиональными различиями России и Запада, слишком вопиюще очевидными и не решаемыми в рамках догматических дебатов; переносить смысловой акцент на общность источника власти, общность исторической судьбы Востока и Запада Европы. Этот потенциал, похоже, хорошо понимал и пытался развить Пётр I. Д.О. Серов, анализирувавший редакторскую работу Ивана Юрьева над «Извещением о житии и действиях... великих князей российских», основанным на Степенной книге в 1716—1718 гг., заметил, насколько последовательно и масштабно, «как неприличные излишества», из новой компиляции устранялись фрагменты, сообщавшие о влиянии церковных иерархов на деятельность великих князей¹². Такая направленность редактуры отражала не только хорошо известное стремление Петра I лишить церковную иерархию политической власти, но и намерение минимизировать *в политическом контексте* конфессиональные различия между православной Россией и католическим и протестантским Западом. Пётр больше не строил уникальное «священное царство». Он вводил свою державу в общий круг христианских народов.

Осознание своей включённости в христианский мир Европы и стремление добиться признания этого факта со стороны западного мира имело принципиальное значение и для предшественников Петра Великого. Злополучное «кайзер и государь всех русских», употреблённое императором Максимилианом I всего один раз в обращении к Василию III в тексте договора 1514 г., стало в глазах московской дипломатии актом международного признания императорского титула за русскими государями и не было убедительно дезавуировано ни хитроумными построениями Сигизмунда Герберштейна, пытавшегося доказать, что «кайзер» Максимилианова текста есть обозначение лишь королевского достоинства, ни последующими доводами европейцев¹³. Исключительная важность этого прецедента, имевшего для русских элит едва ли не юридическое значение, подчёркивалась и в уже упоминавшейся речи канцлера Головкина на поднесение Петру I императорского титула: «Титул императорский Вашего

блемы. М., 1969; *Зимин А.А.* Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963; *Зимин А.А.* Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2010; *Юрьев И.Ю.* Известие о житии и действиях державствующих великих князей российских. М., 2013.

¹¹ *Perrie M.* Moscow in 1666; New Jerusalem, Third Rome, Third Apostase // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 75—85. Даже их концептуализация есть, скорее, плод позднейшего переосмысления, чем результат интеллектуальной работы современников (*Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 14—16).

¹² *Юрьев И.Ю.* Известие о житии и действиях... С. 72—90.

¹³ Возможность двойного толкования титула «царь» (и как императорского, и как королевского) в культурных и семиотических интерпретациях международной практики того времени подробно раскрыта Б.А. Успенским (*Успенский Б.А.* Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000).

величества достохвальным антецессорам *от славнейшего императора Римского Максимилиана от неколиких сот лет уже приложен*, и ныне от многих potentatov дается»¹⁴. Поэтому едва ли можно считать справедливым утверждение о том, что текст провозглашения русского царя императором не упоминал исторических прецедентов, как это делается в новейшей биографии Петра¹⁵. Равным образом обращение к речи Головкина не подтверждает и другого тезиса: важности для петровской пропаганды фигуры Ивана IV как первого русского монарха, венчанного царским титулом. Царское венчание Ивана Грозного и для его собственного окружения, видимо, в первую очередь являлось актом внутренней направленности¹⁶. Что уж говорить о петровских конфидентах! В их представлениях первым в череде «достохвальных антецессоров» был Василий III; символическая роль, отводимая Ивану IV, судя по всему, в петровской имперской пропаганде оставалась минимальной¹⁷.

Если венчание Ивана IV царским венцом было актом внутривластной направленности, то принятие Петром I императорского титула адресовалось вовне. И сам Пётр, и его приближённые несколько не сомневались в легитимности такого шага, и акт 1721 г. лишь констатировал, что отныне между западной и русской политическими традициями снималась «проблема перевода»¹⁸.

Таким образом, для русской элитарной политической мысли, государственной идеологии позиционирование российских монархов как исконных и при этом ведущих членов европейской семьи христианских государей являлось вполне укоренившимся явлением, лишь набиравшим силу в перспективе XVI—XVII вв., а западный вектор внешней политики не был случайным. Осознание себя частью общеевропейского/христианского мира носило в России того времени очень своеобразный характер, обусловленный сильнейшим влиянием Русской Православной Церкви. Латинский, а позже и протестантский Запад в глазах московских иерархов, как известно, являлся отклонением от истинной веры, что имело и политическую проекцию: культивирование гипертрофированных представлений об уникальной миссии православного царя, гаранта торжества единственно подлинной христианской Церкви. Но при всём этом московские монархи всё-таки искали своё символическое и реальное место не среди восточных, азиатских правителей, а, повторюсь, среди европейских соседей.

Это стремление к поиску своего места в общехристианской/европейской системе, набиравшее со временем всё более отчётливый характер, как известно, не находило встречного движения. Нежелание видеть в России «своего», негативный образ страны и народа, сформировавшийся в восприятии Запада, — вещи, хорошо известные, чтобы писать о них пространно¹⁹. Хотелось бы обратить внимание лишь на два обстоятельства, которые, как представляется, лежали в основе этих «неузнаваемости» и неприятия. Во-первых, попытки Рос-

¹⁴ ПСЗ-И. Т. 6. № 3840.

¹⁵ *Liechtenhan F.-D.* Pierre le Grand: Le premier empereur de toutes les Russies. P., 2015. P. 493.

¹⁶ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 91—92; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 62—66, 73—75.

¹⁷ *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 235—247.

¹⁸ О дальнейшем сосуществовании в русском политическом лексиконе терминов «император» и «царь» см.: *Успенский Б.А.* Помазание на царство... С. 48—52.

¹⁹ См., например: *Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну...

сии войти в европейскую политику грозили разрушить сложившийся в Европе баланс сил. Пока речь шла о действиях московских монархов на периферии интересов ведущих участников: войнах с Великим княжеством Литовским за доминирование на территориях бывших русских средневековых княжеств, никаких угроз упомянутому балансу они не несли, и московские претензии мало кого беспокоили. Совершенно по-другому ситуация стала выглядеть, когда устремления Москвы вступили в противоречия с интересами Польской короны и тем более вышли на Балтику — один из узловых регионов Европы, в которых сложностей хватало и без нового игрока.

По понятным причинам наиболее болезненная реакция на западную активность Великого княжества Московского проявилась в Польше/Польско-Литовском государстве²⁰. И именно там стал формироваться антимосковский/антирусский дискурс, транслируемый в западно-христианское культурное и политическое пространство. Речь шла о создании неевропейского, варварского, агрессивного образа Московии, в том числе средствами, если можно так сказать, ментальной географии: восточному соседу отказывали даже в пространственно-территориальном размещении в Европе²¹. Иначе обстояло дело со странами, не имевшими общих границ с Россией и/или чьи интересы, до поры, не входили в конфликт с интересами московского двора. Там отторжение России оформилось не сразу и, судя по нарративу и некоторым дипломатическим документам эпохи, до поры до времени существовали намерения каким-то образом интегрировать эту, в сущности, плохо известную и мало понятную, но тем не менее христианскую державу в общеевропейский контекст. Основания для таких намерений были разными. Ватикан никогда не оставлял надежд на «возвращение» восточных христиан в лоно католической церкви; Габсбурги видели в московских государях (в определённый момент) противовес усилению влияния Ягеллонов в Центральной Европе, что находило отклик (но не нашло перспективы из-за колебаний конъюнктуры) в Кремле; Венгрия при Матвее Корвине и те же Габсбурги в конце XV в. и позднее уповали на военное могущество московитов (впрочем, сильно преувеличенное) в противодействии турецкой угрозе²²; наконец, возможно учитывать и некоторое влияние исторической памяти о династическом родстве, как в случае с французским королевским домом Валуа²³, смягчавшей отношение к московитам. Исходя из разных соображений, Москве готовы были «простить» её инаковость, «неправильную» веру и прочие странности. Во всяком случае, до обострения обстановки вокруг Ливонии, мы можем обнаружить западные источники, в которых отзывы о России и русских вполне нейтральные и даже доброжелательные²⁴. Но когда,

²⁰ Среди первых авторов такого рода в начале XVI в. были Ян из Глогова и Бернар Ваповский (*Klug E. Das «asiatische» Russland. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils // Historische Zeitschrift. 1987. № 245. S. 273—275*).

²¹ Это было, по образному определению А.И. Филюшкина, «вытеснение» или даже «изгнание» России за пределы Европы с помощью картографирования и ментальной географии (*Филюшкин А.И. Изобретая первую войну... С. 310*).

²² *Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.*

²³ *Дюро Э., Шварц И., Шишкин В. В поисках союзников: послание Генриха II Валуа Ивану IV Васильевичу // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7. № 3. С. 871—878.*

²⁴ *Контарини А. Рассказ о путешествии в Москву в 1476—1477 // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 17—29; Кампенский А. О Московии; Фабри И. Религия московитов,*

в конечном итоге, стали очевидными, с одной стороны, бесперспективность прозелитских устремлений Рима и попыток вовлечь Россию в антитурецкий союз, а с другой — особые, плохо вписывавшиеся в традиционные западные альянсы, российские интересы в Северной и Восточной Европе, за этой страной и её народом окончательно закрепились дурная репутация.

Во-вторых, упомянутому отторжению России способствовали и те глубокие изменения, которые стали происходить в самой «*res publica christiana*» на исходе Средневековья. Раскол конфессионального единства Запада, обусловленный Реформацией, с одной стороны, и выход на новый уровень урбанизации и связанные с этим достижения культуры и образования, подразумевающие широкий круг перемен (от мировоззренческих до бытовых), в духе ренессансного гуманизма, — с другой, стимулировали поиск новой модели европейской идентичности. В этой связи, по мере перехода в нововременное интеллектуальное и моральное пространство, принадлежность к христианству сама по себе уже не являлась достаточным идентификационным признаком. На первое место выходили другие маркеры, такие как просвещённость, утончённость нравов, стремление к новизне (по сути, то, что можно назвать осознанным стремлением к прогрессу)²⁵ и т.п. Разумеется, Россия, не знавшая ни Ренессанса, ни гуманистической революции, и нравы которой считались ущербными, не являлась в этом случае частью Европы.

Итак, неудачи с использованием России в качестве «младшего партнёра» в общехристианском противостоянии с османами или в качестве управляемого союзника тех или иных европейских стран в борьбе за гегемонию в Центральной и Восточной Европе, её неконтролируемая внешнеполитическая активность на западном направлении, а также усугубившийся и ставший слишком очевидным цивилизационный разрыв России и остальных европейских стран²⁶, стали основой для формирования устойчивого негативного образа Московии как варварской, тиранической, опасной и чуждой для европейских государств страны.

Сколько в основе подобных представлений лежало реальных фактов, а сколько домыслов и пропагандистски мотивированных оценок, является темой отдельного исследования. Антропологически ориентированные работы по истории стран Западной Европы раннего Нового времени показывают, насколько сами эти страны зачастую не соответствовали тому идеально-типо-

[обитающих] у Ледовитого моря; *Йовий П.* Книга о московитском посольстве // Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. М., 1997. С. 76—117, 144—202, 228—289.

²⁵ В одной из новейших монографий, посвящённой, правда, более позднему периоду, Т. Сарман отмечает как важное качество европейской культуры, обеспечившей ей, в конечном итоге, мировое влияние, «любопытность» — интерес к внешнему миру, которого были лишены неевропейские культуры (*Sarmant T.* 1715: *La France et le monde*. Paris, 2017. P. 471). В сущности, это и есть стремление к постижению нового ради прогресса, а не просто праздное любопытство.

²⁶ В данном случае я использую понятие «цивилизационный» в духе культурно-цивилизационного подхода П. Штомпки, понимавшего под «культурой» набор базовых социально упорядоченных систем значений, символов, ритуалов, кодов, существующих на уровне социального подсознания, а под «цивилизацией» — разделяемый обществом универсум объектов, технологий, знаний, верований, ценностей, норм, институтов, которые сознательно учитываются акторами и принимаются как инструменты в достижении целей (*Sztompka P.* *Cultural and Civilization Change: The Core of Post-communist Transition // Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe* / Ed. B. Grancelli. Berlin; N.Y., 1995. P. 235—247). В этом смысле Россия, принадлежа к культурному пространству Европы, в указанный период цивилизационно из него выпадала.

логическому «европейскому образцу», формировавшемуся как в сочинениях просвещённых авторов эпохи, так и в позднейшей «эволюционистской» историографии; насколько общими оставались и для Запада, и для Востока Европы проблемы в сфере общественных отношений и управления; насколько не исключительным выглядело в этом смысле и Русское государство²⁷. Тем не менее если предельно упростить, то Россия оставалась *периферийной европейской средневековой страной*, в то время как остальные европейские государства, включая даже не самые лидирующие, вроде Польско-Литовского, превращались в *державы современного типа*. Несомненно, что такая ситуация являлась для Русского государства геостратегическим вызовом. Для сохранения суверенитета, достижения собственных целей на международной арене, возможности выдержать конкурентную борьбу, подкрепить свои претензии на признание и, в конечном итоге, на лидирующее положение московские монархи и правящая, в первую очередь светская, элита были вынуждены предпринимать меры, направленные на преодоление указанного разрыва. На пути этого преодоления лежали как технологические, так и идеологические препятствия; их было невозможно обойти без существенных социальных и культурных новаций. Если перевести всё это в семиотическую плоскость, то России следовало научиться «говорить» на языке современных стран Европы, походить на них по основному ряду маркирующих признаков, принять их правила игры и научиться играть и выигрывать в рамках этих правил.

XVII столетие стало во многом поворотным в отношениях между Россией и остальной Европой. Катастрофа Смуты, чуть не обернувшаяся для страны утратой государственности, двояким образом отразилась на дальнейшем курсе развития страны. Стимулировав общественную активность, гражданская война и интервенция начала XVII в. одновременно привели к кризису представлений о Московском государстве как священном царстве, что способствовало распространению среди части общества пессимизма и эсхатологических настроений. Уроки Смутного времени, как кажется, обозначили альтернативу: «возрождение благочестивого Российского царства», то, что, пользуясь словами А.М. Панченко, можно было бы назвать программой «оцерковления жизни и оцерковления человека»²⁸, или более или менее осознанное и целенаправленное движение в сторону общеевропейской интеграции, которое вполне может быть описано понятием «модернизации» в форме вестернизации.

У первого варианта был шанс на реализацию, ведь на рубеже 1640—1650-х гг. «кружок ревнителей древнего благочестия» имел серьёзное влияние при дворе. Тем не менее это был тупиковый путь и мнимая альтернатива, обрекавшие страну на автаркию, чреватую новыми потрясениями и утратами. Если

²⁷ *Harsfield J.* Freedom, Corruption and Government in Elizabethan England. L., 1973; *Kettering S.* Patrons, Brokers and Clients in Seventeenth Century France. N.Y.; Oxford, 1986; *Peck L.* Court, Patronage and Corruption in Early Stuart England. Boston, 1990; *Henshall N.* The Myth of Absolutism: Change and Continuity in Early Modern European Monarchy. L.; N.Y., 1992; *Major J.* From Renaissance Monarchy to Absolute Monarchy: French Kings, Nobles and Estates. Baltimore; L., 1994; *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: the Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth century. Stanford, 1996; *Patterson C.* Urban Patronage in Early Modern England: Corporate Boroughs, the Landed Elite and the Crown, 1580—1640. Stanford, 1999; *Коллманн Н.Ш.* Соединённые чество: государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001; *Davies B.L.* State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635—1649. Basingstoke, Hants; N.Y., 2004.

²⁸ *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ // *Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 141—147.

бы он и мог реализоваться, то только в том фантастическом случае, если западные рубежи России проходили бы не по верховьям Волхова, Мсты и Угры, а много восточнее, к востоку от Волги, а ещё лучше — от Уральских гор. Тогда, гипотетически, Россия могла бы закрыться от Западного мира, подобно Цинскому Китаю, и до поры до времени строить внутри себя хоть «дольный Иерусалим», хоть царство пресвитера Иоанна. Но география оставалась такой, какой она была, и уже хотя бы в силу этого Россия всё более втягивалась в модерно-европейскую сферу влияния, где не было места слабым. Автаркия в этих условиях оказывалась условием и синонимом слабости: страна неизбежно оказалась бы жертвой соседей, например Речи Посполитой, без всякого шанса на равноправное существование внутри унии²⁹. По счастью, в верхах русского общества прагматические соображения взяли верх, и при всём несомненном благочестии царя Алексея Михайловича проект «ревнителей» (ни в форме идей Вонифатьева, ни тем более в форме теократических поползновений патриарха Никона) в конечном итоге не реализовался. В сложном переплетении объективных причин, личных пристрастий, амбиций и противоборства придворных группировок вектор дальнейшего развития стал определяться «умеренными западниками» — весьма разнородным кругом светских и духовных лиц, так или иначе близких двору, большинство из которых мы знаем по именам, но до сих пор плохо понимаем как гетерогенную систему.

Менялась и ситуация в Европе. Если вновь прибегнуть к неизбежному упрощению, её сложная «пересборка» закончилась Тридцатилетней войной — кровавым и оглушительным финальным аккордом Реформации. Имевшая все-европейский характер, эта война настолько поляризовала расстановку сил и настолько перенапрягла ресурсные возможности воюющих стран, что вынудила их искать дополнительные возможности за пределами традиционных альянсов. На рубеже 1620—1630-х гг. у Франции, ведущей державы антигабсбургской коалиции, возникла потребность в привлечении России в качестве прямой или косвенной силы, направленной против Империи и её союзников, в частности против Речи Посполитой³⁰. Пожалуй, впервые в истории раннего Нового времени этот посыл одной из ведущих европейских монархий нашёл отклик в Кремле, поскольку совпал со стремлением Москвы взять реванш в отношениях с западным соседом. Это обстоятельство вместе с появлением, пусть и на скромных ролях, в тексте Оснабрюкского договора имени великого князя Московского как одного из гарантов Вестфальского мира весьма примечательны в русле наших рассуждений. Россия постепенно стала вписываться в систему общеевропейской политики. Этому способствовало и дальнейшее развитие событий, когда с 1660-х гг., получив под свой контроль украинское Левобережье и область Войска Запорожского, Москва непосредственно столкнулась с Османской империей. Вовлечение России в европейские антиосманские союзы, безрезультатные в конце XV и в XVI в., стало реальностью ввиду общности интересов государств Юго-Восточной Европы, вынужденных противостоять

²⁹ Каким виделось место России в составе Речи Посполитой, прекрасно показывают проекты, имевшие распространение в Польше в канун и во время Смуты (*Флоря Б.Н.* Польшско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 56—57, 79—81).

³⁰ *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в неё Московского государства и Швеции. М., 1976.

экспансии Порты. Россия и Речь Посполитая как союзники по Священной лиге — кто мог это представить хотя бы полувеком ранее!

XVII в. заметно сблизил — не по духу, но по факту — Россию и Запад. И хотя оценки итогов русского XVII в. в специальной литературе весьма различны, успехи вестернизации (в строительстве вооружённых сил, в эволюции элитарной культуры (то, что ещё А.С. Лаппо-Данилевский связывал с влиянием латино-польской и малорусской схоластики), в экономической политике) не отрицаются никем. Гораздо сложнее обстоит дело с определением ситуации, сложившейся в России к исходу этого столетия, в контексте ближайшей исторической перспективы: эпохи петровских реформ. Широкий спектр научных оценок на этот счёт относительно недавно обстоятельно проанализировала О.Е. Кошелева³¹. Как соотносились перемены второй половины — конца XVII в. с петровскими преобразованиями? Являлись ли последние продолжением первых, и если да, то чем принципиально отличались? Или петровские действия прервали/сломали ход естественного развития страны, разрушили то сбалансированное и самодостаточное состояние Российского государства в угоду личным амбициям и превратному пониманию Петром неких подлинных национальных интересов? Так ли уж необходимы были реформы первой четверти XVIII в.? И если они были необходимы, то не слишком ли высокую цену заплатил народ за их реализацию? А может быть, без реформ такого рода страна бы просто не выжила, оказавшись в конце XVII столетия в ситуации системного кризиса? На все эти вопросы историки по сей день отвечают по-разному, и их ответы зависят ещё и от того, каким периодом — «предпетровским» или «петровским» — они занимаются в силу своих узкопрофессиональных интересов: их взаимное непонимание, отмеченное Е.В. Анисимовым³², похоже, не исчезло и сегодня. Совершить историографическую революцию в трактовке комплекса этих вопросов было бы самонадеянно, но кое-какими соображениями, которые, быть может, окажутся небесполезными, поделиться рискну.

Прежде всего, я считаю необходимым предельно «обнулить» аксиологическую составляющую анализа ситуации. Полностью отказаться от оценочности суждений едва ли возможно, но, думается, они не должны являться основным инструментом научного поиска. Воспринимая Петра и его деятельность через эмоционально окрашенный личностный подход, мы попадаем в безвыходную ловушку бинарности. В результате, какие бы новые обстоятельства истории петровских реформ ни открывали нам источники, для одних Пётр всегда будет оставаться «культурным героем», для других — средневековым деспотом; для одних — лжереформатором и разрушителем самобытности, для других — основателем всего, что составило славу России в последующие столетия. Вырваться из этой ловушки можно разными путями, и один из них, как представляется, продуктивный — это глубокое исследование конкретных действий монарха в реализации тех или иных планов и замыслов.

Такой подход позволит увидеть по меньшей мере две вещи. Во-первых, насколько планы и декларации царя соответствовали или не соответствовали осуществлявшимся практическим мерам. Такой подход, успешно применённый на рубеже XIX—XX вв. М.М. Богословским и П.Н. Милюковым при

³¹ Кошелева О. Современная отечественная историография России предпетровского времени: новые аспекты // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 1. С. 269—289.

³² Анисимов Е.В. Почему Пётр? Была ли альтернатива для России? // *Родина*. 2007. № 11. С. 2.

изучении административной и налогово-финансовой политики Петра и потом благополучно забытый на десятилетия, показал, между прочим, многие признаки континуальности (вопреки декларациям) в действии допетровских и петровских институтов и одновременно выявил промахи петровского администрирования и вскрыл их причины. Во-вторых, наверное, следует иначе понимать саму технологию власти раннего Нового времени, обстоятельства и методы принятия и реализации решений. При всём колоссальном объёме личной власти Пётр осуществлял управление не в одиночку, и его идеи вызревали и оформлялись в том числе под влиянием массы внешних обстоятельств, зачастую — случайных. Его напряжённая интеллектуальная работа протекала во взаимодействии с идеями, предложениями и советами довольно широкого круга лиц самых разных статусов. Никогда раньше, а может быть и позже, мы не найдём примеров такого тесного и неформального общения русского государя с подданными. Уникальная система коммуникаций, сложившаяся вокруг Петра, в которой большую роль играли в том числе разнообразные застолья вне официального церемониала, ещё ждёт своих исследователей. Едва ли кто-то возьмётся отрицать, что царь был инициатором многих идей, но они возникали и трансформировались под воздействием и влиянием многих привходящих, носителями которых являлись разные люди, умевшие, возможно, «предугадывать» направление мыслей Петра, но и преследовавшие свои цели. Всё это и создавало тот результат, который по инерции мы склонны приписывать исключительно монаршей воле. Следуя такому взгляду на петровские реформы, И.И. Федюкин, например, предлагает изучать историю возникновения новых институций петровского царствования не как результат «некой безличной волны “европеизации”», а как продукт индивидуального и множественного административного предпринимательства, прожектёрства. Применив этот подход к осмыслению феномена школьных реформ, историк, на мой взгляд, доказал его продуктивность и перспективность для исследования петровского реформирования вообще³³.

Серьёзной историографической проблемой при осмыслении характера петровских реформ остаётся вопрос о их соотнесённости с преобразованиями, осуществлёнными его ближайшими предшественниками, царями Алексеем Михайловичем и Фёдором Алексеевичем, и их окружением. Сейчас мало кто возьмётся отрицать взаимосвязь между событиями второй половины XVII и первой четверти XVIII в., но степень этой взаимосвязи оценивается по-разному. Одна из таких распространённых оценок сводится к тому, что реформы петровских предшественников могли привести Россию к тому же результату: превратить её в модерное европейское государство, но ценой несравнимо меньших издержек и жертв. Подобный подход выглядит привлекательным в том числе и потому, что ставит вопрос об альтернативности исторического процесса, отрицая жёстко детерминированные объяснительные модели. В самом деле, весь процесс исторического развития — это череда альтернатив. Жёсткой предопределённости не существует, если не занимать позиции принципиального провиденциалиста; и перед каждым индивидом, и перед общественными группами разных масштабов, и перед государствами всегда встаёт возможность выбора при принятии тех или иных решений. Но что нам даёт само по себе это пони-

³³ Федюкин И.И. Прожектёры: политика школьных реформ в России в первой половине XVIII в. М., 2020.

мание при анализе конкретной исторической ситуации кроме фиксации факта «исторической развилки»? Как сложились бы обстоятельства, проживи Фёдор Алексеевич дольше? Были бы его реформы продолжены в том умеренном ключе, в каком они начались? Или под влиянием каких-то факторов их темп мог ускориться или, наоборот, замедлиться? Допуская изменение одного обстоятельства, мы запускаем неподдающуюся учёту цепь других допущений, что неизбежно приводит к превращению исторической альтернативистики (если таковая вообще существует) в альтернативную историю как жанр фантастики. А.Б. Каменский в своё время попытался создать модель развития России без петровских реформ на основе параллелей с историческим развитием (осуществившимся, а не «альтернативным») современной и соседней с ней Турции. Модель оказалась для России неутешительная³⁴.

Определённой развилкой в истории страны в начале XVIII в., а значит, и в характере динамики реформ, выглядит вступление России в Северную войну. Её влияние на дальнейший ход преобразований несомненно. Бросив вызов одной из сильнейших держав своего времени, русский царь настолько осложнил положение России, что прежний, «мягкий и щадящий» вариант «европеизации» (пользуясь словами Д.М. Володихина³⁵) оказался просто невозможен. Выйти победителем из этой войны без реализации масштабного, на грани возможного, мобилизационного проекта, потребовавшего не просто колоссального напряжения сил, но и поиска новых методов организации управления и экономики, было нельзя. Но так ли нужна была эта война? Геополитическая ситуация рубежа XVII—XVIII вв., на мой взгляд, такого поворота не требовала. Швеция не представляла угрозы существованию России, в то время как южное, антиосманское направление внешней политики страны выглядело гораздо более мотивированным, а успехи, достигнутые в результате так называемых Азовских походов и закреплённые Первым Константинопольским договором 1700 г., можно было развивать. Я очень скептически отношусь к идее об исходном, непреодолимом стремлении Петра к овладению Балтикой. Да, действительно, интерес к расширению влияния в регионе у русской политической элиты существовал достаточно давно (оставляю за скобками мотивы этого интереса), актуализируясь время от времени как одно из направлений внешней политики. Но в ситуации 1690-х гг. оно не выглядело фатально неизбежным, и участие России в первом Северном союзе похоже скорее на случайность, обусловленную стечением обстоятельств³⁶. Не поддайся царь соблазну быстрой победы над

³⁴ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 148—154.

³⁵ Володихин Д.М. Царь Фёдор Алексеевич, или Бедный отрок. М., 2013. С. 10.

³⁶ И это не единственная случайность, которая приводила Петра к действиям, которые изначально им не планировались. Ещё одним примером цепи ситуативных решений, закончившейся визитом в Париж в 1717 г., является, на мой взгляд, так называемое Второе европейское путешествие Петра I. Едва ли, отправляясь «по семейным делам в Данциг» (*Вагеманс Э.* Пётр Великий в Бельгии. СПб., 2007. С. 18) в начале 1716 г., и даже позже, когда в июле того же года он появился в Копенгагене для подготовки союзного десанта в Сконе, царь предполагал, что в мае следующего года будет общаться с герцогом Орлеанским и осматривать фабрику гобеленов в Париже. Во всяком случае, для его ближайших соратников и спутников, вроде П.П. Шафирова или П.А. Толстого, едва ли не каждый день, проведённый с царём, представлял загадку относительно дальнейшего маршрута. Об этом свидетельствуют их письма кн. А.Д. Меншикову, часть из которых нами опубликована (*Редин Д.А., Серов Д.О.* Второе путешествие Петра Первого в Европу в письмах

шведами и останься он в рамках традиционной внешнеполитической повестки, и, возможно, его реформы не стали бы столь радикальны.

Но случилось то, что случилось. Пётр действовал в конкретных обстоятельствах места и времени и действовал так, как мог действовать только он, в том числе и из-за особенностей своего характера³⁷. Основные направления его реформаторской деятельности продолжали и развивали тренды, вполне проявившие себя и ранее, — всё это слишком хорошо известно, чтобы повторять подробно. Это, между прочим, снимает вопрос о том, нужны ли были реформы вообще — они уже шли. Но темп, широта и глубина этих реформ стали иными, чем на предыдущем этапе, благодаря Северной войне, которая выступила в роли мощного катализатора преобразований. Все петровские реформы — такие, какими мы их знаем, оказались, таким образом, либо непосредственно, либо косвенно обусловлены войной. Оценку их результативности едва ли правильно давать исключительно в хронологии петровского царствования. Их значение раскрывается в более длительной исторической перспективе, как минимум, в перспективе всего XVIII столетия (на что едва ли не первым справедливо обратил внимание А.Б. Каменский³⁸), а может быть, и в более длительном диапазоне. Но в контексте настоящей статьи важнее другое. Как к ним ни относиться, общим итогом реформ первой четверти XVIII в. стало превращение России *в европейскую державу современного типа*; они устранили наиболее вопиющие признаки несходства между Россией и остальными государствами Европы. Россия стала «узнаваемой» в системе современных координат, по крайней мере по четырём направлениям.

Просвещение. Одним из основных рефренов сочинений иностранцев о допетровской России был тезис о её *непросвещённости*. Как свидетельствуют тексты, непросвещённость понималась двояко: как в конкретном смысле — полном отсутствии каких-либо образовательных институций, хотя бы отдалённо напоминавших коллегииумы и университеты остальных стран Европы, так и в концептуальном — полном невежестве русского населения, включая светские и духовные элиты (за единичными исключениями), отсутствии всякого стремления к обучению и наукам и, как следствие, варварском характере народа со всеми вытекающими отсюда характеристиками: грубостью нравов, жестокостью властей, раболепием подданных, хитростью, лживостью, враждебностью к новизне. Первое являлось фактом, второе — обусловленным разными мотивами негативным стереотипом. «Просвещённость» самих европейских народов имела ограниченный характер и варьировала в зависимости от социального статуса, места проживания, региональной ситуации; во всяком случае, уровень просвещённости, скажем, кастильского или фламандского крестьянства едва ли был принципиально выше, чем у их собратьев в замосковных уездах, равно сомнительно и то, что парижские или венские обыватели сплошь засыпали с

барона П.П. Шафирова князю А.Д. Меншикову (1716—1717) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 2. С. 471—502).

³⁷ Пожалуй, в данном случае я готов согласиться с О.Н. Мухиным, заметившим, что, исходя из анализа некоторых сторон личности Петра, «он сам не был способен на другой темп преобразований, что было следствием как его психологических особенностей, так и... окружавшей его социально-политической и культурной действительности» (*Мухин О.Н. Пётр I: личность и эпоха в поисках идентичности // Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы*. Томск, 2002. С. 114—115).

³⁸ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I...

томиком Аристотеля под подушкой. Тем не менее наличие сети образовательных учреждений и их способность к эволюции являлись не только важным конкурентным преимуществом и инструментом социокультурного развития в целом, но и ярким маркером «европейскости». С скромными результатами школьного строительства в России XVII в. и весьма пассивная роль светских и церковных властей в этом процессе³⁹ резко контрастируют с возникновением и развитием учебных заведений в петровскую эпоху. И дело не только в том, что таковых стало несопоставимо больше, а линейка преподаваемых в них дисциплин оказалась несравнимо шире, а в том, что, распространяясь даже за пределы столиц⁴⁰, они организовывались совершенно на иных основаниях по сравнению с предыдущим периодом. Петровское просвещение решительно повернуло от латино-польской схоластики как модели организации образования⁴¹ к более актуальной, западноевропейской нововременной системе, ориентированной как на развитие естественно-научного и прикладного знания, так и на поощрение академических штудий. «Возникновение и развитие новых форм образования... составляло один из важнейших этапов российской модернизации в XVIII веке», а «новые культурные навыки, поведенческие нормы и модели социальных отношений» распространялись «во многом именно через образовательные каналы»⁴². Заданное Петром направление создало основы формирования в России научного знания как такового, что проявилось и в деятельности Академии наук, и в работе первых научных экспедиций⁴³, и в первых опытах организации музейного дела.

Требуется ли доказательств то, что всё это стало фундаментом дальнейших успехов русской науки и культуры, вплоть до их мирового взлёта XIX — начала XX в.? Но просвещение как образовательная практика формировала в России Просвещение как образ жизни. Изменившийся круг чтения образованных людей, позволивший посредством современной им западной светской литературы «усвоить весь набор основных элементов европейских наук и искусств»⁴⁴,

³⁹ Федюкин И.И. Проектирование: политика школьных реформ... С. 65—76.

⁴⁰ Сафронова А.М. Первые школы Екатеринбурга (1724—1734): К 275-летию основания. Екатеринбург, 2000.

⁴¹ Это вовсе не означает, что латинско-польская и малороссийская схоластика полностью утратила в петровскую эпоху свою актуальность. Её востребованность, в том числе и после смерти Петра I, реализовывалась в церковной проповеди как политическом жанре (*Erren L. Feofan Prokopovich's Pravda voli monarshei as Fundamental Law of the Russian Empire* // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. № 2. Р. 333—360; *Бугров К.Д., Киселёв М.А.* Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург, 2016. С. 57—120; *Бугров К.Д.* «Политическое богословие» елизаветинской эры: легитимация власти Елизаветы Петровны в придворной проповеди 1740-х — 1750-х гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 131—138), так и в организации учебного процесса в системе церковного образования (*Кислова Е.И.* Латынь и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в. // *Studia Slavica*. 2015. Vol. 60(2). С. 315—330; *Кислова Е.И.* Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 2015. № 3. С. 155—170).

⁴² «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 8.

⁴³ *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970; *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования. М., 1971; *Петров А., Ермолаев А., Коскина М.* Пётр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711—1722 // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9. № 1. С. 265—280.

⁴⁴ *Бугров К.Д., Киселёв М.А.* Естественное право и добродетель... С. 122.

включавших античное наследие (как переосмысленное ренессансными авторами, так и непосредственное, через позднейшие переводы), привёл к тому, что для России XVIII в. стал одновременно и веком Ренессанса, и веком Просвещения. Понимание важности периодической печати (учреждение «Санкт-Петербургских ведомостей»), «дидактической» необходимости прямого обращения к народу (хотя бы через преамбулы указов и регламентов и политические церковные проповеди) формировали публичное коммуникационное пространство внутри страны. Такого рода перемены имели и краткосрочный эффект. Они оказались настолько заметны современникам⁴⁵, что немедленно породили миф о чудесном превращении варварской Московии в цивилизованную страну — конечно, благодаря гению её царя. Этот миф стал одним из важнейших факторов формирования доброжелательного стереотипа о России и одним из каналов прямого и широкого диалога с учёными и политиками стран Запада.

Секуляризация. Нельзя не согласиться с П. Вертом, заметившим, что модерность в известной степени связана с принципами секуляризма⁴⁶. Я бы усилил это наблюдение: не в известной, а в значительной. Политическое влияние церковных властей создавало почти непреодолимую преграду для культурного и политического общения России и остального европейского мира. Это стало особенно очевидным во второй половине XVII в., в контексте борьбы «восточников» и «западников», в условиях осознания светской властью потребностей технологического и кадрового импорта. Решительно лишив Церковь политического влияния и интегрировав её потенциал в русло светской государственной политики, Пётр, по сути, достиг (и с наименьшими издержками) того, что страны остальной Европы смогли достичь в результате длительного процесса Реформации и религиозных войн. Решив неразрешимую задачу заключения династических союзов с правящими католическими и протестантскими домами (причём на условиях принятия православия инославными супругами русских наследников и сохранения православия русскими принцессами, выдаваемыми замуж за границу), царь получил дополнительный ресурс укрепления международных позиций страны. Широко гарантированная европейским выходцам свобода исповедания, впервые законодательно провозглашённая указом 1702 г.⁴⁷ и зримо подкреплённая сохранением конфессиональных и политических прав немецкому населению отвоёванной у Швеции Остзее, не только позволила приобрести значительный контингент квалифицированных военных и технических специалистов, учёных, архитекторов, художников и администраторов, но и стала лучшим опровержением распространяемых мифов о варварской и чуждой «цивилизованному» миру России. Избавление от представлений о том, что всякое «латинское учение» ведёт православного к ереси и гибели

⁴⁵ В том числе благодаря активной работе русских литературных агентов в западном медийном пространстве. См., например: *Blome A.* Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert: Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I // *Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte* (Bd. 57). Wiesbaden, 2000; *Europäische Wahrnehmungen 1650—1850. Interkulturelle Kommunikation und Medienereignisse* / Hg. J. Eibach, H. Carl. Hannover, 2008; *Bowers K., Franklin S.* Information and Empire: Mechanisms of Communication in Russia, 1600—1850. Cambridge, 2017; *Kemper D.* The Beginnings of Foreign Cultural Politics in Russia. H. 2. Heinrich von Huyssen as a Manager of Foreign Cultural Policy in the Great Nordic War // *Новый филологический вестник*. 2019. № 1(48). С. 70—81.

⁴⁶ *Werth P.* Religions Freedom as a Marker of Modernity: The Imperial Bequest // *State, Religion and Church*. 2015. № 1. Vol. 2. P. 8.

⁴⁷ ПСЗ-I. Т. 4. № 1910.

стимулировало встречный поток: невиданную ранее по масштабам практику обучения русских за границей, имевшую продолжение и укрепление в длительной исторической перспективе. Независимо от наших сегодняшних оценок, секуляризация и вызванные ею последствия также являлись действенным инструментом превращения России в государство современного типа и маркером русской причастности к современной Европе.

Вооружённые силы. Реорганизация вооружённых сил стала одним из самых зримых и бесспорных достижений Петра. Строго говоря, именно военной реформе были подчинены вся государственная машина и экономический потенциал страны. Речь шла не только о качественном преобразовании сухопутной армии, но и о создании новых родов войск (инженерные войска) и видов вооружённых сил (военно-морского флота) — задачи невероятной сложности. Петровские войска стали школой администрирования, отработки техники нормативно-законодательного творчества и административного делопроизводства, *действующей моделью идеальной общественной организации*, устроенной в соответствии с идеями «регулярства» и служения «общественному благу»⁴⁸. Управленческие новации, опробованные в войсках, применялись в сфере гражданского регулирования. Это касалось и первых опытов по организации специализированного управления в фискально-финансовой сфере (институт комиссаров и провиантмейстеров — особых чиновников по денежным и продовольственным сборам и снабжению, учреждённый в армии и активно использовавшийся в гражданских учреждениях), и распространения норм Устава воинского в сферу общего судопроизводства⁴⁹, и широкого привлечения действующих и отставных офицеров как наиболее подготовленных, приученных к «регулярству» управленцев на руководящих должностях госаппарата и судебнo-следственных органов. Разумеется, что боеспособность петровских армии и флота являлись веским аргументом в продвижении интересов России на дипломатическом поприще и в создании международных коалиций. Военные успехи послепоплавского периода Северной войны формировали в западной стратегии Петра план использования ресурсов европейских государств второго плана — сближение с ними, выстраивание сепаратных союзов регионального масштаба. Большие возможности царь видел в северогерманских княжествах и городах. В свою очередь, некоторые из них (Мекленбург-Шверин, Шлезвиг-Гольштейн) были готовы признать в России гаранта своей территориальной целостности от посягательств датчан, шведов или пруссаков. Таким образом Россия всё больше вписывалась в общий контекст европейских альянсов, в том числе и таких, которые церемониально и юридически закрепляли значимое место страны в иерархии европейских держав на основе Утрехтского договора⁵⁰.

Управление. Реформы государственного управления, произошедшие при Петре I, считаются едва ли не самыми знаковыми и наиболее решительно порывающими с прежним «московским» администрированием. Тем не менее ещё

⁴⁸ На то, что армия служила для Петра моделью построения гражданской системы управления, указывали Е.В. Анисимов и Л. Хьюз (*Анисимов Е.В. Пётр Великий. Личность и реформы.* СПб., 2009. С. 133; *Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great.* New Haven; L., 1998. P. 77—78).

⁴⁹ Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобития и иностранные источники / Сост. Н.А. Воскресенский. Т. I. Акты о высших государственных установлениях. М.; Л., 1945. № 38.

⁵⁰ *Nathan I. Le traité d'Amsterdam (1717), d'après les Archives diplomatiques françaises // Quaestio Rossica.* 2018. Т. 6. № 3. С. 675—684.

дореволюционные российские историки и историки права отмечали очень тесную связь петровского административно-территориального деления и управления с дореформенными аналогами. Не имея возможности изложить, даже вкратце, весь спектр историографических оценок на этот счёт, отмечу, что такая связь несомненно была, а её влияние на характер управления ощущалось вплоть до начала «больших» реформ 1719—1724 гг. Старт преобразований в административной сфере хронологически очень размыт. Если в высшем звене управления какие-то изменения можно связывать с началом деятельности «Консилии министров» в Ближней канцелярии⁵¹, то на местном уровне заметным, хотя и локальным, событием стало создание Ингерманландской губ. в 1702 г.

Никаких целостных взглядов на реорганизацию системы управления у Петра не было. Всецело поглощённый неудачно начатой войной, он требовал от государственного аппарата только одного: интенсивного поиска материальных ресурсов и их эффективного распределения на военные нужды. В этом отношении и «Консилия министров», и аппарат Ингерманландской губ., выведенный из ведения приказов в самостоятельную структуру, подчинённую через губернатора А.Д. Меншикова непосредственно царю, занимались по преимуществу финансовыми и военными делами, причём основной задачей этой единственной на тот момент губернии стало прямое обеспечение войск, действовавших на её территории⁵². В дальнейшем, вероятно, царь счёл такой опыт заслуживающим внимания, вознамерившись распространить его на всю страну.

Смысл первых губерний, созданных по аналогии с Ингерманландской, сводился исключительно к содержанию «приписанных» к ним полков полевой армии. Традиционно начало первой губернской реформы связывают с указом 1708 г. о «расписании городов по губерниям». В действительности губернский аппарат начал более или менее функционировать с 1711 г., когда произошли изменения и в высшем управлении, — был создан Правительствующий Сенат. Последний через институт губернских комиссаров и через ряд созданных подчинённых учреждений (прежде всего Кригс-комиссариат) также должен был заниматься вопросами сбора средств и снабжением войск⁵³. В целом, в течение 1700—1710-х гг. система управления мало отличалась от прежней, приказно-воеводской. Это проявлялось не только в том, что продолжали существовать старые приказы, но и в том, что создаваемые новые учреждения — разнообразные канцелярии, конторы, чрезвычайные хозяйственные, контрольно-надзорные и следственные органы — функционировали как личные поручения, нацеленные на решение ситуативных задач. Они, конечно, так или иначе, в режиме «ручного управления», решали текущие задачи, но как система работали плохо.

⁵¹ Указа о создании этого органа не существовало. Е.В. Анисимов относит начало «некой устойчивой правительственной структуры — Боярской комиссии» как постоянно действующего совета, к 1701—1704 гг., отмечая крайнюю скудость информации о её составе до 1707—1708 гг. (Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб., 1997. С. 22—28).

⁵² Анисимов Е.В. Государственные преобразования... С. 28; Редин Д.А. Ингерманландский эксперимент: к предыстории губернской реформы Петра Великого // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4(202). С. 139—160.

⁵³ Это ясно следует как из текста указа Сенату от 2 марта 1711 г., в котором из 10 пунктов, определяющих его задачи, 9 посвящены вопросам экономии средств, поиска источников казённых доходов и контролю за исполнением бюджетной дисциплины (ПСЗ-И. Т. 4. № 2330), так и из самой практики деятельности Сената вплоть до реформы 1718 г.

От прежних учреждений они отличались, пожалуй, только обилием заимствованной иностранной административной лексики, возросшим документооборотом и явно выраженной фискальной специализацией.

Есть все основания считать, что гражданское управление в замыслах и действиях Петра в эти годы имело вспомогательный характер по отношению к реформе вооружённых сил. Похоже, что царь и не ставил своей целью реформирование системы управления, тем более в соответствии с некими передовыми западными образцами, если понимать под реформой осознанное и более или менее ясно декларированное *стремление к прогрессивным новациям*⁵⁴. Лишь приблизительно с 1715 г. у Петра сформировался взгляд на государство *как правильно организованную систему* со специализированным и унифицированным управлением, рациональным ведением хозяйства и столь же рационально организованным обществом. Сам он объявил о намерении привести в доброе состояние «земское управление» лишь в декабре 1718 г.⁵⁵ С этого времени возможно говорить и о каких-то подлинных новациях в данной сфере, прежде всего в области концептуальной проработки взглядов на вопросы организации власти и общества, основанных на принципах европейского камерализма и обобщения практического опыта государственного строительства западноевропейских стран.

Разумеется, на практике далеко не все созданные в последние годы петровские институты соответствовали нормам, заложенным в их уставах и регламентах. Более или менее оправданной оказалась коллежская система, просуществовавшая до начала XIX в. Совершенно непригодным показал себя местный аппарат, редуцированный в первые годы после смерти императора его преемниками, посчитавшими за благо восстановить воеводское управление. Но административные реформы Петра, нацеленные на построение государства всеобщего блага, при всей их концептуальной иллюзорности, определили перспективу государственного строительства и интегрировали вокруг неё российские элиты на доброе столетие. Одновременно вестернизированный (структурно, концептуально и вербально) государственный аппарат также стал своеобразным маркером новой «европейскости» России.

Произошедшие за время правления Петра I перемены можно оценивать по-разному. Но их знаковый характер бесспорен. Участие в Северной войне стало стимулом для интенсификации тех устремлений «возвращения в Европу», которые были свойственны русской политической элите задолго до Петра. Победа в этой войне оказалась, таким образом, больше чем просто военная победа, и она стала возможной не только благодаря пушкам. Если политика — это искусство возможного, то Пётр показал, что владел этим искусством. Сам переход на общий с европейцами язык имел глубокое значение и далеко идущие последствия. Отныне имперский статус России и её монарха подтверждался не декларируемым превосходством православия над иными христианскими конфессиями и не её огромными пространствами, в рамках которых проживают многочисленные и разноплеменные народы, объединённые властью самодержца, а чем-то иным. Пытаясь определить содержание этой новой мотивации,

⁵⁴ Кром М.М., Пименова Л.А. Феномен реформ в Европе Раннего Нового времени (вместо предисловия) // Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.). СПб., 2013. С. 7—16.

⁵⁵ Законодательные акты Петра I... Т. I. № 40.

Р. Вульпиус справедливо обращает внимание на главный мотив, подвигнувший окружение Петра на «поднесение» ему титула императора и именования Великого и Отца Отечества, озвученный всё тем же канцлером Головкиным: царь своими «неусыпными трудами и руководством» ввёл своих подданных «во общество политических народов», вывел «из небытия в бытие»⁵⁶. Развивая свою аргументацию в духе «истории понятий», немецкая исследовательница убедительно показала, что в данном случае речь шла о вхождении России в круг «универсальной» (европейской) цивилизации, что потенциально открывало перспективу цивилизаторской миссии России по отношению к «диким», «нецивилизованным» народам, к формированию имперского сознания и имперского поведения на основе прогрессистско-рациональных представлений.

⁵⁶ Вульпиус Р. К семантике империи в России XVIII века: понятийное поле цивилизации // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М., 2012. С. 56. Выказанные в этой статье идеи развиты и усилены автором в монографии: *Vulpius R. Die Geburt des Russländischen Imperiums. Herrschaftskonzepte und -praktiken im 18. Jahrhundert. Beiträge zur Geschichte Osteuropas. Köln, 2020.*

Письмо российского генерала Л.Н. фон Алларта о битве под Полтавой

Павел Кротов, Искра Шварц

A letter from Russian General L.N. von Hallart about the battle of Poltava

Pavel Krotov (Saint Petersburg State University, Russia),

Iskra Schwarcz (University of Vienna, Austria)

DOI: 10.31857/S086956870016246-1

В 1706—1707 гг. ожесточённая борьба за испанское наследство ненадолго пересеклась с Великой Северной войной, и европейские политики и военные стратеги не исключали возможности объединения обоих конфликтов и превращения всего континента в театр боевых действий. В 1706 г. армия Карла XII вторглась в Саксонию, где 13(24) сентября вынудила курфюрста Фридриха Августа I подписать Альтраншtedтский мирный договор и отказаться от польской короны. Варшавская конфедерация посадила на трон шведского ставленника Станислава Лещинского. Наблюдая за ходом событий, Людовик XIV стремился привлечь Швецию на свою сторону и втянуть её в войну с императором Иосифом I, поддерживавшим саксонцев. Но шведский король отказался от переговоров с французским, заключил 1 сентября 1707 г. в том же Альтранштедте договор с австрийцами и направился в Россию. В европейских политических кругах внимательно следили за русским походом Карла XII в 1708—1709 гг., а газеты регулярно печатали вести с полей баталий.

Победа Петра I при Полтаве 27 июня (8 июля) 1709 г. изменила «равновесие сил» в Европе, и это сразу повлияло на стратегические планы многих стран. Главные ударные части шведов в результате битвы оказались разгромлены и пленены. Карл XII бросил на берегу Днепра остатки войск, стремительно отступавшие от Полтавы, и бежал в пределы Османской империи, передав командование пехотному генералу гр. А.Л. Лёвенгаупту, который после военного совета 30 июня капитулировал у развалин разорённой крепости Переволочны на левом берегу Днепра. Малочисленный отряд беглецов во главе с Карлом XII и бывшим гетманом И.С. Мазепой русские соединённые силы (конный корпус генерал-майора кн. Г.С. Волконского, донские и украинские казаки Лубенского, Переяславского, компанейских полков и калмыки) настигли уже в пределах Турции. 9(20) июля они атаковали небольшое земляное укрепление на левом берегу лимана Южного Буга и захватили в плен всех не успевших переправиться на другой берег¹. Личный гвардеец (драбант) короля К. де Турвиль вспоминал: «Государь вошёл в лодку нехотя и побледнел от горя, видя, как на его глазах уничтожают оставшуюся часть его войска»². Точнее, по словам другого драбанта — Х. Гассмана, попавшего тогда же в плен, там находился уже «жал-

© 2021 г. П.А. Кротов, И. Шварц

¹ Кротов П.А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. СПб., 2014. С. 428—430, 464—474.

² Кротов П.А. Воспоминания Константена де Турвиля о походе Карла XII в Россию // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 131.

кий остаток отличной армии, каковой она была при выходе из Саксонии»³. Так на берегу Чёрного моря «выдающийся стратег» Карл XII закончил свой поход на Москву, начатый с целью продиктовать русскому царю условия мира и заменить его на троне лояльным Стокгольму монархом — либо царевичем Алексеем Петровичем, либо Якубом Собеским — сыном польского короля Яна III⁴.

Письмо российского генерала Людвиг Николая фон Алларта (1659—1727), написанное на немецком языке «на поле битвы» 29 июня (10 июля), в русском переводе ранее не издавалось и только сравнительно недавно введено в научную литературу⁵. Между тем это ценное свидетельство очевидца, находившегося накануне и во время сражения в окружении Петра I. Оно требует внимательного изучения и сопоставления с другими источниками. Некоторые свидетельства генерала уникальны и обладают высокой степенью надёжности. Так, важно его указание на то, что русский земляной укрепленный лагерь имел прямоугольные очертания. Пытавшаяся овладеть им по замыслу короля шведская пехота под командованием гр. Лёвенгаупта подошла на расстояние до 15—20 шагов и некоторое время продвигалась на север вдоль его западного вала, за чем Алларт наблюдал лично. Видимо, граф не решался отказаться от исполнения авантюристического приказа своего монарха и надеялся на бегство противника, открывшего тем временем сильнейшую орудийную и ружейную пальбу. По словам российского генерала, во время главной фазы битвы первый залп передовая линия боевого построения его дивизии сделала всего с 15 шагов, что требовало огромного мужества и высокой выучки личного состава. После первого залпа (выполненного первой и второй шеренгами) последовал второй (третьей и четвёртой шеренгами), затем русская пехота бросилась врукопашную. Алларт утверждал, что в бою были захвачены шесть артиллерийских орудий. Это авторитетно противоречит мнению некоторых современных исследователей, согласно которому за линию поперечных редутов шведы не смогли доставить ни одной пушки. Имеют большое значение и данные о пересчёте тел павших шведов на месте главной фазы баталии за редутами (8 619 человек) и о том, что в Гвардейском шанце вблизи Полтавы пленённых из шести батальонов генерал-майора К.Г. Рууса насчитывалось до тысячи человек. Алларт оставил интересное свидетельство и о том, что после завершения боя царь вернул шпаги взятым в плен генерал-фельдмаршалу К.Г. Реншёльду, первому министру короля, руководившему его походной канцелярией гр. К. Пиперу и полковнику принцу Максимилиану Эммануэлю Вюртембергскому. Судя по сообщению Алларта, преследование шведов после сражения велось по правилам полководческого искусства: генерал-лейтенант Р.Х. Боур «успел занять позицию так», что думал воспрепятствовать отступлению четырёх полков и захватить армейский обоз у Новых Сенжар.

Известны три публикации письма Алларта. Одна из них находится в небольшой (15 страниц) подборке документов о Полтавской битве и условиях капитуляции у Переволочны, напечатанной в 1709 г. в дворцовой типографии

³ Гассман Х. Странствования. Париж, 1971. С. 34, 35.

⁴ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709—1714). М., 1990. С. 27; Кротов П.А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. С. 69—73.

⁵ Кротов П.А. Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб., 2009. С. 128—129, 146, 178, 329, 360; Кротов П.А. Битва под Полтавой. Начало Великой России. С. 339, 363, 390—391; Кротов П.А. Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М., 2018. С. 127, 223, 257—258, 287, 341, 396, 429—430, 464—465, 509, 517, 592.

Фридриха Августа I в Дрездене⁶. На титульной странице указаны не только год и место печати, но и возможность приобрести эту брошюру в издательстве И. Ридельна. Два экземпляра её исправленного издания хранятся в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге среди материалов библиотеки Петра Великого, который читал по-немецки и возможно был знаком с данной публикацией, и в собрании «Россика» Российской национальной библиотеки. Брошюра названа копией с напечатанной в Дрездене у придворного книгоиздателя Ридельна однако когда и где именно её изготовили, сказать трудно. Во всяком случае, в ней уже не говорилось о возможности приобретения в типографии⁷. При сравнении титульных листов нельзя не заметить различия: ошибочно указана дата (не «29. Junii st. v. Anno 1709», а «29. Jul. st. v. Anno 1709»), вместо «Groß-Czarisch» напечатано «Groß-Czaarisch». Кроме того, в тексте встречаются разночтения, возникшие, скорее всего, при редактировании.

Однако впервые письмо Алларта было, по всей вероятности, опубликовано в первой части журнала «Neu-eröffneter Welt- und Staats-Spiegel», выпускавшегося в 1709—1716 гг. в Гааге (всего за это время вышло 100 частей, соединённых в восемь томов)⁸. Его издателем являлся немецкий историк, дипломат и публицист И.Э. Цшаквитц (Johann Ehrenfried Zschackwitz, 1669—1744). Свою карьеру он начал секретарём саксонского наместника гр. А.Э. фон Фюрстенберга и тайного советника М.Т. Маршала фон Биберштейна, позднее участвовал в нескольких дипломатических миссиях Фридриха Августа I⁹. Был ли Цшаквитц лично знаком с Аллартом, неизвестно. Но любопытно, что редактор венской газеты «Wienerisches Diarium» также получил из Польши письма, отправленные Аллартом генерал-фельдмаршалу-лейтенанту Г. фон Гольцу перед Полтавской битвой, однако в газете о них только упоминалось, сами же тексты не печатались¹⁰.

По существу, публикация письма в «Neu-eröffneter Welt und Staats-Spiegel» текстуально совпадает с дрезденской брошюрой, отличаясь от неё лишь небольшими разночтениями. Однако особый интерес в ней представляет предисловие, в котором неизвестный автор (возможно, сам Цшаквитц) вписал сражение в исторический контекст отношений Российского государства с Западом, начиная со времён Ивана Грозного. Далее приводится перевод этой публикации с немецкого языка, подготовленный И. Шварц.

⁶ Vollständige Nachricht Von dem Siegreichen Treffen Ihr. Groß-Czarisch. Maj. Gegen die Königl. Swedis. Armee Zwischen Poltavva und Potruka, Den 29 Junii st. v. Anno 1709. Dreßden, gedruckt und zu finden bey Johann Riedeln, Hoff-Buchdrucker, 1709.

⁷ Vollständige Nachricht Von dem Siegreichen Treffen Ihr. Groß-Czaarisch. Majestät gegen die Königl. Swedis. Armee zwischen Poltavva und Potruka, Den 29 Jul. st. v. Anno 1709 / Copia nach dem Dreßnischen Exemplar, gedruckt bey Johann Riedeln, Hoff-Buchdrucker.

⁸ Neu-eröffneter Welt- und Staats-Spiegel Worinnen die in Europa wie auch denen andern Theilen der Welt vornehmlich aber in Teutschland vorfallende merckwürdigen Begebenheiten kürztlich vorgestellt auch alles mit behörigen Documenten an Memorialen, Briefen, Relationen und dergleichen erläutert, einige Anmerckungen beygefüget und verschiedenes aus der Geographie, Genealogie, Politica und Historie, erörtert wird. Erster Theil. Haag gedruckt in der Staats-Druckerey, 1709. S. 131—134. Два экземпляра журнала имеются в РНБ в собрании «Полиграфия».

⁹ Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 45. Leipzig, 1900. S. 444—445.

¹⁰ Wienerisches Diarium, Num. 620. Aus Pohlen von dem 4. Julii. «Daß von den dem Moscowittischen General Allart der Feld-Marschall Lieutenant von Goltzen Brieffe aus Moscau erhalten des Inhalts...».

Но такому большому успеху во многом поспособствовала великолепная победа, которую его царское величество одержал 27 июня (ст[арого] с[тиля]) против шведского короля при Полтаве. Здесь не хочется чтить память основателей Московского государства, а только сказать, что после того как с 1613 года род Фёдоровых¹¹, который со стороны матери происходит от великого Василида¹² (некоторые неумелые писатели истории называют его тираном, так как их перья не слишком ясно показывают разницу между *conqueranten*¹³ и тираном), владеет московским престолом, это государство начало приходить к большему умиротворению, чем было раньше. Прежде всего громко заявившим о себе в мире его сделал его великое царское величество Пётр Алексеевич, государь с премудрыми дарами разума. Ибо он не только путешествовал по наиболее значимым государствам Европы собственной высокой персоной, чего до этого ни один царь не делал, но также заложил основы для будущего развития и доведения до блеска своей нации, приглашая многих немцев и других умелых европейцев в свою страну, что он и продолжает делать. В частности, он привёл московское ополчение¹⁴ в состояние, подобного которому раньше никогда не было, что оно способно, как самые славные европейские нации, таким же образом вести войну. С тех пор, как установились очень близкая дружба и союз его царского величества с его величеством королём Польским, нарушения мира, совершённые шведской стороной, потребовали в 1701 г. вмешаться в Лифляндскую войну¹⁵, и она ведётся до сих пор с переменным успехом. Но поскольку король Швеции в своём походе из Саксонии на Москву в 1707 г. желал низвергнуть царя, то война окончательно перешла внутрь границ Украины и Московского государства, где шведская армия и застряла прошлой зимой и этим летом, потому что мощь царя не позволила ей проникнуть дальше. Но так как упомянутый уже несколько раз король Швеции вознамерился вторгнуться глубже в Московское государство, он увидел, что для этого понадобится крепость Полтава, место дотоле неизвестное, которое благодаря шведам теперь слишком знаменито. Оно лежит за Днепром у московской границы между Ворсклой и ещё одной рекой, включает город и замок, следовательно, довольно порядочно укреплено со всех сторон. Плохие последствия, которые его утрата могла повлечь за собой, царь посчитал нужным учесть, и в конце концов дело дошло до битвы, которая едва ли имеет равную в истории и которая для Швеции так чувствительна, поскольку она никогда не терпела такого поражения, в котором бы участвовала вся шведская армия вместе со своим королём. Лишь немногие спаслись, остальные, однако, либо погибли на поле битвы, либо попали в плен, либо были забиты до смерти варварскими жителями страны, либо же умерли от голода. Поскольку распространяется много недостоверных известий, хочется поделиться здесь только сообщением москов-

¹¹ «Födorovvизishe Familie», т.е. потомки Ф.Н. Романова (1554—1633).

¹² «Василид» (Basilide) — сын Василия; имеется в виду Иван IV. Вступивший на престол в 1613 г. Михаил Фёдорович Романов был внучатым племянником первой жены Ивана IV Анастасии Романовны (внуком её родного брата Никиты).

¹³ От «Conquérant» — завоеватель, покоритель (*фр.*).

¹⁴ В тексте — «Moscowitische Miliz».

¹⁵ Автор неточен: Россия объявила войну Швеции 9(19) августа 1700 г.

ского генерала Алларта и отослать читателя к другим любопытным немецким и французским трактатам.

О необычайной великой победе упомянутый господин генерал повествует следующее: «Нет сомнения, что дубликат того же получите от моего курьера фон Юнглинга, которое я отправил Вам от Белкаклекц¹⁶, и как в письменном, так и в устном виде услышите о нашем положении. В настоящее время самое отрадное известие, что мы 25-го пересекли Ворсклу на расстоянии одной мили от неприятеля, 26-го продвинулись на четверть мили от него и окопались, насколько можно лучше. 27-го рано утром неприятель напал на нашу кавалерию, которая была расположена между редутами, и она, после того как в продолжение двух часов сдерживала неприятеля, отошла в сторону нашего укрепленного лагеря. Редутов было девять¹⁷, и в каждом находились от 200 до 300 человек¹⁸. Вначале неприятель яростно напал на два из них, которые ещё не были готовыми, и всех внутри перебил. После этого он прошёл между редутами и неожиданно спроста наткнулся на наш лагерь, который был отсыпан с трёх сторон параллельно¹⁹, напоровшись на нашу жестокую орудийную пальбу, и хотя приблизились до 15—20 шагов к нашему ретраншементу, пришлось им податься назад, и двинулись они от нашего левого крыла против правого, только в своём намерении не преуспели, и поэтому они отступили, сопровождаемые нашей орудийной стрельбой, *en Ordre de Bataille*²⁰. После этого его царское величество держал верхом военный совет, и было решено, что раз мы уже отбросили неприятеля, то нужно дальше стремиться к победе; вышли с двумя дивизиями пехоты²¹ из лагеря и ретраншемента и командовал правым крылом сам его величество вместе с маршалом Шереметевым²², а левое находилось под командованием его светлейшества князя Меншикова²³ и под моим. Вслед

¹⁶ У Алларта — «Bielkaklekz». Вероятно, селение Белики, расположенное недалеко от Полтавы (ниже по течению Ворсклы). Через него разгромленная шведская армия отступала к Днепру. В дрезденской брошюре «Vollständige Nachricht» и её переиздании, хранящемся в Библиотеке Петра I, данный населённый пункт назван «Белкаклека» (Bielkaklecka).

¹⁷ Поперёк прохода между Малобудищенским и Яковецким лесными массивами 25 июня русские войска соорудили линию из шести редутов для защиты регулярной конницы, разместившейся за ними на поле (к западу от ретраншемента — укрепленного земляного лагеря пехоты и артиллерии), от неожиданного нападения. В ночь на 27 июня началось возведение ещё четырёх редутов, выступавших вперёд перпендикулярно к поперечной линии, однако два из них к началу боя не успели достроить. На одном из чертежей, сделанном для подготовки официальной гравюры о битве 1709 г. и сохранившемся в Походной канцелярии царя, в прогалине между лесами показана конфигурация из девяти редутов (как писал и Алларт) «косым углом»: шести поперечных и трёх, выдвинутых от редута, наиболее удалённого от ретраншемента. Видимо, командованием обсуждался и такой вариант расположения укреплений, но Алларт не знал, что он остался неосуществлённым.

¹⁸ По ведомости личного состава, подготовленной по запросу царя и подписанной гр. Б.П. Шереметевым 26 июля 1709 г., в редутах размещались 13 батальонов «списочной» численностью 4 730 человек строевого состава. С учётом же некомплекта там находилось около 3 800 человек (*Кротов П.А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России. С. 541).

¹⁹ То есть имел форму правильного прямоугольника.

²⁰ В боевом порядке (*фр.*).

²¹ Речь идёт о дивизиях генерала кн. А.И. Репнина и Алларта. Третья дивизия, которой командовал кн. А.Д. Меншиков, оставалась в лагере в качестве резерва, затем пять её батальонов были посланы против пехотного отряда генерал-майора К.Г. Рууса, а ещё три в разгар баталии направлены к Крестовоздвиженскому монастырю (к югу вдоль Ворсклы) для установления связи с гарнизоном Полтавской крепости.

²² Генерал-фельдмаршал гр. Шереметев командовал под Полтавой всей регулярной пехотой.

²³ В подчинении кн. Меншикова 27 июня 1709 г. находились все кавалерийские полки, включая иррегулярную конницу, а также одна из трёх пехотных дивизий. Он руководил отрядом

за этим мы с именем Бога двинулись на неприятеля в двух линиях, и когда он это увидел, снова [пошёл] против нас; а когда мы сблизились до 15 шагов, я открыл со своей пехотой первый огонь по неприятелю, и после того как я дал ещё один залп, мы бросились на них с багинетами²⁴, как на кавалерию, так и на пехоту, обратили их в бегство и одержали после двухчасового сражения полную победу. Я со своей дивизией взял в качестве трофеев 22 знамени, из которых шесть от королевской пешей гвардии; два штандарта — один от Лейб-регимента и один от Гельмова²⁵ полка. Всего мы захватили 114 знамён и штандартов вместе с большими серебряными литаврами Лейб-регимента и шесть пушек. Генерал-фельдмаршал Реншильд, граф Пипер со всей канцелярией, также генерал-майоры Стакельберг, Шлиппенбах, Розе²⁶ и Гамильтон пленены, но сколько ещё других офицеров — неизвестно. Шесть моих офицеров подсчитали, что на поле битвы лежат 8 619 тел²⁷. Моя дивизия захватила 396 пленных: полковник Аппельграу²⁸, 3 капитана, 6 лейтенантов, 3 прапорщика, 46 унтер-офицеров. Генерал-лейтенант Ренцель атаковал город с дивизией Меншикова²⁹ и уничтожил четыре полка³⁰, которые хотели капитулировать, но им не дали другой капитуляции, кроме сохранения жизни, поэтому они сложили оружие и сдались как *prisonniers de guerre*³¹; их было больше тысячи человек³². Наша кавалерия продолжает преследовать остаток армии и уже настигла обоз неприятеля в трёх милях отсюда при Новозеняра³³; при обозе должны находиться четыре полка, и генерал-лейтенант Бауер³⁴ успел занять позицию так, чтобы они больше не могли отступать; вчера туда подошли пять

(пять батальонов пехоты, четыре драгунских полка, Воронежский и Козловский конные «шквандроны»; всего более 6 тыс. человек), сделавшим вылазку из укрепленного лагеря и разгромившим шесть шведских батальонов Рууса, оставшихся за линией редутов; на второй фазе баталии возглавил шесть драгунских полков на левом фланге.

²⁴ Багинет — широкий и длинный нож с узкой ручкой, вставлявшейся в дуло фузеи, мушкета или штуцера для рукопашной схватки.

²⁵ В русских источниках упоминается драгунский «Гельмсков» («полковника Гелма») полк. Им командовал полковник Н. Ельм, взятый в плен при Переволочне.

²⁶ Имеется в виду барон К.Г. Руус (Роос, Розен).

²⁷ Это число указано и в первом рукописном варианте реляции о Полтавской битве, составленном 28 июня 1709 г.: «Получено известие от посыланных для погребения мертвых по баталии, что они на боевом месте и круг одного сочли и погребли швецких мертвых тел 8 619 человек, кроме тех, которые в погоне по лесам в разных местах побиты» (Письма и бумаги императора Петра Великого / Под ред. Б.Б. Кафенгауза. Т. 9. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 262). Согласно печатной реляции, «на боевом месте и у редут» обнаружили 9 224 павших шведа. Пересчёт, учитывающий всю совокупность имеющихся у исследователей сведений, даёт несколько иную цифру, а именно до 7 800 погибших. Подробнее см.: *Кротов П.А.* Битва под Полтавой. Начало Великой России. С. 423—431.

²⁸ Полковник Эстётского пехотного полка А. Аппельгрэн.

²⁹ С. фон Ренцель, командовавший пятью батальонами (2 486 человек) из дивизии кн. Меншикова, преследовал остатки отряда Рууса, отступавшие к Полтаве.

³⁰ Под командой Рууса находились батальоны из четырёх полков: по два из Вестерботтенского и Далекарлийского и по одному из Йончепингского и Нерке-Вермландского.

³¹ Военнопленные (*фр.*).

³² Остаток отряда Рууса, насчитывавший 300—400 пехотинцев, сдался в плен в Гвардейском шанце (в 2 км к северо-востоку от Полтавской крепости) около 11 часов.

³³ У Алларта — «Novozeniara», речь идёт о селе Новые Сенжары, куда разбитая шведская армия вступила в ночь на 29 июня, отступая вдоль Ворсклы к расположенной на Днепре разорённой крепости Переволочна.

³⁴ Р.Х. Боур (Бауер) после ранения генерал-лейтенанта К.Э. фон Рёнке принял на себя командование всей русской конницей у редутов (до того командовал её правым крылом) и успешно отвёл её к укрепленному лагерю. На решающей фазе баталии возглавил кавалерию правого флан-

пехотных полков под командованием князя Галовщина³⁵. Король успел в последний момент спастись и должен иметь при себе около 3 тыс. кавалеристов. Он при том ранен в правую ногу, [пуля] вошла в стопу сзади и вышла впереди. Он переслал вчера вечером генерала-майора Мейерфельда³⁶ вместе с одним трубачом к его царскому величеству; какие предложения он принёс, мне неизвестно, но он потребовал поговорить с графом Пипером в течение двух часов, давая слово чести, но царь ему отказал и, по моему мнению, он должен быть задержан, потому что кто звал его сюда? Из москвитов никто не погиб, кроме бригадного генерала Дрюзенгейма³⁷; генерал Рёнке ранен вместе с ещё шестью полковниками. Но что касается наших потерь, ещё не могу сказать и сообщу *de vero*³⁸ в будущем. Из моей дивизии, из 15 батальонов пехоты, погиб только 81 человек и раненых 454; так как я столкнулся с правым крылом неприятеля, то завоевал шесть знамён гвардии. Сегодня богослужение *Te Deum Laudamus*³⁹ будет под трёхкратный салют из пушек и мелкого оружия, а завтра двинемся против неприятеля и будем преследовать остальных. Я не думаю, что король успеет убежать, и будет для него лучше при этом тяжёлом ранении, чтоб он сдался, потому что в противном случае он может умереть, и мы сумели почти всех его слуг взять в плен. Генерал Лёвенгаупт ещё находится при нём, но он ранен. А ещё при нём Шпар, Крул и Лагеркрон, Крюс⁴⁰ убит, а большая часть офицеров гвардии, его милость герцог фон Вюртемберг⁴¹ тоже у нас в плену. Его царское величество отдал снова генерал-фельдмаршалу Рёншильду, графу Пиперу и герцогу фон Вюртембергу их шпаги. Я отправлю скоро более точное описание всего. За сим остаюсь etc. etc.

*Datum*⁴² на поле битвы между Полтавой и Потрукой⁴³ 29 июня (10 июля) 1709 года. Алларт.

PS. При завершении сию минуту получил табель, согласно которой были пленены 2 997 человек⁴⁴.

га. Вечером 27 июня отправлен с десятком драгунских полков преследовать уходившие к Днепру остатки шведской армии.

³⁵ У Алларта — «Gallowzin». В дрезденской брошюре «Vollständige Nachricht» и её переиздании — «Gallovvkin». Имеется в виду генерал-лейтенант кн. М.М. Голицын, командовавший Гвардейской бригадой (Преображенский, Семёновский, Ингерманландский и Астраханский полки). Поздно вечером 27 июня царь поручил ему преследовать шведов, отступавших к Днепру.

³⁶ Барон Й.А. Мейерфельт после разгрома шведской армии был послан к Петру I в качестве парламентёра с целью задержать наступление русских войск под предлогом начала переговоров о мире. В июле 1709 г. отправлен царём к Карлу XII в Турцию с условиями мирного договора.

³⁷ Имеется в виду И.С. фон Фихтенгейм.

³⁸ Доподлинно (лат.).

³⁹ Гимн «Тебе Бога хвалим» (лат.).

⁴⁰ Генерал-майоры А. Спарре и барон А. Лагеркрона (Лагеркруна) после Полтавской битвы сопровождали Карла XII в Бендеры. Генерал-майоры бароны К.Г. Круссе аф Кайбала (Kruhl) и К.Г. Крейц (Кройц) попали в плен при Переволочне.

⁴¹ Принц Вюртембергский Максимилиан Эммануэль, полковник Сконского драгунского полка, являлся двоюродным братом супруги польского короля Августа II и герцога Эбергарда IV Людвига, правившего Вюртембергом с 1693 г.

⁴² Дано (лат.).

⁴³ Петровка — селение на правом берегу Ворсклы в 10—11 км севернее Полтавы.

⁴⁴ В «Истории Свейской войны» говорится о 2 778 военнопленных от генерал-фельдмаршала до рядовых; вместе с чиновниками, нестроевыми и слугами число взятых в плен достигало 2 874 (История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Под ред. А.А. Преображенского. Вып. 1. М., 2004. С. 306—307).

Война на Северном Кавказе (1686—1698 гг.)

Никита Башнин, Андрей Гуськов, Степан Шамин

War in the North Caucasus (1686—1698)

Nikita Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; I.E. Repin Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture),

Andrey Guskov, Stepan Shamin (both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016233-7

В 1686 г. началась русско-турецкая война¹, одной из линий противостояния в которой стал Северный Кавказ. Систематических исследований о боевых действиях в данном регионе до настоящего времени не проводилось, хотя упоминания об отдельных событиях встречаются на страницах разных публикаций. О походе крымских татар в черкесские владения в 1688 г. писал П.Л. Юдин², об аналогичной акции 1692 г. — Д.И. Яворницкий³. Но даже в обобщающих работах последнего времени данному сюжету уделяется не более одной-двух страниц⁴. Отдельные эпизоды фигурируют в исследованиях на смежные темы, например в работах по калмыцкой истории⁵. Исключением является вопрос об участии в войне бежавших с Дона на Аграхань казаков-старообрядцев⁶.

Отсутствие комплексного анализа событий на Северном Кавказе связано с плохой сохранностью источников. В нашем распоряжении очень мало сколько-нибудь подробных описаний боевых действий и дипломатических переговоров. Их нехватку приходится компенсировать данными приказной

© 2021 г. Н.В. Башнин, А.Г. Гуськов, С.М. Шамин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42015.

¹ Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30—49. DOI: 10.31857/S086956870012929-2.

² Юдин П.Л. Калмыки в борьбе с Турцией (К истории турецких интриг на Кавказе) // Русский архив. 1915. № 6. С. 166.

³ Яворницкий Д.И. Источники для истории запорожских козаков. Т. 1. Владимир, 1908. С. 416.

⁴ Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик, 2008. С. 326—327; Дзамихов К.Ф. «В службе и обороне...». Нальчик, 2017. С. 137; Тхамокова И.Х. Кабардинские князья в городе Терки в конце XVII — начале XVIII в. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 2(41). С. 74—78.

⁵ Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста, 2018. С. 135—136.

⁶ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 184, 194—196; Боук Б.М. К истории первого кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2001. № 4. С. 30—38; Сень Д.В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. — начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009—2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 290—291; Сень Д.В. Казачество во внешней и внутренней политике Крымского ханства // История татар. Т. IV. Татарские государства XV—XVIII вв. Казань, 2014. С. 264—265; Сень Д.В. «Крымской хан принял их... с великою любовью»: казачество Крымского ханства (Кубани) в конце XVII—XVIII в. // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 493.

документации — указами о жалованье за службу или раны, о выдаче оружия и боеприпасов, «кормовых» денег. За отдельные годы материалы не найдены. Подробнее всего источники рассказывают о действиях российских властей и кумыкских владетелей, тогда как сведений о событиях в Кабарде крайне мало. Однако общий ход войны реконструировать всё-таки возможно.

Инициатором активных боевых действий стал крымский хан Селим I Гирей, а почвой для войны — трения между российскими властями и горскими владетелями. К примеру, тарковский шевкал Будаё (владетель Тарков, в настоящее время часть Махачкалы) захватывал выброшенные на берег в его владениях суда, которые обеспечивали торговлю между Россией и Персией⁷. 17 декабря 1686 г. в Тарки послали юртовского сотника Байтебета, который от имени российских властей в очередной раз требовал, чтобы шевкал отдал людей, взятых с гилянкой бусы (тип судна)⁸. Формально шевкал признавал себя подданным московских государей и должен был выполнить выдвинутые ему требования. На практике же русское правительство могло влиять на Будаё, лишь ограничивая выдачу жалованья или угрожая военной силой. В рассматриваемый период жалованье шевкалу не выплачивалось, а военная операция потребовала бы слишком много сил и средств. Очередной спор грозил затянуться на неопределённое время.

Подобные казусы были обычными для кавказского региона, поэтому нападения «воинских людей» Будаё и других горцев на российских подданных, начавшиеся в конце марта — первых числах апреля 1687 г., стали неожиданностью для астраханских властей, управлявших регионом Нижнего Поволжья и Предкавказья вплоть до Терков (Терского города) в низовьях Терека. Разобраться в ситуации удалось лишь благодаря поступавшей в Астрахань от захваченных в бою противников и бежавших из плена русских информации. В апреле первые сведения дал захваченный стрельцами при нападении в низовьях Волги Ешканач Сарыев — «Аюкаева владенья енбулуцкого Енъмамета-мурзы Шелмабетова улусной человек» (енбулуцкие татары подчинялись калмыцкому тайше Аюке, который формально был подданным московских государей). Сарыев рассказал, что ездил с девятью товарищами в Азов для продажи лошадей. Там он узнал, что из Крыма через Азов к тарковскому шевкалу Будаё и иным горским владетелям пришли посланцы, приказавшие горским владетелям нападать на казачьи городки, когда служилые люди и гребенские казаки уйдут с Терека на Крым⁹. Трудно сказать, что стало для отряда енбулуцких татар реальной причиной похода в российские владения — повеление хана или желание воспользоваться благоприятной ситуацией для грабежа. В любом случае война была перенесена на Северный Кавказ и в Поволжье.

В мае 1687 г. удалось получить дополнительные сведения о причинах начала военных действий. Их сообщил бежавший от горцев астраханец Савелий Иванов сын Груздев, попавший в плен к шевкалу с упоминавшейся выше выкинутой на берег бусы. После кораблекрушения он жил у шевкалова узденя Илмея, бежал из Тарков и вновь был пойман караульщиками Чеполова (Чопалав, Чепалов), владетеля Эндиреевского княжества — кумыкского государственного образования, расположенного между Тарками и российскими вла-

⁷ Ф.А. Озова указала авторам, что, «согласно обычаю, выброшенные на берег потерпевшие кораблекрушение суда могли захватываться жителями той местности, куда их выбросило море».

⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 10689, л. 3.

⁹ Там же, д. 10563.

дениями на Тереке. Видимо, Груздев бежал и от Чеполова. В Тарках Груздев слышал у «старых» полоняников, что к Будаю приходили послы от крымского хана и требовали «воинских людей» на войну с Москвой. Шевкал ратных людей не дал. «Крымский султан» также посылал к персидскому правителю, чтобы «горские владельцы, которые в послушанье у шаха ему, хану, помогли против христианских ратей. И шах-де ему отказал»¹⁰.

Сопоставляя данные Сарыева и Груздева, можно реконструировать картину развития событий, предшествовавших нападениям на русские владения в марте 1687 г. Очевидно, что зимой 1686/87 г. крымские власти попытались привлечь к войне с Россией народы Северного Кавказа. Турки, опираясь на идею борьбы правоверных мусульман с христианами, пытались получить поддержку от шаха, но безрезультатно: для Персии Османская империя была таким же соперником на Кавказе, как и Россия. Шевкал Будаю, балансировавший между Ираном, Турцией и Россией, отказался предоставить войска для борьбы с Россией в чужих землях, однако выступил на стороне Османской империи на Северном Кавказе и в Поволжье. Аналогичным образом стали действовать и некоторые иные местные владельцы.

Первыми в марте 1687 г. начали боевые действия ембулцкие татары, в отряде которых находился Сарыев. Где они нанесли первый удар и захватили пленных, в источниках не отмечено. В конце марта они напали на стрельцов на Волге ниже Черного Яра. Во время боя стрельцы не только захватили пленного, но и отбили русского мальчика десяти лет¹¹.

2 апреля 1687 г. татары и горские черкесы Чеполова и Будаю напали на соляные промыслы под Астраханью на Мочаговском озере. Русские промышленники попытались отбиться. В ходе перестрелки погибли двое нападавших и один солепромышленник; астраханского посадского человека Тимофея Яковлева сына Лысковца и двоих его товарищей захватили в плен. После этого нападавшие пошли на расположившуюся неподалеку рыбную ватагу, зарубили одного рыбака и взяли в плен десять человек. После раздела пленных воинские люди Чеполова и Будаю разъехались по домам. Привезенный к Чеполову Лысковец смог бежать¹².

Ночью 4 апреля за Волгой, «на крымской стороне», у астраханского ногайского татарина Карасая-мурзы Мурзабекова сына и у других нагайских мурз кумыки тарковского шевкала (150 человек) угнали 200 лошадей. Они взяли с собой самого Карасая-мурзу, а потом бросили его связанным в степи. Карасая сказали, что их послал шевкал Будаю «для воровства» и взятия языков из-за того, что государи не выплачивают ему жалованья, с его товаров в Астрахани берут пошлины, а «посыльщиков» задерживают. Шевкал угрожал, что будет и дальше посылать людей под Астрахань и на море. В случае же выплаты государственного жалованья шевкал обещал прекратить набеги и отпустить пленных русских людей. Нападением подверглись и другие юртовские татары. За людьми Будаю из Астрахани послали 130 стрельцов и 150 астраханских татар. Они нашли у Мочаговского озера убитого русского человека и разорённый лагерь; догнать нападавших не удалось¹³. Во главе участников набега юртовские ногайские мурзы узнали сына шевкала Будаю Давожа Чиначка. Позднее шевкал отдал

¹⁰ Там же, д. 10690, л. 1—2.

¹¹ Там же, д. 10563, л. 1.

¹² Там же, д. 10711, л. 1.

¹³ Там же, д. 10563, л. 2—5.

захваченных лошадей терских татар. Ногайцам же вернуть табуны не удалось, хотя мурзы ездили за ними в Тарки. Там они слышали от терских татар, что шевкалов человек Метей Карак хочет выходить в море и идти под Астрахань. 18 мая астраханским властям пришлось официально объявить о готовящемся набеге людей тарковского шевкала на рыбные ловли и промыслы¹⁴.

Обращает на себя внимание демонстративное поведение шевкала. Через захваченных во время набегов пленных и пострадавших татар он стремился донести до астраханских властей, что нападения являются следствием невыплаты полагающегося ему жалованья. Про указания османских властей начать войну Будаи не упоминал. Другие владельцы, чьи подданные участвовали в нападениях, старались своих действий не афишировать.

Уже в мае 1687 г. астраханские власти отправили толмача астраханской Приказной палаты Алексея Грузинцева и юртовского татарина Байтюбета Уразаева с листом к Эндиреевскому мурзе Чеполову. С мурзой посланные должны были говорить о сыске русских людей, взятых в плен на рыбной ловле и у соляных озер, а также о службе мурзы государю. Через Чеполова также предполагали передать лист шевкалу, «чтоб он, шавкал, от шатости своей престал», а захваченных русских людей прислал в Астрахань или на Терек. Посланные должны были дожидаться ответа Будаи у Чеполова. Одновременно к Аюке послали сотника Ивана Королева. Калмыцкого владельца просили, чтобы, если «шевкаловы воровские люди» пойдут под Астрахань, тот не пропускал их. За это Аюке обещали государево жалованье. Он также должен был написать Будаю об освобождении русских людей¹⁵.

О том, как события развивались на протяжении следующих двух лет, мы практически ничего не знаем из-за лакуны в источниках. Согласно П.Л. Юдину, в 1688 г. «сераскир Казы-Гирей с огромной ратью... прошёл всю кабардинскую землю... достиг Терека и уничтожил городки тамошних казаков»¹⁶. Последующие исследователи опирались на данную публикацию. К сожалению, сведения о походе в других документах отсутствуют, а сам Юдин не указал источник этих известий. Кабардинские князья, признававшие над собой власть московских царей, в этот период ориентировались на Крым. Очевидно, что поход, если он состоялся, должен был усилить влияние Крыма на горцев. Непосредственным же поводом к нему могло быть желание крымских властей полностью подчинить себе Кабарду, поставив князей в полную зависимость и заставив их высылать отряды на борьбу с «неверными».

Источники сообщают, что конец 1688 или начало 1689 г. ознаменовались пожаром, уничтожившим значительную часть Терков, главного опорного пункта России на Северном Кавказе. Городские укрепления пришлось отстраивать заново. К февралю удалось возвести стены в десять брёвен, несколько ворот и башен. Для строительных работ на Терек отправляли стрельцов из разных городов¹⁷. Был ли пожар связан с боевыми действиями, неизвестно. Весной 1689 г. противник осаждал Терский город. Сведения об осаде крайне отрывочны. Жившая в городе княгиня Таука Салтанбековна сообщала в Москву о «службах» терского дьяка К.И. Уланова, который «в приход к Терку неприятельских

¹⁴ Там же, д. 10652, л. 1—2.

¹⁵ Там же, д. 10691, л. 1—4.

¹⁶ Юдин П.Л. Указ. соч. С. 166.

¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). Т. V. СПб., 1842. С. 314; Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 11147.

воинских людей в осаде сидел и великим государем служил, в городе над караулы по вся дни и ночи смотрил и от всякие шатости осадных людей берег и государственку милостию обнадеживал»¹⁸.

К сожалению, в её письме не указано точное время осады, но оно восстанавливается по косвенным данным. В середине апреля 1689 г. пушки и пушечные припасы выдавались для отряда из 550 астраханских, казанских и московских стрельцов разных приказов, направляемых под Терки «для поиску крымских воинских людей»¹⁹. Очевидно, что в это время в Астрахани о происходящем вокруг Терков получали лишь отрывочные сведения. Недостаток информации пытались компенсировать данными разведки. В начале апреля астраханские власти выдали с Зелёного двора полковую пищаль с припасами астраханцу Денису Сербину, посланному на море с семьёй стрельцами и десятью юртовскими татарами «для проводывания воровских воинских людей»²⁰. Другие данные касаются финального эпизода обороны крепости. 1 мая 1689 г. табунные головы Ишей и Танай Кашкарины были посланы из Астрахани проверить, отошли ли «воровские люди» от Терского города. 9 мая они вернулись и сообщили, что люди тарковского шевкала Будая, эндиреевского Муртазалея и иных горских владетелей, а также «воровские казаки расколыщики», видя «свое безмочество» и государевых ратных людей «крепкое сидение» и услышав о приближающейся подмоге, «от Терского города побежали». Информацию Кашкарины получили от «степных татар» Аюки, узнавших об этом от осаждавших город горцев. После неудачи под Терками последние отправились «для воровства» на Волгу.

12 мая служилые люди из Терского города подтвердили, что нападавшие прекратили осаду и ушли²¹. Стрельцы, посланные в апреле на помощь Теркам, вернулись в Астрахань к концу мая²². Им пришлось поучаствовать в военных действиях, о чем известно из документов о награждении раненных в бою под Терками с «крымскими воинскими людьми» и «казаками расколыщиками»²³. Таким образом, осада имела место в апреле 1689 г. О тяжёлом положении Терков свидетельствует то, что из города пришлось перевести в Астрахань «аманатов» горских князей. В их числе были сын Будая Алибек (Халимбек) мурза и «большой Кабарды Мусоста-мурзы внук» Девлет Гирей (Кирей). Они оставались в Астрахани ещё в августе 1689 г.²⁴

¹⁸ *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. Т. 1. СПб., 1912. С. 9—10.

¹⁹ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 11151.

²⁰ Там же, д. 11143.

²¹ Там же, д. 11180.

²² Там же, д. 11192.

²³ Там же, д. 11203, 11204.

²⁴ Там же, д. 11333. Отсутствие данных о событиях вокруг Терков в изучаемый период подталкивало исследователей к ошибочным выводам о причинах перемещения заложников в Астрахань. Ф.А. Озова рассматривает перевод аманатов в Астрахань как репрессивную меру: «Известно, что в 1689 г. к пшчы Девлетгирею были применены репрессивные санкции: он был отправлен в Астрахань, где имелась тюрьма для аманатов... то, что это произошло в 1689 — начале 1690-х гг., неоспоримо связывает репрессии против него с желанием Посольского приказа оказать давление на князей Джамбулатовых, игравших существенную роль в деле мобилизации кабардинцев, кумыков и ногаев для защиты Крыма от войск князя В.В. Голицына (1689). Репрессии были призваны... заставить их отказаться от участия в этом деле, но, скорее, стали возмездием за него» (*Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552—1829 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. Нальчик, 2018. С. 284; *Озова Ф.А.* Институт аманатства в черкесско-российских отношениях: 1552—1829 гг. СПб., 2020. С. 255).

Война шла и на берегах Волги. В середине апреля 1689 г. порох и свинец понадобились для сотни казанских стрельцов, посланных «за Волгу на караул» для «обережи от прихода крымских воинских людей»²⁵. О боевых действиях в этом регионе имеются лишь отдельные сведения. 21 апреля 1689 г. произошёл бой между отправленными «по вестям» на нагорную сторону Волги астраханскими стрельцами, юртовскими мурзами, табунными головами, татарскими сотниками с одной стороны и «шевкаловыми воровскими людьми» — с другой. В ходе столкновения в плен взяли семь человек «крымских и шевкаловых» языков, посланных потом в Москву²⁶.

В начале 1689 г. мы впервые сталкиваемся с новой для прикаспийского региона военной силой — бежавшими с Дона казаками-старообрядцами. Последние старообрядческие городки были разгромлены на Верхнем Дону в апреле 1689 г. Однако ещё в 1688 г. часть старообрядцев перебралась на Кавказ — сначала на р. Куму, в земли владетеля Большой Кабарды князя Мисоста Казиева, а потом на Аграхань — во владения шевкала Будаёв²⁷. В начале лета 1689 г. старообрядцы с горскими черкесами приходили на Дон в поисках сторонников²⁸. В дальнейшем они стали одной из сил, определявших военно-политическую обстановку в регионе.

После неудачной осады Терского города в боях наметилось временное затишье. Для переговоров к шевкалу Будаёв в начале 1690 г. приезжал стольник Яков Миронович Ворыпаев²⁹. О результатах его миссии можно судить по переводу одного из более поздних писем Будаёв в Москву: «А в прошлом году весною в девятом месяце приехал к нам стольник честной и учинил с нами договор и шерть, триста горские князья шертовали. И он обещал и обнадежил вашим... жалованьем, кафтанами, и что изстари не дано мне на дватцать лет вашего... жалованья корму, выдать, и что прежнему Алдарь-шевкалу вашего... жалованья и милости было, то и мне против того же обещал и обнадежил. И на том нам давал веру и многих людей вновь в подданство привел к вам... и в холопство. И про здешних казаков вам... хотел доносить, естли вы, великие государи, укажете им дать своего... жалованья корму, и жить бы им здесь, а естли вины их простить и обнадежить их своею государскою милостию, и обрадовать их, укажет по-прежнему призывать в дома их, и все сие дело совершенно будет. И мы ему обещали, что на всякой вашей... службе быть готовы, и на том шертовали. И посла нашего с собою взял к вам, великим государем. И как к вам... тот наш посол пришел, и некоторой терской человек сказал неправду, будто казаки сами к вам... идут и меня, шавкала, поймав, вести хотят... И вы... тот договор, которой учинил стольник, указали отставить и отпустить нашего посла ни с чем, вашего... жалованья корму и платья ничего к нам нет, все переменялось, поверя таким недобрым людям и ложным словам. Всегда междо юртов совершенные дела портят такие недобрые люди, и чинятца от того недружбы, хотя и так ложно вам... доносили. А мы ныне на том стоим слове и на шерти своей»³⁰. Желания шевкала были просты: он добивался государева жалованья, обещая за это верную службу и решение проблем

²⁵ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 11152.

²⁶ Там же, д. 11164, 11157, 11176.

²⁷ Сень Д.В. Казаки Крымского ханства... С. 290—291.

²⁸ РГАДА, ф. 210, оп. 12, ч. 3, д. 1516, л. 809—812.

²⁹ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 11585.

³⁰ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1691 г., д. 7, л. 54—55.

с казаками-старообрядцами. Для последних предлагалось два варианта — прощение от московских властей и возвращение на Дон или государева служба на новом месте. Очевидно, что Воропаев пошёл навстречу желаниям шевкала, однако позднее у русского правительства появилась надежда договориться со старообрядцами без Будая. К словам неизвестного «терского человека» в Москве отнеслись серьёзно. На протяжении 1690 и начала 1691 г. правительство настойчиво посылало переговорщиков к старообрядцам. Первая посылка была направлена из Астрахани через Терки: к казакам приехал дворянин Лев Юрьевич Шукин. Его миссия завершилась трагически, так как казаки убили посланца³¹. В документах астраханской приказной избы сохранилось дело о выдаче 22 ноября 1690 г. денежного жалованья «на подъем» посланному к старообрядцам подьячему астраханской приказной палаты Афанасию Судакову³². Материалы дела не позволяют понять, была ли это отдельная посылка или же Судаков ехал вместе со Шукиным. Последний вариант кажется более вероятным.

Вторая миссия была инициирована несколько раньше, но попала к старообрядцам на Аграхань уже после того, как там побывал Шукин. 22 сентября 1690 г. по отписке терского воеводы И.А. Языкова была послана государева грамота к находившимся во владениях шевкала атаманам Герасиму Куприянову и Петру Мурзенку с призывом вернуться на Дон³³. Грамоту должны были доставить донские казаки Афанасий Роскащик с товарищами. Эта поездка также кончилась гибелью посланников: донцов «побили дрючем до смерти и, ругаясь над мертвыми их телами, побрасали в воду». Двоих казаков отпустили с требованием больше таких писем не слать: «Нам-де и тут на реке Аграхани жить не тесно, к нам-де милость кажут басурманы»³⁴. Жестокая расправа с переговорщиками не случайна. Среди старообрядцев нашлись желающие вернуться на Дон, в частности атаман Мурзенок. Это едва не стоило ему жизни, и атаману пришлось бежать в Терки к шевкалу, принять ислам и даже жениться, хотя на Дону оставалась его прежняя семья³⁵.

Ещё до того как стало известно о неудаче первых миссий, из Москвы к казакам на Аграхань и Куму направили дворянина Ивана Дмитриевича Басова «с обнадеживанием»³⁶. Это последнее упоминание о поселении старообрядцев на Куме. Судя по всему, бежавшие с Дона старообрядцы к 1691 г. осели на Аграхани. К счастью для Басова, он приехал во владения Войска Донского только 15 марта 1691 г., и донцы, получив к тому времени печальные сведения об участии своих товарищей, задержали царского посланника в Черкасске до получения новых инструкций³⁷. В итоге цели поездки Басова были изменены. Царского посланца в конце мая — начале июня 1691 г. принимал сам Будай. Позиция шевкала осталась прежней: он обещал решить проблемы со старообрядцами, русскими пленниками и набегами после выплаты ему государева жалованья³⁸.

Переговоры шли на фоне новых боёв. Будай успешно совмещал дипломатические контакты с военными операциями. Не позднее конца 1689 г. он начал подготовку к военным действиям на Каспийском море. 10 января 1690 г.

³¹ Там же, 1691 г., д. 4, л. 4.

³² Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 11788.

³³ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1691 г., д. 1, л. 1.

³⁴ Там же, 1691 г., д. 4, л. 3—4.

³⁵ Там же, 1691 г., д. 7, л. 43.

³⁶ Там же, 1691 г., д. 1, л. 3.

³⁷ Там же, 1691 г., д. 4, л. 7—8.

³⁸ Там же, 1691 г., д. 7, л. 29—49.

донской казак Василий Зацной получил награду за поездку на Терек для «проедывания» о раскольниках. Он сообщил, что «воры» делают суда и хотят идти на государевы рыбные учуги³⁹. Суда были построены и начали участвовать в боевых действиях уже в 1690 г. К весне 1691 г. относится челобитная о денежном жаловании сотнику казанских стрельцов Степану Ежову. Его в 1690 г. послали «на море» против «воровских» казаков, но из-за штормов он не смог вернуться в Астрахань и зимовал «за морем»⁴⁰.

1691 г. стал для России на Северном Кавказе самым тяжёлым. Как раз во время приезда в Тарки Басова шевкал заявил о продолжении боевых действий, отправив своего посыльного Токлулата в Астрахань с известием о том, что «воровские казаки» вышли на море⁴¹. Основной ущерб российским войскам нанесла чума, начавшаяся весной на посадах Терков, а затем перекинувшаяся в сам город. Из-за эпидемии Терки покинули служилые горцы. К началу июля 1691 г. положение крепости стало тяжёлым. Город находился «в шатости» и «тесноте» от противника: «Бысурмане и воровские казаки мору не боятца, потому что у них у самих то же бывало. А в городе служилым людем чинитца упадок великой. И естли приход будет неприятельских людей... и в городе сидеть не с кем. Терской большой земляной город во многих местех худ и развалился»⁴².

От непосредственного удара по городу Будая удерживала не только чума, но и нахождение в Терках аманатов, которых он требовал перевести в другое место. Об этом через княгиню Тауку Салтанбековну, чьё кочевье стало для Терков связующим звеном с Астраханью, извещал воевода Терков Языков: «А Будай-де шевкал присылал своего присыльного на Терек к нему... говорит, чтоб сына ево из аманат с Терка переменял. И он-де ему в том отказал, что без указу великих государей ему переменить невозможно. И присыльной-де говорил, естли-де сын шевкалов умрет, и шевкал-де станет за сына своего городу чинить всякое разорение, и будет приходиться войною». К 14 июля на Тереке умерли два сына воеводы, полковник московских стрельцов, голова казанских стрельцов, 846 стрельцов и многие другие люди, в том числе все городские священники⁴³. Сын Будая умер 23 июля, а 9 августа за ним последовал и воевода Языков. Гарнизон возглавил капитан московских стрельцов Леонтий Каргашин. Он обращался к астраханским властям за помощью: «Воистину... опасаемся приходу под город шевкала, воровских казаков раскольщиков, чтоб не потерять их государского города и много казны. А без пастыря... и в градских людех будет несогласия, а ратным... людям, пришед, стоять мощно в степи под городом»⁴⁴. К концу эпидемии из русского гарнизона Терков в живых осталось значительно меньше половины — около 600 человек⁴⁵, а отъехавшие из-за чумы горцы в город так и не вернулись. Между тем шла подготовка к штурму города: жившие рядом с Терским городом чеченцы взяли в плен старообрядца, посланного к Теркам с Аграхани для разведки лучших подходов к городу. Узнав об угрозе, терские казаки постановили посылать на помощь гарнизону по сто человек⁴⁶.

³⁹ Там же, 1691 г., д. 4, л. 84.

⁴⁰ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12060.

⁴¹ Там же, д. 12064.

⁴² Там же, д. 12134, л. 1.

⁴³ Там же, д. 12138, л. 1—2.

⁴⁴ Там же, д. 12161.

⁴⁵ Там же, д. 12183, ч. 13; д. 12236, 12242.

⁴⁶ Там же, д. 12185, л. 1—2.

Боевые действия против Терков противник начал с организации морской блокады города. Место стоянки судов находилось в отдалении от городских укреплений в Подозерной протоке Терского устья. 19 июля туда пришли «воровские казаки» на стругах и взяли стоящие здесь бусы, захватили четырёх терских конных стрельцов и много хлебных запасов⁴⁷. Видимо, Каргашин увеличил охрану корабельной стоянки. 30 августа к нему в Терки с докладом явились стрельцы, стоявшие на карауле в Подозерной. На этот раз старообрядцы захватили 20 стрельцов и кормщика, забрали всё, что смогли, а остальное уничтожили. Проезда в Астрахань морем не стало⁴⁸. Позднее сообщения о нападениях на идущие вдоль побережья Каспия суда стали обыденностью. Старообрядцы соорудили вышки на Чечень-острове, стоящем при входе в Аграханский залив. Это позволяло не только контролировать сообщение с устьем Терека, но и наблюдать за судами, идущими далеко в море. Впрочем, и в Подозерной реке старообрядцы чувствовали себя хозяевами положения. Всего из Аграхани на промысел выходило пять стругов, на каждом из которых находились по 70 человек. Общая численность выходивших на морской промысел составляла 350 человек, из которых 40 были людьми шевкала. Пленных старообрядцы отпускали, сообщая через них, что поджидают, когда к устью Терека придёт новый терский воевода Василий Нарбеков⁴⁹.

Всё, что смогли сделать в ответ на это астраханские власти, — отправить на учуг Урустобу, перекрывавший пригодный для морских судов проход в устье Волги, служилого человека астраханца Тихона Бахмурова, которому предписывалось, стоя на учуге, «с великим береженьем посылать на море в подъезд в лотке немалых людей» для сбора сведений о появившихся на море «воровских казаках»⁵⁰. Сообщение о том, что старообрядцы подстерегают терского воеводу, не было похвальбой. Нарбеков действительно подвергся нападению. Столкновение с казаками он описал в письме астраханским воеводам: «В нынешнем в 1691-м году сентября в 20-м числе по указу великих государей пошел я на... службу из Астарахани на Терек... И октября в 3-м числе на море... оторвало ис каравана погодою в море струг головы Семена Тарханова. И октября ж в 5-м числе в шестом часу дни в той стороне, куда погодою отнесло Семена Тарханова, была ис пушек и из мелкова ружья великая стрельба три перемены. И после того вскоре появились с той стороны четыре струга воровских казаков, а под парусами гребли человек по дватцати на стороне, и прибежали на парусах ко мне под караван, и, опустья парус, стали от нас неподалеку. И учинился у них на стругах великой шум, и после того воротились назад... А воровские казаки после тово во многих местах блиско моево коровану объявлялись... и на терском среднем устье у терских стрельцов... отняли лотку, а сами пробежали в тех же четырех стругах, которые были на море и подъезжали ко мне в корован»⁵¹. Пропавший Семён Тарханов вернулся живым. Он рассказал, что его «воровские казаки» на море ограбили — забрали пушку, свинец, порох и оружие, а многих стрельцов из его отряда ранили⁵². Демонстрация силы со сто-

⁴⁷ Там же, д. 12163.

⁴⁸ Там же, д. 12229.

⁴⁹ Там же, д. 12244, 12247.

⁵⁰ Там же, д. 12250.

⁵¹ Там же, д. 12256.

⁵² Там же, д. 12257.

роны старообрядцев произвела впечатление на терский гарнизон: двое стрельцов бежали на Аграхань⁵³.

Лучше всего положение терского гарнизона обрисовано в отписке Нарбекова астраханскому воеводе от 12 февраля 1692 г.: «Окроме великих государей денежного жалованья терчаном... кормитца нечем, торгов и промыслов у них никаких нет, и выезд у им с Терка от воровских казаков и Будаю шевкалова владенья кумычен и еманчеев для дров и на рыбную ловлю, и никуды для нужд ездить стало невозможно: воровские казаки-раскольщики и шевкаловы татары, и кумыченя безпрестанно под город подбегают, и которые терские жители для своих нужд, не токмо что для промыслов и для дров выезд у, и тех, имав на промыслах, бьют и грабят, и в полон емлют. И в нынешнем в 200-м году ноября в 22 числе шевкалова владенья татаровя взяли под старым городищем в полон дву человек казанских стрельцов Семенова приказу Тарханова, кои стояли у стругов на карауле, и отвезши, их продали в Дербень. И на весну, господа, в Астарахань по хлебные запасы послать будет не в чем и опасно»⁵⁴.

О событиях 1692 г. в Кабарде информация не сохранилась. О важных для региона событиях имеются лишь отрывочные упоминания. Д.И. Яворницкий привёл сведения, сообщённые захваченным в плен под Каменным Затонем татарин, об отправке крымским ханом старшего сына с пятью сотнями крымских татар и ногайцев против взбунтовавшихся черкесов⁵⁵. Речь идёт о борьбе между великим князем Кабарды Мисостом Казиевым и другими кабардинскими князьями. В 1693 г. в эти распри вмешался калмыцкий правитель Аюка. Сначала он действовал при помощи дипломатии («калмыцкой-де Аюкай тайша по присылке кабардинских владетелей, чтоб их меж собою смирить, посылал посыльщика своего калмыченина Мазан Албу Даихнеешку с товарищи десяти человек»)⁵⁶, а потом отправил на помощь Мисосту войска. Однако в дело вмешались крымские дипломаты, которые поддерживали противников Мисоста, мятежных братьев Атагуша и Денгизея. Конфликт разрешился путём переговоров⁵⁷. Трудно сказать, был ли конфликт в Кабарде инспирирован Россией, однако такое развитие ситуации мешало крымцам переносить свою активность ближе к российским владениям.

Вокруг Терков в 1692 г. ситуация изменилась. В конце весны или начале лета часть аграханцев объявила о желании «принести повинную» государям. Они переселились на Терек к терским казакам. Старообрядцы, не принешие повинной, прислали в Азов грамоту («бьют челом кабардинскому салтану, кой прислан от крымскаго хана к азовскому бею»), чтобы их вывели с Аграхани к Чёрному морю на Кубань и поселили у Чёрного протока близ Азова. Их челобитье было удовлетворено⁵⁸. К началу осени воевода кн. Хованский стал писать Будаю из Астрахани «с любовью», а старообрядцам, главным героям предшествующей военной кампании на Северном Кавказе, вновь пришлось спасаться бегством. Причиной столь разительных перемен, видимо, стало государево жалованье, отправленное шевкалу из Астрахани. Сделать такой вывод позволяет

⁵³ Там же, д. 12259.

⁵⁴ Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI—XVII в.: Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 254.

⁵⁵ Яворницкий Д.И. Указ. соч. Т. 1. С. 416.

⁵⁶ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12348, л. 1.

⁵⁷ Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 135—136.

⁵⁸ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1692 г., д. 2, л. 4, 10, 16, 17, 32, 33.

письмо кн. Хованского к Будаю: «В нынешнем в 1692-м году сентября в 4 день писал ты к нам, что воровских казаков-раскольщиков на Аграхани реке осадил, и чтоб великих государей денежную казну, которая послана с Денисом Сербиним, отдать тебе на роздачу ратным твоим людям, и для вспоможения прислать к тебе... ратных людей. И по тому твоему письму послал я товарища своего стольника и воеводу Ивана Григорьевича Волкова морем в судах с пешими полки, да стольника и полковника Григорья Кохановского с конными стрельцы и велел, случась с тобою, чинить над неприятели казаки промысел. И великих государей денежную казну велел стольнику Ивану Григорьевичу отдать тебе»⁵⁹. Не исключено, что к улучшению отношений с Россией шевкала подтолкнула чума, от которой Тарки пострадали так же, как и Терский город: в непосредственном распоряжении Будая осталось всего 500 воинов⁶⁰.

Ключевым моментом разыгравшейся драмы стало сражение на Сунже между 18 и 21 сентября 1692 г. По официальным данным, старообрядцы, пытавшиеся бежать во владения крымского хана, были наголову разгромлены, спастись смогли лишь около 30 человек. Российские отряды Сербина, Волкова и Кохановского к месту событий не успели. На роль победителей старообрядцев претендовали все окрестные горские владетели: княгиня Таука Салтанбековна Черкасская⁶¹, эндириевский мурза Муртазaley и его брат Амирхан, нагайский Чин-мурза Тиноклатов⁶². Главным бенефициаром сентябрьских событий стал шевкал Будай, приславший в Терки «аграханских казаков, которые у него, шевкала, были, и пушки, и протазаны» и получивший долгожданное государево жалованье⁶³.

Впрочем, история разгрома аграханской общины имеет множество белых пятен и нуждается в дальнейшем исследовании. Очевидно, что после сражения на Сунже во владения хана ушло гораздо больше казаков, чем написано в официальных отчётах. По версии донских казаков, события развивались следующим образом: «Нынешней-де осени у шевкала досталные росколники человек с семьсот, кроме жен и детей, просились, чтоб их от себя отпустил на Кубань-реку к расколникам же, и он их отпустил. И как они вошли в леса, и шевкал-де послал мичкизов (чеченцев. — *Авт.*), и велел их побить. И те мичкизы при реке Сунже напали на них и побили с пятьсот человек. А досталные-де человек з двесте ушед, пришли на Кубань, и ныне-де меж Кубана и Лабы реках с раскольщики, с Савкою Пахоменком с товарищи, во владении у турецкого салтана, и всех их ныне в том месте будет з двесте сорок человек. А прежние расколники, которые в прошлом 1692-м году вышли от него же, шевкала, испод владения с Аграхани реки и пришли с повинною на Терек с полтораста человек, и те-де ныне живут на Тереке же»⁶⁴.

По официальной версии Волкова, прибывшего для соединения с войсками Будая и высадившегося на Аграханской косе 18 сентября, события развивались иначе. Аграханцы, узнав о прибытии воеводы, «убоясь того, пошли с Аграхани-реки в Крым, и на дороге-де на переправе на Сунче реке андреевской Мур-

⁵⁹ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12320.

⁶⁰ Лавров Л. И. Тарки до XVIII века // Учёные записки Института истории, языка и литературы ДФ АН СССР. Т. 4. Махачкала, 1958. С. 24.

⁶¹ Башнин Н. В., Гуськов А. Г., Шамин С. М. Княгиня Таука Салтанбековна Черкасская в кавказской политике России // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021 (в печати).

⁶² Русско-чеченские отношения... С. 256—258.

⁶³ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12349, л. 4.

⁶⁴ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1692 г., д. 3, л. 162.

тазелей-мурза да нагайской Чин-мурза Тиноклатов, собрався своего владенья с людьми, тех казаков-расколыщиков побили и поимали, а пошло-де было их, казаков, с Аграхани-реки всех человек с полтора, а ушло-де их, казаков, человек с сорок, а с теми-де Муртазалеем и с Чином мурзами Тарковского Будай шавкала и ево владенья в то число никого не было»⁶⁵. В частном письме Волкова к кн. Хованскому ситуация выглядит ещё более двусмысленно: «Съехался со мною на море терчанин Федор Молчанов, а в вестях сказал, что воровские казаки, уведав про то, что... пошел я с полками на них, и оне, покиня городок свой, побежали. А шевкал будто не ведает, что оне побежали. И их пропусая мимо себя Муртазелей и выпусая в степь, и их многих побили, а жен их и детей в полон поимали, а ушло-де человек с сорок, и за теми-де погнажи, а что сделалось, того он не ведает. И о казне... что прислана к шевкалу, как изволишь, потому что шевкал не был, и не ведает будто, как оне ушли»⁶⁶.

Третий вариант развития событий изложил действовавший отдельно от Волкова голова астраханских пеших стрельцов Денис Сербин: «И в нынешнем в 201 году сентября в 18 числе к расколыщиком казакам, к Левке Мананскому с товарищи, пришли из Крыму казаки, которые от них были посыланы, также и кубанские казаки, которые живут на реке Кубане, пришли к ним на помощь, хотели их проводить до Крыму. И те воровские казаки с реки Аграхани пошли на побег в Крым, и мне то учинилось ведомо, наняв подводы, ездил ко княгине Тауке Салтанбековне, и княгиня, собрав узденей своих наскоро, послали к Муртазалею и к брату его Амирхану и приказала им, чтоб они, служа великим государем... не отпусая таких воров в Крым, учинили над ними промысл. И Муртазалиев брат Амирхан, собрався с своими чеченцами, также и княгинины уздени, догнав тех воровских казаков, осадили на реке Сунче, и учинили с ними бой, и тех воровских казаков розбили, жен их и детей побрали в полон, а иных из них побили и живьем взяли. А из тех воровских казаков, отобрався человек тридцать с небольшим, побежали на побег»⁶⁷.

Четвёртая версия принадлежит самим старообрядцам. Правда, в Астрахань она попала лишь в качестве разведывательных материалов в пересказе ногайских татар. Если исходить из неё, то на аграханцев напали люди Будая и Муртазалея. Однако если верить последнему сообщению, то сведения о полном разгроме казаков сильно преувеличены: «Да и расколышки-де, казаки, которые ушли с Аграхани-реки из городков к ним же, казаком, на Кубань-реку пришли, и били челом крымскому хану, что их шавкаловы и андреевского Муртазалея люди в дороге, как они шли с Аграхани, розбили. И жон и детей побрали, и животы пограбили. И крымской-де хан прислал к шавкалу и к андреевскому Муртазалею мурзам нарочно посыльщиков говорить, для чего-де они, шавкал и Муртазелей, тех казаков, которые шли к нему, крымскому хану, розбили, и жон их и детей и живот побрали, чего-де им чинить было не довелось, а довелось было дать им путь свободной, так же и всякое споможенье, потому что они, казаки, шли к нему, хану, в холопство и желают быть с ними, бусурманы, заодно. А они-де, шавкал и муртазелей, бусурманы же, и чтоб-де они, шавкал и муртазелей, бусурманы, казачьих жен и детей отдали безо всякого мотчанья. А только-де не отдадут, и он-де пришлет на них за то войною»⁶⁸.

⁶⁵ Русско-чеченские отношения... С. 258.

⁶⁶ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12317.

⁶⁷ Русско-чеченские отношения... С. 256.

⁶⁸ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12348, л. 1—2.

Открытым остаётся вопрос о потерях, понесённых ими на Сунже. В любом случае они остались значимой военной силой и продолжили походы в российские владения с Кубани.

Возможно, что именно сомнительные результаты «аграханской сделки» привели к тому, что выплата жалования шевкалу осталась одноразовым событием. Военные действия возобновились уже весной 1693 г. В середине апреля 200 татар еманчеев «владенья тарковского Будая Шевкала» пошли грабить казачьи городки на Дону⁶⁹. Небольшая часть казаков-старообрядцев, проведя зиму на Кубани, вернулась во владения шевкала⁷⁰. В том же 1693 г. Будай, опираясь на помощь Персии, пытался перехватить едущего через Терки в Москву грузинского царевича Арчила, совершив поход в Малую Кабарду. Российское правительство было вынуждено обратиться к калмыцкому тайше Аюке, с тем чтобы его люди проводили царевича из Терков в Астрахань⁷¹. Впрочем, и на участие Аюки в кавказских делах московские власти смотрели без энтузиазма. В начале 1693 г. калмыцкие войска разгромили Барагунское владение Кучук-мурзы, подвластного Москве⁷².

В 1694 г. Будай вновь совмещал дипломатическую пересылку с Астраханью с военными действиями. К началу мая казаки-старообрядцы начали разбойничать на море⁷³. 2 мая они и еманчеи тарковского шевкала пришли к Теркам в Подозерное устье и захватили струги с хлебными запасами. Они же 29 мая приехали на терское Ботловское устье и ограбили стоявшие там суда, которые должны были идти в Астрахань. За ними ходили мурза Алдигирей Черкасский со своими узденями и казанские стрельцы в лодках (100 человек), а также терские конные стрельцы (33 человека) и «новокрещены» (12 человек). Нападавших догнали за островом Чеченем. «Воры» отбились и ушли в открытое море⁷⁴. В октябре 1694 г. российские власти получили сведения о том, что у шевкала живёт больше 20 аграханских казаков⁷⁵. Вопрос о том, что делать с «воровскими» казаками на Каспийском море, обсуждался на самом высоком уровне. В письме Франца Лефорта брату от 7 декабря 1694 г. царский любимец хвастался, что вскоре сможет сделать своего племянника капитаном корабля, поскольку Пётр назначил его самого первым адмиралом. Сообщалось, что скоро начнут снаряжать суда, которые через два года пойдут к Астрахани⁷⁶.

В 1695 г. война на море продолжилась. Об этом известно из допроса стрельца М. Казанца. В 1696 г. он бежал из ногайского плена с Кубани. Захватили его на Каспийском море во время похода 1695 г. против казаков-старообрядцев. Струг Казанца был захвачен отрядом казаков численностью более 150 человек. Позднее его переправили по другую сторону Кавказских гор на Кубань и продали ногайцам, живущим рядом с городком казаков-старообрядцев⁷⁷. Послед-

⁶⁹ Там же, л. 2.

⁷⁰ Там же, д. 13158.

⁷¹ АИ. Т. V. С. 402—403, 405.

⁷² Тепкеев В.Т. Аюка-хан... С. 135—136.

⁷³ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 12544, 12703, 12568.

⁷⁴ Там же, д. 12585. В работе Д.В. Сеня это событие отнесено к 1693 г., что, видимо, является опечаткой (*Сень Д.В.* Набеги «воровских казаков» в Нижнем Поволжье и на Каспии (конец XVII в.): новые материалы и перспективы изучения // Астраханские краеведческие чтения. Вып. V. Астрахань, 2013. С. 359).

⁷⁵ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 12703, л. 2.

⁷⁶ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 145.

⁷⁷ *Сень Д.В.* Набеги «воровских казаков»... С. 360.

нее сообщение особенно важно, поскольку позволяет понять, откуда шевкал Тарков брал казаков для морских походов. Очевидно, что на помощь Будаю приходили те же старообрядцы, которые служили ему в 1689—1692 гг. Разница состояла в том, что теперь казаки подчинялись азовскому бею Кубек-аге⁷⁸ и значительную часть времени проводили в сухопутных походах с его отрядом.

В начале 1697 г. Терский город вновь подвергся нападению. Будай пришёл под его стены вместе с крымскими татарами, возглавляемыми калгой⁷⁹. Единственный документ, который достаточно полно освещает историю этой осады, — челобитная проводника татарина Черпайка Маралова, приведшего российские войска на выручку Теркам: «В нынешнем... в 1697-м году в феврале месяце приходили под Терской город войною неприятельские люди. И... посланы со мною... астраханские жители ратные люди. И я... тех ратных людей до Терка провел чистым путем в добром здоровье»⁸⁰. Осада закончилась безрезультатно. В конце лета 1698 г. Будай послал в Москву посольство из девяти человек во главе с Алей-агой⁸¹.

Боевые действия против российских владений на Северном Кавказе продолжались вплоть до окончания русско-турецкой войны. Россия успешно придерживалась оборонительной стратегии. Московские власти лишь отвечали на нападения противника и максимально использовали возможности дипломатии. Собственно османские войска, в отличие от Приазовья, Подонья или Поднепровья, на Северном Кавказе не появлялись. Главной действующей силой здесь оставалось Крымское ханство. Крымские правители не только выступали организаторами нападений на подконтрольные России территории, но и отправляли в регион свои отряды. Очевидно, что целью Крыма было покончить с присутствием России в данном регионе. Реализовать её не удалось, потому что крымские власти не могли или не хотели отправить на Северный Кавказ достаточное для этого число войск. Война велась силами местных правителей, преследовавших собственные цели, связанные с обогащением и укреплением личной власти. Религиозные идеи войны мусульман против «неверных» озвучивались Крымом в дипломатических посланиях, однако реального влияния на происходящее не оказали. Общим итогом войны можно считать сохранение существовавшего *status quo* среди горских народов и территориальных владений.

⁷⁸ РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1693 г., д. 11, л. 370.

⁷⁹ Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, д. 13644, 13645.

⁸⁰ Там же, д. 13404, л. 2.

⁸¹ Там же, д. 13902.

Александр Гордон Охинул: якобит, генерал и биограф Петра I

Кирилл Станков

Alexander Gordon Okhintul: Jacobite, general and biographer of Peter I

Kirill Stankov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016254-0

По истории иноземных диаспор в России Нового времени имеется широкий круг исследований отечественных и зарубежных историков. Немало внимания уделено и одной из наиболее многочисленных групп выходцев из Западной Европы — шотландцам. Издавна политические и религиозные конфликты, скудость природных ресурсов, бедность страны и другие трудности толкали жителей северной Британии оставлять родину и искать удачи на континенте. Реформирование русской армии во второй половине XVII в. и вызванная ею потребность в квалифицированных офицерах привлекли многих «шкоцких немцев» в Московию. Их приток в Россию особенно усилился в связи с попытками Петра I создать постоянную регулярную армию и флот европейского образца. С начала самостоятельного правления этого русского монарха многие шотландцы вошли в его ближайшее окружение. Одним из них был генерал Александр Гордон Охинул (1669—1752).

Его краткая и до сих пор единственная биография была составлена в Шотландии неизвестным автором и опубликована в начале первого тома написанной самим Охинулом «Истории Петра Великого»¹. Биографический очерк содержит неточности и требует верификации. Поэтому большой интерес представляет сохранившаяся в ф. 150 РГАДА расспросная речь Александра Гордона, где достаточно подробно изложен его жизненный путь до приезда в Россию². Поскольку Охинул сам сообщил о своих скитаниях, этот документ обладает большей достоверностью, нежели более поздние сведения, почерпнутые из неизвестных источников.

Александр Гордон Охинул принадлежал к многочисленному и одному из наиболее влиятельных в Шотландии кланов. В период Реформации большинство Гордонов остались верны Римскому престолу, хотя многие из них перешли в протестантизм. В ходе длительной смуты 1637—1651 гг. Гордоны показали себя верными сторонниками Стюартов. Они одними из первых начали борьбу против ковенантеров — религиозно-политического движения, выступавшего за ограничение прерогатив короны и отмену власти епископов в шотландской Церкви. Отцом Гордона был крупный дворянин из северо-восточной части страны, также Александр (поэтому в России нашего героя называли Александром Александровичем). В период правления британского монарха Якова II

© 2021 г. К.Н. Станков

¹ *Gordon A. The History of Peter the Great, Emperor of Russia. To which is prefixed, A Short History of the Country, from the Rise of that Monarchy: and an Account of the Author's Life: in 2 vols. Aberdeen, 1755.*

² РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1696 г., д. 1.

Стюарта (1685—1688) Гордон-старший принадлежал к так называемым сенаторам — группе управляющих Колледжем правосудия в Эбердине³.

Достигнув сознательного возраста, Гордон-младший стал учиться в местной школе. В 14 лет отец отправил его учиться за границу, что было обычной практикой для отпрысков аристократических семей. Поскольку родители, как и сам Александр, исповедовали католицизм, выбор пал на Францию. Какое-то время Александр занимался штудиями в Париже, но где и чему именно он учился — неизвестно⁴. Его судьба совершила крутой поворот в 1685 г., когда на королевский трон Британии вступил монарх-католик — Яков II Стюарт. Одним из главных направлений своей политики новый монарх избрал улучшение положения единоверцев, ранее подвергавшихся суровым преследованиям. Король пытался предоставить им возможность поступления на военную службу. Оценив открывающиеся перед ним возможности, Александр бросил учёбу и избрал карьеру профессионального военного. В период Реставрации, несмотря на упорные попытки Стюартов, численность собственно шотландской армии оставалась незначительной и не могла включить всех желающих. Поэтому Александр поступил на королевскую службу в английские сухопутные войска. Согласно его расспросной речи, он «служил аглинскому королю Якубусу в прапорщиках, и в порутчиках, в пехоте, и в коннице с пять лет»⁵.

В 1688—1689 гг. грянула «Славная революция», которая смела с престола Якова II. Британская корона перешла к кальвинисту и статхаудеру Нидерландов Вильгельму Оранскому и его супруге — ревностной протестантке Марии Стюарт. Александр остался верен низложенному монарху и вместе с ним эмигрировал во Францию. Не имея средств к существованию, он поступил на военную службу во французскую королевскую армию, где, по его же словам, пребывал в «тех же чинех». Это было беспокойное время. Александр оказался в армии Людовика XIV в самый разгар войны Аугсбургской лиги, побывал во многих полевых сражениях, участвовал в осадах и штурмах крепостей⁶. Историки клана Гордон Дж.М. Баллох и К.О. Скелтон обнаружили свидетельства, удостоверяющие, что А. Гордон участвовал во взятии Немюра 5 июня 1690 г.⁷ Затем его перебросили на испанский театр военных действий, где он отличился в Каталонии при взятии крепости Роза. За участие в данной операции Людовик XIV пожаловал его «в капитаны к пехотному строю». Отслужив во французской армии шесть лет, Александр на время был отпущен на родину «для свидания с сродники своими». Однако вернуться во Францию ему не удалось. В Шотландии прибывшего офицера едва не арестовали, спасло его только поручительство родственников. Кроме того, находясь во владениях короля Вильгельма III, он объявил, «что был во Франции для науки, а не в службе»⁸. По всей видимости, дальнейшее пребывание в Британии оказалось для него небезопасно, поэтому, получив приглашение генерала русской службы и представителя того же клана Патрика Гордона поступить в армию Российского государства, Александр воспользовался представившейся возможностью и покинул Шотландию.

³ A Short Account of the Athor's Life // *Gordon A. Op. cit.* Vol. 1. P. III.

⁴ Ibid. Vol. 1. P. IV.

⁵ РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1696 г., д. 1, л. 3.

⁶ Там же, л. 3.

⁷ *Skelton C.O., Bulloch J.M. Gordon under Arms. Aberdeen, 1912. P. 412.*

⁸ РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1696 г., д. 1, л. 3, 4.

29 октября 1695 г. он прибыл в Ревель, а 31 декабря 1696 г. — в Новгород. В России его приняли радушно. После традиционного расспроса в Посольском приказе его отправили в Разряд, 28 февраля того же года пожаловали чин майора и направили служить в знаменитый Бутырский или Второй московский выборный полк генерала П. Гордона⁹. В этом случае явно не обошлось без помощи могущественного земляка, так как это подразделение было элитным военным формированием, которое в мирное время являлось постоянно действовавшим учебным центром подготовки младшего и отчасти среднего командного состава, а в военное — играло роль ударной силы русских войск. Значительная часть рядового состава происходила из детей боярских¹⁰. Как сообщают документы Посольского приказа, примерно тогда же А. Гордон получил первое жалованье в России — 30 руб., в дополнение к которым из царской казны выдали ценные ткани и несколько связок соболей¹¹.

В это время шла русско-турецкая война. Пётр I вторично осаждал турецкую крепость Азов (1696) и испытывал острую нужду в квалифицированном командном составе. Неудивительно, что А. Гордона немедленно отправили в царскую армию под Азов. В «Дневнике» и письмах генерала П. Гордона о нём упоминается лишь вскользь, и мы не располагаем точными данными о характере участия А. Гордона во Втором Азовском походе. Имеются сведения о том, что он отличился в одной из схваток с крымскими татарами. В 1697 г. Александера произвели в полковники, а в 1698 г. он вновь участвовал в стычках с турками на южном пограничье, 8 октября того же года он вернулся в Москву. В 1699 или 1700 г. женился на овдовевшей дочери П. Гордона. У молодой четы родились несколько детей, однако все они умерли в детстве¹².

Вскоре грянула Великая Северная война. В 1700 г. А. Гордон получил под свою команду полк в 1,2 тыс. человек. Накануне отправки из Москвы под Нарву Пётр I лично инспектировал его и отметил, что солдаты выучены и обмундированы лучше, чем царская гвардия. В первом сражении под Нарвой Гордон руководил крупными силами: помимо уже упоминавшегося полка под его команду поступили батальон пехоты и четыре эскадрона кавалерии. С ними он форсировал р. Нарву и укрепился в окопах между ней и одноимённой крепостью. В своей «Истории Петра Великого» А. Гордон вспоминал, что в том сражении его войска подверглись сильному огню вражеской артиллерии, но удержали позиции. Из Нарвы шведы предприняли вылазку против его частей, однако были отбиты. Гордон и находившийся рядом с ним полковник кн. И.Ю. Трубецкой укрепили свои позиции; более того, А. Гордон предложил построить на их участке форт, укрыв в нём несколько сотен солдат и обеспечив их артиллерией, однако остальные офицеры с ним не согласились¹³.

На страницах «Истории Петра Великого» Гордон сетовал, что из-за погодных условий, сделавших дороги непроходимыми, осаждающие были плохо снабжены боеприпасами. По его мнению, это обстоятельство стало единственной причиной, по которой русским не удалось взять Нарву до подхода короля Карла XII. В победе шведов Гордон не увидел ничего удивительного: большая

⁹ Там же, л. 10.

¹⁰ Полки петровской армии. Краткий справочник. М., 1977. С. 24.

¹¹ РГАДА, ф. 150, оп. 1, 1696 г., д. 1, л. 11.

¹² Гордон П. Дневник, 1696—1698. М., 2018. С. 124; Skelton C.O., Bulloch J.M. Op. cit. P. 412; A Short Account... P. X.

¹³ Gordon A. Op. cit. Vol. 1. P. 140, 145, 148.

часть русской армии состояла из новобранцев и большинство офицеров и солдат никогда ранее не сталкивались с неприятелем. Характеризуя нарвское сражение 1700 г., Гордон в отличие от других западных авторов отмечал мужество русских солдат, которые, несмотря на потери, оборонялись от шведов вплоть до наступления темноты¹⁴. Кроме того, автор «Истории Петра Великого» считает, что эта баталия вполне могла быть выиграна, если бы русские имели более подготовленный и компетентный командный состав. Из «Гистории Свейской войны» известно, что силы Карла XII предприняли удар в двух направлениях: по позициям генералов А.А. Вейде и Ф.А. Головина¹⁵. На других участках, в том числе на позициях кн. И.Ю. Трубецкого и А. Гордона, боевые действия с полковой армией шведов не велись. По словам последнего, на этом этапе боя, если бы удалось собрать все уцелевшие силы русских, получилось бы изменить ход сражения. Во всяком случае, Карл XII не решился бы на вторую атаку. Гордон подчёркивал, что в течение всего боя не сдавал позиций и имел достаточно боеприпасов для их удержания. Лишь по приказу командования он был вынужден сдаться в плен. Возможно, с помощью этих утверждений полковник пытался оправдаться, однако в его рассуждениях доля объективности присутствует¹⁶.

Итогом сражения стало пленение шести русских генералов и нескольких десятков офицеров, в том числе Александра Гордона и его шурина — Джеймса Гордона¹⁷. В «Истории Петра Великого» автор своё семилетнее пребывание в шведском плену обошёл молчанием. В письме соотечественнику лорду Сифилду от 12 апреля 1704 г. он сетовал на тяжелые условия шведского плена. Шведы отказались отпустить его под слово дворянина, что он не вернётся на русскую службу, постоянно держали под караулом и редко выпускали на прогулки¹⁸. Весной 1707 г. Гордона обменяли на шведского полковника Г. Эншёльда. Вскоре после возвращения на царскую службу он был удостоен чина бригадира, а затем Пётр I пожаловал его в генерал-майоры¹⁹.

Во второй половине 1707 г. Гордона направили в Ливонию. Под его командованием находились три полка пехоты и один полк драгун. Здесь генерал вёл партизанскую войну против шведов, тревожа их постоянными мелкими атаками²⁰. В 1708 г. Гордон с крупным контингентом был направлен воспрепятствовать переправе Карла XII через Двину. Корпус генерала-шотландца состоял из батальона гренадеров, трёх полков пехоты и четырёх полков драгун, а также восьми полевых орудий. Тем не менее в битве при Чаплеевке 1 ноября 1708 г. он не смог предотвратить переправу шведского короля через Двину. Простояв несколько часов под интенсивным огнём, войска А. Гордона были вынуждены ретироваться, так как у солдат и артиллеристов иссякли боеприпасы. Позднее в «Истории Петра Великого» он пытался оправдать своё поражение плохим снабжением, подчёркивая, что несмотря на ночную темноту и интенсивный обстрел противником, смог вывести артиллерию и всех раненых. Иначе о действиях Гордона в этом сражении отзывался Пётр I, того же числа оповещая А.Д. Меншикова: «Объявляем вам, что нерадением генерал-маёра Гордона

¹⁴ Ibid. Vol. 1. P. 148—150.

¹⁵ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 84.

¹⁶ Gordon A. Op. cit. Vol. 1. P. 152—154.

¹⁷ История Свейской войны... Вып. 1. С. 208.

¹⁸ Seafield Correspondents from 1685 to 1708. Edinburgh, 1912. P. 372.

¹⁹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907. С. 195; A Short Account... P. X.

²⁰ Gordon A. Op. cit. Vol. 1. P. 264.

Шведы перешли сюды». Всего в этой битве с русской стороны полегло 800 убитых и 900 человек были ранены²¹.

В декабре 1708 г. А. Гордон вместе с генералом Гольцем и кн. М.М. Голицыным получил под общее командование армию в 10 тыс. солдат и с ней действовал в Чёрной Руси против шведского генерала Крассау и отрядов поляков и литовцев, поддерживавших польского короля Станислава Лещинского — ставленника Карла XII. В феврале 1709 г. руководимые русскими генералами силы заняли Киев. В битве у Каменицы они разбили шведов, причём Гордон командовал всей пехотой. Позднее он привёз с собой в Шотландию несколько шведских штандартов и других трофеев, захваченных в ходе этих операций²².

В ноябре 1709 г. генералу А. Гордону была доверена ответственная миссия отправиться к границе с Венгрией и следить за действиями бежавшего после полтавского сражения Карла XII в Бендерах. В январе 1710 г. он «пересёк Зейтс, не потеряв ни одного человека». В это время из-за споров с царским фаворитом А.Д. Меншиковым по поводу расквартирования русских войск в одном из польских городов впал в немилость генерал Гольц. В феврале 1710 г. А. Гордон получил царский приказ арестовать в Люблине бывшего соратника, с чем успешно справился. Позднее Гольца отправили в Сибирь, где тот и умер. После выполнения данного задания Гордона перебросили в Польшу, передав под его команду два полка пехоты и два полка драгун. Он сражался на стороне польского короля Августа II — ставленника Петра I. Вскоре Гордона перевели из крепости Эльбинг, где он тогда находился, в Санкт-Петербург²³.

Затем Александр был направлен в Трансильванию, где его задача заключалась в том, чтобы оказать военную поддержку местным сепаратистам во главе с князем Ференцем II Ракоци против имперской армии. За усердную службу генерал А. Гордон получил от князя ценные подарки, в том числе порядочную партию прекрасного токайского вина²⁴. В начале 1711 г. Александра перебросили из Трансильвании в Польшу, в район Гданьска, где он разместил солдат на квартиры. На этом его служба в рядах русской армии окончилась: генерал получил известие о смерти отца и вместе с супругой решил вернуться на родину, чтобы вступить во владение наследственным имением Охинтул. Подлинные причины ухода Гордона с русской службы неизвестны. Из «Писем и бумаг Петра Великого» следует, что шотландец фактически бежал с русской службы, не оповестив о своём отбытии русскую сторону. Во всяком случае, для Петра I отъезд генерала стал неожиданностью. В ноябре 1711 г. бывший двор А. Гордона в Немецкой слободе передали новому хозяину — царскому придворному повару Яну Фелтену²⁵.

Через год после своего прибытия на родину А. Гордон купил баронию Лейтер в Эбердиншире (северо-восточная Шотландия) и собирался завершить жизнь рядовым помещиком, однако неугомонный нрав и надежды на реставрацию изгнанной из Великобритании династии Стюартов заставили его снова взяться за оружие. 1 августа 1714 г. скончалась королева Анна — по-

²¹ A Short Account... Р. XI—XII ; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 268.

²² Полтавская битва. 27 июня 1709 года. Документы и материалы. М., 2011. С. 239; *Skelton C.O., Bulloch J.M.* Op. cit. Р. 414; A Short Account... Р. XIV.

²³ *Skelton C.O., Bulloch J.M.* Op. cit. Р. 414; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 10. М., 1956. С. 407—409.

²⁴ A Short Account... Р. XIV—XV.

²⁵ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. М., 1962. С. 378, 561; Вып. 2. М., 1964. С. 235.

следняя представительница правящего дома Стюартов. Анна завещала корону ганноверскому курфюрсту Георгу, ставшему британским монархом Георгом I. Якобиты попытались использовать смену династии и широкое недовольство англо-шотландской унией в северной Британии, чтобы привести к власти Якова Фрэнсиса Эдуарда Стюарта (сына свергнутого Якова II), со времени «Славной революции» 1688—1689 гг. пребывавшего в изгнании в континентальной Европе. Сторонники провозгласили его Яковом III. В насмешку противники-ганноверцы называли его «Старым претендентом»²⁶.

27 августа 1714 г. вожди шотландских якобитов под предлогом организации грандиозной охоты встретились в местности Брэмэр, где состоялись переговоры о совместных действиях. Среди прочих приглашённых находился и генерал А. Гордон. В Брэмэре он встретил другого шотландского аристократа, которому было суждено отличиться на русской службе, — лорда Даффаса (в 1723 г. он стал контр-адмиралом российского флота)²⁷. Собравшиеся договорились поднять восстание в пользу Якова III и составили его план. Графу Мару поручалось возглавить движение в Шотландии, Охинтула решили отправить в западный Хайленд (Горную Шотландию) поднимать якобитские кланы Большого Глена и его окрестностей. На самом севере Шотландии, в области Кейтнесс, маркиз Сифорт обязывался созвать многочисленных Маккензи и соседние кланы (всего — до 7 тыс. воинов). Предполагалось, что в северных и западных графствах Англии сторонники «Старого претендента» выступят с оружием в руках против правительства Георга I, а герцоги Ормонд и Берик высадятся с французским десантом на южном побережье Британии. Таким образом, предполагалось, что правительственные силы будут взяты в клещи, парализованы и уничтожены²⁸.

Суровая реальность быстро разрушила воздушные замки якобитов. Единственным, кто справился с полученным заданием, оказался генерал А. Гордон. Он собрал армию из кланов Макдоналдов, Мак-Лейнов, Кэмеронов, Стюартов из Эппина²⁹ и атаковал форпост ганноверцев форт Уильям, лично наступая в первых рядах с палашом в руке. Встретив упорное сопротивление со стороны гарнизона форта, Гордон перенёс боевые действия на территорию герцога Аргайла — вождя клана Кэмпбеллов и одного из ярых сторонников Георга I в Шотландии. Герцог отсутствовал в своих владениях, собирая войска против якобитов, и вёл переговоры с другими ганноверцами в Эдинбурге. Охинтул осадил главное поселение Кэмпбеллов — Инверари, чем поднял среди них немалый переполох. Этот его шаг был неслучайным — он надеялся привлечь на свою сторону часть Кэмпбеллов, лояльных Якову III, а также зависимые от них более мелкие кланы: Мак-Дугалов, Мак-Нилов и др. Взять Инверари якобиты не смогли, но Охинтул с армией остался в тех краях, разбив так называемый Чёрный лагерь в надежде привлечь на свою сторону Кэмпбеллов и их вассалов. Восстания английских якобитов оказались локальными. Охинтул, не получив подкреплений, двинулся с имеющимися силами в Пертшир на соединение с графом Маром, рассчитывая нанести главный удар по Глазго, однако Мар

²⁶ *Szechi D.* The Jacobites: Britain and Europe, 1688—1788. Manchester, 2009. P. 66—78.

²⁷ *Brown J.* History of the Highlands and the Highland Clans. Vol. 2. Glasgow, 1840. P. 265—267. О лорде Даффасе на русской службе см.: *Ноздрин О.Я.* Первый настоящий лорд: одиссея петровского флагамена // Родина. 2009. № 2. С. 86—90.

²⁸ *Chambers R.* History of the Rebellions in Scotland under the Viscount of Dundee and the Earl of Mar, 1689 and 1715. Edinburgh, 1829. P. 178—186.

²⁹ Стюарты из Эппина — древний горский клан Шотландии (не путать с королевской династией Стюартов).

предпочёл захватить Стирлингский мост — ключ от Центральной Шотландии, позволявший контролировать доступ сюда из южных графств. Простояв целый месяц в Пертшире, граф потерял инициативу. В его распоряжении было 10 тыс. человек, не считая тех, с которыми двигался на соединение с ним Охинтул, армия неприятеля составляла 3 тыс. солдат. Главнокомандующий повстанцев совершил ошибку, не собрав силы в один кулак для нанесения сокрушительного удара. 13 ноября 1715 г. на пустоши Шериффмур развернулось несчастное для инсургентов сражение³⁰.

Первыми в бой вступили якобиты. По приказу генерала А. Гордона горцы дали два залпа, нанеся серьёзный урон построившейся напротив них пехоте герцога Аргайла. Затем под руководством Охинтула повстанцы, прикрывшись щитами-таргетами, с палашами в руках обрушились на противника. Бой был упорным и длился около трёх часов. Из-за неумелого командования силы Гордона в центре оказались обнажены: правый фланг во главе с графом Маром опрокинул конницу правительственных войск и увлёкся её преследованием, а левый фланг якобитов в это время был разбит драгунами герцога Аргайла. Горцы в центре мужественно сражались, но даже военное искусство Охинтула не смогло изменить общей ситуации. Центр ганноверцев через несколько часов потеснил их, отступление внесло панику во вторую линию якобитской армии, и начался общий отход. Мар со своей конницей вернулся на поле битвы слишком поздно, чтобы добиться перелома в сражении. Его исход был настолько спорным, что обе стороны объявили себя победителями³¹.

Второе дыхание восстанию антиганноверской оппозиции могла дать высадка Якова III в Шотландии 22 декабря 1715 г. Правительственные войска начали наступление на северо-восток, и Яков III предпочёл ретироваться во Францию, предварительно назначив Охинтула главнокомандующим своими войсками в Шотландии, предоставив генералу Гордону право вести от его имени переговоры с правительством Георга I и передав ему свою небольшую казну, чтобы в качестве награды за военную службу тот распределил её среди своих воинов. Оставшись без венценосного предводителя, армия якобитов двинулась к Эбердину, а затем направилась в Баденох — в самое сердце Горной Шотландии, где генерал Гордон распустил порядком поредевшую от дезертирства армию³².

Охинтул избежал казни и конфискации имущества как один из лидеров восстания, изменив в документах своё имя с «Александра» на «Томаса». Он не рискнул возвращаться в свои имения в Эбердиншире и скрывался в горах и на близлежащих островах. В 1717 г. вместе с другим якобитским лидером — маркизом Сифортом — он эмигрировал во Францию. В 1724 г., ценя способности Охинтула как военачальника, испанцы пригласили его к себе на службу в чине генерал-лейтенанта. Александер, к тому времени уже немолодой человек, потерял интерес к военным авантюрам и отклонил выгодное предложение. В 1727 г., когда страсти вокруг Якова III несколько утихли, Охинтул вернулся в своё поместье. В 1739 г., овдовев, он женился вторично — на дворянке Маргарите

³⁰ *Lenman B.* The Jacobite Clans of the Great Glen, 1650—1784. L., 1984. P. 77, 83—84; *Haile M.* James Francis Edward: the Old Chevalier. L., 1907. P. 171, 174; *Calendar of the Stuart Papers.* Vol. 1. L., 1902. P. 448, 461—469; *Report on the Manuscripts of the Earl of Mar and Kellie preserved at Alloa House.* L., 1904. P. 512; *Chambers R.* Op. cit. P. 247—251; *Keltie J.S.* History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. Edinburgh; L., 1875. Vol. 1. P. 461.

³¹ *Report on the Manuscripts...* P. 514—515; *Keltie J.S.* Op. cit. Vol. 1. P. 462—464.

³² *Report on the Manuscripts...* P. 513; *Keltie J.S.* Op. cit. Vol. 1. P. 466—475.

Монкриф. В конце жизни Гордон вспомнил о своих друзьях и родичах по клану в России и вступил с ними в оживлённую переписку.

Тогда Александер и написал «Историю Петра Великого», основанную во многом на личных воспоминаниях. Главное место в книге занимает описание Северной войны, на фоне которой предстаёт образ Петра I — царя-полководца и государя-преобразователя. Именно так его воспринимает Гордон. Главной чертой этого русского самодержца автор «Истории» считал умение не падать духом перед трудностями и неудачами и извлекать из них уроки. А. Гордон отмечает, что на известие о нарвской катастрофе 1700 г. Пётр сказал: «Русские ещё научатся бить шведов»³³. Другой важной чертой Петра I, по мнению автора книги, являлась его необыкновенная энергия. Практически большую часть царствования государь провёл в пути и на военных манёврах. В Петре Гордону импонировали твёрдость и умение идти на риск (в «Истории» подчёркивается, что Пётр I лично участвовал во многих сражениях), однако без злоупотребления бравадой, что выгодно отличало его от Карла XII. Вообще, А. Гордон считал русского и шведского монархов достойными противниками, определяя Петра как монарха-политика, а Карла видя авантюристом на троне. Во многом в силу этого русский царь, несмотря на все препятствия, добился победы в Северной войне и укрепил своё государство, а шведский монарх разорил своих подданных и погиб во время очередной военной авантюры. А. Гордон отметил особую заботу Петра I о развитии образования и науки в России. Важнейшим событием в подобных начинаниях он считает создание в 1724 г. Академии наук. Успехи царя, по мнению биографа, стали возможными благодаря не только его личным качествам, но и помощи талантливых и энергичных соратников. Книга была опубликована в 1755 г. — уже после смерти Александера Гордона, скончавшегося в июле 1752 г. на восемьдесят втором году жизни в имении Охинтул³⁴.

Наш герой сделал достаточно успешную карьеру, в том числе и в России. Но обстоятельства часто складывались неудачно для генерала, и та сторона, которую он поддерживал, оказывалась проигравшей. Впрочем, многие современники, в том числе Пётр I, высоко оценивали его военные способности. И всё же в историю Александер Гордон вошёл в первую очередь не как военачальник, а как автор одной из первых в Западной Европе книг о великом русском монархе-преобразователе.

³³ *Gordon A. Op. cit. Vol. 1. P. 155.*

³⁴ *Ibid. P. 165—167; Vol. 2. P. 255; A Short Account... P. XVII—XIX.*

Цена побед: о стоимости военных кампаний в России XVIII в.

Игорь Курукин

The price of victories: on the cost of military campaigns in Russia
in the 18th century

Igor Kurukin

(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016247-2

В славном для российского оружия XVIII столетии империя воевала почти полвека — 49 лет. Ход и результаты этих войн изучаются давно и успешно — им посвящены многотомные труды и огромное количество отдельных работ и публикаций документов. Финансовая же сторона военных усилий известна куда меньше, как, впрочем, и история российских финансов данной эпохи. По сути, единственной сводной работой по данной теме остаётся монография С.М. Троицкого¹. В фундаментальной монографии Л.Г. Бескровного приведены подробные сведения о материально-техническом обеспечении армии и флота — о производстве пушек, ружей, пороха, сукна, военных кораблей и т.д. Расходы же в денежном исчислении даны по работе Н.Д. Чечулина о финансах в царствование Екатерины II. Чечулин преимущественно по опубликованным А.Н. Куломзинным финансовым документам рассчитал общие расходы на армию и флот и отдельно выделил средства, пошедшие непосредственно «на войну», не указав принцип подобного разделения. Согласно расчётам Чечулина, русско-турецкая война 1768—1774 гг. обошлась казне в 34 755 тыс. руб. (помимо прочих обычных расходов на армию и флот); для войны 1787—1791 гг. автором даётся гораздо меньшая сумма — 11 300 тыс. руб. (помимо прочих военных расходов)².

Для подобной ситуации есть свои объективные причины, кроме сложности подсчётов обычных трат на содержание армии и расходов, связанных с конкретными военными действиями. В первой половине XVIII столетия отсутствие «единства кассы» делало невозможным для современников (и для историков) точный учёт потребностей, доходов и расходов отдельных ведомств. В жаловавшейся на недостаточное финансирование Военной коллегии (сами военные оценивали долги государства перед ними за пять лет начиная с 1724 г. в 2 227 057 руб. 57³/₄ коп.)³ «штатская» комиссия кн. Д.М. Голицына обнаружила объявлявшиеся каждый год «остаточные» суммы, которые складывались из невыплаченного жалованья, «разных сборов», помимо подушной подати, сэкономленных на закупках сумм и т.д. и составили за три года почти

© 2021 г. И.В. Курукин

¹ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.

² Чечулин Н.Д. Очерк по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 314—315, 316—317; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке (очерки). М., 1958. С. 377—378.

³ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 20, ч. 1, л. 22.

6,5 млн руб. (не считая стоимости хранившегося в армейских «магазинах» провианта и фуража)⁴.

Расчёты между ведомственными кассами порой заводили в тупик. В 1739 г. Военная коллегия жаловалась на неуплату Штатс-конторой им «на полки персидского и ландмилицкого корпуса» 710 746 руб. Однако штатские чиновники полагали, что должны только 1 тыс. руб., и платить отказались. Не имевший возможности рассмотреть дело по существу Кабинет, как обычно, отправил бумаги обратно с требованием «учинить счета» и найти деньги. Дело разрешилось компромиссом: Штатс-контора отыскала 200 тыс. руб., а просьбу выдать недостающее отправила «наверх» — к императрице, лично распоряжавшейся доходами Соляной конторы⁵.

Ревизион-коллегия в мае 1732 г. докладывала: коллегии и конторы прислали счета «неисправные», из которых «о суммах приходу и расходу видеть было нельзя». Далее перечислялись причины: чиновники ссылались на исчезнувшие документы или на отсутствие ответственного за «счета» лица; в других учреждениях составлялись бумаги за подписью мелких клерков, а не руководства; третьи действовали по принципу «подписано — и с плеч долой», отказываясь принимать «неисправные» документы обратно. Наиболее невразумительными отчётами отличалось как раз военное ведомство: присланные им бумаги оказались «весьма неисправны, а против прихода и расхода написаны недостатки, и в прочем одни с другими смешанные, отчего не только впредь, но ныне произошла камфузия»⁶. Эти выводы нельзя не признать справедливыми: при разборе архивных документов финансовой отчётности уразуметь их смысл и систему подачи цифр бывает порой весьма трудно, а сопоставить с показателями других лет часто невозможно.

Даже в более поздние времена и при более точном учёте внештатные расходы нередко совершались на основании записок Екатерины II с приказанием о выдаче суммы из средств того или иного ведомства. Поэтому перед Экспедицией о государственных доходах задача систематизировать расходную часть не ставилась, и до 1780-х гг. расходной ведомости не существовало. Позже она «сочинялась» нерегулярно и неполно — в ней показывали лишь те траты, которые образовывали ресурс казны. Время от времени по требованию Екатерины задним числом составлялись ведомости о чрезвычайных расходах в связи с военными действиями⁷.

Между тем в архивных документах можно встретить и более конкретную информацию о военных расходах. Поделюсь некоторыми, пусть и неполными, данными о расходах во время Персидского похода Петра I 1722 г., Семилетней войны 1756—1763 гг. и русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. Первая из названных кампаний была короткой. Собранная в Астрахани пехота (семь драгунских полков, украинские и донские казаки двигались степью) вышла в море на десантных судах 18 июля 1722 г. 7 июля началась высадка на Аграханском полуострове; 5 августа войска выступили из лагеря в поход до Дербента, а уже 6 августа двинулись назад; в сентябре большая часть армии

⁴ РГВИА, ф. 23, оп. 1/121, д. 825, л. 3.

⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 126. СПб., 1907. С. 192—193.

⁶ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. 1731—1740 гг. // Сборник ИРИО. Т. 106. СПб., 1899. С. 110; РГАДА, ф. 248, оп. 5, д. 229, л. 270—273 об.

⁷ Разманова Н.А. Первый государственный казначей России: к 250-летию со дня рождения А.И. Васильева // Финансы. 2012. № 2. С. 20.

вернулась в Россию. Общая численность войск, назначенных для участия в походе, составляла около 50 тыс. человек, однако с учётом отставших и оставшихся в лагере в марше от места высадки до Дербента участвовало меньше 40 тыс. человек. Построенный флот должен был обеспечить переправу войск и снаряжения и снабжение провиантом на берегах Каспийского моря. Войска заняли Аграханский полуостров и приморский Дагестан до Дербента. Боевые столкновения были незначительными. Самыми страшными «неприятелями» оказались непривычные природные условия и «вредительный» климат. Именно они, судя по итоговым октябрьским рапортам командиров отрядов регулярных войск (28 510 человек), вызвали наибольшие потери в войсках. Во время короткой экспедиции 2 541 человек умерли и 257 пропали без вести — без учёта скончавшихся после похода больных.

18 декабря император и гвардия парадом вступили в Первопрестольную через триумфальные ворота. В Петербурге сенаторы «за здоровье Петра Великого, вступившего на стези Александра Великого, всерадостно пили». Менее торжественно подводились финансовые итоги. 19 декабря Штатс-контор-коллегия доложила Сенату, что расходы на провиант составили 320 048 руб., а перед тем назвала сумму чрезвычайных расходов по Адмиралтейству — 323 057 руб. (если не вся она, то как минимум значительная её часть была связана с подготовкой похода на Каспий). Позднее, в 1731 г., Военная коллегия подсчитала, что на жалованье, артиллерию, амунизию, покупку судов и прочих припасов (за исключением провианта) для похода 1722 г. было истрачено 681 574 руб.⁸ Таким образом, военная экспедиция на Кавказ обошлась казне минимум в 1 млн руб., не считая обычных расходов на армию.

Точную же стоимость военной операции установить едва ли удастся, однако ясно, что она была ещё выше. В числе сверхсметных расходов Штатс-контора указала подарки хану Аюке (тысяча золотых и меха на 5 тыс. руб.) и его калмыкам (25 тыс. руб.), направленные резиденту Ивану Неплюеву в Стамбул 8 тыс. золотых и меха на 9,5 тыс. руб. Камер-коллегия известила о поставке смолы в Астрахань на 1 413 руб., а Медицинская канцелярия сообщила, что в 1722 г. в Низовой корпус было отпущено лекарств на 13 512 руб.⁹ Именно военные расходы стали главной статьёй рекордного роста трат «сверх окладу», составивших в 1722 г. 1 684 960 руб. против 290 259 руб. в 1720 г. и 580 272 рублей в 1721 г. Значительную часть указанной итоговой суммы — 639 960 руб. — составила выплата компенсации Швеции по договору 1721 г.¹⁰ Кроме того, в 1722 г. в России состоялись два рекрутских набора — в армию были взяты 25,5 тыс. человек.

Семилетняя война стала гораздо более масштабным конфликтом. В сентябре 1759 г. Коллегия иностранных дел запросила Сенат, сколько за три прошедших кампании «за границую на содержание российской армии вышло и здесь в государстве на вооружения как армии, так и флота издержано». По запросам в ведавшие военными делами и снабжением войск учреждения (Военную и Адмиралтейств-коллегии, Главный комиссариат, Главную провиантскую канцелярию, Канцелярию главной артиллерии и фортификации и проч.) были составлены последовательно дополнявшие каждую из предыдущих четыре ведомости. Последняя из них — «генеральная ведомость» от 17 ноября — сооб-

⁸ РГАДА, ф. 248, оп. 7, д. 380, л. 153 об., 222 об.; оп. 8, д. 437, л. 691, 699.

⁹ Там же, оп. 7, д. 380, л. 153 об.—154; оп. 8, д. 437, л. 702.

¹⁰ Там же, оп. 7, д. 380, л. 152, 153, 222 об.

щает, что подготовка и ведение военных действий за три с небольшим года обошлись России в 30 915 865 руб. 82³/₄ коп.¹¹

Точность приведённых в этой последней ведомости цифр вызывает сомнения — по причинам весьма относительной полноты собранных за короткий срок данных и разобщённости собиравших и тративших деньги ведомств. Тем не менее приведённые в «генеральной ведомости» данные могут быть взяты за основу при оценке бремени военных тягот России в войне. Согласно им, эта сумма включала затраты на жалование войскам, на артиллерию и вооружения флота, на заготовку провианта и «мундирных и амуничных вещей», а также нераскрытые «чрезвычайные разные расходы».

Естественно, что весьма большие для страны траты (по подсчётам С.М. Троицкого, все доходы империи за 1758 г. составляли 15 млн руб.)¹² не могли быть осуществлены в рамках обычного военного бюджета — уже по штатам расходов на армию от 1 мая 1756 г. «воинские расходы» составляли 6 683 096 руб. и превосходили размеры подушного сбора (5 212 685 руб.), поэтому на «удовольствие» войск тогда же было решено отпускать ещё почти 1 млн руб. из «новоположенных» после повышения в 1750 и 1756 гг. цен на хлебное вино доходов, из «соляных денег» и из «таможенных новоположенных прибыльных пошлин»¹³.

Судя по «генеральной ведомости» 1759 г., «окладные» суммы в 1757 и 1758 гг. покрывали меньше половины расходов действующей армии. Для финансирования военных действий употреблялись уже названные «новоположенные» доходы. Сюда же пошли чуть более 3 млн руб. «от Конференции», представлявшие собой австрийские субсидии согласно заключённой в январе 1757 г. конвенции. Деньги поступали в Коллегию иностранных дел от австрийского посла Эстергази¹⁴. На войну шли средства, полученные «от переделу медных денег» — чеканки копеек, денег и полушек новыми штемпелями по 16-рублёвой стопе из пуда меди. По мнению исследователей, эта операция принесла казне 6 млн руб.¹⁵ Трудности финансирования затянувшейся войны вызвали и повышение прямого налога — увеличение с 1761 г. оброчного сбора с государственных крестьян с 40 коп. до 1 руб.¹⁶

В числе неназванных «разных сумм» и «протчих доходов» можно предполагать сборы, полученные российской администрацией в завоеванной Восточной Пруссии. Согласно сведениям губернатора Н.А. Корфа, в 1757—1758 гг. с новых российских подданных было собрано 1 878 197 талеров; на месте было потрачено 617 548, остальное (1 260 554 талера, что составляло 882 457 руб.) предназначалось для действующей армии¹⁷. Сюда же можно отнести личные

¹¹ Троицкий С.М. Финансовая политика... С. 231.

¹² Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. // История СССР. 1957. № 3. С. 197.

¹³ ПСЗ-I. Т. 14. № 10547.

¹⁴ В ведомости, направленной 22 мая 1762 г. в Секретную экспедицию Сената, отмечено получение от Эстергази 1 млн руб. в 1757 г., 500 тыс. руб. в 1758 г., 1 млн в 1759 г., 1 млн в 1760 г. и 500 тыс. в 1761 г. Общая же сумма указана в размере 4,5 млн руб., что не соответствует подсчётам; возможно, получение денег за вторую половину 1758 г. в тексте пропущено. Далее указано, что в 1761 г. командующий корпусом генерал-лейтенант гр. Г.П. Чернышёв получил ещё 400 тыс. руб. Если верить итоговой сумме в 4,5 млн, то всего в Россию поступило 4 млн 900 тыс. «субсидных денег» (РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 255, л. 1–4).

¹⁵ Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России... С. 209.

¹⁶ Сенатский архив. Т. 11. СПб., 1904. С. 429; ПСЗ-I. Т. 15. № 11120.

¹⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1111, л. 181. Эти деньги по решению Сената тратились на доставку провианта в армейские магазины на Висле (Сенатский архив. Т. 12. СПб., 1907. С. 113). С 1761 г.

«комнатные» средства самой императрицы Елизаветы Петровны. Рескрипт из Конференции от 12 января 1761 г. извещал командующего А.Б. Бутурлина, что из отпущенной императрицей 1 тыс. пудов серебра к сентябрю будет начеканено 1 млн руб. «прусскими деньгами»¹⁸. Помимо того, невысылка в действующую армию в срок денег отчасти «исправлялась» займами самого командующего по векселям на свой «кредит»¹⁹, «контрибуционными деньгами» и экономией на жалованье от «некомплекта» в полках.

Между тем Военная коллегия сама производила подсчёт военных расходов за те же 1756—1759 гг. В этом «валовом щете» военные впервые решили учесть «стоимость» российских солдат, навсегда оторванных от своих хозяйств: «За собранных в 1754, 56, 57, 58 и в нынешнем 1759 годах рекрут 231 644 человека положить за каждого только по 60 руб., то зделает за всех 13 898 640». Выходило, что все военные расходы за 1756—1759 гг. составили сумму в 43 409 842 руб. 44 коп.²⁰ Очевидно, военные чиновники посчитали всех «запланированных» рекрутов. Данные Сената говорят о том, что их было несколько меньше: по набору 1757 г. (1 рекрут со 194 душ) требовалось собрать 30 425 человек, на деле же собрали 29 143, а «привели» в полки и того меньше — 25 402 человека. Набор 1758 г. (1 рекрут со 116 душ) должен был дать 50 276 человек; собрали же к февралю 1759 г. 44 443 человека; вместо положенных по «наряду» на 1759 г. 50 тыс. человек (по норме 1 рекрут со 128 душ) были собраны к декабрю 49 236 человек²¹.

Мне не удалось обнаружить данных за 1760—1761 гг., аналогичных сделанным за 1756—1759 гг. подсчётам военных расходов. Однако можно полагать, что они оказались примерно такими же, поскольку рассчитывались по «образцу» прошлых лет. На 1760 г. был запланирован 1 млн руб. из винных и соляных денег (как и на 1761 г.), 784 021 руб. из подушной подати, «жалованная сумма» провиантских и «комиссариатских» расходов в размере 1 465 728 руб. (как и в 1759 г.)²². Представляется, что расходы на действующую за границей армию в 1760 и 1761 гг. едва ли могли быть меньше сделанных (согласно последней «генеральной ведомости») в 1758 и 1759 гг. — соответственно 6 454 368 и 6 664 480 руб. (подсчёты мои. — *И.К.*). Таким образом, если не брать в расчёт предложенную Военной коллегией стоимость «человеческого материала», то к итоговой сенатской сумме в 30 915 865 руб. следует добавить ещё не менее 13 млн руб. за 1760—1761 гг. — и в итоге получатся те же 43 млн руб.

Примерно в тех же объёмах прогнозировал финансовое бремя и М.И. Воронцов. В своём «рассуждении» от 10 ноября 1760 г. он указывал, что «в сию войну уже слишком 40 миллионов рублей истрачено» за вычетом ежегодных контрибуций на содержание армии и австрийской субсидии²³. Верхней «планкой» военных трат можно считать сумму в 60 млн руб. — эта цифра содержа-

с Восточной Пруссии стали собирать деньги вместо рекрутов, набор которых признали нецелесообразным. В 1761 г. собранные по этой статье 160 735 талеров были отправлены в армию (Там же).

¹⁸ РГВИА, ф. 39, оп. 1/79, д. 254, л. 18. Пожалованная Елизаветой 1 тыс. пудов представляла собой примерно четырёхлетние поступления серебра с Колывано-Воскресенских заводов (200-летие Кабинета его императорского величества. СПб., 1911. С. 334).

¹⁹ Сенатский архив. Т. 12. С. 20. П.С. Салтыков обладал «полной мочью» заключать договоры с банкиром Риокуром (Архив князя Воронцова. Кн. 6. М., 1873. С. 374).

²⁰ РГАДА, ф. 20, оп. 1, д. 200, л. 1.

²¹ Там же, ф. 248, оп. 113, д. 1081, л. 25 об., 43, 46, 74.

²² Сенатский архив. Т. 11. С. 172; Т. 12. С. 3.

²³ Архив князя Воронцова. Кн. 4. М., 1872. С. 176.

лась в составленном в конце 1760 г. проекте инструкции российским дипломатам Г.К. Кейзерлингу и П.Г. Чернышёву, которые должны были отправиться на так и не состоявшийся мирный конгресс в Аугсбург²⁴. Соответствующие ей расчёты нам неизвестны, так что, скорее всего, внушительная сумма призвана была подкрепить позиции российских представителей: им следовало добиваться передачи Восточной Пруссии России, но при отсутствии поддержки со стороны союзников они имели право предложить её возвращение Фридриху II за 12 млн талеров.

Стоимость русско-турецкой войны 1768—1774 гг. подсчитали уже к её окончанию. В 1880 г. чиновник Государственной канцелярии и член Русского исторического общества А.Н. Куломзин опубликовал ряд важных документов, позволяющих судить о финансовом состоянии империи в царствование Екатерины II. Среди них — «всепопданнейший доклад» генерал-прокурора кн. А.А. Вяземского, содержащий «Счет о суммах чрезвычайных на содержание войск сухопутных во время бывшей войны употребленных»²⁵. В публикации ссылка на него указана по старому шифру («Дела по сношениям генерал-прокуроров с Сенатом, св[язка] 3»), однако документ поддается идентификации — это поданный в ноябре 1774 г. подлинник доклада за подписями самого кн. А.А. Вяземского и обер-прокурора Экспедиции о государственных доходах Сената А.И. Васильева²⁶.

Помимо собственно короткого доклада, документ содержит подсчёт чрезвычайных расходов во время только что прошедшей русско-турецкой войны. Основная часть доклада представляет собой пронумерованные счета по годам: «под № 1-м — о суммах на содержание сухопутного войска. Под № 2-м — о суммах на флот, в Средиземном море находившийся. Под № 3-м — о суммах в артиллерию и на крепости. Под № 4-м — о суммах чрезвычайных, в Адмиралтейскую коллегию и вице-адмиралу Синявину выданных. Под № 5-м — о суммах на министерские расходы. Под № 6-м — о суммах же чрезвычайных на внутренние расходы. Под № 7-м — о суммах, на покупку товаров употреблённых. Под № 8-м — генеральной, из всех ведомостей состоящий».

Итог составил 47 516 260 руб. Однако следует учесть, что авторы доклада указали не только военные, но и вообще все чрезвычайные расходы за указанные годы. Поэтому, как кажется, из итоговой суммы стоит исключить счёт № 4 на 3 029 564 руб. — он отражает расходы Адмиралтейств-коллегии, не связанные с боевыми действиями флота в Архипелаге, поскольку последние посчитаны отдельно. Счёт № 6 (внутренние расходы «из чрезвычайных сумм» в размере 3 700 702 руб.) содержит траты на строительство Екатеринослава, выдачи «в награждение», уплату процентов по внешним займам, расходы на строительство дорог, Екатерининского канала в столице и водовода для дворцовых прудов Царского Села, выдачи Медицинской коллегии, Сухопутному Шляхетскому кадетскому корпусу, Александро-Невской лавре, «фарфоровой фабрике», Тайной экспедиции Сената, Академии художеств. Наконец, счёт № 7 «о казённых товарах» на 3 824 159 руб. касается граничных операций придворного банкира И.Ю. Фридрикса по реализации российского железа, закупке испанской соли и других неназванных товаров.

²⁴ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 29, л. 58 об.

²⁵ Сборник ИРИО. Т. 28. СПб., 1880. С. 191—212.

²⁶ РГАДА, ф. 168, оп. 1, д. 134, л. 1—14.

Поименованные в счетах № 3 и № 5 расходы тоже не целиком связаны с войной. Конечно, военные действия требовали и дипломатических усилий — здесь и выкуп пленных, и траты на «татарскую комиссию», на крымского «калгу-султана» и на неудавшийся переговорный конгресс с турками в 1772 г. Однако трудно сказать, например, на что конкретно пошли 611 247 руб., предоставленные «в диспозицию» Н.И. Панину. А по счёту № 3 не раскрываются немалые «инженерные расходы»; неизвестно предназначение 352 019 руб., выданных «в диспозицию» генерал-фельдцейхмейстеру Г.Г. Орлову; 148 503 руб. пошли не на укрепление южных границ, а в «финляндский департамент крепостей». Принимая во внимание сказанное, можно грубо предположить, что связанные с военными действиями расходы составили 35—36 млн руб.

Представление о расходах на русско-турецкую войну 1787—1791 гг. даёт сводный финансовый документ из фонда Кабинета Екатерины II под названием «Ведомость о разных суммах, отпущенных с начала турецкой войны в ведение князя Григория Александровича Потёмкина Таврического и по его назначению другим»²⁷. Ведомость не датирована и не подписана, однако является белой рукописью и не содержит каких-либо исправлений или помет. Скорее всего, она составлена в Кабинете по окончании военных действий и смерти Г.А. Потёмкина, поскольку учитывала выплаты, состоявшиеся вплоть до 19 сентября 1791 г., и указывала конкретных лиц, присланных «от его светлости» для получения денег из Санкт-Петербургского казначейства для остаточных сумм или Ассигнационного банка; в других случаях отмечено, что средства передавались под расписку находившемуся в Петербурге адъютанту и доверенному лицу Потёмкина М.А. Гарновскому, через руки которого проходили миллионные суммы. При записях об отпуске денег из губернских учреждений указывались полученные об этом в столице «уведомления».

Финансирование чрезвычайных военных трат началось ещё «до действительного открытия турецкой войны» в октябре—декабре 1786 г. отпуском средств на армейские провиант и фураж (ввиду «превышения цен штатных») и жалованье казакам. Как оговаривалось в тексте, данные расходы предусмотрены для двух южных армий и флота, «не касаясь тех сумм, кои ассигнованы прямо в ведение графа Петра Александровича Румянцева Задунайского и особо по Кавказскому корпусу».

Большая часть денежных средств отпускалась из Ассигнационного банка, петербургского и московского «остаточных казначейств» и Монетного департамента. Из первого поступали бумажные деньги; из остальных — как ассигнации, так и серебряная монета (иногда указывалась как «мелкая») и золотые червонцы; из третьего — серебро, червонцы и серебряные «ефимки»-талеры (в 1789 г. «ефимок» считался за 1 руб. 75 коп.). Ведомость отмечает, что деньги выдавались на руки явившимся за ними армейским офицерам. В 1786 г. 2 млн руб. из Ассигнационного банка получил ротмистр Сергей Бабаев, а 769 934 руб. золотом и серебром из Монетного департамента увёз поручик М. Ильин; в 1789 г. артиллерийский капитан Т. Захарьин забрал из того же департамента 226 450 золотых червонцев на 830 316 руб.²⁸

В 1789 г. крупную сумму в 3 млн руб. под весьма высокий процент (30 коп. с рубля) дали при посредничестве придворного банкира Р. Сутерланда варшавские банкиры — из-за необходимости закупки в Польше провиан-

²⁷ Там же, ф. 10, оп. 3, д. 87, л. 3—54.

²⁸ Там же, л. 4, 20.

та для находившейся в Молдавии армии²⁹. Менее крупные суммы (от 13 до 250 тыс. руб.) поступали непосредственно из казённых палат Санкт-Петербургской, Московской, Псковской, Калужской, Ярославской, Орловской, Тульской, Пензенской, Смоленской, Саратовской, Рязанской, Екатеринославской, Черниговской, Харьковской, Курской, Могилёвской, Воронежской, Тамбовской губерний. Получали их офицеры и даже не имевшие офицерского ранга лица — в марте 1791 г. в Киев за предназначенными для капитана Пустошкина 50 тыс. руб. прибыл письмоводитель канатного завода Василий Казырский. Эти же гонцы затем доставляли средства по назначению и передавались из рук в руки: в феврале 1790 г. поручик Фурсов получил 10 тыс. руб., которые «по доверенности» отдал бахмутскому купцу Гаврилову. В иных случаях деньги отправлялись «через почту» или с подрядившимся лицом (с указанием соответствующих почтовых расходов или платы «за своз денег») прямо «к его светлости», в действующую армию к конкретным командирам (генерал-аншефам М.Н. Кречетникову и П.А. Текели, капитану 1-го ранга П.В. Пустошкину, генерал-майору Н.А. Андрееву), к интендантам (флотскому обер-штер-кригс-комиссару М.Л. Фалееву, «обер-квотермистру» Маркловскому) или в иные места, например в «контору Таганрогского порта». Иногда деньги в губернских городах принимали сами купцы-подрядчики поставок для войск — так в 1787 г. в Чернигове получил 5 тыс. руб. за поставленное вино кременчугский купец Алексей Топольцов; в 1789 г. в Могилёве 35 649 руб. были выданы «казённому комиссионеру» Ноте Хаимовичу; тульская казённая палата в 1790 г. отправила надворному советнику Гончарову и купцу Мешкову 28 148 руб. за парусину для флота; в декабре 1790 и в апреле 1791 г. по требованию Потёмкина нижегородский купец Степан Фальковский получил в Смоленске соответственно 25,5 тыс. и 18,5 тыс. руб.³⁰

Итоговые цифры таковы: в 1786 г. князю было отпущено 3 769 934 руб.; в 1787—1788 гг. к нему поступили 5 935 878 руб., 1789 г. — уже 11 618 756 руб., 1790 г. — 5 456 983 руб. и в 1791 г. — 10 035 539 руб. Прямые денежные расходы на действующие армии (включая Кубанскую) и Черноморский флот составили 36 817 092 руб. 39¹/₄ коп. К этой сумме составители ведомости добавили стоимость заготовленного и полученного войсками хлеба на сумму в 4 942 908 руб., что в общей сложности составило 41 760 тыс. руб. 56³/₄ коп.³¹

Приведённые данные являются ещё «сырым» материалом; полнота их учёта оставляет желать лучшего, а качество самой документации порой не даёт возможности с уверенностью ответить на вопрос, насколько те или иные расходы действительно связаны с военными действиями или вызваны ими. Столь же трудным представляется и подсчёт человеческих потерь — информация такого рода распылена по многочисленным рапортам командиров отдельных частей. Тем не менее они могут быть отправной точкой дальнейших исследований. Их задачей должно стать сравнение военных трат с соответствующими расходами других европейских держав и, в итоге, получение представления о том, каким было реальное бремя военных тягот молодой Российской империи и насколько оно влияло на качество жизни и динамику развития страны.

²⁹ Там же, л. 21 об.—22, 47 об.—48.

³⁰ Там же, л. 10, 26, 28, 44.

³¹ Там же, л. 54.

Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701—1703)

Ирина Шамина

Practical implementation of the first stage of the Church reform of Peter I (1701—1703)

Irina Shamina

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016256-2

Исследователи церковных преобразований Петра I неоднократно отмечали стремление царя поставить под контроль государства церковные институты. Реформа Церкви имела политические, экономические, идеологические и иные аспекты и проходила в несколько этапов. Отдельные постановления, ограничивавшие имущественные права духовенства, появились ещё в середине 1690-х гг. 6 декабря 1696 г. вышел указ об установлении государственного контроля над деревянным, каменным и келейным строительством в монастырях, в 1697 г. — о нерасходовании денег в епархиях на возведение новых зданий и присылке в Москву денежных и хлебных расходных монастырских книг¹. После поражения под Нарвой возникла необходимость в восстановлении артиллерии, для чего последовал указ о снятии церковных колоколов и сдаче колокольной меди, который, к сожалению, не сохранился. П.В. Седов датировал его 22 января 1701 г.² Однако все эти мероприятия не имели системного характера.

В октябре 1700 г. скончался глава Русской Православной Церкви — патриарх Адриан, и на смену ему Пётр назначил местоблюстителя — рязанского митрополита Стефана (Яворского), из ведения которого были исключены хозяйственные вопросы и судебная власть. 16 декабря 1700 г. царь упразднил Патриарший разряд, а дела, которые в нём рассматривались, были переданы в приказы, ведавшие мирскими людьми. Церкви в лице местоблюстителя остались лишь духовные дела по расколу, «противностям» и ересям³. Спустя немногим более месяца, 24 января 1701 г., был восстановлен Монастырский приказ, во главе которого встал боярин И.А. Мусин-Пушкин, — управлять епархиальным имуществом и судить лиц духовного чина стало светское государственное учреждение⁴. Данный указ положил начало церковной реформе Петра I. По словам И.М. Покровского, положительно оценивавшего значение реформы, в результате преобразований «с государственных отпращиваний» была

© 2021 г. И.Н. Шамина

¹ Последнее распоряжение получило отражение, в частности, в переписной книге церквей Устюжской епархии 1696/97 г. Подробнее см.: *Черкасова М.С.* Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда, 2021. С. 62—75.

² *Седов П.В.* Снятие церковных колоколов для литья пушек в начале Северной войны // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 25—40.

³ ПСЗ-I. Т. 4. № 1818.

⁴ Там же. № 1829.

снята «печать церковности и на многие церковные дела наложена печать гражданственности»⁵.

Церковные преобразования Петра I неоднократно привлекали внимание исследователей⁶, но их воплощение пока не получило обстоятельного освещения. Между тем для понимания сущности и характера реформы особенно важно проанализировать конкретные шаги правительства по её реализации. Данного вопроса коснулся М.И. Горчаков, подробно разобравший историю функционирования Монастырского приказа. Он охарактеризовал значение переписных книг, составленных по инициативе последнего, указав, что этот источник не только богат информацией, необходимой для изучения Монастырского приказа, но и представляет собой «драгоценнейший материал для истории русской жизни конца XVII и начала XVIII веков во всех отношениях»⁷. Более подробно начало церковных преобразований Петра I охарактеризовал И.А. Булыгин. Он разобрал этапы реформы и ход подготовки переписи архиерейских домов, монастырей и церквей. Историк удалось обнаружить 23 сохранившиеся переписные книги, где описаны 4 архиерейских дома, 149 монастырей и более 70 церквей⁸. Е.Н. Швейковская, рассматривая вопрос об обеспеченности крестьянских хозяйств надельной землёй в конце XVII — начале XVIII в., остановилась на характеристике переписной книги Вологодского архиерейского дома, отметив, что в ходе переписи начала XVIII в. «учёту подлежали вся церковная утварь, одежда, книги, казна, а также акты, на основании которых монастырь или архиепископский дом владел своими землями и деревнями»⁹.

Непосредственно проблему реализации церковной реформы Петра I затронула Н.В. Соколова. Опираясь на переписные книги церковно-монастырских владений Нижегородского уезда начала XVIII в., она проанализировала организационные принципы и практику проведения переписи в регионе¹⁰. Н.В. Башнин на примере Вологодского архиерейского дома рассмотрел источниковедческий аспект реализации реформы. По словам исследователя, предпринятое Монастырским приказом в 1701 г. описание «дало государству документы, на основании которых можно было составить полное представление о хозяйстве и имуществе Вологодского дома Св. Софии»¹¹. Несколько шире — на материалах Вологодской и Белозерской епархии — осуществление петровских замыслов на

⁵ Покровский И.М. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 2. Казань, 1913.

⁶ Обзор историографии церковной реформы Петра I см.: Седов П.В. «Все-де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI—XVIII вв.). Сборник статей. СПб., 2013. С. 122—124.

⁷ Горчаков М. Монастырский приказ (1649—1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868.

⁸ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977.

⁹ Бакланова [Швейковская] Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 52.

¹⁰ Соколова Н.В. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII в.: Опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калининград, 2008. С. 44—60.

¹¹ Башнин Н.В. Церковная реформа Петра I: источниковедческий аспект (по материалам Вологодского архиерейского дома Св. Софии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 5. С. 113—130; Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII — начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2020.

практике изучила М.С. Черкасова. Она пришла к выводу о том, что описание архиерейского дома и монастырей являлось «весьма масштабным мероприятием», для которого, помимо стольников из Монастырского приказа, привлекались архиерейские слуги и выборные от крестьян. Последние предоставляли свои «скаски», по которым можно уточнить хронологию описания в епархии¹².

На примере Вологодско-Белозерской и Устюжско-Тотемской епархий Н.В. Башнин и М.С. Черкасова провели сравнительно-исторический анализ экономических и социальных сторон церковных преобразований Петра I в 1690-х — начале 1700-х гг. Авторы пришли к выводу, что начальный этап церковной реформы был сосредоточен в первую очередь на социально-экономических вопросах: «Успешное введение контроля за церковной собственностью позволило в дальнейшем провести административно-правовое реформирование»¹³.

Внимание исследователей реформы к Вологодскому уезду не случайно. По данному региону хорошо сохранились документы, отражающие изучаемые процессы. Однако источники фиксируют положение дел и в других частях государства.

Начиная со второй половины XIX в. стали появляться публикации различных материалов описания 1701—1703 гг. Первыми увидели свет переписные книги монастырей Углича и Угличского уезда¹⁴. В XXI в. были введены в научный оборот и опубликованы переписные книги Вологодского архиерейского дома и монастырей Вологодской, Коломенской епархий и др.¹⁵ Материалы переписи использовались при изучении различных аспектов монастырской жизни¹⁶.

Практическая реализация церковной реформы началась после обнародования указа 24 января 1701 г. В соответствии с ним все дела, связанные с Церковью, которые ранее ведались в приказе Большого дворца, были переданы в Монастырский приказ: «А в приказе Большого дворца монастырских дел не

¹² Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 81.

¹³ Башнин Н.В., Черкасова М.С. Как начиналась церковная реформа Петра I? (По материалам севернорусских епархий 1690—1700-х гг.) // *Canadian-American Slavic Studies*. 2021. Т. 55. № 1. С. 24—50.

¹⁴ Углич: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887.

¹⁵ Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701—1702 годов // *Вестник церковной истории*. 2010. № 1/2(17/18). С. 17—107; Переписные книги вологодских монастырей XVI—XVIII вв.: исследование и тексты / Изд. подгот. О.Н. Адаменко, Н.В. Башнин, М.С. Черкасова при участии А.П. Анишиной, Н.А. Бараевой, Е.А. Виноградовой, А.Н. Красикова, С.Н. Смольникова, И.Н. Шаминой. Вологда, 2011. С. 137—200; 248—260; Башнин Н.В. Опись имущества и строений Дионисиева Глушицкого монастыря 1701 г. и переписные книги вотчины Дионисиева Глушицкого монастыря 1702 г. // *Вестник церковной истории*. 2013. № 3/4(31/32). С. 138—177; Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // *Вестник церковной истории*. 2017. № 3/4(47/48). С. 96—226; Шамина И.Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701—1702 гг. // *Вестник церковной истории*. 2020. № 1/2(57/58). С. 5—37; Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии...; и др.

¹⁶ Шамин С.М., Шамина И.Н. Печатные книги в библиотеке тульского Иоанно-Предтеченского монастыря в 1701 г.: к вопросу о вытеснении из обихода рукописных книг // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXIII международной научной конференции*. М., 2020. С. 446—449; Shamin S.M., Shamina I.N. Biblioteki russkikh monastyrei v nachale pravitelstva Petra I. K voprosu o roli monastyrskikh sobраниi v knizhnom potreblenii i razviti knizhnogo rynka // *Cahiers du Monde Russe*. 2020. Т. 61. № 1. С. 51—65. DOI 10.4000/monderusse.11928.

ведать, и прежняя дела отослать в тот приказ»¹⁷. Спустя неделю, 31 января 1701 г., был издан ещё один указ, в котором чётко прописывались задачи и сфера деятельности Монастырского приказа. Последний наделялся финансово-хозяйственными функциями и исключительными правами по управлению церковными вотчинами. В этом же указе предписано и проведение конкретных мероприятий, в первую очередь переписи патриарших, архиерейских и монастырских владений: «Дому святейшаго патриарха приказным и дворянам и всякого чину домовым людям и домовым монастырям, и всем вотчинам святейшаго патриарха и монастырей, и всех архиереев домам их и вотчинам и всего Московского государства всем мужским и девичьим монастырям, слугам и вотчинам их, судом и расправою и всякими сборы ведать и переписать в Монастырском приказе... А для переписки... послать из царедворцов людей добрых»¹⁸. Также в указе уделялось внимание обустройству монашеской жизни, в частности правилам поведения монахов в монастырях.

По словам Булыгина, после этого «был издан ещё целый ряд постановлений практического характера», в соответствии с которыми духовенство постепенно устранялось от управления своим хозяйством¹⁹. В частности, по указу 11 марта 1701 г. монастырским властям запрещалось до специального распоряжения правительства меняться вотчинами с другими владельцами. Упраздняялась должность посельских старцев из числа монашествующих. Вместо них управлять делами монастырских вотчин должны были светские приказчики. Монастырскому приказу следовало провести торг на «мельницы и перевозки, мосты, пустоши, рыбные ловли и всякия оброчныя статьи, которые отданы на оброк до урочных лет». В случае, если новые откупщики предложат большую сумму оброка, угодыя необходимо передать им²⁰. Несколько распоряжений касались и монастырских порядков.

Таковы основные законодательные шаги первых месяцев церковной реформы. Уже весной 1701 г. началось масштабное воплощение распоряжений правительства в жизнь — Монастырский приказ приступил к переписи архиерейских домов, монастырей и церквей. В соответствии с указом 31 января 1701 г. на места были направлены стольники. По подсчётам Горчакова, их было 40 человек²¹. Троице-Сергиеву монастырю доверили провести описание своих обширных владений и приписных монастырей самостоятельно²². Мне удалось обнаружить четыре новых связанных с переписью начала XVIII в. вида документов. В Государственном архиве Вологодской области среди материалов Вологодского архиерейского дома хранится источник, названный «Указ Петра I о переписи крестьянских и бобыльских дворов, земель, доходов, скота и др[угого] имущества в вотчинах архиепископа и монастырей. Список. Наказ-

¹⁷ ПСЗ-I. Т. 4. № 1829. С. 133.

¹⁸ Там же. № 1834. С. 139.

¹⁹ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 76.

²⁰ ПСЗ-I. Т. 4. № 1839. С. 159—160.

²¹ Горчаков М. Указ. соч. С. 136.

²² Так, приписные к Троице монастыри описывали «соборной старец Иларион Ремезов, Макарей Теряев, Серафим Рагозин, Иона Шатилов, Феодосей Шабунин, иеромонах Геронтей Вологженин, Иона Селицкой да слуги: Андрей Белкин, Никифор Козлов, подьячий Борис Яхонин» (РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 40, л. 1 об. См. также: Алатырский Троицкий мужской монастырь: документы 1612—1703 годов. Ульяновск, 2015. С. 231).

ная память переписчику указов» (далее — наказ)²³. По сути, это не что иное, как инструкция стольнику, отправившемуся для описания церковных владений «по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича». Документ не имеет точной даты, назван только месяц — март 1701 г. В нём нет имени переписчика, не обозначен и уезд. Очевидно, наказ составлялся ещё до того, как были назначены стольники и определены уезды, которые они будут описывать. Наказ регламентировал описание монастырей и архиерейских домов, их вотчин, содержал пересказ царских указов об обустройстве монашеской жизни, который переписчикам следовало прочесть на местах, а также освещал техническую сторону процесса: что и как следует делать архиерейским и монастырским властям, чтобы обеспечить работу стольников²⁴.

Переписные книги монастырей, составленные стольником И.В. Кикиным (1660—1723), содержат ещё один интересный документ — «Указ по наказу с запискою», который стольник зачитывал в каждом описываемом им монастыре — коломенских Спасо-Преображенском, Голутвине, Бобрене, Брусенском, тульских Иоанно-Предтеченском и Успенском, а также Николаевском Венёвском и Николаевской пустыни на реке Гнилуше в Коломенском уезде²⁵. Тексты, приведённые в этих переписных книгах, почти идентичны, основное внимание в них уделено обустройству монашеской жизни. Немного отличается лишь содержание «указов» для женских (коломенского Брусенского и тульского Успенского) монастырей, что связано со спецификой последних.

Помимо «указа по наказу» стольникам, очевидно, давались также памяти «по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... и по наказу из Монастырского приказа». Одна из таких памятей — стольнику Л.Б. Каблукову, описывавшему Дмитров и Дмитровский уезд, составленная 3 мая 1701 г., — зафиксирована в переписной книге «вознесенских девичьих монастырей Бежецкого, Владимирского и Московского уездов». В документе подробно расписано, что именно должен описать Каблуков: «Церкви Божии и монастыри, и в них что есть всякое строение, и монастырскую казну, денги золотые и ефимки, и посуду серебряную, и всякие вещи, что где обрящется, по монастырским прежним описным книгам осмотря, что чего есть налицо, и братию, и слуг, и служебников, и поваров, и конюхов, и всякого чина монастырских мастеровых и работных, и ремесленных людей, и оброчников, и в житницах хлеб, и на погребях всякой запас, и на конюшенных дворах лошади и конюшенные заводы, и на скотных всякую скотину переписать». Кроме того, следовало составить перечень «великих государей жалованных всяких грамот, и вотчинных крепостей», а также установить, «сколко мерою з длиннику и попереchnику з дворовых мест оброку платят и что в монастырских житницах хлеба, и в анбаре, и на погребях всяких запасов, и на конюшенных, и на скотских дворах строения и конюшенных заводов, и лошадей, и всякой скотины». Конкретные инструкции даны и по описанию вотчин²⁶.

²³ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 1260 (Коллекция столбцов), оп. 1, д. 12075.

²⁴ Ещё об одном сохранившемся в ГА ВО наказе переписчикам из Монастырского приказа упомянула Е.Н. Швейковская (*Бакланова [Швейковская] Е.Н.* Крестьянский двор и община... С. 52, примеч. 19).

²⁵ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 544 об.—547, 600 об.—604, 725 об.—727 об.; ч. 2, кн. 217, л. 26—28; *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских... С. 121—122, 159—160, 208—209, 222—223.

²⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 3, кн. 6353, л. 476—477 об.

Кратко эти задачи фиксировались в преамбулах к переписным книгам. Например, в преамбуле к описанию тульского Иоанно-Предтеченского монастыря значится: «И в том монастыре у игумена и у казначея взяв переписные и приходные, и расходные книги, и по тем книгам в том монастыре в церквах Божиих святые иконы окладные и неокладные и церковные сосуды, и движимые и недвижимые вещи, и книги, и всякую церковную утварь, а в ризницах священные одежды, а в казне денги и всякую посуду, и жалованные грамоты, вкладные и всякие крепости из-за печати пересмотрил. И взял скаску у игумена и у казначея за их руками о заемных и о долговых денгах. По наказу все переписал имянно, а что чево явилось налицо и чево не явилось, и то писано ниже сего порознь имянно»²⁷.

Следует, однако, заметить, что в ряде описаний преамбулы очень краткие и не отражают конкретного содержания переписных книг. Так, например, в преамбуле, предшествовавшей описанию орловских церквей и монастырей, которое составлял стольник М.Т. Толубеев, сказано лишь: «В городе Орле соборную церковь и монастырь Успения Пресвятыя Богородицы, что преж сего был Богоявленской, и того монастыря вотчины и угодья переписать»²⁸, в описании Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда, составленном стольником В.И. Кошелевым: «В церквах Божиих святые иконы, и церковные сосуды, и всякую церковную утварь, и монастырскую рухлядь, и монахов пересмотря, переписал»²⁹. Согласно преамбуле к описаниям угличских монастырей стольника В.Р. Воейкова, последнему следовало описать в монастырях «святых Божиих церквей и в них... иконы и всякой церковной утвари, и что тем церквам и монастырю по оградной стене мерою, и что в том монастыре всякого хорошего строения, и что в монастырской казне серебряной посуды, и сколько в том монастыре монахов, и что того монастыря в вотчинах сел и деревень и в них по именам крестьян и бобылей»³⁰.

Интересно, что описания орловских и угличских монастырей, как и вологодской Семигородней пустыни, составлялись уже в 1702 г. Возможно, через год требования к описаниям в Монастырском приказе были пересмотрены, и указы стольникам скорректировали. Наиболее важным стало зафиксировать материальные ценности и земельную собственность монастырей, в то время как информация о монахах или монастырских библиотеках оказалась менее актуальной. По мнению Н.В. Соколовой, преамбулы к переписным книгам составлялись уже после завершения процедуры описания, в беловом экземпляре, поскольку в них часто отражалось содержание нижеследующего описания³¹. Предположу, что они могли составляться и до начала описаний, вкратце повторяя содержание наказов, полученных стольниками. Несовпадение текстов преамбул может говорить о том, что стольники получали различные указы, особенно если выезжали в уезды в разное время.

Ещё одним документом, который, судя по всему, получали в Монастырском приказе стольники, были «грамоты с прочетом». Их они предъявляли настоятелям монастырей. Удалось обнаружить две таких грамоты с полностью

²⁷ Там же, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 480—480 об.

²⁸ Там же, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 662.

²⁹ *Шамина И.Н.* Переписная книга Успенской Семигородней пустыни Вологодского уезда 1702 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2(45/46). С. 104.

³⁰ Углич: материалы по истории города... С. 168.

³¹ *Соколова Н.В.* Описание церковно-монастырских владений... С. 56.

совпадающим содержанием: от 11 апреля 1701 г., адресованную стольнику А.Б. Палицыну, направленному описывать монастырские владения юго-западных уездов страны — Боровск, Козельск, Мещовск, Медынь, Брянск, Рылск, Путивль, Болхов, Карачев, Белёв, Перемышль и Лихвин³², и от 12 апреля 1701 г. стольнику В.И. Кошелеву, описывавшему Вологодский уезд³³. В основном они были посвящены организации описания и повторяли некоторые положения наказа стольнику, обнаруженному в ГА ВО, хотя текстологической близости с ним не выявлено.

Приехав на место и начав описание, переписчикам не следовало превышать свои полномочия: не чинить разорения крестьянам и оберегать их «от обид», не брать взятки. За попытку что-либо утаить переписчика ждало суровое наказание. В свою очередь местные власти должны были предоставить составителям описей необходимые документы — приходо-расходные и переписные книги, дать служек для рассылок и другой помощи, бумагу, чернила и сальные свечи. Для перемещений между монастырями или сёлами в вотчинах переписчика следовало обеспечить лошадьми. Кроме того, полагалось «перепищику давать в монастырях из монастырской казны, а в вотчинах велели давать прикащиком и старостам поденной корм — денег по десяти алтын на день. Да на одну лошадь конского корму. А монастырским подьячим, которые будут у переписки с ним, перепищиком, в иных монастырях давали кормовых денег всем вопче на день десять денег»³⁴.

Размер подённого корма и в Вологодском, и в юго-западных уездах страны был одинаковым. Это подтверждает, в частности, и сметный список с приходо-расходных книг вологодского Дионисиева Глушицкого монастыря 1701—1707 гг., где зафиксирована сумма, потраченная монастырскими властями на обеспечение стольника Кошелева и его помощников, описывавших монастырь: «Перепищику столнику Василью Ивановичю Кошелеву от переписки монастыря кормовых денег дано на шестеры сутки шездесят алтын. Подьячим иво десять алтын. Бумаги на восемь алтын на 2 денги. Свеч салных на гривну»³⁵.

Таким образом, в распоряжении стольников имелись три вида документов: наказ из Монастырского приказа, составленный на основании правительственных указов, «память по наказу» с перечислением всего, что нужно описать, и «грамота с прочетом», подтверждающая полномочия переписчика, в которой перечислялись обязанности местных властей по организации переписи. Приехав в монастырь или архиерейский дом и получив от местных властей документы, а также всё необходимое для составления описаний, стольники приступали к работе. Полученные в ходе переписи данные им необходимо было внести в особые «тетрати», а последние переправить в Монастырский приказ «безо всякого мотчания»³⁶.

Обозначенные в наказе пункты раскрыты во всех известных мне переписных книгах 1701—1703 гг., однако не все они заполнены стольниками в равной степени подробно. Например, пункт о насельниках архиерейских домов и монастырей гласил: «Перепищику переписать во архиерейском доме поименно

³² ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, д. 5222. Благодарю Н.В. Башнина, указавшего мне на этот документ.

³³ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12076.

³⁴ Там же.

³⁵ *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV—XVII вв.: Исследование и тексты. М.; СПб., 2016. С. 1074.

³⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12075, л. 1—2.

монахов, и приказных, и дворян, и детей боярских, и певчих, и конюхов, и поваров, и всякого чину людей. Также и в монастырех братию, и слуг, и подьячих, и служебников, и конюхов, и всяких монастырских работников и мастеровых людей налицо»³⁷. Стольник Кошелев, описывавший вологодскую епархию, указал имена монахов, род их занятий и место жительства до пострига, место принятия иноческого сана и должность в монастыре³⁸. Многие переписчики, как, например, служки Троице-Сергиева монастыря, перечислили лишь имена насельников приписных к Троице монастырей, упустив другие сведения о них³⁹. Стольник же Воейков, направленный в Углич и Угличский уезд, зафиксировал только имена настоятелей и назвал число живших в обителях монахов. Впрочем, как указывалось выше, и в преамбулах к описаниям угличских монастырей отмечено, что необходимо указать лишь, «сколько в том монастыре монахов»⁴⁰. Наиболее же подробны в этом плане описания части монастырей Коломенской епархии, составленные стольником И.В. Кикиным. В каждом случае он привёл не только имена постриженников, но также время и место их пострига, сведения о семье и месте проживания, занятиях или социальном статусе до поступления в монастырь. Из описаний можно узнать о переходе монахов из других обителей, о женщинах есть указания на то, были ли они до прихода в монастырь замужем⁴¹.

Ещё один раздел наказа посвящён описанию монастырских и архиерейских вотчин. Земельные владения следовало описывать после самих архиерейских домов или монастырей: «Во архиерейском доме и в монастырех вышеписанное все управя ехать в уезд в вотчину святейшаго патриарха, и в архиерейские, и в монастырские села, и в деревни». В вотчинах необходимо было переписать крестьянские и бобыльские дворы «и в них людей по имяном с отцем и с прозвищи, и что у них детей, и племянников, и внучат, и зятей, и приемышев, и захребетников», учитывая и тех, кто по той или иной причине покинул свою деревню. Особое внимание следовало обратить на то, «нет ли каких пришлых салдат и дворцовых, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян». Переписчики должны были также выяснить у старост, «что у них с которых вотчин в платеже было денежных зборов на всякие расходы, и хлеба, и всяких припасов», и описать монастырские угодья, городские дворы, лавки и «оброчные всякие места». Результаты описания вотчин следовало занести в «особые тетради»⁴².

Монастыри и их владения иногда описывались в два захода. Так, например, в вологодский Спасо-Нуромский монастырь стольник Кошелев прибыл 30 сентября 1701 г., а для описания вотчины приехал вновь 20 июня 1702 г.⁴³ В Павлове Обнорском монастыре тот же стольник работал в декабре 1701 г., а монастырскую вотчину описывал лишь спустя полгода — в июне 1702 г.⁴⁴ Раздельное описание в итоге могло привести к тому, что данные о собственниках

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ См. переписные книги Спасо-Каменного и сямженского Спасо-Евфимиева монастырей (Переписные книги вологодских монастырей... С. 154—155, 251), Павлова Обнорского монастыря (Шамин И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря... С. 85—88) и др.

³⁹ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 40, л. 430—430 об.; Алатырский Троицкий мужской монастырь... С. 328—329.

⁴⁰ Углич: материалы для истории города... С. 176 и др.

⁴¹ Шамин И.Н. Переписные книги коломенских... С. 96—226.

⁴² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12075, л. 5.

⁴³ Шамин И.Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря... С. 10.

⁴⁴ Шамин И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря... С. 22, 43.

и их владениях оказывались подшиты в разные переписные книги или вовсе были утеряны.

Пожалуй, наиболее интересным сюжетом, связанным с начальным этапом церковной реформы, является регламентация монашеской жизни. Как известно, Пётр I с явной неприязнью относился к бездеятельности и бесполезности как в обществе, так и в государстве в целом. По его мнению, именно это зачастую наблюдалось в монастырском быту. Царь полагал, что монахи в большинстве своём «тунеядцы суть» и бесполезны с точки зрения «прибыли обществу». С другой стороны, Пётр считал монашествующих опасным и потенциально враждебным в государственно-политическом отношении элементом, который может тормозить проведение задуманных им реформ. Эта тема нашла наиболее яркое отражение в наказе стольникам и в тексте «указа по наказу», приведённого в переписных книгах стольника И.В. Кикина. Некоторые положения этих двух документов имеют текстуальные совпадения. Все они впервые появились в указе Петра I от 31 января 1701 г.⁴⁵

Первый из совпадающих фрагментов — о том, чтобы монахи находились в монастырях «неисходно» и «из иных монастырей никого монахов к себе не принимали, разве великие каковыя ради правилные вины». Лишь в порядке исключения иноки могли покидать стены одного монастыря и переходить в другой. Для этого обязательно нужно было получить «разрешительное письмо» от настоятеля. В «указе по наказу», кроме того, отмечено, что настоятель лично отвечал за перемещение монахов, он должен был «усматривать с великим прилежанием, есть ли которой монах имеет из монастыря изысти великую нужду, и таковых отпускать из монастыря на малое время, часа на два и на три, с писмом же за печатью... И без великия нужды для взятков из монастыря монахов не опускать»⁴⁶. Здесь же имелось дополнительное разъяснение об ограничении посещений и выходов из монастырей: «А монастырские врата чтоб были всегда заперты и были б у тех врат безотходно караулные монастырские воротники. И того б смотрили и берегли накрепко, чтоб ис того монастыря монахи ни кто ни для каких дел без повеления властей и без отпускного писания никуда не выходили, а мирских людей в монастырь пускать во время церковного пения. А в иное время без повеления того монастыря властей мирских людей никого пускать не велеть»⁴⁷.

По мнению Булыгина, эта ограничительная мера была направлена против «бродяжничества» чёрного духовенства⁴⁸. Упоминания о «бродячих» монахах, разносивших опасные для государства идеи, действительно неоднократно встречаются в источниках XVII—XVIII вв. Вероятнее всего, именно это и стало причиной попыток законодательно ограничить их самовольное перемещение. Однако добиться этого не удалось. По наблюдению Е.В. Кустовой, изучавшей монастыри Вятской и Великопермской епархии, несмотря на введённые ограничения, к 1724 г. смена монахами обители продолжала оставаться не частым, но и не исключительным явлением⁴⁹. То же, вероятно, наблюдалось и в других

⁴⁵ ПСЗ-I. Т. 4. № 1834. С. 139.

⁴⁶ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 601—601 об.

⁴⁷ Там же, л. 545 об.—546.

⁴⁸ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 75.

⁴⁹ Кустова Е.В. Ведомости монашествующих 1724 года как исторический источник: информационный потенциал и степень достоверности // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2015. № 4(31). С. 51.

регионах. К примеру, когда воронежский священник Савва Дугин в начале 1730-х гг. составлял «Книгу устав христианского жития», ставшую объектом внимания Тайной канцелярии, выяснилось, что в работе над сочинением участвовал и «бродящей иеродиакон Тимофей», назвавшийся «постриженным Козловского монастыря»⁵⁰.

Второе положение, нашедшее отражение и в наказе стольникам, и в переписных книгах монастырей Коломенской епархии, было связано с запретом монахам писать что-либо в своих кельях: «А в трапезе б учинить для писма определенное место и монахом в кельях у себя никаких писем не писать и чернил и бумаги не держать. А буде каковые ради нужды кто восхошет что писать, то с повеления того монастыря начального писать в трапезе явно, а не таино». Это распоряжение стало следствием того, что монахи создавали и распространяли различного рода сочинения, направленные против петровских преобразований. Один из подобных случаев связан с коломенским Голутвиным монастырём. Сюда «под начал» был сослан бывший строитель московского Андреевского монастыря, «что во Пленницах», Авраамий, который известен как автор «Тетрадей», адресованных Петру I. «Тетради» старца Авраамия — это, по сути, челобитная о «государственном нестроении», виновником которого объявлялся царь. В 1696 г. Авраамий попытался передать своё сочинение Петру I, после чего в качестве наказания был переведён в Голутвин монастырь. Уже находясь в Голутвине, в 1701 г. Авраамий составил новое письмо, в котором просил царя забрать его к Москве и устроить с ним очную ставку⁵¹.

Третий пункт, имевшийся и в наказе, и в «указе по наказу», прочитанном стольником Кикиным, и также перекликавшийся с указом 31 января 1701 г., предполагал запрещение проживания в монастырях людей, не принявших монашеский сан: «В монастырех крылошаном и конархистом велеть быть монахом. А белцов крылошан, и дьячков, и келейников, и монашеских свойственников из монастырей переписчику выслать вон в прежние места, кто откуда пришел». Эти обязанности впредь следовало выполнять монахам. Очевидно, правительство стремилось сократить монастырские штаты и тем самым уменьшить расходы на содержание монастырей. В наказе вопрос о данном ограничении получил развитие. В случае, если обитель небольшая, «монахов малое число и в церковном пении и чтении монахами управитца невозможно», переписчику следовало сообщить об этом в Монастырский приказ, после чего в такие монастыри должны были прибыть постриженники из других обителей. «А до того числа, как монахи присланы будут, в тех монастырех для церковного управления оставить дьячков толко по два человека, которые не в молодых летех»⁵². Эта же мысль о допущении в монастыри немонахов лишь по необходимости и только пожилых проводится и в переписных книгах коломенских и тульских монастырей, составленных стольником Кикиным, где повторяется содержание

⁵⁰ Шамин С.М. «Доношения» воронежского священника Саввы Ивановича Дугина в документах Тайной канцелярии // Вестник церковной истории. 2015. № 3/4(39/40). С. 97—147; Шамин С.М. «Прокурором и фискалом не быть вовсе»: о проекте передачи функций прокуроров и фискалов духовенству (1731 г.) // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 154—164; Шамин С.М. Видения священника С.И. Дугина и «пасквиль» на архиепископа Феофана (Прокоповича) 1731 г. // Вестник церковной истории. 2019. № 1/2(53/54). С. 86.

⁵¹ Панченко А.М. Авраамий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 34—36.

⁵² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 12075, л. 3.

пункта указа Петра I от 11 марта 1701 г.⁵³ о монастырских келейниках: «Только в мужеских монастырях у архимандритов и у игуменов, у келарей, у казначеев и у строителей, и у братей, у кого пристойно, велеть быть келейником бельцом по человеку в келье престарелым, а молодым келейником не быть»⁵⁴.

Указанный пункт нашёл отражение в переписной книге вологодского Спасо-Нуромского монастыря. Описание последнего проводилось осенью 1701 г., и о распоряжении, касавшемся священнослужителей, там, очевидно, уже знали. В монастыре на момент переписи среди прочих насельников числились священник и диакон из мирян. Стольник Кошелев объяснил их присутствие тем, что монастырь играл также роль приходской церкви: «Прихожаня к тому монастырю — их же монастырские крестьяня разных деревень вместо приходской церкви изстари. И строение в том монастыре многое их, крестьянское». Он также отметил: «А крылашан в том монастыре один монах. А были белые дьячки. И ныне те дьячки по указу великого государя из монастыря высланы. Оставлен один человек престарелой Максимко Ермолаев»⁵⁵.

Четвёртый пункт, текстологически близкий в инструкциях стольникам, отправленным в Вологодский и Коломенский уезды, касался монастырских продовольственных запасов: «Хлебные запасы и рыбные, и иные припасы, что есть во архиерейском доме и в монастырях, в расходе держать и братью питать умеренно, по древнему обыкновению. А лишних расходов не держать и из монастыря никому ничего не давать». Архиерейским и монастырским властям велено было также «в Монастырской приказ писать почаству, что в котором месяце и числе ис которых вотчин во взяте будет»⁵⁶.

Ещё одно распоряжение касалось беглых солдат и крестьян, принадлежавших другим владельцам. В вологодском наказе речь шла о том, что всех их нужно «переписать же особо», в то время как «указ по наказу» коломенскому стольнику предполагал санкции: «Чтоб вы в вотчины свои беглых салдат и никаких служилых людей и дворцовых волостей, и помещиковых, и вотчинниковых, и ничьих беглых людей и крестьян не принимали. А буде кто примет, и тем учинена будет смертная казнь»⁵⁷. Это положение в переписных книгах Кикина повторяется по нескольку раз: оно зачитывалось не только в монастырях, но и в каждом вотчинном селе. Специального указа, где бы данное распоряжение фигурировало в контексте преобразования монастырской жизни, пока не выявлено. Очевидно, можно говорить об общих правительственных мерах, касавшихся всех категорий населения.

Проведённый анализ двух инструкций стольникам, сохранившихся в материалах Вологодского архиерейского дома и в составе переписных книг Коломны, Тулы и Венёва 1701—1702 гг., свидетельствует о том, что такие указы переписчикам, отправляемым Монастырским приказом в уезды, составлялись на основе ранее выпущенных петровских указов от 31 января и 11 марта 1701 г. Но не все положения наказов ранее фигурировали в этих указах, и текстологически они имеют с ними мало общего. Возможно, для каждого стольника составлялся отдельный наказ, а не копировался полностью с общего источника.

⁵³ ПСЗ-I. Т. 4. № 1839. С. 159—160.

⁵⁴ РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 545 об.

⁵⁵ *Шамина И.Н.* Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря... С. 23.

⁵⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 12075, л. 3.

⁵⁷ См., например: РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 1, кн. 58, л. 547.

Следует согласиться с мнением Булыгина, полагавшего, что «чётко сформулированной программы в наказах переписчикам не содержалось», были более или менее детальные инструкции, вследствие чего и содержание переписных книг оказалось различно⁵⁸. Однако в значительной степени права и Соколова, утверждавшая, что «структура всех выявленных монастырских описаний, несмотря на то что каждый из писцов имел, по-видимому, собственный наказ, очень близка». Исследовательница предположила, что они составлялись на основе некоего «типового» наказа⁵⁹. Однако, судя по всему, «прототекстом» выступал не он, а упомянутые выше царские указы. Эти указы использовались отдельно для составления каждого наказа, поэтому они не совпадают не только в текстуальном отношении, но и в смысловом. Очевидно, единую формулировку имели «грамоты с прочетом», адресованные монастырским властям и касавшиеся организации переписи на местах, которые переписчики также получали в Монастырском приказе.

Новые указы, регламентировавшие монастырскую жизнь, появлялись на протяжении всего 1701 г. Так, указ от 8 июня запрещал постригать в монастыри «малолетних» и женщин младше 40 лет, тогда же в распоряжение Монастырского приказа перешли богадельни⁶⁰. Это стало неизбежным следствием того, что у Церкви изымались ресурсы, необходимые для благотворительной деятельности. Указом от 30 декабря 1701 г. монастырям запрещалось владеть и управлять своими вотчинами, а все поступления с них должны были собираться в Монастырском приказе. Денежные и хлебные доходы делились на две части: одна шла монахам, другую приказ расходовал на содержание богаделен, помощь бедным монастырям и др. В монастырях до минимума, без которого они не смогли бы просуществовать, сокращалось число «слуг и служебников»⁶¹. На этом, по мнению Булыгина, законодательно завершился первый этап проведения церковной реформы, в результате которого вотчины духовенства перешли в управление государства и, таким образом, «была проведена полная секуляризация церковных владений и имуществ»⁶². Описание же владений Церкви, по мнению исследователя, продолжалось до 1705 г. Эту датировку, однако, пока подтвердить не удалось: судя по сохранившимся переписным книгам, описание в основном завершилось в 1701—1703 гг.

24 июня 1702 г. появился именной указ «О переписке из всех приказов, по сбору доходов с архиерейских и монастырских крестьян и по всяким делам со стольниками, которым поручено управление монастырей и вотчин архиерейских и монастырских, а не с воеводами»⁶³. В соответствии с ним на местах были сформированы учреждения по управлению церковно-монастырскими вотчинами во главе со стольниками. Булыгин предположил, что этих стольников назначали из числа переписчиков, проводивших описание 1701—1703 гг.⁶⁴, однако, по всей видимости, это не всегда было так. В Вологде с 1702 г. действовал уже другой стольник — Л.Н. Кологривов. Им было инициировано ещё одно описание, программа которого от 9 октября 1702 г. подробно изучена

⁵⁸ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 36.

⁵⁹ Соколова Н.В. Описание церковно-монастырских владений... С. 54—55.

⁶⁰ ПСЗ-И. Т. 4. № 1856. С. 168.

⁶¹ Там же. № 1886. С. 181—182.

⁶² Булыгин И.А. Указ. соч. С. 79.

⁶³ ПСЗ-И. Т. 4. № 1914. С. 197.

⁶⁴ Булыгин И.А. Указ. соч. С. 84.

М.С. Черкасовой⁶⁵. Задача нового описания состояла в том, чтобы зафиксировать количество крестьянских и бобыльских дворов в вотчинах, размеры пашни и прочих угодий; указать размер вытного тягла и количество десятинной пашни на монастырь; а также сколько «посеяно было ржи и ярового всякого хлеба, что того хлеба... в ужине, и почему из сотницы в умысле». Следовало также учесть, сколько «в сушилах рыбы, икры, вязиги, масла коровья и семенного, меду и иных столовых всяких запасов» и каковы доходы монастыря от рыбных ловель, мельниц, ярмарок и проч. По итогам описания требовалось составить «ведомости в дестевых тетратех» и «без всякого замотчания» прислать их стольнику⁶⁶. Примером такого описания может послужить переписная книга вологодского Николо-Озерского монастыря («Книги Николы Чудотворца Озерского монастыря игумена Левкия з братею, что чего принято налицо у прикащиков 1703 году»)⁶⁷. Ещё одним документом, связанным с данным описанием, являются так называемые сметные списки вологодского Иннокентиева Комельского монастыря 1703 г., продолжающие описание 1701—1702 гг.: «По памяти стольника Лукиана Никифоровича Кологривово... велено нам... того ж Иннокентиева монастыря во обществе с прикащиком Марком Яковлевым денежному и хлебному окладному и неокладному всякому приходу и росходу учинить в тетратех сметные списки»⁶⁸.

В итоге практическая часть церковной реформы Петра I, которая пришла на 1701—1703 гг., свелась к тому, чтобы передать государству управление имуществом духовных корпораций. Руководство Церковью перешло к светской организации — Монастырскому приказу, по инициативе которого было предпринято общегосударственное описание архиерейских домов и монастырей, а также их владений. За три года задача учёта имущества Церкви была выполнена. Монастырский приказ получил сведения об архиерейских домах, монастырях и приходских храмах.

Однако процесс реализации реформы остался до конца не продуман. От воссоздания Монастырского приказа 24 января 1701 г. до начала первых описаний архиерейских домов и монастырей в апреле 1701 г. прошло слишком мало времени, чтобы чётко сформулировать задачи реформы. Источники позволяют предположить, что типовой документ изначально был составлен, но в итоге руководство Монастырского приказа не стало его использовать. Различия в наказах стольникам и преамбулах к разным переписным книгам свидетельствуют о том, что требования к составлению последних продолжали меняться уже в ходе описания. Более того, первоначально проведённое описание было неполным (по крайней мере, в отдельных уездах). В частности, недостаточно подробной оказалась информация о припасах и доходах, получаемых в монастырских вотчинах. В результате пришлось отправлять стольников для дополнительной ревизии. Не до конца реализованной на практике осталась и та часть реформы, которая преследовала задачу реорганизации монастырского быта и установления жёсткого контроля над монашествующими. Уже в течение первых месяцев описания была осознана неактуальность подробной росписи монастырских насельников, а основное внимание стольники сосредоточили

⁶⁵ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 84.

⁶⁶ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 2, л. 10—11.

⁶⁷ Там же, кн. 55.

⁶⁸ Шамина И.Н. Преподобный Иннокентий Комельский и основанный им монастырь // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2(13/14). С. 89.

на фиксации материальных ценностей и земельных владений. Прикрепить монахов к монастырям так же, как служилых людей к их службе или крестьян к владельцам, не получилось. Наиболее последовательно Монастырский приказ занимался имущественными вопросами, в то время как социальная составляющая реформы не являлась приоритетной.

Впрочем, не до конца была решена и задача контроля монастырского имущества. Весной 1703 г. настоятели монастырей получили разрешение владеть вотчинами «до государева указа»⁶⁹. Очевидно, у правительства не хватило административных ресурсов для реализации всех первоначальных замыслов.

⁶⁹ Черкасова М.С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I... С. 88.

«Историческое перо».

К атрибуции главного символа отмены крепостного права

Фёдор Мелентьев

«Historical quill». Attribution of the main symbol of the abolition of serfdom

Fedor Melentev

*(National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870016249-4

Отмена крепостного права относится к числу ключевых событий отечественной истории, в значительной мере она определила направление развития России во второй половине XIX в. Главным и самым узнаваемым символом крестьянской реформы, совершившейся будто бы «одним росчерком»¹, стало так называемое историческое перо. В 1890 г. А.С. Перфильев, внук министра внутренних дел С.С. Ланского, подарил его Историческому музею, где оно хранится в отделе письменных источников и в настоящее время экспонируется в зале «Россия в эпоху реформ»². Одни считают, что этим самым пером Александр II подписал манифест 19 февраля 1861 г. «О всемиростивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта»³. Другие уверены, что император воспользовался им после прочтения журнала Общего собрания Государственного совета 28 января 1861 г., предрешившего исход давно готовившегося преобразования⁴.

Пожалуй, одним из первых о нём написал московский публицист Г.А. Джаншиев. Во втором издании знаменитой книги «Из эпохи Великих реформ», появившемся в 1892 г., он сообщал, что манифест 19 февраля 1861 г. царь подписал «историческим гусиным пером» и «это перо хранится в Москве в Историческом музее»⁵. Со временем описание эпохального события становилось всё эмоциональнее, и в пятом издании можно было прочесть: «Историческим гусиным пером был подписан Александром II в лихорадочном возбуждении, в столь естественном и трогательном волнении 19 февраля, в незабвенный день воцарения освободительный манифест»⁶. А в восьмом (посмертном) речь уже шла о том, что император подписывал тем же пером не только манифест, но и «Положения о крестьянах», а также «журналы Государственного совета

© 2021 г. Ф.И. Мелентьев

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 218.

² ГИМ, 20222/арх. 924; ОПИ ГИМ, ф. 180, оп. 1, д. 119.

³ Историк. 2018. № 4. С. 20.

⁴ Родина. 2021. № 3. С. 52.

⁵ Джаншиев Г. Из эпохи Великих реформ. Исторические справки. Изд. 2. М., 1892. С. 35.

⁶ Джаншиев Г. Из эпохи Великих реформ. Исторические справки. Изд. 5. М., 1894. С. 48.

28 января 1861 года»⁷. «Много лет спустя, — вспоминал писатель В.П. Авенариус, — я с невольным умилением рассматривал в московском Историческом музее перо, которым был подписан манифест»⁸. «Как известно, — писал в 1902 г. прозаик И.Л. Леонтьев, — в одной из зал Исторического музея хранится священное перо — перо, которым император Александр Второй подписал знаменитый освободительный манифест»⁹. А в очерке, вышедшем к столетию Государственного совета, говорилось, что, утверждая «проекты положений, манифеста и указа Правительствующему Сенату» по крестьянскому делу, Александр II поставил подпись «пером, хранящимся ныне в Москве, в Историческом музее»¹⁰.

Особую роль в сохранении памяти о символах Великих реформ сыграли церемониальные мероприятия 1911 г. Их значение лишь усилил запрет на празднование 25-летия отмены крепостного права в 1886 г.¹¹ Зато в 1911 г., по словам В.Ф. Джунковского, занимавшего тогда пост московского губернатора, «вся Россия как один человек праздновала 50-летний юбилей со дня памятного, незабвенного дня, когда в 1861 г. императором Александром II был подписан знаменательный манифест»¹². В колонном зале Благородного собрания состоялось торжественное заседание губернского присутствия. «Здесь, — вспоминал Джунковский, — на особом возвышении, покрытом красным сукном, был установлен богато украшенный тропической зеленью портрет царя-освободителя. Перед портретом были размещены два ряда кресел и стол, на котором лежало историческое перо, которым царь-освободитель начертал своё имя на Положении 19 февраля 1861 года»¹³. В одной из анонимных брошюр уточнялось, что его доставили «с любезного разрешения товарища председателя Исторического музея князя Н.С. Щербатова»¹⁴. Любопытно, что, хотя подготовка отмены крепостного права велась преимущественно в Петербурге, именно Москва стала центром формирования и сохранения исторической памяти о Великой реформе. Это позволяет лучше понять своеобразие взаимоотношений «столичных» регионов и особенности восприятия преобразований 1860-х гг. в Москве.

⁷ Джанишев Г. Эпоха Великих реформ. Исторические справки. Изд. 8. М., 1900. С. 70. В этой редакции книга выдержала ещё несколько изданий. Подробнее см.: Завьялова Л.В. Эпоха великих реформ (Историографический очерк) // Джанишев Г.А. Эпоха великих реформ. СПб., 2016. С. 7—8.

⁸ Авенариус В.П. Перед рассветом: повесть для юношества из последних лет крепостного права. СПб., 1899. С. 255.

⁹ Щеголов [Леонтьев] И. Подвижник слова. Новые материалы о Н.В. Гоголе. М., 1909. С. 133.

¹⁰ Государственный совет. 1801—1901. СПб., 1901. С. 99.

¹¹ В своём исследовании, посвящённом юбилеям Великих реформ, Н.Н. Родигина и М.А. Коркина ссылаются на циркуляр о запрете особого празднования любых 25-летних юбилеев, разосланный товарищем министра внутренних дел И.Н. Дурново 20 сентября 1885 г., однако указывают ошибочный номер архивного дела (РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 776, л. 9; Родигина Н., Коркина М. Юбилей реформ Александра II как феномен общественной жизни России второй половины XIX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. Сборник статей. СПб., 2012. С. 253). Согласно же циркуляру Александр III, «ввиду нередко повторяющихся случаев возбуждения ходатайств и предположений о праздновании, по различного рода программам, 25-летий, исполняющихся со времени совершения каких-либо исторических событий или издания государственных актов и законоположений, высочайше повелеть соизволил: никаких 25-летних юбилеев не признавать и празднование их особенным образом запретить» (РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 799, л. 9).

¹² Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 553.

¹³ Там же. С. 558. Исправлено по автографу: ГА РФ, ф. 826, оп. 1, д. 50, л. 30.

¹⁴ 19 февраля 1911 года. В Москве. [М.,] 1912. С. 7. Судя по текстовальным совпадениям, эта брошюра использовалась Джунковским в начале 1920-х гг. при работе над вышеприведённым фрагментом воспоминаний.

Изображения «исторического пера», «которым был подписан манифест», время от времени появлялись в различных публикациях, посвящённых Александру II и его времени¹⁵. Встречались и по-своему курьёзные подписи к этим иллюстрациям, например «перо Александра II»¹⁶. Даже на обёртке карамели «Освобождение крестьян», появившейся к 50-летию юбилею реформы, было изображено «историческое перо» с надписью: «Этим пером подписан журнал государем императором об упразднении крепостного права 28 января 1861 года. Ланской»¹⁷. А в 1911 г. им украсили обложки томов роскошно изданной «Великой реформы», вышедшей под редакцией А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова и В.И. Пичеты¹⁸.

М.В. Нечкина позднее сетовала: «Большое шеститомное юбилейное издание “Великая реформа”, в котором соединились разные направления буржуазно-дворянской науки, и то вышло с царским символом на переплёте — изображением царского пера, которым был подписан манифест. Правительство взяло юбилей в свои руки — не хотело проникновения в него “левых” элементов. Апологетическая концепция брала верх, устранялись критические моменты»¹⁹. Кстати, Нечкина, убеждённая в том, что её давний оппонент П.А. Зайончковский был либеральным историком (т.е. не признавал реформы побочным продуктом революционной борьбы и не считал отмену крепостного права «бесовестнейшим грабежом крестьян»²⁰), будто бы говорила: «“Ему только гусиное перо следует дать в руки”, намекая таким образом на гусиное перо, изображённое на обложке известного юбилейного издания 1911 г. “Великая реформа”»²¹. «Издание пронизано либеральной концепцией, — писала о “Великой реформе”

¹⁵ *Ефимова Е.* Царь-освободитель Александр II. Его жизнь и славная деятельность. М., 1904. С. 32; Иллюстрированная история царствования императора Александра II. Бесплатное приложение к журналу «Вокруг света» за 1904 год. М., 1904. С. 108; *Никонов Б.П.* Праздник света и свободы // *Нива*. 1911. № 8. С. 158.

¹⁶ Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911. С. 351.

¹⁷ Обёртка карамели «Освобождение крестьян». Неизвестный художник. Паровая фабрика конфет И.Л. Динга (Музей этикетки, г. Екатеринбург. Инв. № 00131). Благодарю директора Музея этикетки А.Г. Кузнецову за предоставленное изображение обёртки и подробную консультацию.

¹⁸ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 1—6. М., 1911. Подробнее об этом и других юбилейных изданиях см.: *Леонтьева О.Б.* Как реформа стала Великой: отмена крепостного права как «место памяти» в исторической культуре императорской России // *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности*. М., 2017. С. 244—264.

¹⁹ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 566. В более ранней работе она указывала, что Александр II подписал этим пером «манифест и “Положения”» 19 февраля 1861 г. (*Нечкина М.В.* Революционная ситуация в России в исходе 1850-х — начале 1860-х годов (Исследовательская проблематика и основные задачи изучения) // *Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.* М., 1960. С. 6).

²⁰ *Ленин В.И.* «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 20. М., 1973. С. 173.

²¹ *Итенберг Б.С.* Полвека с учителем // П.А. Зайончковский (1904—1983): Статьи, публикации и воспоминания о нём. М., 1998. С. 105. О том, как в советское время различные научные школы интерпретировали либеральную историографию отмены крепостного права, см. также: *Polunov A.* Russia in the Nineteenth Century. Autocracy, Reform, and Social Change, 1814—1914. Armonk; N.Y.; L., 2005. P. 90; *Ведерников В.* Великая реформа или революционная ситуация? (к оценке движущих сил преобразований в отечественной историографии 1871—1986 гг.) // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. Сборник статей. СПб., 2012. С. 20—50; *Дмитриев А.* После освобождения: «Великие реформы» и хрущёвская оттепель в перспективе российской исторической мысли // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 6. С. 129—166.

Л.Г. Захарова. — Символически это запечатлелось в самом названии и в изображении на переплёте царского пера, которым был подписан манифест»²².

Как отмечал, характеризуя этот труд, С.В. Мироненко, «в советское время считалось, что в нём выражена буржуазная концепция освобождения крестьян. На обложке издания было изображено гусиное перо, которое разрывало оковы рабства, что, по мнению советских историков, символизировало падение крепостничества по мановению руки российского императора. Известный историк академик М.В. Нечкина писала, что в рисунке отразился либеральный взгляд на причины падения крепостничества, игнорировавший глубинные социально-экономические предпосылки освобождения крестьян». Однако Мироненко обратил внимание на то, что «“Великая реформа” была издана в двух переплётах — твёрдом и мягком. В издании в твёрдом переплёте действительно были изображены только цепь и перо. На мягкой же обложке была изображена покрытая трещинами, полуразрушенная стена, в которой закреплены цепи. Таким образом, росчерк пера только довершил процесс освобождения»²³.

В 1991 г. «“легендарное перо”, которым императором Александром II был подписан манифест об освобождении», появилось на выпущенной в СССР палладиевой монете «Отмена крепостного права. 1861 г.»²⁴. Через 20 лет его изобразили и на памятной монете Банка России «Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 года»²⁵. В последнее время оно всё чаще экспонируется на историко-документальных выставках²⁶. «Очень красноречивы и чисто “технические” средства, которыми были уничтожены цепи рабства, — сообщал обозреватель газеты “Культура” Г.В. Осипов об экспозиции “Царь и Президент”, прошедшей в Выставочном зале федеральных государственных архивов в 2011 г., — в одном зале соседствуют гусиное перо, которым был подписан царский указ от 19 февраля 1861 года, и пусть самая простецкая, но чернильная ручка Линкольна»²⁷. В другом обзоре этой выставки утверждалось, что «настоящей сенсацией стали перо, которым Линкольн подписал прокламацию (Историческое общество штата Массачусетс, Бостон), и перо, которым Александр II подписал манифест (ГИМ)»²⁸.

Таким образом, ни у кого не возникало сомнений в том, что царь пользовался «историческим пером». Между тем в 1994 г. Л.Г. Захарова и Л.И. Тютюнник опубликовали дневник вел. кн. Константина Николаевича, присутствовавшего при подписании манифеста и «Положений» 19 февраля 1861 г. «Я остался, — писал великий князь, — чтоб посмотреть, как Саша (Александр II. — *Ф.М.*) подпишет манифест, и попросил его, чтоб он к этому позвал

²² Захарова Л.Г. Отечественная историография о подготовке крестьянской реформы 1861 года // История СССР. 1976. № 4. С. 58.

²³ Мироненко С.В. Сто событий, которые изменили Россию. М., 2019. С. 39.

²⁴ Прошлое в монетах. Памятные монеты. 1832—1991 гг. М., 1994. С. 162.

²⁵ Памятные монеты России. 2011. Ежегодный каталог памятных и инвестиционных монет Банка России. [М.] 2012. С. 40.

²⁶ Примечательно, что на выставке, подготовленной Государственным историческим музеем к столетию реформы, «историческое перо» не экспонировалось (*Власенко Т.* Выставка к 100-летию падения крепостного права в России // Ежегодник Исторического музея. М., 1962. С. 150—153).

²⁷ Осипов Г. Старатели Свободы // Культура. 2011. 3 марта. № 7. С. 1.

²⁸ Архивы представляют // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 127. Подробнее о выставке см.: Царь и Президент. Александр II и Авраам Линкольн. Освободитель и Эмансипатор. М., 2011; Сидорова А.Н. «Царь и Президент: Александр II и Авраам Линкольн»: из опыта выставочной работы Государственного архива Российской Федерации // Археографический ежегодник. 2011 год. М., 2014. С. 118—122.

и Никсу (цесаревича Николая Александровича. — *Ф.М.*). Тут была ещё Мария (императрица Мария Александровна. — *Ф.М.*). Сперва он его громко прочёл и, перекрестившись, подписал, а я его засыпал песком. Потом в течение дня он подписал и все «Положения», и перо, которое он при этом употреблял, подарил на память Никсе»²⁹. О дальнейшей судьбе этого пера ничего не известно³⁰.

Что же в таком случае хранится в Историческом музее? Согласно этикетке в музейном зале: «Перо Александра II. Сопровождено запиской: “Этим пером подписан журнал заседания Общего собрания Государственного совета под личным председательством государя императора об упразднении крепостного права 28-го января 1861 г. С. Ланской”». Но в путеводителях по музею говорится уже про «перо, которым император Александр II подписал журнал заседания Общего собрания Государственного совета об упразднении крепостного права 28 января 1861 г.»³¹.

Действительно, 28 января в высшем законосовещательном органе Российской империи началось рассмотрение журнала Главного комитета по крестьянскому делу и проектов законоположений об освобождении помещичьих крестьян из крепостной зависимости. По словам О.И. Чистякова, «о значении, которое придавалось реформе, говорит тот факт, что впервые за всю историю Государственного совета в нём реально председательствовал сам царь, который ранее лишь числился его председателем»³².

Открывая заседание, Александр II произнёс речь, в которой требовал, чтобы рассмотрение проекта окончилось в первой половине февраля и о его результате «могло быть объявлено к началу полевых работ». При этом император успокаивал сановников: «Всё, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, — сделано». Вместе с тем он напоминал о необходимости улучшить быт крестьян «не на словах только, и не на бумаге, а на самом деле», о том, что «мы желали, давая личную свободу крестьянам и признавая землю собственностью помещиков, не сделать из крестьян людей бездомных». Это во

²⁹ 1857—1861. Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича / Сост. Л.Г. Захарова и Л.И. Тютюнник. М., 1994. С. 306.

³⁰ В краеведческой литературе можно встретить упоминание о том, что в Особой кладовой Петергофа хранится перо, «которым Александр II подписал Манифест 19 февраля 1861 года» (*Сыров А.А.* Забытые достопримечательности южного берега Финского залива. От Санкт-Петербурга до Кургальского полуострова. Путеводитель. М., 2011. С. 106). Однако, как удалось выяснить при содействии директора ГА РФ Л.А. Роговой, а также генерального директора ГМЗ «Петергоф» Е.Я. Кальницкой и хранителя музейных предметов М.И. Казнаковой, в Особой кладовой экспонируется ручка из слоновой кости со стальным пером (инв. № ПДМП 1535-бк), на крышке футляра которой Н.И. Марков (секретарь кн. Е.М. Юрьевской) сделал надпись: «Перо, которым Александр 2-ой подписал утром 1-го марта 1881 г. конституцию, вскоре уничтоженную его сыном императором А[лександром] III. Получено мною в подарок от св[етлейшей] кн[ягини] Юрьевской 1-го марта 1921 г. в Ницце» (инв. № ПДМП 1535/1-бк). Понятно, что эта надпись не соответствует действительности. О роли же Маркова в сохранении архива морганатической супруги императора см.: *Сафронова Ю.А.* Княгиня Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017.

³¹ Исторический музей. Путеводитель. М., 2018. С. 201. См. также: Государственный исторический музей. Альбом. М., 2006. С. 231.

³² *Чистяков О.И.* Введение // Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 13. Это утверждение верно лишь отчасти. По крайней мере, Александр I дважды председательствовал в собраниях «дореформенного» Государственного совета в 1801 г. (*Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. Изд. 2. М., 2014. С. 44; *Черникова Н.В.* Номинальный председатель: император во главе Государственного совета // Россия XXI. 2021. №1. С. 118—133).

многим предопределяло исход рассмотрения проектов «Положений». Члены Государственного совета должны были учесть, что намерение монарха отменить крепостное право непоколебимо. «Право это установлено самодержавною властью, — заявлял царь, — и только самодержавная власть может уничтожить его, а на это есть моя прямая воля»³³.

Речь произвела сильное впечатление на сановников, поскольку Александр II впервые без обиняков публично объявил о неизбежности скорой отмены крепостного права и тем самым «развевал все сомнения в своей приверженности крестьянской реформе»³⁴. «Эта речь, — писал ближайший сотрудник вел. кн. Константина Николаевича А.В. Головин кавказскому наместнику кн. А.И. Барятинскому 15 февраля 1861 г., — доказала глубокое знание, которым обладает император по отношению к всему этому делу, доказала, насколько он имеет об этом ясное представление, и обнаружила тот рациональный план, которому он следовал с полною твёрдостью. Эта речь поставила государя бесконечно выше всех его министров и членов Совета. Он вырос безмерно, а они опустились. Отныне он приобрёл себе бессмертие». Головин особо отметил, «что эта речь не была разработана какою-нибудь канцеляриею Совета, не была написана и прочитана; — нет, это была совершенно свободная импровизация, естественное представление мысли, которая долго созревала в голове»³⁵. Как вспоминал гр. Д.А. Милютин, «дело было предreshено, и противники освобождения поняли, что не было уже возможности ни изменить данное делу направление, ни затянуть его»³⁶. Между тем, как пояснял впоследствии П.П. Семёнов-Тян-Шанский, принимавший активное участие в подготовке реформы 1861 г., «само собою разумеется, что от того положения, в которое стал бы государь по отношению к делу, в значительной мере зависело и отношение колеблющихся к рассматриваемым ими вопросам. Вот почему государь, приняв на себя председательство в первом Общем собрании Государственного совета, счёл долгом высказать в произнесённой им речи с полною определённою своим взгляд на предпринятое им великое преобразование»³⁷.

Произнося речь на заседании Общего собрания Государственного совета, император прекрасно помнил о том, как там же 30 марта 1842 г. перед обсуждением проекта указа об обязанных крестьянах выступал его отец. Кстати, тогда Николай I всячески демонстрировал, что председательствует не он, а кн. И.В. Васильчиков³⁸. Николаю I казалось (и в этом царь признавался жене), что в тот момент он стоял «перед самым значительным актом своего царствования», собираясь предложить «в Государственном совете план, представляющий собой первый шаг к освобождению крестьян»³⁹. Александр II наверняка знал

³³ Журналы и мемории Общего собрания Государственного совета по крестьянскому делу. С 28 января по 14 марта 1861 г. Пг., 1915. С. 3—5.

³⁴ Воронин В.Е. Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002. С. 182.

³⁵ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский // Русский архив. 1889. № 6. С. 266—267. Собственноручный конспект речи сохранился в рукописном отделении библиотеки Зимнего дворца: ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 2659, л. 2.

³⁶ Милютин Д.А. Воспоминания. 1860—1862 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1999. С. 62.

³⁷ Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. В 5 т. Т. 4. М., 2018. С. 340.

³⁸ Император Николай в совещательных собраниях. (Из современных записок статс-секретаря барона Корфа) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 98. СПб., 1896. С. 114—117, 118.

³⁹ Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825—1846 // Николай I. Муж. Отец. Император / Сост. Н.И. Азарова. М., 2000. С. 286. См. также: *Высочков Л.В.* Николай I

и о словах, сказанных его отцом смоленским дворянским депутатам 17 мая 1847 г.: «Лучше, господа, чтобы это дело (отмена крепостного права. — *Ф.М.*) совершилось сверху, а не произошло бы снизу»⁴⁰. Возможно, именно поэтому ровно через 14 лет после обращения его отца к Государственному совету — 30 марта 1856 г. Александр II, чувствительный к датам и числам, практически дословно повторил эту фразу перед московскими губернским и уездными предводителями дворянства: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»⁴¹. Произнёс её он и 28 января 1861 г. в Государственном совете⁴². Преодолев консервативное настроение его большинства, царь-освободитель смог осуществить то, что не получилось у Николая I⁴³.

Неудивительно, что судьбоносная речь Александра II полностью вошла в журнал Общего собрания Государственного совета 28 января 1861 г. (где излагался и ход самого заседания). Но на этом журнале нет подписи Александра II! Она отсутствует и в публикации документа⁴⁴, и в его подлиннике, хранящемся

и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 312—314.

⁴⁰ *Арсеньев Д.С.* Жизнеописание императрицы Марии Александровны. 1838—1854. М., 2018. С. 306. Конечно, автор этого жизнеописания, составленного во второй половине 1890-х — начале 1900-х гг. (Российские императрицы: Мода и стиль. Конец XVIII — начало XX века. М., 2013. С. 291), мог, напротив, приписать Николаю I слова Александра II. По крайней мере, в более известной записи речи Николая I, приведённой в письме В.Г. Белинского П.В. Анненкову 1—10 декабря 1847 г., фраза эта звучит иначе: «Лучше нам отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у нас отняли» (*Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 12. М., 1956. С. 438). В письме же непосредственного участника данного события — рославльского уездного предводителя дворянства М.Л. Фантона де Верайона смоленскому губернскому предводителю дворянства кн. М.В. Друцкому-Соколинскому нет и этих слов, хотя в целом изложение услышанного совпадает с письмом Белинского (Смоленские дворяне и обязанные крестьяне. 1846—1849 // Русская старина. 1873. Т. 8. Вып. 12. С. 910—914). Впрочем, едва ли не первым эту метафору употребил ещё гр. А.Х. Бенкендорф, утверждавший в нравственно-политическом отчёте III отделения Собственной е.и.в. канцелярии за 1839 г.: «Лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнётся снизу, от народа» («Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827—1869. Сборник документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 203). О том, что подобные размышления были характерны и для некоторых других представителей высшей бюрократии николаевского царствования, свидетельствует записанная в 1842 г. бароном М.А. Корфом сентенция председателя Государственного совета и Комитета министров кн. И.В. Васильчикова: «Лучше сделать *добровольно* первый шаг в видах постепенного освобождения крепостных людей: ибо иначе скоро настанет время, что они сами *потребуют* себе прав» (ГА РФ, ф. 728, оп. 1, д. 1817, ч. 5, л. 40 об. Слова, выделенные курсивом, подчёркнуты в подлиннике. — *Ф.М.*). Между тем, как отмечал П.А. Зайончковский, тот же барон Корф в 1857 г. «полагал, что причины неудачи разрешения крестьянского вопроса в последние 50 лет объяснялись тем, что “дело было всегда начинаемо не снизу, не от корня, а сверху, от вершины. Его обдумывали и обсуждали не помещики... а лица, если и владеющие поместьями, то проводившие всю свою жизнь на службе, в отдалении от всякой возможности к местным наблюдениям”. По мнению Корфа, только поместное дворянство было способно решить этот вопрос» (*Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. Изд. 3. М., 1968. С. 73).

⁴¹ Конец крепостничества в России (документы, письма, мемуары, статьи) / Под ред. В.А. Фёдорова. М., 1994. С. 85.

⁴² Журналы и мемории... С. 5.

⁴³ Подлинник манифеста 19 февраля 1861 г. с подписью императора см.: РГИА, ф. 1329, оп. 1, д. 7306, л. 27—41 об. О реализации крестьянской реформы как исполнении воли Николая I см.: *Калашиников М.В.* Завещание Николая I (18 февраля 1855 г.) об отмене крепостного права // Крестьянская реформа 1861 года и трансформация социально-экономической и политической системы в России: К 150-летию отмены крепостного права. Саратов, 2011. С. 18—41.

⁴⁴ Журналы и мемории... С. 27.

в РГИА (в фонде Главного комитета по крестьянскому делу)⁴⁵. Чем же это можно объяснить?

Ведь, как не раз уверяли современники и историки, при рассмотрении в Государственном совете проектов Положений об освобождении крепостных «журнал каждого заседания представлялся отдельно государю» и утверждался им⁴⁶. Упоминая о разногласиях, возникших 28 января, директор Комиссариатского департамента Морского министерства кн. Д.А. Оболенский отметил, что «государь предоставил себе сказать своё мнение при утверждении журнала заседания»⁴⁷.

В «Учреждении Государственного совета и Государственной канцелярии» (1842 г.) указывалось, что журналы Общего собрания «подписываются председателем и всеми членами, в обсуждении дела участвовавшими, по старшинству их чинов, и скрепляются государственным секретарём»⁴⁸. Поскольку на заседании 28 января председательствовал Александр II, его подпись должна была стоять первой. Но для того, чтобы её поставить, царю пришлось бы вновь посетить Совет в тот день, когда, по установленному порядку, «прочитываются и подписываются журналы предшедшего заседания, и затем начинается доклад дела»⁴⁹. А именно — 30 января. Тогда, по словам вел. кн. Константина Николаевича, в Общем собрании «началось дело крестьянское... чтением журнала прошлого заседания»⁵⁰. Но в этот раз Александр II уже не пришёл, и «председательское место занял председатель Государственного совета гр. Д.Н. Блудов»⁵¹.

Тем не менее император, конечно же, утверждал то, что высказывалось в Общем собрании. Однако ещё в 1816 г. Александр I повелел «представлять мнения Государственного совета на высочайшее благоусмотрение не в подлинных журналах, а в *мемориях* или особых записках, содержащих в себе краткое изложение выслушанных дел»⁵². В 1842 г. эта норма была подтверждена в «Учреждении Государственного совета и Государственной канцелярии», в котором говорилось, что «положения Государственного совета представляются на высочайшее усмотрение» «в мемориях Общих оного собраний»⁵³.

⁴⁵ РГИА, ф. 1180, оп. 1, д. 6, л. 1—61 об.

⁴⁶ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Vol. 3. Берлин, 1862. С. 167; *Иванов И.И.* Падение крепостного права в России. Изд. 2. СПб., 1903. С. 395.

⁴⁷ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского / Публ. В.Г. Чернухи. СПб., 2005. С. 185.

⁴⁸ ПСЗ-П. Т. 17. Отд. I. СПб., 1843. № 15518. С. 290.

⁴⁹ Там же. С. 288.

⁵⁰ 1857—1861. Переписка императора Александра II... С. 302. Удивительна скорость составления журнала, при том, что, «проводя целые дни в заседаниях, чины Государственной канцелярии могли употреблять для работ от одного заседания к другому только ночное время и вообще в течение всего производства этого дела буквально не имели ни одной минуты отдыха» (Государственная канцелярия. 1810—1910. СПб., 1910. С. 200). Составлением и редактированием журналов занимались государственный секретарь В.П. Бутков, статс-секретари С.М. Жуковский и А.П. Заблочкий-Десятовский, а также помощник статс-секретаря К.И. Домонтович (*Захарова Э.О.* Государственная и общественная деятельность Андрея Парфёновича Заблочки-Десятовского. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 149).

⁵¹ *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Указ. соч. С. 392.

⁵² Государственная канцелярия... С. 38.

⁵³ Эти положения могли быть представлены также в мемориях или журналах департаментов. Так, оговаривалось, что «в *подлинных журналах* подносятся на высочайшее усмотрение заключения Департамента дел Царства Польского. Но когда заключение сего департамента, по особому высо-

Действительно, уже 31 января Александру II была поднесена мемория Общего собрания 28 января⁵⁴. А 1 февраля управляющий делами Комитета министров П.А. Валуев узнал от шефа жандармов кн. В.А. Долгорукова, что «государь утвердил по мемории Государственного совета мнение меньшинства относительно вопроса о способе определения наделов»⁵⁵. Впрочем, и в мемории нет подписи императора, однако в ней, в сохранившемся подлиннике, имеются его собственноручные карандашные пометы («и я»), а также особый знак, свидетельствовавший о просмотре, также поставленный карандашом⁵⁶.

В подлиннике же журнала стоят автографы членов Государственного совета, присутствовавших на заседании 30 января⁵⁷. Примечательно, что там нет подписей гр. Ф.Ф. Берга, кн. П.Д. Горчакова, барона П.К. Мейендорфа и А.С. Норова (их фамилии и инициалы лишь обозначены карандашом), хотя, судя по мемории 28 января, они принимали участие в спорах⁵⁸. Подписывая журнал, члены Совета пользовались гусиными перьями, и Ланской, по видимому, просто оставил на память то, которым расписался. Его позднее и назовут «историческим». Между тем сановникам предстояло подписать ещё 18 журналов Общего собрания, прежде чем проекты «Положений» легли на стол императора.

По сути, «историческое перо» представляет собой не «царский символ», а скорее канцелярский артефакт, находившийся 30 января 1861 г. в руках у ми-

чайшему повелению, рассмотрено будет в Общем собрании, то оно входит, по порядку, в общую меморию Совета» (ПСЗ-II. Т. 17. Отд. I. № 15518. С. 292).

⁵⁴ Журналы и мемории... С. 221. Подлинник см.: РГИА, ф. 1180, оп. 1, д. 7, л. 15—76. Список с неё сохранился в фонде вел. кн. Константина Николаевича: ГА РФ, ф. 722, оп. 1, д. 345, л. 1а—79 об. Советские архивисты атрибутировали этот список как журнал заседания, однако они не учли, что отсутствие членов Совета отмечалось только в мемориях. Впрочем, даже выпускник Училища правоведения П.Н. Якоби, занявший незадолго до революции 1917 г. пост начальника уголовного отделения Министерства юстиции, путал мемории и журналы Государственного совета. «Пишущему эти строки, — вспоминал он в 1934 г., — пришлось держать в руках пожелтевшие от времени листы журналов Государственного совета, где на полях рукой Александра II против мнения большинства и меньшинства членов Государственного совета были сделаны карандашные резолюции, причём сплошь да рядом император соглашался с мнением меньшинства, склоняясь в пользу гуманного разрешения вопроса» (*Якоби П.Н.* Величайший памятник культуры // *Россия в эпоху реформ. Сборник статей. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 25*). Судя по наличию пометок «и я», означавших, что царь присоединялся к мнению той или иной группы сановников, Якоби держал в руках именно мемории, а не журналы.

⁵⁵ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 65.

⁵⁶ РГИА, ф. 1180, оп. 1, д. 7, л. 39, 42, 56, 69, 76. См. также: Журналы и мемории... С. 213. В составленной Александром II в 1876 г. для наследника престола инструкции, определявшей порядок рассмотрения представлений во время отсутствия императора, указывалось, что такую отметку следует ставить «на докладах, где не испрашивается какого-нибудь разрешения, а просто доводится до сведения» (ГА РФ, ф. 678, оп. 1, д. 657, л. 1 об.).

⁵⁷ Это были гр. Д.Н. Блудов, великие князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи, принц П.Г. Ольденбургский, гр. К.В. Нессельроде, гр. П.П. Пален, гр. А.И. Рибопьер, кн. А.С. Меншиков, гр. П.А. Клейнмихель, гр. В.Ф. Адлерберг, кн. П.П. Гагарин, А.В. Кочубей, гр. А.П. Шувалов, С.С. Ланской, барон Н.И. Корф, гр. С.П. Сумароков, гр. С.Г. Строганов, Н.О. Сухозанет, А.С. Танеев, Г.Х. Гасфорт, барон М.А. Корф, В.И. Мелихов, Ф.П. Литке, гр. В.Н. Панин, кн. В.А. Долгоруков, М.Н. Муравьёв, Ф.И. Прянишников, Н.И. Бахтин, гр. А.Г. Армфельт, К.В. Чевкин, кн. А.М. Горчаков, барон Ф.П. Врангель, П.Ф. Брок, Н.Н. Анненков, Е.П. Ковалевский, А.М. Княжевич, П.Н. Игнатьев, барон П.И. Рокасовский, О.И. Тымовский, Л.Г. Сенявин (РГИА, ф. 1180, оп. 1, д. 6, л. 59 об.—61 об.).

⁵⁸ Журналы и мемории... С. 193, 195.

нистра, стоявшего у истоков крестьянской реформы в 1856—1857 гг. и активно поддерживавшего её впоследствии. О чём, собственно, и сообщает сделанная Ланским надпись: «Этим пером подписан журнал заседания Общего собрания Государственного совета под личным председательством государя императора об упразднении крепостного права 28-го января 1861 г.»⁵⁹. Не случайно в музее в той же витрине выставлена ещё одна подобная реликвия: чернильница гр. Д.Н. Блудова, которая, судя по нанесённой на ней надписи, «с 1858 по 1864 год служила к подписанию всех меморий по крестьянскому делу»⁶⁰. Всё это лишний раз подтверждает, что отмена крепостного права совершилась отнюдь не одним росчерком, а стала результатом длительного и сложного процесса, изучение которого по-прежнему требует пристального внимания и преодоления сложившихся стереотипов.

⁵⁹ ОПИ ГИМ, ф. 180, оп. 1, д. 119, л. 1.

⁶⁰ ГИМ 81989/919. Благодарю К.А. Никольского за сведения об этом экспонате.

Западнорусский анабасис Ксенофонта Говорского

Александр Котов

West-Russian anabasis of Xenophon Govorsky

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016243-8

В ряду пореформенных русских публицистов Ксенофонт Антонович Говорский (1811—1871) занял незавидное крайнее правое место. Основанный им в 1862 г. «Вестник Юго-Западной и Западной России» (с сентября 1864 г. «Вестник Западной России»), по словам А.Н. Пыпина, руководствовался «самыми истребительными намерениями относительно всего польского»¹. Для современного исследователя этот журнал, наполненный «сомнительного качества публикациями», прежде всего — «трибуна наиболее интолерантной полонофобии»². Несколько более рельефно его характеризовал белорусский национал-социалист начала XX в. А. Цвикевич. Видя в редакторе «дрэнного гаспадара» и белорусского «адбітка Магніцкага и Руніча», идеолог «коренизации» признавал научное значение изданных в нём источников по истории русских земель Речи Посполитой³. Таким образом, позднейшая историография не слишком далеко ушла от оценок, данных современниками, — за редким исключением людьми весьма пристрастными. Скрытый за этими ярлыками реальный образ, конечно, далёк от идеала, но всё же чуть более сложен и интересен.

К моменту основания журнала перешедший в православие униат Говорский уже получил известность как учёный и редактор⁴, которого, по свидетельству могилёвского архиепископа Анатолия (Мartiновского), ненавидели «ксёндзы» и «фанатики-помещики». Как писал владыка, «для всякого теперь в Витебске очевидно, что враги отечественной Церкви всеми мерами гонят Говорского, всеусильно стараясь, чтобы он ни в каком ведомстве не получил

© 2021 г. А.Э. Котов

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.», проект № 19-18-00073.

This research was supported by the grant № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

¹ Пыпин А.Н. История русской этнографии. Т. 4. Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892. С. 95.

² Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 284.

³ Цвiкeвiч А. «Западно-русызм»: нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX в. Мінск, 1993. С. 40, 52, 100.

⁴ Алексеев Л.В., Богданов В.П. Историография: западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении. М., 2019. С. 159—162; Сороко С.М. Ксенофонт Говорский в «Витебских губернских ведомостях» // Проблемы истории литературы. Вып. 13. М., 2001. С. 188—198.

места, а особенно, чтобы он не мог быть хранителем архива, заключающего в себе неисчерпаемый источник для истории Белоруссии»⁵.

Создавая «Вестник», Говорский не скрывал своих намерений: «Встречая у многих польских публицистов разные придуманные, будто бы исторические, изыскания насчёт народности польской, которую они навязывают чисто русским провинциям Западного и Юго-Западного края России, и имея в виду, что во многих наших архивах находятся богатые исторические документы, могущие послужить к совершенному разоблачению этих ложных толков, против коих почти никто ещё не возражал и которые чрез это могли заслужить авторитет истины не только между народами Западной Европы, но и между обитателями вышесказанных наших русских провинций, я решился предпринять издание в г. Киеве журнала... с целью опубликовать интересные документы и акты, с присовокуплением основанных на них исторических и других статей, разъясняющих русскую народность, и вообще разоблачать ложь польских выпадов против России историческими указаниями»⁶.

При поддержке митрополита Арсения (Москвина) и товарища обер-прокурора статс-секретаря кн. С.Н. Урусова программа журнала в начале 1862 г. была утверждена Святейшим Синодом⁷. Чтобы оказать ему финансовую поддержку, обер-прокурор даже распорядился выписать 170 экземпляров для духовно-учебных заведений⁸.

В «Вестнике» развивались и популяризировались концепции М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова, признававших Западный край исконно русским. «Очевидно, — писал постоянный автор журнала И.Г. Кулжинский⁹, публиковавшийся ранее в не менее одиозном «Маяке», — что так называемое великое княжество литовское было не что иное, как *великое княжество русское* (здесь и далее сохранены особенности орфографии цитируемых текстов, включая и выделение слов курсивом. — А.К.), состоявшее из русских областей, населённое русским народом православного исповедания и состоявшее хотя под властью князей литовского происхождения, но уже принявших православную веру, литвинов язычников... было в этом русском княжестве весьма не много, едва одна двенадцатая часть». Уже поэтому «*Литовская Русь*, по естественному взаимному друг к другу влечению однородных частей, рано или поздно должна была возвратиться к первобытному соединению с *московскою Русью*. А как сама Польша усиливалась связать свою судьбу с судьбою литовской Руси и составить с нею одно тело, то из этого и вышло естественное следствие, что и Польша должна была неминуемо, вслед за литовскою Русью, войти в состав одной державы всероссийской, — каковое событие совершилось не скоро, но после многих, кровавых недоразумений. Вопиать теперь против этого события, значит — вопиать против законов природы и истории»¹⁰. Источником же русской цивилизации провозглашался, разумеется, «наш родной Сион» — Киев¹¹.

⁵ Из посмертных бумаг могилёвского архиепископа Анатолия Мартиновского // Киевская старина. 1884. № 6. С. 220.

⁶ ОР РНБ, ф. 377, д. 597, л. 1—1 об.

⁷ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 14 об.

⁸ ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, д. 4772, л. 1 об.—2.

⁹ Котов А.Э. «Заветные принципы» Ивана Кулжинского // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2021. № 1. С. 3—24.

¹⁰ Кулжинский И.Г. О соединении Польши с Россиею // Вестник Юго-Западной и Западной России (далее — ВЮЗР). 1863. Февраль. Отд. 1. С. 30, 32.

¹¹ Значение Киева для России // ВЮЗР. 1862. Июль. Отд. 4. С. 18.

Во время польского восстания 1863 г. в «Вестнике» резко осуждали попытки дипломатического давления на империю. Говорский сетовал на то, что, «не имея законной причины объявить России открытую войну и опасаясь за её результаты, Западная Европа тем не менее ведёт с нами уже около 8 месяцев войну скрытую, коварную, выходящую не только из принятых форм политики, но и стоящую вне законов чести и условий международных отношений». Защита мятежной Польши казалась публицисту лишь надуманным предлогом: «Угнетения Россией поляков так воображаемы, что их странно было бы сравнивать с известными нам угнетениями Европой слабейших и невиннейших собратий... Ведь Европа весьма легко могла проверить те факты, что с нами режется значительное меньшинство поляков, что, несмотря на все инквизиционные приёмы терроризма, даже в самой Польше народ не на стороне бунтующих, что он составляет сельские ополчения, сотнями присоединяется к русским отрядам и вместе с ними громит мятежников, что не только русские обитатели Литвы, Белоруссии, особенно Малороссии, насколько могут, способствуют к подавлению бунта, но даже католическая — до фанатизма — Жмудь вооружилась против бунтовщиков, что соседние к Литве жители Польши просят генерал-губернатора М.Н. Муравьёва принять их под свою защиту и покровительство, что огромные массы мирных дворян польских наводняют Киев, Вильно, Варшаву — вообще места, где они безопасней от действий подземного “народного правительства” с его жандармами и где крепче гарантирована их свобода и имущество»¹².

Реальную причину возникшего кризиса Ксенофонт Антонович усматривал в том, что «в России всё как-то не по вкусу Европе: и её посильное отстранение от европейской цивилизации, и её православие, и индивидуальность духа народного, и её самодержавие, и славянство. Европа не может простить России ни её громадности, ни её строя гражданского, ни невозможности навязать ей свой язык, свою религию, свою конституцию, подчинить её галло-германскому элементу, отбросить в Азию. Теперь, когда к нашему росту внешнему присоединилась сила внутренняя, когда посредством благодетельных реформ Россия обновилась, переродилась, стала на пути к величию нравственному, когда теснимые чуждыми народностями славянские племена начали чаще и пристальней устремлять свой взор просительный на единоплеменную Россию, Европе было от чего призадуматься: к чувству зависти присоединилось чувство опасения, она начала трепетать за Восток, пугать себя панславянизмом, будущими завоевательными планами России»¹³.

Предстоявшая борьба не страшила Говорского: Россию защищали Бог и «наша собственная сила громадная, наше единодушие неодолимое, наши военные сродства необъятные». Поэтому врагам делалось горделивое предостережение: «Не задевай же, Европа, сильного, пока он спокоен и тебя не задевает! Иди себе своей дорогой и не мешай нам идти своею! Угодно тебе оставить Россию *изолированной*, мы тужить не станем, мы даже скажем тебе сердечное спасибо за услугу, ты только сделаешь с нами то, что давно пора бы сделать нам самим. У нас так мало общего с тобою, что мы ровно ничего не потеряем от разединения с тобою. Даже наша народность, наше православие, народное богатство сделаются прочнее, чище, шире, если они не будут ослабляемы,

¹² Кое-что по поводу вмешательства Западной Европы в дело польской революции // ВЮЗЗР. 1863. Июль. Отд. 3. С. 7—9.

¹³ Там же. С. 21.

оскверняемы, расточаемы влиянием твоего космополитизма, индифферентизма и суетности. У нас, благодаря Провидению, так много всего *необходимого* на потребу человека, что крупницами, падающими от трапезы нашей, мы можем продовольствовать полмира»¹⁴.

В свою очередь, Кулжинский объяснял противостояние с Западом религиозными причинами: «Против восточного православия все: и мусульмане, и католики, и протестанты. Колеблемая со всех сторон восточная Церковь нашла себе подпору только в православной России; могут ли после сего любить Россию западные европейцы?». По словам публициста, «недаром Русь называется *святою*, так как Франция называется — прекрасною (*la belle France*), Германия — учёною, а Англия — промышленной. *Святость* — вот цель русской образованности, цель высокая и прекрасная!». Поэтому «науки, художества, ремёсла русский человек охотно перенимает у иностранцев; но образа иностранной жизни, иностранных убеждений, верований и обычаев он не торопится усвоить себе, и остаётся своеобразным, самобытным *русским человеком*, с своим собственным, православным взглядом на предметы. Такая национальная русская образованность не сходится с западною образованностью. Одно из двух: западная образованность или должна преклониться пред русскою, или ненавидеть её и враждовать против неё. А как последнее гораздо легче, то вот западные европейцы и называют русских “варварами”, и клеветают на них, и хотели бы даже развратить их»¹⁵.

В журнале регулярно перепечатавали материалы из «Дня» и «Московских ведомостей». Однако Говорский напоминал читателям о своих заслугах в деле «русских протестов против затей, клевет и притязаний старых *приятелей* наших — поляков». Он уверял, что «честь этой инициативы бесспорно принадлежит “Вестнику”», поскольку «зоркость “Вестника” возвысила его очень рано до понимания характера всех этих явлений, до способности предвидения катастрофы»¹⁶.

Несмотря на известную близость к славянофилам и почвенникам, Говорский порою вступал в полемику и с ними. Так, он грубо раскритиковал знаменитую статью Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», в которой увидел апологию полонизма. «Мы привыкли, — возмущался Ксенофонт Антонович, — к космополитизму некоторых наших органов, к либерализму и нигилизму некоторых собратий наших, обративших зародыши свободного русского слова в самое дикое буйство и самоволие; мы не раз готовы были и смеяться и плакать, прислушиваясь к раздирательному концерту наших либералов, наших недоучившихся публицистов, словно державших конкурс по части геростратовских подвигов глумления над всем, что составляло доселе основу силы и славы человеческих обществ вообще и России в особенности; но, признаемся откровенно, нашего слуха и сердца не поражали ещё такие грубые диссонансы строю нашей жизни, какими прозвучал “Роковой вопрос”, мы ещё не видали такого цинического, такого зверского ковырянья в язвах своей жертвы, каким обессмертил себя автор этой статьи и журнал, осмелившийся приютить её на своих страницах и, быть может, умышленно посягнувший, в отчаянии, на самоубийство». Особое негодование у редактора «Вестника» вызвало противопоставление высокой польской и слабой русской цивилизаций. «У поляков, — утверждал он, —

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Кулжинский И.Г. Святая Русь // ВЮЗЗР. 1863. Июль. Отд. 4. С. 9—11.

¹⁶ Слово русского к мятежным полякам // ВЮЗЗР. 1863. Сентябрь. Отд. 3. С. 45.

никогда не было *истинной* цивилизации, а только был ряд заблуждений и выродившихся от них нестроений и несчасть, кончившихся политической смертию организма, дошедшего до самоубийства путём отчуждения от жизни окружающего её человечества и оскудения всех элементов самобытной жизни». Польша, по мнению Говорского, «переняла от запада только элементарную часть просвещения», поэтому «высокая культура поляков, которой так часто бредит наш *русский*¹⁷ лунатик, есть химера»¹⁸. Столь же мнимым оказывалось «варварство русских», так как «со времён Алексея Михайловича Россия является если не с блистательною цивилизациею Запада, то скромною, но надёжною цивилизациею православного общества, с прочным государственным строем, крепким законодательством, замечательным, судя по времени, административным механизмом, заметным влиянием на дела Польши и других соседних держав, возвратом юго-западной сестры России в семью родную». По словам публициста, правление «великого героя полтавского, пред которым трепетала Швеция и Польша, которому удивлялась Европа, есть такое царствование, которому подобного не может противопоставить дикая и беспутная цивилизация Польши». Последовавший же в XIX в. культурный и общественный подъём России Говорскому было «совестно даже сопоставить... с невежеством Польши». Таким образом, заявлял он, «борьба поляков с Россией точно есть борьба цивилизации с варварством... только лишь в обратном смысле, т.е. что варвары поляки режутся с цивилизованною Россией»¹⁹.

В итоге будущему защитнику русского национализма от нападок В.С. Соловьёва выносился суровый приговор: «Читая эти и подобные им фразы, крепко хочется видеть в них неудачный, подстрочный перевод с польского или, по крайней мере — предположить в авторе “Рокового вопроса” большее знакомство с грамотностью польскою, нежели русскою. Если ж это предположение не имеет фактической верности, то мы утешим себя тем, что, кроме трёх-четырёх *изверженностей* земли русской, кроме трёх-четырёх выроdkов, выделившихся из нашей семьи и заклеимённых *всероссийским* презрением, едва ли найдётся между 53 миллионами русских и 5 уродов, которые *сполна* разделяют убеждения автора “Рокового вопроса”, прикрывшего свою бесчестную личность честным именем *русского*. Причина этой трусости понятна. Псевдо-русский думал, что за беспримерное преступление он может подвергнуться примерному наказанию. Он думал, вероятно, что *русские* соберутся, как один человек, в одно место, привяжут его к позорному столбу, что каждый русский подойдёт к нему, плюнет ему с проклятием в лицо, и он утонет, наконец, в луже *русской* слюны. Мы думаем, что трус преувеличил идею о русской мести и слишком пластично представил в больном воображении способ ей проявления; мы думаем, что все русские отворотились бы от него с презрением и сказали: ты не наш, у нас нет ничего общего с тобою, — будь ты анафема!»²⁰.

Разошёлся «Вестник» в 1863 г. и с аксаковским «Днём». Правда, открыто они спорили лишь о бытовых традициях и, в частности, о малороссийских свитках, в которых Аксаков усматривал поэзию национальной самобытности, тогда как редакция «Вестника» полагала, что народный костюм «удобен и выгоден», но «смешно даже сказать», будто он «эстетичен и поэтичен». Говорский

¹⁷ Статья Страхова была подписана псевдонимом «Русский».

¹⁸ Русские. Роковой вопрос // ВЮЗЗР. 1863. Июнь. Отд. 3. С. 89—90, 95, 134.

¹⁹ Там же. С. 125, 128, 133.

²⁰ Там же. С. 137—138.

считал, что «всякий народ, придерживающийся своих одиноких, обветшалых прадедовских костюмов и обычаев (каковы, например, китайцы и им подобные), словно окаменевают и не подвигается вперёд ни на шаг в своём развитии, и рутина вместе с костюмом господствует у него неподвижно»²¹. Скептически отнеслись в «Вестнике» и к перспективам украинского языка. При этом Говорский и его сотрудники ссылались на настроения, преобладавшие будто бы среди малороссийского простонародья. «Несколько лет тому назад, — писали они в Галицию, — была попытка со стороны духовенства (по предписанию Св[ятейшего] Синода) говорить в церквах поучения на сем наречии, но народ, хорошо понимающий язык общерусский, считающий его языком облагороженным, оскорбился было этою попыткою: в самом начале поучений оставлял церкви и даже, при проезде по епархии архиереев, жаловался им на тех священников, которые, как будто бы в насмешку над ним стали поучать мужицким говором»²².

Между тем журнал, пытавшийся говорить от имени широких масс, особой популярностью не пользовался. Дела его шли плохо. Уже осенью 1863 г. Говорский взывал к кн. Урусову: «Вот уж год, как “Вестник” борется с врагами нашей веры и народности, вот уж год, как я истощаю свои силы в битве с открытыми супостатами и затеями скрытой местной пропаганды, утомившей меня едва ли не меньше врагов наших. К этим врагам — сильным и количеством, и неутомимостью, — присоединился третий союзник; я разумею то безвыходное стеснение “Вестника” материальными средствами, которое, на радость врагов России, поставило его на краю гибели. Положение моё неописанно: все сотрудники мои выбились из сил, я потерял всё моё состояние и вошёл в ужасные долги, 1-я книжка “Вестника” содержится под арестом в типографии, и я не знаю, как и когда её вырuchu, я не имею возможности гарантировать труды лучших сотрудников, и они один за другим оставляют “Вестник”. Понадеявшись на обязательную подписку для западного и юго-западного духовенства, я печатал “Вестник” в количестве 3 000 экземпляров, и у меня осталось более 1 000 экз[емпляров], которые, мимо разорения по изданию, потребовали найма двух лишних комнат для их помещения. Мне уже отказывают пускать в ход бумагу; враги наши всё это видят и торжествуют близкое падение страшного врага их. Ваше сиятельство! К Вам, к Вашей патриотической энергии, к Вашему благородному сердцу обращается предсмертный вопль “Вестника”! Своим великодушием, своею могучею властью, своею близостью к всемилостивейшему русскому монарху — спасите от гибели то издание, которое, при лучшей доле, много могло бы оказать пользы интересам России и падение которого уже не может совершиться без ущерба нашей веры и народности»²³.

Редактор просил князя повторить синодальный указ об обязательной подписке и приобрести нераспроданную часть тиража²⁴. Но, разумеется, это могло дать лишь временный эффект. В 1863 г. «Вестник» спас от разорения киевский генерал-губернатор Н.Н. Анненков, приказавший подчинённым ему структурам выписать 200 экземпляров журнала, а в январе 1864 г. добившийся от МВД

²¹ Еремеев С. По поводу свиток и хохломании // ВЮЗЗР. 1863. Апрель. Отд. 3. С. 4—6.

²² Письмо редакции «Вестника Юго-Западной и Западной России» в редакцию львовской газеты «Слово» по поводу помещённой в сей газете статьи какого-то Кияна // ВЮЗЗР. 1862. Сентябрь. Отд. 4. С. 234.

²³ ОР РНБ, ф. 608, оп. 1, д. 4772, л. 1 об.—2.

²⁴ Там же, л. 2.

выделения редакции негласного пособия «с тем, чтобы весь расход на этот предмет был отнесён на процентный сбор с помещичьих имений в юго-западных губерниях»²⁵. Позднее субсидию выплачивал Виленский учебный округ²⁶. Однако когда в 1867 г. о ней написал «Виленский вестник», Ксенофонт Антонович разразился гневной отповедью: «Не знаем, право, на каком языке и объясняться с “тёзкой”, какие приводить ему резоны, чтоб он, наконец, понял, чтоб он убедился, что мы никакой субсидии, — ни денежной, ни в виде обязательной подписи, — от главного управления края не получаем; что *Министерство внутренних дел*, признавая пользу нашего издания и сознавая скудость средств присутственных мест Северо-западного края, только выписывает для них 200 экземпляров... но что такой мены продукта на деньги мы не считаем “субсидией” — по той же причине, по которой купец не считает подарком денег, полученных за купленный у него товар»²⁷.

Тем не менее вслед за Анненковым на помощь журналу пришёл именно виленский генерал-губернатор Муравьёв. Весной 1864 г. (вероятно, по рекомендации попечителя Виленского учебного округа И.П. Корнилова, знавшего Говорского и во многом разделявшего его взгляды) Михаил Николаевич направил кн. Урусову записку, в которой не без драматизма описывал обстановку во вверенных ему губерниях: «События минувшего года обозначили ясно преступные цели враждебной правительству и России революционной польской партии. Дерзкие глашатаи мнимой свободы и отторжения от России, не довольствуясь возбуждением населения словом и делом к явному сопротивлению законной власти, старались посредством печатных брошюр, исторических заметок и статей в иностранных газетах и журналах увлечь легкомысленных и непросвещённых, посягая на древнее и неотъемлемое достояние России, и пытались доказать, что западный наш край принадлежит искони Польше и должен составлять с нею нераздельное целое... Кровавые события минувшего года служат доказательством, что они успели ложью и обманом достигнуть желанной цели». Это заставило вспомнить как про наличие в Вильне множества «не разработанных и не тронутых ещё памятников русско-литовской исторической старины», так и про то, что «не заявлено ещё достаточно живым русским словом настоящее и минувшее здешнего народа, не раскрыты глаза заблуждающимся и слепо верующим революционной публицистике». «Ввиду этого обстоятельства, — продолжал Муравьёв, — я пригласил редактора “Вестника Юго-Западной и Западной России” коллежского советника Говорского принять с некоторою поддержкою со стороны правительства редакцию и издание “Виленского вестника” и издаваемого при нём “Полицейского листка” и вместе с тем продолжить в Вильне издание “Вестник Юго-Западной и Западной России”»²⁸.

Благодаря главного начальника края за приглашение, Говорский просил об особых цензурных условиях, настаивая на том, что «издаваемый мною в Киеве “Вестник Юго-Западной и Западной России” будет продолжаться по-прежнему под моею редакциею в Вильне, и хотя он останется частным, не правительственным органом, но я обязуюсь подчинять предварительному контролю

²⁵ РГИА, ф. 776, оп. 3, д. 89, л. 2, 6 об.

²⁶ Там же, оп. 4, д. 300, л. 16.

²⁷ Ответ редакции «Виленскому вестнику» // Вестник Западной России (далее — ВЗР). 1867. Октябрь. Отд. 3. С. 6—7.

²⁸ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 10—11 об.

Вашего высокопревосходительства, или указанных Вами лиц, статьи политического содержания, а равно и предназначенные к распространению в народе в виде отдельных оттисков». Кроме того, поскольку ««Вестник Юго-Западной и Западной России» в Киеве состоял под непосредственным покровительством киевского митрополита Арсения, то желательно было бы, чтобы с перенесением издания в Вильно он пользовался таким же покровительством Вашего превосходительства и чтобы для всех состоящих под моею редакциею изданий назначен был особый цензор»²⁹. Просьба была удовлетворена, и вплоть до назначения генерал-губернатором А.Л. Потапова цензура относилась к «Вестнику Западной России» весьма благожелательно. Так, в апреле 1865 г. наблюдать за ним поручили славившемуся своей снисходительностью П.В. Кукольнику³⁰. Однако с «Виленским вестником» Говорский не справился, и в дальнейшем газету, после изгнания оттуда А.К. Киркора, редактировали другие люди: сначала близкий корниловскому кружку А.И. Забелин, а с 1867 г. — его оппонент, «катковец» М.Ф. Де-Пуле³¹.

Изменив название и став органом сформировавшегося вокруг Корнилова «кружка виленских русификаторов», журнал Говорского по-прежнему публиковал документы XVI—XVII вв., отражавшие борьбу русского населения Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с польским засильем. Более публицистический характер носили такие «исследования», как «Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831—1863 г.» генерал-майора Ф.В. Ратча или работы Кукольника, посвящённые истории Литвы и Северо-Западного края.

Антипольские выступления журнала с самого начала вдохновлялись не столько этнонационалистическими, сколько антисловесными мотивами и являлись продолжением полемики «старой русской партии» со сторонниками дворянского консерватизма и «аристократической партии»³². Позиция Говорского в этом противостоянии оставалась последовательно консервативно-демократической³³. «Аристократия, — утверждалось в журнале, — вообще как-то скоро способна делаться безразличною к интересам религии и вековым преданиям народной старины, если это кажется почему-либо выгодным для её сословных и родовых интересов»³⁴.

Когда к середине 1860-х гг. распространение русского землевладения было признано одной из главных мер по умиротворению западных окраин, Ксенофонт Антонович вступил в ожесточённую полемику с консервативно-аристократической «Вестью» и продолжавшим её дело (до бегства в Краков А.К. Киркора³⁵) «Новым временем». Редактор «Вестника Западной России»

²⁹ Там же, л. 4—4 об.

³⁰ LVIA, f. 1240, ap. 1, b. 224, l. 1.

³¹ Котов А.Э. М.Ф. Де-Пуле — редактор «Виленского вестника» // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 38—43.

³² Подробнее см.: Котов А.Э. Польский вопрос на страницах «Вестника Юго-Западной и Западной России» (1862—1864 годы) // Научный диалог. 2019. № 8. С. 258—272.

³³ Подробнее см.: Котов А.Э. «Чад полонизма и смрад герценизма»: «Вестник Западной России» против классовой революции и сословной реакции // Тетради по консерватизму. 2020. № 2. С. 118—134.

³⁴ Материалы для истории гонения православных в бывших под властью Польши русских областях // ВЮЗЗР. 1863. Январь. Отд. 1. С. 18.

³⁵ Banaszkiewicz M.A., Koto A.E. Adam Honory Kirkor i gazeta «Nowoje Wriemia» — nieznana karta polsko-rosyjskiej historii intelektualnej // Przegląd Nauk Historycznych. 2021. № 1.

упорно доказывал, что главную роль в крае должны играть именно мелкие землевладельцы: «Для малорусского и белорусского мужичка чем крупнее пан, тем он отнесётся к нему недоверчивее и лукавее, тем труднее он поверит в его к себе снисхождение и дружелюбие... Его понятия о пане сложились так плотно, под внушением таких несчастных исторических явлений, что он с трудом отделит в своей голове идею крупного землевладельца русского от идеи пана польского, что он никогда не сократит в своём воображении того огромного расстояния, в каком находится его ничтожество от величия крупного землевладельца. А весьма легко может случиться, что какой-нибудь крупный землевладелец, социальные идеи которого развивались под обаянием геральдических традиций, слагавшихся в архиве 17 генераций, спесиво отнесётся к своим соседям, потребует от них густого курения своей особе, не только идеального, но и материального»³⁶.

Феодально-аристократическое начало Говорский считал злом, принесённым на русские земли архаичным шляхетским государством. Не случайно он перепечатал из «Московских ведомостей» статью М.В. Юзефовича, утверждавшего: «Я не враг польского племени и безразлично смотрел с братскими чувствами на всех поляков, пока не изучил и не понял исторического монстра, называемого шляхтой». Таким образом, единственной проблемой в русско-польских отношениях признавался «исключительно вопрос шляхетский»³⁷. Из «Русского инвалида» в «Вестник» попала заметка «*Polacy i indjany*», появившаяся ранее в одной из зарубежных польских газет. В ней «автор статьи, сам ревностный поляк, развивает мысль, что если Польша не изменит радикально своего общественного строя, то ей грозит та же самая участь, как индейцам, которые исчезали мало-помалу пред наплывом цивилизации». Говорский явно сочувствовал мнению поляка, видевшего в польской цивилизации явление «не нашего времени», а «осколок цивилизации минувшей и окончательно осуждённой историей»³⁸.

Несмотря на то, что первоначально в журнале звучали одобрительные отзывы о русификации католичества, во второй половине 1860-х гг. Говорский — вслед за своим покровителем Корниловым — постепенно склонялся к свойственному славянофилам и почвенникам отождествлению русского с православным. «Слова *русский* и *римо-католик*, или *русский папист*, суть слова несоединяемые между собою, — полагал он, — равно как и *железное дерево*, *огненный лёд* или *добрейший злодей*. *Русский и православный*: это синонимы»³⁹. Позже, воспроизводя в «Вестнике» выступление И.Д. Беляева на заседании антропологического отдела Общества любителей естествознания при Московском университете, где говорилось о том, что «великорусское племя... при помощи колонизации успевало местных инородцев переделывать сперва в полурусских, а потом и в русских людей, позволяя им свободный доступ в своё общество, с одним непременным условием — принятия православной веры, которая у великорусского племени всегда считалась первым и невозвратным шагом инородца к полному братству с русскими», Говорский добавил приме-

³⁶ Крупные и мелкие землевладельцы в Западной России // ВЗР. 1866. Август. Отд. 3. С. 31.

³⁷ Юзефович М.В. Что такое шляхта (из «Московских ведомостей») // ВЗР. 1865. Апрель. Отд. 4. С. 173—174.

³⁸ Поляки и индианы (из «Русского инвалида») // ВЗР. 1865. Май. Отд. 4. С. 274—275.

³⁹ Несколько слов к уроженцам и жителям юго-западной и северо-западной России, называющим себя поляками // ВЗР. 1866. Октябрь. Отд. 3. С. 5.

чение: «Обратите внимание на это обстоятельство, отделяющие православие от русской народности»⁴⁰.

Таким образом, решению польского вопроса в Западном крае должно было способствовать не предлагавшееся М.Н. Катковым «разделение католицизма с полонизмом»⁴¹, а наоборот, издание православной литературы на польском языке. За это, в частности, ратовал в «Вестнике» Д. Гродвицкий, представившийся как «поляк по рождению, православный по крещению и русский по убеждению»: «Во имя чрезвычайной, все-славянской пользы мы заявляем мнение о необходимости религиозного единения поляков с русскими для нравственного объединения разъединённых элементов славянских сил, для исправления и указания настоящего пути к счастью польской нации, поражённой язвою римства, как раком. Надеемся, что здравомыслящие поляки-патриоты порадуются этой спасительной мере и помогут осуществлению её, по мере сил»⁴².

Другой автор выражал сомнение в том, «действительно ли существует такое радикальное противоречие в религиозных верованиях и убеждениях между русским и польским *народом*, какое стараются навязать нам наши доброжелатели». Он даже допускал, что, «может быть, в них-то, в этих массах простого народа, не искушённых хитростью всезнания, и сохранилось до сих пор единство того христианского учения, которое не знало разделения церквей и было всеобщее, *едино* и повсюду *православное*». В этом его убеждали личные наблюдения: «Нам неоднократно случалось встречать в наших русских храмах на молитве крестьян и крестьянок польских. На вопрос, почему они пришли в нашу церковь, а не в свой костёл, они обыкновенно отвечали: “До костёла от нас далече... все мы такие же христиане”». Таким образом, «моральное сближение» признавалось возможным и необходимым, стоило лишь Польше отречься от шляхетского прошлого и «не строить воздушных замков, когда в доме течёт крыша». «Да и вообще, — заключал публицист считавшегося консервативным журнала, — гордиться прошлым, кому бы то ни было, стоит ли? Человечество идёт вперёд, и настоящее во многом лучше прошлого, потому что оно есть результат его, металл, очищенный огнём минувших испытаний. Прошлым может гордиться только падшая личность, у которой уже недостаёт живых сил для дальнейшей деятельности и остаётся одно жалкое утешение — жить воспоминаниями о промотанном счастье»⁴³.

Редакция «Вестника» вовсе не отрицала ценности прогресса, но стремилась придать ему национальные черты. Так, один из авторов журнала рассуждал: «Неужели, как уверяют иностранцы, полудивилизация испортила нас до костей? Нет, мы не испорчены, кости наши целы, кожа только потрепалась от немецкого лоска. Очистим же русское поле от иноземных плевел, засеём его русскою пшеницей — и чернозёмная сила возьмёт своё; преобразуем немецкие наши заведения в русские училища... Для нас всё ещё впереди. Пойдём же живее, ребята! От начальства задержки нет; тихий шаг уничтожен; введён шаг беглый!»⁴⁴. Разумеется, «Вестник» поддерживал реформы 1860-х гг. и, в част-

⁴⁰ Что такое великорусское племя? — из каких элементов составилось оно и как образовалось? // ВЗР. 1866. Декабрь. Отд. 4. С. 297.

⁴¹ Котов А.Э. «Русское латинство» 1860-х гг. как элемент идеологии бюрократического национализма // Новое литературное обозрение. 2017. № 2. С. 122—136.

⁴² Гродвицкий Д. Вопрос и ответ // ВЮЗР. 1863. Октябрь. Отд. 4. С. 13.

⁴³ Толс... Ал. Кое-что о народностях русской и польской // ВЗР. 1865. Июнь. Отд. 4. С. 359, 361—363.

⁴⁴ Письма из западного края // ВЗР. 1865. Январь. Отд. 3. С. 341.

ности, преобразования, проводившиеся в Западном крае и Польше. В 1865 г. журнал перепечатал из «Русского инвалида» статью, защищавшую политику Н.А. Милютина от обвинений в социалистических тенденциях: «Ещё реформа только начала и, не имея об её ходе никаких положительных сведений, кроме злонамеренных толкований той самой шайки людей, которая причинила недавно страшные бедствия своему отечеству, вы ищите в ней каких-то социалистических тенденций. Не социалистическим, а социальным характером отличается она, и в этом заключается великое её достоинство, сравнительно со всем, что предпринималось было для Польши с конца XVIII в.»⁴⁵. Высоко оценивал журнал и результаты деятельности местной администрации: «Вообще, отрадно русскому человеку находиться теперь в стенах города Вильны, где на каждом шагу слышишь русскую речь, где существуют русские школы, русский театр, русский дворянский клуб, и где русская жизнь проникает повсюду. Этот жизненно бьющий ключ русской народности, широкою струёю разливающийся по всему Северо-Западному краю, родственным союзом скрепит навсегда неразрывную связь его с остальной русской землёй. Теперь уже каждый проникается той мыслью, что благоденствие страны обуславливается тесным, нелицемерным, братским соединением с братьями во внутренней России. Сильный этим единством, край здешний будет плодотворно подвигаться на пути гражданского бытия, не нуждаясь в чужих симпатиях, ни опасаясь чужого недоброжелательства»⁴⁶.

Ещё ярче те же идеи и образы звучали в стихах Кулжинского, также принадлежавшего к кружку Корнилова:

«Наконец-то, наконец,
В стародавнем русском крае,
Что очнувшийся мертвец,
Раздаётся речь родная.
И несётся заливная
Наша песня... С дальних мест,
Возносясь над небесами,
Над литовскими лесами,
Православный русский крест,
Вновь блестит, что солнца луч,
Светел, дивен и могуч!
Здравствуй, Русь! Четыре века
Не видались мы с тобой, —
Волей злого человека
Разлучённую сестрой!
От Ягелла ренегата,
Свой предавшего народ,
Игу римского разврата,
Как несчастьем ты богата!..
Но пришёл и твой черёд,
И твоё настало время —

Свергнуть рабства стыд и бремя,
Жизнью новою зажить,
Зло минувшее забыть.
Заживём же вместе с нами,
И по жизненным волнам,
Подо всеми парусами
Понесёмся... Станут нам,
Сторонясь, дивясь, народы
Путь давать для той свободы,
К какой идём со отцом —
С русским соколом-царём.
Заживём же на просторе,
Сбросим с плеч бывшее горе,
Братски-дружной и родной,
Заживём семьёй одной,
Раны старые залечим,
Зло крамолы в прах размечем,
Так чтоб не было следа,
Что была страда-беда,
И с молитвой чистой к Богу,
В путь-дорогу, в путь-дорогу!»⁴⁷

⁴⁵ Заметка о Вильне с.-петербургского путешественника (из «Русского инвалида») // ВЗР. 1865. Январь. Отд. 4. С. 444.

⁴⁶ *Москвич*. Впечатления туриста в Вильне // ВЗР. 1865. Январь. Отд. 4. С. 446.

⁴⁷ *Кулжинский И.Г.* 1 мая 1866 г. в г. Вильне // ВЗР. 1866. Октябрь. Отд. 4. С. 67—68.

Тем временем в 1866 г. «Московские ведомости» начали кампанию против «виленских клерикалов», считавших православие главным критерием русскости. К ней присоединился и «Виленский вестник», редактировавшийся с 1867 г. «катковцем» Де-Пуле. Естественно, Говорский не мог остаться в стороне от полемики. Ему казалось, что обвинения в клерикализме «решительно неуместны в нашей прессе — в применении к нашему духовенству». Ведь «под именем клерикалов нужно разумеать людей с индивидуальными политико-религиозными стремлениями и действиями. Клерикальная партия есть партия всегда реакционная, сепаративная, революционная, оппозиционная. Цели этой партии никогда не бывают чисто религиозными; религия только изредка служит предлогом, прикровом тенденций политических... Она может организоваться только из среды папистов; клерикальная партия и ультрамонтанская — синонимы». Напротив, православный священник — «служитель Христов, представитель религии, учитель народа, совершитель таинств, и только. Далее духовной миссии деятельность его не простирается: от политических реакций, от интриг административных, от всего, что носит печать партии, он удалён на неизмеримое расстояние»⁴⁸.

Не обошлось при этом и без привычной для близких к корниловскому кружку изданий критики Каткова: «Стоя твёрдо на почве патриотической, “Московские ведомости”, кажется, не знают участия, какое должна принимать в этом прекрасном чувстве религия: к религиозной, самой существенной стороне западно-русского вопроса они относятся весьма смутно; оттого и патриотизм их в этом случае выходит каким-то отвлечённым, лишённым самой твёрдой и определённой точки опоры, похожим на чувство безотчётное, хоть и прекрасное»⁴⁹. Особенно задело Говорского выражение «мрачное сонмище», которым «виленских клерикалов» наградили столичные газеты: «Если этот эпитет понимать в точном его значении, то он как будто нарочно и сочинён для того сонмища, к которому принадлежит Н., разные *русские*, незнакомцы, старожилы и другие личности тёмные, трушобные, “мрачные”. Не тех нужно отнести к “мрачному сонмищу”, которые стоят и действуют открыто, честно, которые не имеют причин прятаться со своими именами и убеждениями за разными лжеименами (псевдонимами), которых мысль и чувство ясны, как безоблачное, полуденное небо, которых девиз — счастье России, процветание православия, возрождение Западного края; а тех, которых имена, генеалогии, национальности, религии покрыты “мраком” неизвестности, которых ум и сердце соперничают друг с другом в мраколюбии желаний, мыслей, стремлений»⁵⁰.

Конец 1860-х гг. стал временем заката «Вестника». В конце 1867 г. журнал приветствовал прибытие в край бывшего помощника Муравьёва А.Л. Потапова и с восторгом цитировал его обращение к «тутейшим» поселянам: «Обработывайте вашу землю и тщательно засевайте все ваши участки; засыпайте запасы хлеба; учитесь сами по-русски и посылайте в народные школы учиться русской грамоте ваших детей, так как вы все русские. Знайте, что здесь — кроме русского начала — другого ничего и быть не может»⁵¹. Однако, заняв в марте 1868 г. генерал-губернаторский пост, Потапов сразу же приступил к пересмотру преж-

⁴⁸ Неудачное и обидное *qui pro quo* // ВЗР. 1867. Февраль. Отд. 3. С. 13—15.

⁴⁹ Оригинальные письма (окончание) // ВЗР. 1867. Декабрь. Отд. 3. С. 40.

⁵⁰ Там же. С. 40—41.

⁵¹ Прибавление (из «Виленского вестника») // ВЗР. 1867. Ноябрь. Отд. 4. С. 206.

ней «муравьёвской системы»⁵². После «разгрома» им корниловского кружка журнал остался без покровителей в Вильне, но не лишился субсидии, так как явно не представлял угрозы для новой администрации.

И в этот момент неожиданный удар ему нанесли славянофилы. «Современные известия» Н.П. Гилярова-Платонова⁵³ напечатали анонимное письмо, содержащее — наряду с описанием курьёзных происшествий и городских сумасшедших — весьма язвительную характеристику «Вестника Западной России» как малоизвестного издания, распространяемого по принудительной подписке. «Вы, конечно, не знаете такого журнала, — иронизировал автор, — а мы так знаем, потому что сей баловень уездной музыки сваливается к нам без всякого нашего чаяния и прошения, как некогда манна с неба, с тою, впрочем, разницею, что вслед за бумажною манною Ксенофонта Говорского следует взимание приличной подписной платы». Далее прозрачно намекалось на скудость содержания и неаккуратность выхода номеров, редактору припомнили и грубость тона, и униатское происхождение, и склонность к саморекламе: «Дают они хорошенького понемножку, книжечками весьма жиденькими, вдобавок ещё совершенно извращающими времена года. Самая же эта литература в них преимущественно заключается в постоянных ревнивых категорических заявлениях, что польский вопрос давно уже решён, решён окончательно и именно первым им и именно в его журнале... Что Страхов, Коялович, Катков, только так себе, а главный и первый решитель — он, Говорский»⁵⁴.

На выпад в московской «простонародной» газете «поневоле» пришлось отвечать, жалуясь на газетные нравы: «Наша периодическая пресса отличается беспримерным в истории литературы террором. Подстрекаемое самомнением, упорством, завистью, невежеством, желчным настроением духа, — нетерпение наших публицистов достигает нередко такого пароксизма задора, в котором не обращается уже внимания на чувство приличия, достоинство печатного слова и даже здравый смысл. В этом умоисступлении всё идёт в строку: и обмолвка, и опечатка, и физиономия антагониста, и его поведение, его семейные и социальные отношения и проч. Едва ли найдёте в нашей прессе два периодических издания, которые не вели бы друг с другом самой упорной междоусобной войны; мирно уживаются только “Московские ведомости” с “Современною летописью” и “Русским вестником”, “Отечественные записки” с “Голосом”, “Биржевые ведомости” с “Вечернею газетою”; причины этого миролюбия не требуют пояснений»⁵⁵.

Упрёки, брошенные ему в корреспонденции «Современных известий», Говорский объяснял исключительно завистью и несправедливостью. Между тем он обращал внимание на то, что «собственно польского вопроса *теперь* нет и быть не может», причём «вопрос этот решён уже давно, а теперь существуют только польские *мечты*, агитации или притязания». Тогда как «вопрос... предполагает сомнение или раздвоение следующей мысли». Не отказывался Ксенофонт Антонович и от своей роли: «Как бы то ни было, только в деле разъяснения и обличения польских притязаний, особенно последних, мы, при

⁵² Подробнее см.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 241—329.

⁵³ См.: Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов. СПб., 2018.

⁵⁴ Из Вильны // Современные известия. 1869. № 288. 20 октября. С. 2.

⁵⁵ Полемика поневоле // ВЗР. 1869. Октябрь. Отд. 3. С. 1.

всей нашей скромности, никому не можем уступить места: ни в инициативе, ни в компетентности, ни в объёме, ни в категоричности, неизменности и искренности убеждения и воззрения. Прожив полвека среди людей, с притязаниями которых мы боремся; получив достаточную для нашей миссии научную подготовку; семь лет противопоставляя польской агитации разностороннюю реакцию, мы заняли в борьбе с латинополизмом ту позицию, с которой не могут нас сбить ни завистливые пререкания, ни грошовое остроумие»⁵⁶. Впрочем, задетый за живое редактор и сам пытался острить, хотя получалось это у него как всегда грубовато и неуклюже: «Если ежедневная газета не удовлетворяет современности, тогда она скорее может быть названа археологическою компиляцией, чем ежедневником, вестовщицей сегодняшних явлений жизни. В этом отношении газета г. Гилярова-Платонова хромает на обе ноги: её можно, пожалуй, назвать *“Известиями”*, но весьма редко — *“Современными”*: новости её весьма часто припахивают, появляются в *“Известиях”* с проседью уже и морщинами, пробавляются давно забытыми курьёзами и необычайностями, перебиваются сплетнями, перешагнувшими из палат в лачуги, спустившимися из будуаров в сутерени (подвалы. — А.К.), порхнувшими из салонов на толкучку, в распивочную и проч.»⁵⁷.

Тем не менее Говорский не мог не чувствовать, что от его антипольских филиппик устала и власть (теперь, при Потапове, уже им не сочувствовавшая), и читающая публика. Разумеется, на привлечение польской аудитории редакции рассчитывать не приходилось, критика со стороны столичной прессы неизбежно дискредитировала журнал в глазах русских читателей, да и общественный подъём, сопровождавший подавление мятежа 1863 г., практически иссяк. В этих условиях обращение к широким массам виленского еврейства, среди которого были распространены русофильские настроения, оставалось единственно возможным шагом.

Но для этого требовались иные сюжеты, и Ксенофонт Антонович стал активно наполнять журнал материалами, посвящёнными еврейскому быту. Будучи женат на еврейке, он и раньше не был равнодушен к этой теме⁵⁸. Первоначально «Вестник» поддерживал катковские идеи предоставления евреям равноправия со всеми прочими русскими подданными при политической и языковой их ассимиляции. Характерно, что, полемизируя с защищавшими простонародную одежду славянофилами, С. Еремеев отмечал на страницах журнала: «Посмотрите на наших евреев. До 1842 года они носили старинный свой костюм, не изменяя его ни на йоту. До этой эпохи они крепко держались и всех старинных обычаев, и предрассудков, со всем окружающим их обществом не имели ничего общего, кроме меркантильных дел, — жили особняком. Но когда было приказано изменить костюм их на общеевропейский, посмотрите, какой произошёл с ними метаморфоз! Они стали учиться; входить во все общества, несмотря на существующие ещё у некоторых против них старые предубеждения; пустились в литературу; интересы страны более или менее интересуют и их, и нет сомнения, что со временем они сделаются весьма полезными и деятельными членами общества»⁵⁹. Позднее, говоря об успехах «системы Му-

⁵⁶ Там же. С. 2—3.

⁵⁷ Там же. С. 6—7.

⁵⁸ Из посмертных бумаг Могилёвского архиепископа Анатолия Мартиновского // Киевская старина. 1884. № 6. С. 213; Цвікевіч А. Указ. соч. С. 20.

⁵⁹ Еремеев С. Указ. соч. С. 7.

равьёва», в журнале указывали на то, что «ещё два года назад от евреев в Литве нельзя было добиться ни одного русского слова, а теперь они стараются говорить по-русски: во всех школах, особенно раввинском училище, преподавание принято на русском языке... Если с такой же энергией будет продолжаться это дело, то, можно надеяться, в скором времени еврейское население городов Западной России будет отличаться от русского только религиею»⁶⁰.

Во время польского восстания «Вестник» опубликовал колоритный рассказ белостокского иудея П. Шифа о том, как в местечке Тржцаны повстанческий отряд «жандармов-вешателей» потребовал выдать им сотрудничавших с русской администрацией жителей. Тогда «евреи, видя своё отчаянное положение, недолго думав... выступили против мятежников, схватили одного из них, а остальные успели спастись бегством». Затем «мятежники прислали одного из них с предложением перемирия и с требованием выдачи пленного; но евреи, проникнутые сознанием долга и святости присяги, с презрением отвергли это незаконное предложение, связали парламентаря и с нетерпением ожидали прибытия войска, опасаясь нападения большей шайки... Когда казаки издали увидели жителей м. Тржцаны, вооружённых кольями, кочергами и поленьями, то сочли их за поляков, а евреи, считая казаков за новоприбывших мятежников, смело выступили против них с громким ура! — но когда сблизилась, то узнали друг друга, подали дружескую руку и со слезами радости благодарили своего царя за то, что он не оставил своих подданных». От этого эпизода Шиф переходил к широким обобщениям и призывал: «Кто зорко следит за быстрым перерождением нашего отечества как в политическом, так и в гражданском отношениях, тот, конечно, согласится, что виновником этого отрадного явления была отеческая заботливость ныне царствующего государя императора... Под сению монарха нашего мы покоимся мирно и безмятежно, яко Израиль во дни Соломона. Читая историю Польши, вы припомните страшные злодеяния поляков, которые, подобно древним египтянам, хотели истребить всё наше племя; но Всевышний десницею своею спас нас от руки этих сынов чуждых! В лице царей русских мы видим Моисея и других древних вождей народа израильского, мудро управляющих своим народом... Каждый истый русский еврей носит в сердце горячую благодарность царю за его милости... Итак, любезные братья мои, усугубите, если это возможно, свой русский патриотизм: делом и словом преследуйте мятежников... Пора забыть закоснелые религиозные расчёты, которые разделяли нас от русских наших собратьев; пора братскою кровью скрепить вечный и неразрывный союз и кровью жертвовать за царя и отечество наше — Россию»⁶¹.

Вместе с тем на страницах «Вестника» появлялись и антисемитские тексты. Так, в статье Г. Палеолога еврейское население западнорусских земель обвинялось в нарушении «размеров торгового баланса и потребностей нации», в поиске «прав сословных» и равнодушии «к нашим государственным интересам»⁶². В следующем номере поддержанный сочувственными комментариями

⁶⁰ А. С. Русская Вильна // ВЗР. 1865. Апрель. Отд. 4. С. 173.

⁶¹ Воззвание белостокского еврея Пинеаса Шифа к своим единоверцам, по поводу восстания польских мятежников // ВЮЗЗР. 1863. Июль. Отд. 4. С. 114—115.

⁶² Палеолог Г. Взгляд на положение евреев в нашем обществе // ВЗР. 1866. Апрель. Отд. 3. С. 18—20.

редакции тот же автор прямо полемизировал с «Московскими ведомостями», традиционно выступавшими за «освобождение евреев от стеснений»⁶³.

Однако гораздо чаще «Вестник» свидетельствовал о лояльности местной иудейской общины. Так, после выстрела Каракозова констатировалось, что «виленские евреи отнеслись к событию, поразившему и обрадовавшему Россию, так же сочувственно, как и все другие сыны её»⁶⁴. А в следующем номере была помещена речь местного раввина Штейнберга, призывавшего: «Возлюбите же, милые братья, ваше русское отечество всем сердцем, всею душою, потому что и вы — дети его наравне с прочими его сынами»⁶⁵.

С 1867 г. в журнале печаталось несколько постоянных авторов еврейского происхождения и вполне определённого направления. Так, в «Дневнике еврейского зрителя училищ» Л. Пахман сетовал на то, как трудно ему было «начать дело с ретроградными упорными единоверцами», и вспоминал, как «отправился на ту сторону местечка, где видел вывеску с русскими буквами, т.е. в то счастливое место, откуда распространяется современное русское образование для N-ского еврейского юношества»⁶⁶. Л.М. Копуст настойчиво предлагал высмеивать традиционный еврейский быт: «Совершенно другие результаты, по-моему, будут, если евреи узнают, что и в христианских журналах издеваются над ними; авось они устыдятся, авось подумают: “в самом деле, к чему нам самим давать нашим клеветникам (Бог с ними!) предлог подтрунивать над нами” и сбросят с себя это проклятое хасидийское ярмо, чего мы от всей души желаем»⁶⁷.

В 1870 г. в «Вестнике» положительно оценили книгу Я. Брафмана «О вновь вышедшей в свет книге кагала». Рецензент увидел в ней «резкий, вопиющий протест против кагального правления несчастной массы еврейского народа, оплётанной и попранной в своих неотъемлемых, человеческих правах»⁶⁸. Наконец, на страницах «Очерков современного быта Западного края» с симпатией изображался торговец Л.А. Вайнтройб, проникновенно вспоминавший про осаду Севастополя⁶⁹.

Однако к этим текстам Говорский уже не имел отношения. В апреле 1870 г. виленский цензор П.И. Небольсин сообщил в Главное управление по делам печати: «Редактор “Вестника Западной России” г. Говорский, вследствие совершенного расстройства умственных способностей, выбыл в Петербург, редакторство сего полуофициального издания, получающего субсидию от Святейшего Синода и Виленского учебного округа, принял на себя статский советник Эремич, бывший с самого начала выхода журнала (1862) официально признанным сотрудником и соредактором г. Говорского. Несмотря на неотъемлемое право г. Эремича на принятие редакции и издания “Вестника”, я тем не менее счёл долгом потребовать от г. Эремича письменный отзыв, на каком

⁶³ Палеолог Г. Взгляд на положение евреев в нашем обществе // ВЗР. 1866. Май. Отд. 3. С. 129.

⁶⁴ Вильна, 5 апреля 1866 // ВЗР. 1866. Июль. Отд. 4. С. 141.

⁶⁵ Слово, сказанное в главной виленской синагоге общественным раввином г. Штейнбергом 17 апреля 1866 года // ВЗР. 1866. Август. Отд. 4. С. 167.

⁶⁶ Пахман Л. Из дневника одного еврейского зрителя училищ 1-го разряда // ВЗР. 1867. Март. Отд. 4. С. 353—354.

⁶⁷ Копуст Л.М. Воспоминание о недавнем прошлом (картины из еврейского быта) // ВЗР. 1867. Июль. Отд. 4. С. 11.

⁶⁸ Братин Я. О вновь вышедшей в свет книге кагала, соч. Я. Брафмана // ВЗР. 1870. Май. Отд. 3. С. 11.

⁶⁹ Очерки современного быта Западного края // ВЗР. 1870. Сентябрь. Отд. 4. С. 288.

основании он принимает издание на себя, каковой отзыв при сем имею честь препроводить»⁷⁰. В нём И.О. Эремич указывал: «По случаю болезни сердца, расстройства умственных способностей и выезда в Петербург г. Говорского, я счёл себя обязанным стать на его место»⁷¹.

23 апреля 1870 г. «Санкт-Петербургские ведомости» перепечатали из «Виленских губернских ведомостей» объявление о долгах, «угрожающих злосчастному труженику-патриоту и его семейству остаться на всю последнюю жизнь без всяких средств к существованию». От имени семейства бывшего редактора оно убеждало подписчиков «Вестника», не спешивших его оплачивать, «немедленно выслать» соответствующую сумму, дабы избежать «неприятных для обеих сторон хлопот по взысканию не заплаченных ими за полученный журнал денег»⁷². Но два дня спустя газета напечатала обращение самой Юдифи Говорской, утверждавшей, что ей «не известна ни сумма долгов, лежащих на редакции “Вестника Западной России”, ни денег, следующих от разных мест и лиц», поскольку ни она, ни другие родственники Ксенофонта Антоновича «никогда никакого участия в делах её не принимали». «Посему, — заключала Говорская, — при переходе редакции “Вестника” во время болезни моего мужа, также без всякого с моей стороны участия, в другие руки, я не считаю себя обязанною ни перед кем из прежних подписчиков или кредиторов его, а тем менее имею право взыскать к должникам журнала об отсылке в редакцию денег»⁷³. Эремич попытался изложить в «Санкт-Петербургских ведомостях» свою версию случившегося, но его проигнорировали, после чего Иван Онисимович тщетно добивался от Главного управления по делам печати, чтобы оно приказало опубликовать данное объяснение, надеясь «тем хотя отчасти ослабить тот вред моральный и материальный, какой нанесла эта газета мне и моему делу напрасной перепечаткой имевшего местное значение моего заявления и словесного, противного истине возражения на него, подписанного Ю. Говорскою, в свою очередь перепечатанного в некоторых здешних газетах с обидными для меня комментариями». Соответствующего распоряжения не последовало — новому редактору рекомендовали обратиться в «надлежащее судебное учреждение»⁷⁴.

Продолжить прежнюю редакционную политику Эремич также не смог. В марте 1871 г. Небольсин не пропустил роман «Ханжа» и повесть о жизни иудеев «как не соответствующие условиям утверждённой правительством для “Вестника Западной России” программы». После этого в Главное управление по делам печати обратился воспитанник Виленского раввинского училища VII класса М. Вольпер, заявивший от лица «прогрессивных виленских евреев молодого поколения» о потребности «вразумить массы невежественных, замкнутых в себе и коснеющих в давно прошедших предрассудках» соплеменников с помощью публикации «критико-юмористических рассказов из еврейского быта»⁷⁵. Это обращение осталось без рассмотрения, и 16 марта Эремичу пришлось самому жаловаться на «неожиданные и невыразимые стеснения

⁷⁰ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 16.

⁷¹ Там же, л. 17.

⁷² Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 110. 23 апреля. С. 2.

⁷³ Там же. № 112. 25 апреля. С. 2.

⁷⁴ РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 300, л. 21—22.

⁷⁵ Там же, л. 25, 26.

к продолжению моей литературной деятельности» со стороны Небольсина⁷⁶. Одновременно он объяснял повышенный интерес журнала к еврейской тематике: «Желая по мере моих средств озарить светочем современного прогресса и цивилизации невежественные и изолированные массы рассеянного в здешнем крае еврейского населения, я пригласил некоторых более даровитых евреев молодого поколения помещать в моём издании рассказы из еврейского быта, в которых были бы верно обрисованы закулисные стороны жизни евреев, в надлежащем свете представлены их религиозные и бытовые предрассудки, суеверия, примеры всяческой эксплуатации окружающей среды и в которых староверы иудаизма стыдились бы видеть свои портреты и постепенно эмансипировались. Таких рассказов много было помещено в моём издании»⁷⁷. При этом Небольсин останавливал и другие материалы, включая даже библиографическую заметку об очередном сборнике М.О. Кояловича⁷⁸. Поэтому Эремич просил «внушить неопытному ещё г. цензору более иметь доверия к моей опытности, прирождённому мне и окрепшим в школе жизни и дела религиозно-политическим консервативным началам и убеждениям, вследствие которых я морально не способен к нарушению цензурных постановлений»⁷⁹.

Последнее утверждение особенно расстроило Небольсина, писавшего в конце марта: «Ныне г. Эремич в прошении своём излагает мысль, что будто бы только один он должен считаться компетентным истолкователем этой программы. Но весьма определительная точность её... противоречит этой мысли г. Эремича. А что самовольный переход положенных границ есть дело нешуточное, на это указывает карательная мера, назначенная законом... всякому редактору-издателю, помещающему в своих журналах статью, выходящую из пределов утверждённой для его издания программы, грозя в то же время и цензору, допустившему это, неприятными последствиями»⁸⁰. В итоге Главное управление всё же сочло, что «программа “Вестника” не исключает возможности помещения в нём беллетристических произведений, следовательно и таких, содержание которых было бы заимствовано из еврейского быта»⁸¹.

Однако Эремичу это не помогло. 31 мая он уведомил Главное управление: «Крайне расстроенное моё здоровье, по мнению медиков, требующее неотложного продолжительного пользования и полного отдохновения от умственных занятий, вынуждают меня прекратить на неопределённое время издаваемый мною журнал “Вестник Западной России”»⁸². Ненадолго пережил своё детище и сам К.А. Говорский, скончавшийся 17 июня 1871 г.

⁷⁶ Там же, л. 51.

⁷⁷ Там же, л. 51 об.

⁷⁸ Там же, л. 52.

⁷⁹ Там же, л. 52 об.

⁸⁰ Там же, л. 60 об.

⁸¹ Там же, л. 63.

⁸² Там же, л. 71.

В.К. Плеве и политика в отношении евреев в России на рубеже XIX—XX вв.

Андрей Минаков

V.K. Plehve and the policy towards Jews in Russia at the turn of the 19th—20th centuries

Andrey Minakov

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015464-1

Жизнь евреев в царской России во многом зависела от традиций самодержавной системы и личных особенностей представителей власти, от волевых решений императоров, от спешивших подстроиться под их настроение министров и от непредсказуемых действий региональных элит и т.д. Противоречия правительственной политики в отношении евреев, в которой перемежались проявления юдофобии и либерализма, в полной мере отразились в деятельности В.К. Плеве. В отечественной историографии¹ и публицистике² ему не раз приписывалось стремление не только законсервировать дискриминацию евреев, но и оказывать на них систематическое давление, вплоть до поощрения погромов, тогда как значение реализованных при его участии послаблений в законодательстве о евреях недооценивалось. Это объяснялось как избирательным прочтением источников, так и влиянием оценок и отзывов, содержащихся в либеральной и радикальной прессе, а также в мемуарах политических оппонентов (прежде всего — С.Ю. Витте)³.

В конце XIX в. положение евреев обсуждалось в многочисленных сменявших друг друга совещаниях, разрабатывавших законодательные нормы, как правило, временного характера. Координировалась эта деятельность в МВД. После волны погромов, прокатившихся в 1881—1882 гг. по районам черты оседлости, в правящих кругах империи пытались выяснить их причину и установить, насколько они были стихийны или организованы. Министр внутренних

© 2021 г. А.С. Минаков

¹ Миндлин А.Б. Правительственные комитеты, комиссии и совещания по еврейскому вопросу в России в XIX — начале XX века // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 43—61; Миндлин А.Б. Плеве и евреи // Параллели. Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2—3. М., 2003. С. 79—96; Пяковский А.В. Сионизм в дореволюционной России // История СССР. 1973. № 5. С. 33—48; Рахманова Н.А. Еврейский вопрос в политике В.К. Плеве // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1. С. 83—101; Симонова М.С. Плеве // Российские консерваторы. М., 1997. С. 313—314.

² Кунин В. Плеве и Герцль // Время и Мы. Вып. 118. Нью-Йорк, 1992. С. 209—219; Фадеев С. Незаменимый «мерзавец» // Родина. 1999. № 5. С. 63—68; Румер-Зараев М.З. Девять российских дней Теодора Герцля // Дружба народов. 2010. № 8. С. 149—167; Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795—1995). Ч. I. М., 2001.

³ Более взвешенный подход характерен для работ зарубежных исследователей: Judge E.H. Plehve: repression and reform in imperial Russia, 1902—1904. Syracuse, 1983; Rogger H. Jewish Policies and Right Wing Politics in Imperial Russia. Berkley, 1986; Gutwein D. Russian «Official Antisemitism» Reconsidered: Socio-Economic Aspects of Tsarist Jewish Policy, 1881—1905 // International Review of Social History. Vol. 34. 1994. № 2. Р. 197—221; Джадж Э. Пасха в Кишинёве. Анатомия погрома. Кишинёв, 1998; Кушко А., Таки В. Бессарабия в составе Российской империи (1812—1917). М., 2012. С. 265—273; и др.

дел гр. Н.П. Игнатъев объяснял их как происками революционных элементов, так и естественной реакцией христианского населения на экономическое притеснение со стороны иудеев⁴. Плеве с апреля 1881 г. занимал пост директора Департамента полиции, и граф привлёк его к разработке нового законодательства⁵. Тем временем особые комиссии по выяснению причин антиеврейских выступлений, учреждённые в августе 1881 г. во всех губерниях черты оседлости, критиковали, вслед за гр. Игнатъевым, евреев за непроизводительный труд, религиозную замкнутость и т.п., но вместе с тем предлагали снять с них все законодательные ограничения⁶.

Избирательно используя губернаторские отзывы, гр. Игнатъев стал продвигать новые антиеврейские нормы, однако его коллеги по Комитету министров, особенно Н.Х. Бунге и Д.Н. Набоков, решительно воспротивились ужесточению законодательства, опасаясь, в частности, нежелательной для страны реакции международного общественного мнения. Встретив противодействие руководителей финансового и судебного ведомств, гр. Игнатъев представил свои соображения императору⁷, и в результате его рекомендации, пусть и в усечённом виде, вошли в утверждённые Александром III 3 мая 1882 г. «Временные правила о евреях». Они запрещали евреям, жившим в черте оседлости, селиться в сельской местности, приобретать и арендовать недвижимость вне городов и местечек (кроме еврейских земледельческих колоний), а также торговать по воскресным дням и двенадцатым христианским праздникам⁸. Эти ограничения должны были действовать «до общего пересмотра, в установленном порядке, законов о евреях». В 1883—1888 гг. его подготовкой занималась Высшая комиссия по пересмотру всех действующих о евреях в империи законов под председательством гр. К.И. Палена, собравшая значительный материал и намечавшая отмену введённых в 1882 г. ограничений, которые, по мнению её членов, усугубляли обнищание еврейства и осложняли его отношения с христианским населением.

Между тем в 1886—1887 гг. МВД добились ужесточения процентных норм для евреев в средних и высших учебных заведениях, что воспринималось крайне болезненно, поскольку получение образования являлось одним из немногих способов преодоления черты оседлости и перехода в другие социальные страты⁹.

23 января 1890 г. председателем Совещания о пересмотре изданных 3 мая 1882 г. ограничительных постановлений о евреях и о распространении этих постановлений на губернии Царства Польского был назначен товарищ мини-

⁴ Кантор Р. Александр III о еврейских погромах 1881—1883 гг. (Новые материалы) // Еврейская летопись. Сборник первый. Пг.; М., 1923. С. 153; Миндлин А.Б. Еврейский вопрос в деятельности Н.П. Игнатъева // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 115; Витенберг М. «Антиеврейские» беспорядки 1881—1882 годов. Деятельность губернских комиссий по еврейскому вопросу // Исторические записки. Вып. 10(128). М., 2007. С. 231.

⁵ Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы / Сост. Н.Б. Хайлова. М., 2009. С. 458.

⁶ Витенберг М. «Антиеврейские» беспорядки... С. 232—243; Миндлин А.Б. Еврейский вопрос... С. 117.

⁷ «На штык можно опереться, на него нельзя сесть» / Публ. В.Л. Степанова // Источник. 1993. № 3. С. 60—61.

⁸ ПСЗ-III. Т. 2. СПб., 1886. № 834. С. 181.

⁹ Будницкий О.В. Евреи в эпоху поздней Империи: лояльность, адаптация, оппозиция // Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 328—330; Иванов А.Е. Еврейское студенчество в высшей школе России начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007. С. 39, 54—55.

стра внутренних дел Плеве¹⁰. В МВД учитывали опыт Комиссии гр. Палена, но склонялись к введению новых ограничений. Однако о результатах данной работы известно немного, поскольку внесение подготовленного законопроекта в Государственный совет было отложено вследствие возражений министра финансов И.А. Вышнеградского¹¹. Финансовое ведомство последовательно выступало против дискриминации евреев, которая вредила репутации России в европейских банковских кругах¹². Наивысшего накала эта межведомственная полемика достигла при Витте¹³.

Очевидно, что Плеве в тот момент следовал в фарватере настроений императора и И.Н. Дурново, сменившего в 1889 г. во главе МВД гр. Д.А. Толстого. Так, возглавляя комиссию по разработке проекта нового Городового положения, он оправдывал недопущение евреев в думы, ссылаясь на аналогичную норму в Земском положении 1890 г. А «исходя из коренного основания нашего общественного управления, призвания верховной властью лучших людей известной местности для заведования её хозяйственными интересами», по его словам, было «позволительно сомневаться, чтобы еврейская среда могла поставлять этих лучших людей»¹⁴. Вместе с тем Плеве отмечал, что «всякое правительственное мероприятие по такому трудному вопросу государственного управления, как еврейский, не только отвечает потребности данного времени, но находится в преемственной связи с предыдущими распоряжениями власти, предчувствуя в известной мере и последующие... Рассматриваемое с этой точки зрения изгнание евреев из общественного управления, по мнению противников этой меры, не соответствует требованиям государственной прозорливости, ибо рассчитывать на то, что евреи когда-либо оставят наше отечество едва ли возможно; всякие же иные предвидения в области будущих судеб еврейского племени в России не допускают таких распоряжений, которыми население в несколько миллионов ставилось бы в положение отверженцев». В пользу сохранения за евреями избирательных прав и возможности участвовать в хозяйственной жизни, как считал Плеве, говорила также их значительная численность в городах черты оседлости, лишь возрастающая вследствие реализации «Временных правил» 1882 г.¹⁵

Несовершенство «Временных правил» 1882 г. признавалось не только в заключениях столичных комиссий и совещаний, но и в ежегодных всеподданнейших отчётах губернаторов. Так, в отчёте за 1889 г. киевский губернатор Л.П. Томара сообщал о том, что в обход «Временных правил» 1882 г. евреи вне городов «могут, не заключая письменных договоров, или скрывая существование таковых, пользоваться земельными угодьями, не подвергая себя за это никакой ответственности». Это вызывало «всё большее недовольство крестьянского населения, не могущего уразуметь, почему евреи, коим воспрещено арендовать земельные угодья по законным договорам, могут пользоваться ими

¹⁰ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. СПб., 2002. С. 576.

¹¹ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. II. М., 1966. С. 314. См. также: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 134—135; Слиозберг Г.Б. Дела давно минувших дней // Евреи в России: XIX век. М., 2000. С. 457.

¹² Дневник Е.А. Перетца (1880—1883) / Публ. А.А. Сергеева. М.; Л., 1927. С. 130—131.

¹³ Gutwein D. Op. cit. P. 219—221.

¹⁴ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 96, л. 5 об.—6.

¹⁵ Там же, л. 4—5.

без всяких письменных условий». Александр III отметил на полях: «Необходимо пересмотреть этот закон»¹⁶.

Волынский губернатор С.П. Суходольский в отчёте за 1895 г. констатировал, что «борьба с подвижным еврейским населением, незаконно поселившимся и орудующим в сёлах и деревнях, представляется для органов администрации почти непосильной и физически невозможной»¹⁷. Более того, существование черты оседлости и скученность евреев в городах приводили к искусственному возникновению «еврейских центров», где отсутствовали законные способы заработка. Прямо призывая к упразднению черты оседлости, Суходольский утверждал, что «чем меньше евреев будет проживать в каждой данной местности, тем безразличнее будет значение их для коренного населения, тем меньше забот будут они вызывать по отношению к себе со стороны правительственной власти»¹⁸. Однако Николай II написал на полях отчёта: «Я совсем не разделяю этого взгляда губернатора»¹⁹.

Между тем псковские губернаторы не раз докладывали о росте еврейского землевладения. На отчёте К.И. Пашенко за 1898 г. император признал, что это «явление совсем нежелательное». Аналогичное замечание в отчёте кн. Б.А. Васильчикова за 1900 г. вызвало особое повеление: «Вопрос чрезвычайной важности. Министрам: в[нутренних] д[ел], ю[стиции] и ф[инансов] обсудить меры, чтобы остановить этот наплыв»²⁰. На отчёте за 1898 г. смоленского губернатора В.О. Сосновского, упомянувшего о той же проблеме, осталась резолюция: «Явление совсем нежелательное. Обращаю внимание управляющего Министерством внут[ренних] дел». Рядом с соответствующим упоминанием в отчёте за 1900 г. новгородского губернатора гр. О.Л. Медема имеется пометка: «Вниманию м[инистра] в[нутренних] д[ел]»²¹. Об увеличении числа евреев в столице сообщал в отчёте за 1900 г. и петербургский градоначальник²². В отчёте о состоянии Курской губ. за 1894 г. царь подчеркнул слова: «Многие успели приобрести документы, дающие право на жительство вне черты еврейской оседлости»²³. Екатеринославский губернатор Д.Н. Мартынов в отчёте за 1895 г. жаловался на бессилие местной власти перед ухищрениями евреев. «К сожалению, это так, — отметил на полях император, — но что же делать»²⁴. Таким образом, система юридического сдерживания евреев демонстрировала явную несостоятельность: не снижая социальную напряжённость и угрозу погромов, она осложняла материальное положение основной массы еврейского населения и вредила международному имиджу империи.

Возглавив в апреле 1902 г. МВД, Плеве осознавал, что сохранение «Временных правил» 1882 г. будет препятствовать его действиям в самых разных сферах. Но, будучи искушённым бюрократом, понимавшим, что настроение

¹⁶ РГИА, Коллекция печатных губернаторских отчётов, хранящихся в читальном зале (далее — Коллекция), оп. 1, д. 42, л. 3 об., 36 об.

¹⁷ Там же, д. 17, л. 113 об.

¹⁸ Там же, л. 115 об.

¹⁹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1895 г. [СПб.], 1897. С. 29.

²⁰ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1900 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. [СПб.], 1903. С. 78—79.

²¹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1898 г. [СПб.], 1901. С. 127; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1900 г. ... С. 61.

²² Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1900 г. ... С. 88.

²³ РГИА, Коллекция, оп. 1, д. 48, л. 45.

²⁴ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1895 г. С. 43.

монарха и его окружения исключает полную эмансипацию евреев в ближайшем будущем, он избрал путь постепенной легализации их проживания за пределами официально разрешённых мест, а также некоторого расширения их экономических возможностей.

1 июня 1902 г. в связи с присоединением к Департаменту общих дел МВД Особого отдела Департамента духовных дел иностранных исповеданий, который занимался еврейскими делами, под председательством товарища министра П.Н. Дурново было образовано Особое совещание, приступившее к разработке общих вопросов, связанных с пересмотром «Временных правил» 1882 г. В его состав вошли также директора департаментов полиции и общих дел А.А. Лопухин и А.П. Рогович (который и являлся инициатором создания данного совещания)²⁵.

В конце апреля 1903 г. в МВД подготовили проект изменения «Временных правил» 1882 г., расширявший перечень мест проживания евреев. В основе его лежала записка, поданная в Комитет министров ещё Д.С. Сипягиным в конце марта 1902 г. В ней предлагалось разрешить евреям проживать в 22 населённых пунктах в черте оседлости, которые не являлись городами или местечками, но имели торгово-промышленное значение²⁶. Определить статус таких посёлков, возникавших, как правило, вокруг заводов, пристаней и железнодорожных станций, было непросто. Некоторые из них формально считались крестьянскими, но их жители фактически уже не занимались земледелием. Другие не имели городского статуса лишь из-за высокой численности или даже преобладания еврейского населения, лишённого права участвовать в выборах и занимать какие-либо должности. Так или иначе, после издания «Временных правил» жившие там евреи фактически оказывались вне закона.

Плеве переработал и увеличил первоначальный список до 108 поселений и 27 апреля внёс его в Комитет министров²⁷. 10 мая Николай II утвердил соответствующее положение и список, сокращённый в итоге до 101 поселения²⁸. Характерно, что пять из семи посёлков, исключённых из перечня в ходе его рассмотрения, находились в Бессарабской губ. Вероятно, это также являлось реакцией на недавний Кишинёвский погром. В итоге в списке осталось лишь одно бессарабское поселение (как и в варианте 1902 г.). Больше всего их насчитывалось в Виленской (26), Полтавской (14), Екатеринославской (11), Гродненской (9), Волынской (8), Ковенской (7) и Черниговской (7) губерниях. При этом из сипягинского проекта в окончательный список попали только 16 населённых пунктов. Кстати, в значительной их части еврейское население не преобладало над христианским, а в посёлках Виленской губ. Антоколь, Росса, Лосева дача, Ровное поле евреи вообще не проживали. Тем самым положение 1903 г. не только легализовало пребывание евреев на ранее обжитых территориях, но и допускало заселение новых мест.

В августе 1903 г. МВД разослало губернаторам циркуляр, предложив указать изменения, которые следовало внести во «Временные правила» 1882 г. А в январе 1904 г. было создано Особое совещание для подготовительных работ по пересмотру действующих законов о евреях. В его председатели Плеве выдвинул бывшего херсонского и харьковского губернатора генерал-лейте-

²⁵ ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство, оп. 76а, д. 2113, л. 1—1 об.

²⁶ РГИА, ф. 1405, оп. 82, 1904 г., д. 9722, л. 32—56 об.

²⁷ Там же, ф. 1263, оп. 4, д. 27, л. 293—316.

²⁸ ПСЗ-III. Т. 23. Отд. I. СПб., 1905. № 22933. С. 493; Отд. II. СПб., 1905. С. 338—340.

нанта кн. И.М. Оболенского, имевшего опыт общения с еврейским населением. Членами совещания стали виленский (гр. К.К. Пален), бессарабский (кн. С.Д. Урусов), псковский (Э.А. Ватаци), могилёвский (Н.М. Клинггенберг) и варшавский (Д.Н. Мартынов) губернаторы, московский обер-полицмейстер Д.Ф. Трепов, Лопухин и др. На заседаниях возникали острые дискуссии, причём Лопухин заявлял, что «министр допускает самое решительное обсуждение Временных правил»²⁹.

Участники совещания фактически разделились на противников ограничительного законодательства (Ватаци, Лопухин, гр. Пален, кн. Урусов) и тех, кто считал отмену «Временных правил» преждевременной. Например, кн. Урусов доказывал, что ситуация, при которой, несмотря на фактически бесконтрольное выдворение евреев, многие из них продолжали жить там, где им не дозволялось, при прямом попустительстве властей, развращает администрацию. Губернские правления и полицейские управления были переполнены делами о выселении евреев, не успевая исполнять иные обязанности. Между тем «воспрещение евреям проживать вне городов и местечек искусственно сконцентрировало их в городах и местечках в чрезмерном количестве, обусловив понижение до невозможности заработной платы, стремление в другие места и возникновение беспорядков»³⁰. На это указывал и гр. Пален, утверждавший, что «Временные правила» 1882 г., по сути, создали новую черту оседлости, сократив почти на 90% территорию расселения евреев³¹. Но эти доводы убеждали далеко не всех. Так, один из членов совещания — ананьевский уездный предводитель дворянства М.Н. Малаев из Херсонской губ. полагал, что «если органы полиции и администрации чрезмерно обременены делами о выселении евреев, то это лишь указывает на необходимость увеличения служебного персонала, но ни в каком случае не может служить одним из оснований к отмене обсуждаемого закона»³².

В 1904 г. состоялось как минимум три заседания совещания (12, 14 и 22 января), но после начала русско-японской войны губернаторам пришлось переключиться на иные заботы, и его деятельность приостановилась³³. Тем не менее 30 мая 1904 г. Плеве представил записку «О некоторых изменениях в законоположениях о евреях», в которой предлагалось предоставить право проживания вне городов и местечек черты оседлости лицам с высшим образованием и крупным коммерсантам. При этом министр констатировал, что «евреи, получившие образование, резко выделяются из среды своих единоверцев по своим взглядам, условиям жизни, привычкам, наклонностям» и «имеют более общего с остальным населением империи, чем с невежественной еврейской массой», поскольку «семьи евреев, получивших высшее образование, составляют в еврейской среде совершенно обособленную группу»³⁴. Николай II одобрил составленный в МВД законопроект уже после гибели Плеве, в августе 1904 г.³⁵

Одновременно продолжалось расширение прав проживания евреев в черте оседлости. В конце 1903 г. они получили возможность легально обосноваться

²⁹ ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство, оп. 76а, д. 2114, л. 41.

³⁰ Там же, л. 21.

³¹ Тайная докладная записка виленского губернатора о положении евреев в России. Женева, 1904. С. 12, 63—64.

³² ГА РФ, ф. 102, 2-е делопроизводство, оп. 76а, д. 2114, л. 21.

³³ Урусов С.Д. Записки... С. 487.

³⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 82, 1904 г., д. 9724, л. 3 об.

³⁵ ПСЗ-III. Т. 24. СПб., 1907. № 25016. С. 871—873.

ещё в 58 населённых пунктах (включая восемь посёлков Виленской и Екатеринославской губерний, в которых ранее не жили)³⁶.

Плеве проявлял интерес и к другим способам облегчения положения еврейского населения в империи. Вместе с А.Ф. Кони, П.Л. Корфом, А.А. Сабуровым он поддержал ходатайство виленского городского еврейского общества об организации в городе дома трудолюбия. 7 января 1903 г. оно рассматривалось в Попечительстве о домах трудолюбия и работных домах. Как вспоминал А.С. Путилов, Плеве «не находил возможным закрывать глаза на тяжёлое материальное положение еврейского населения, буквально задыхающегося в отведённой ему черте оседлости в то самое время, как несравненно более вредные в государственном отношении их сородичи живут припеваючи вне этой черты»³⁷. Глава МВД учитывал и то, что «среди евреев замечается сильное ослабление религиозных начал и семейного авторитета, вследствие чего еврейская молодёжь наполняет собою ряды лиц, готовых разрушать общественный порядок и возрастающих в чувстве голодного озлобления»³⁸. Активная вовлечённость евреев в деятельность неонароднических (эсэровских) и социал-демократических организаций не составляла для него секрета³⁹.

Однако против создания в Вильне дома трудолюбия выступил министр финансов. Витте опасался нежелательного прецедента, после чего «последуют ходатайства из массы мест, где евреи обрадуются возможности открывать союзы взаимопомощи, и не будет уже основания этого не разрешать». Смущало его и то, что данные учреждения находились на попечении Александры Фёдоровны и, как ему казалось, было «невозможно давать утвердиться в народе взгляду на русскую императрицу как на покровительницу евреев»⁴⁰.

Несмотря на законодательное смягчение ограничений, действовавших в черте оседлости, именно на Плеве обрушилась жёсткая общественная критика после еврейского погрома в Кишинёве, в ходе которого 6—7 апреля 1903 г. погибли около 50 и были ранены несколько сотен человек⁴¹. 18 мая лондонская «Times» напечатала будто бы конфиденциальное письмо министра внутренних дел к бессарабскому губернатору В.С. Раабену, в котором сообщалось о готовящихся выступлениях против евреев и предписывалось «способствовать прекращению беспорядков посредством наставлений, не прибегая к использованию оружия»⁴². Несмотря на последовавшее официальное опровержение⁴³, данная публикация произвела сильное впечатление на общественное мнение Европы и США. Иностранная пресса и российские либеральные и радикальные круги обеспечили ей самый широкий резонанс и практически сразу дружно возложи-

³⁶ РГИА, ф. 1263, оп. 2, д. 5625, л. 201—204; ПСЗ-III. Т. 23. Отд. I. № 23664. С. 1076.

³⁷ РГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 217, л. 143.

³⁸ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте (Отрывочные воспоминания) // Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 5. М., 1968. С. 274.

³⁹ Будницкий О.В. Евреи в эпоху поздней Империи... С. 332—333; Бухбиндер Н.А. Еврейское рабочее движение в Гомеле 1890—1905 гг. По неизданным архивным материалам // Красная летопись. 1922. № 2—3. С. 38—102; Разгром еврейского рабочего движения в 1898 г. По неизданным архивным материалам // Там же. № 4. С. 147—197.

⁴⁰ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 274—275.

⁴¹ Подробнее см.: Джедже Э. Указ. соч. С. 143—160.

⁴² Times. 1903. 18 May. P. 9.

⁴³ Правительственный вестник. 1903. 13(26) мая. С. 2; Герой дня // Освобождение. 1903. № 23. 19 мая (1 июня). С. 412. См. также: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 300—301.

ли на Плеве персональную ответственность если не за организацию погрома, то за попустительство погромщикам.

При этом поведение бессарабского губернатора действительно компромитировало правительство⁴⁴. По словам директора канцелярии министра внутренних дел Д.Н. Любимова, Раабен невольно создал впечатление, будто власть занимает выжидательную позицию. Вызвав войска в начале беспорядков, он «совершенно устранился от всяких дальнейших распоряжений, считая, что всю распорядительную часть он передал войскам. Войска же целый день простояли в бездействии, ожидая указаний гражданской власти»⁴⁵.

Вечером 6 апреля Раабен телеграфировал Плеве о случившемся, заверив его, что предоставил необходимые полномочия военным и беспорядки утихают. Однако министр уже располагал данными (в том числе от оказавшихся на месте трагедии журналистов), что погром продолжается, и немедленно командировал в Кишинёв Лопухина. С согласия военного министра, Плеве также обратился к командующему Одесским военным округом гр. А.И. Мусину-Пушкину, дабы выяснить причину пассивности войск. По сообщению графа, позднее подтверждённому Лопухиным, Раабен, «вызвав войска, далее не делал никаких распоряжений, на место погрома не выезжал и не посылал даже лиц, по закону его замещающих». Войска не имели формальных оснований для активных действий, так как не получали соответствующего приказа, погромщики на них не нападали, а Раабен не отдал предписания применить оружие, после чего командование перешло бы к военному начальству⁴⁶.

Говоря о лондонской публикации, Любимов не сомневался в том, что «такое письмо никогда не было, да и не могло быть написано»⁴⁷. О непричастности Плеве к погромам уверенно заявляли весьма осведомлённые чины политической полиции⁴⁸. Лопухин, руководивший официальным расследованием кишинёвских событий, утверждал, что письмо, появившееся в «Times», было подложным⁴⁹. П.П. Заварзин, долгое время возглавлявший жандармские управления в черте оседлости, вспоминал, что в МВД предусматривались «строгие кары, отрешения от должностей и даже увольнения за всякое незаконное действие исполнительных агентов в еврейском вопросе»⁵⁰.

Как правило, властям удавалось пресекать еврейские погромы. Так, 11 августа 1902 г. в Ченстохове Петроковской губ. полиция не смогла своими силами прекратить начавшиеся столкновения между местными католиками и евреями, но после вмешательства воинских соединений, дислоцированных в горо-

⁴⁴ Трудно согласиться с мнением Э. Джаджа, писавшего, что В.С. Раабена сделали после погрома «козлом отпущения» (*Judge E.H.* Op. cit. P. 97). Губернатор не мог не знать о степени накалённости обстановки в Бессарабии. К тому же об угрозе беспорядков его неоднократно предупреждал начальник кишинёвского охранного отделения Л.Н. Левендаль (*Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902—1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2018. С. 85).

⁴⁵ *Любимов Д.Н.* Русское смутное время... С. 84.

⁴⁶ Там же. С. 84—85.

⁴⁷ Там же. С. 86.

⁴⁸ См., в частности: *Спиридович А.И.* Охрана и антисемитизм в дореволюционной России // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 31. К схожим выводам приходят и современные исследователи: *Judge E.H.* Op. cit. P. 99.

⁴⁹ *Лопухин А.А.* Орывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 15—16.

⁵⁰ *Заварзин П.П.* Работа тайной полиции // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска / Под ред. З.И. Перегудовой. Т. 1. М., 2004. С. 442.

де, порядок был восстановлен⁵¹. Буквально за день до Кишинёвского погрома произошли беспорядки в Пинске, где толпа евреев попыталась освободить арестованных политических пропагандистов, но её остановили две роты солдат, вызванные минским губернатором⁵². 29 августа — 1 сентября 1903 г. прошёл погром в Гомеле, также ликвидированный с помощью войск. В целом, как местная, так и центральная администрация стремились сдерживать вспышки массового насилия.

Сменивший в начале мая Раабена кн. Урусов также считал, что «Плеве не был способен на столь неосторожный поступок и ни в каком случае не рискнул бы оставить доказательства своих провокаторских планов в руках губернатора, которого он почти не знал и которому мало доверял»⁵³. Вместе с тем Раабена могли подвести личные качества и неумение проявить твёрдость в критический момент. Кроме того, его компрометировал и вице-губернатор В.Г. Устругов, который при попустительстве губернатора фактически сосредоточил в своих руках все дела, касавшиеся евреев. Бесконтрольно распоряжаясь в губернском правлении, Устругов видел свою задачу в «стеснении евреев, доходившем до извращения закона; но иногда по отдельным делам допускались им послабления, заставлявшие предполагать небескорыстный повод»⁵⁴.

Запоздалой попыткой смягчить общественное мнение стало собрание представителей местной элиты, проведённое Раабеном 20 апреля во дворе губернаторского дома, где он опровергал заявления некоторых погромщиков, которые «распускали нелепые слухи, что высшее правительство разрешило бить евреев»⁵⁵. Разумеется, будь в распоряжении Раабена то самое «письмо» министра, он не упустил бы возможности сослаться на него для оправдания своей растерянности⁵⁶.

К травле Плеве быстро подключился журнал «Освобождение»⁵⁷. Один из его корреспондентов писал П.Б. Струве: «Вообще желательно было видеть в “Освобождении” больше материала о Кишинёвском погроме. Уже одни данные русских заграничных газет дают возможность обобщений, являющихся в данный момент весьма важными. Кишинёвский погром должен стать центром, из которого должны исходить наиболее тяжёлые удары для правительства. И нечего говорить, что ударов с этой стороны правительство пуще всего боится»⁵⁸. Такой призыв вполне соответствовал установкам одного из «отцов-основателей» журнала — кн. Д.И. Шаховского, полагавшего, что «одна из первых задач такого органа, как “Освобождение”, дискредитировать правительство. И это не какая-нибудь второстепенная задача, нет, это дело огромной важ-

⁵¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 100, 3-е делопроизводство, д. 1508, л. 8—9; РГИА, Библиотека, оп. 1, д. 69, л. 101 об.—102. Характерно, что власти пытались скрыть информацию об этом и не включали её в публиковавшиеся дважды в месяц сводки губернских происшествий (Петроковские губернские ведомости. 1902. 7 сентября. № 36. С. 11—12; 28 сентября. № 39. С. 10).

⁵² ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1046, л. 2—2 об.

⁵³ Урусов С.Д. Записки... С. 405.

⁵⁴ Там же. С. 354.

⁵⁵ Бессарабев. 1903. 22 апреля (5 мая). № 104. С. 3.

⁵⁶ Rogger H. Op. cit. P. 31; Джадж Э. Указ. соч. С. 140.

⁵⁷ Освобождение. 1903. 8(21) мая. № 22. С. 377—379. Подробнее см.: Шацко К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 84—85.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 279, оп. 1, д. 89, л. 2—2 об.

ности, первостепенного политического значения»⁵⁹. Впрочем, влияние этого издания на российское общество не стоит переоценивать: большая часть его тиража распространялась в Европе среди русских эмигрантов и путешественников⁶⁰.

Тем временем «Times» во многих номерах помещала колонку «Кишинёвские бесчинства», знакомя читателей с сообщениями собственных корреспондентов и релизами публикаций, появившихся в европейских и американских газетах. Как вспоминал кн. Урусов, Кишинёв посетил английский агент, собиравший сведения о последствиях апрельских событий. Ему разрешили осмотреть город и даже посетить тюремный замок, где он общался с задержанными погромщиками⁶¹.

Николай II не делал никаких публичных заявлений по поводу погрома. Со своей стороны, Плеве 26 апреля писал императору: «Вследствие кишинёвских беспорядков представляется мне весьма полезным обратиться к административным начальствам с циркуляром, который заменит правительственное сообщение об этих бесчинствах»⁶². 30 апреля министр разослал свой циркуляр, излагавший официальную версию событий, а 24 мая принял еврейскую депутацию. Выражая ей соболезнования, Плеве был «крайне любезен» и «очаровал» её, заверив, что царь также скорбит о случившемся⁶³.

Однако молчание Николая II производило скорее негативное впечатление. «С 1903 года, — вспоминал кн. Урусов, — стало для всех очевидным, что и государь, если не действием, то по сердцу и убеждению, враг еврейства. Попытки вызвать государя на какое-нибудь проявление осуждения погромов или хотя бы на выражение жалости к пострадавшим дарованием им из собственных средств денежной помощи потерпели неудачу»⁶⁴. Учитывая силу антисемитских настроений при дворе, кн. Урусов даже не исключал, что начальник кишинёвского охранного отделения Левендаль мог провоцировать погром, надеясь угадать скрытые желания высших сфер⁶⁵.

Общественное мнение как в России, так и за рубежом ждало открытого расследования обстоятельств трагедии. Однако правительство явно не желало их разглашения, запретив публикации в печати и решив провести судебный процесс в закрытом режиме. В европейской прессе вышла серия заказных «успокоительных» публикаций, однако у МВД не имелось «ни контроля над западными газетами, ни средств обеспечить благоприятную оценку его заявлений, ни возможности не допустить враждебных статей»⁶⁶. Поэтому приходилось прибегать к административным мерам. Корреспондент «Times» Д. Брехем, не имевший отношения к освещению кишинёвских событий, был выслан из страны. 24 июня 1904 г. Плеве запросил немецкое посольство в Петербурге, какие основания необходимы для закрытия «Освобождения» или высылки его издателя из Штутгарта, а уже 28 июня Струве, бежав из Германии вместе с женой, подыскивал себе новое жильё в Париже⁶⁷.

⁵⁹ Цит. по: *Шацлло К.Ф.* Указ. соч. С. 78.

⁶⁰ Там же. С. 98.

⁶¹ *Урусов С.Д.* Записки... С. 376—377.

⁶² ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1046, л. 1.

⁶³ Times. 1903. 28 May. P. 3; ОР РГБ, ф. 126, к. 13, л. 231 об.

⁶⁴ *Урусов С.Д.* Записки... С. 375.

⁶⁵ Там же. С. 408—409.

⁶⁶ *Джадж Э.* Указ. соч. С. 111.

⁶⁷ *Пайнс Р.* Струве: левый либерал, 1870—1905. Т. 1. М., 2001. С. 498.

Именно в такой атмосфере летом 1903 г. состоялись встречи Плеве с лидером международного сионистского движения Т. Герцлем, приезжавшим в Петербург для обсуждения перспектив переселения российских иудеев в Палестину. Герцль и его единомышленники рассчитывали на то, что антисемитизм, распространённый в европейских государствах, будет стимулировать переезд евреев на историческую родину, а затем признание их независимого государства станет для великих держав самым простым способом решения еврейского вопроса⁶⁸. К тому времени Герцль уже встречался с Вильгельмом II и Абдул-Гамидом II. Через великого герцога Баденского он также передал письмо Николаю II, убеждая его в том, что сионизм способен отвлечь евреев от социализма, и добиваясь разрешения приехать в Россию для личного изложения своих идей царю⁶⁹.

В начале XX в. евреи массово покидали Россию. Доля её уроженцев среди еврейских эмигрантов в США превышала 70%. Довольно часто они уезжали также в Канаду. Вместе с тем и в российских губерниях сохранялся высокий естественный прирост населения, благодаря чему на рубеже XIX—XX вв. в них проживало около половины евреев всего мира⁷⁰. Поэтому Герцль вполне обоснованно видел в них мобильную демографическую среду.

Власти империи с большим интересом относились к сионизму. В Департаменте полиции МВД на протяжении многих лет собирали донесения губернаторов и начальников губернских жандармских управлений, содержавшие сведения о сионистах. Наконец, 24 июня 1903 г. Плеве направил губернаторам циркуляр, фактически запрещающий деятельность любых сионистских организаций, если она не направлена на выезд евреев из России⁷¹.

На первой же встрече с Герцлем 26 июля 1903 г. министр изложил свою позицию. «Мы должны требовать от всех народов нашей империи, следовательно, и от евреев, чтобы они относились к русскому государству с патриотическими чувствами, — заявил он. — Мы хотим ассимилировать их и идём к этой цели по двум путям: по пути высшего образования и по пути экономического подъёма»⁷². Со своей стороны, Герцль мечтал о «настойчивом» ходатайстве царя перед султаном за еврейских переселенцев, которое позволило бы им закрепиться на территории Палестины и создать там впоследствии своё государство. Более того, ему казалось, что Россия могла бы оказать финансовую помощь эмигрантам, «употребляя для этой цели некоторые фонды и налоги чисто еврейского происхождения». Не терял он надежды и на возможность легализации сионистских обществ в России в соответствии с Базельской программой 1897 г. На предстоявшем VI сионистском конгрессе в Базеле Герцль готов был выступить с декларацией о сотрудничестве сионистов с русским правительством, если оно поддержит колонизацию Палестины и обещает «в недалёком будущем расширить черту оседлости для тех евреев, которые не пожелали бы эмигрировать»⁷³. Так как согласие на это предложение зависело от императора, министр взял паузу, но 31 июля сообщил Герцлю, что Николай II одобряет подходы

⁶⁸ Пясковский А.В. Сионизм в дореволюционной России. С. 41.

⁶⁹ Локшин А. Формирование политики (Царская администрация и сионизм в России в конце XIX — начале XX в.) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 46.

⁷⁰ Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998. С. 175, 182.

⁷¹ Локшин А. Формирование политики... С. 51.

⁷² Герцль Т. Из дневника // Герцль Т. Избранные. Иерусалим, 1974. С. 219.

⁷³ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 2 об.—3 об.

сионизма к решению еврейского вопроса и очень обеспокоен, «когда его подозревают в чём-то негуманном». Вместе с тем глава МВД дал понять своему собеседнику, что «мы отнюдь не хотим лишиться всех наших евреев»⁷⁴.

1 августа лидер сионистов написал Плеве о необходимости ускорить ходатайство Николая II перед султаном, поскольку «в настоящее время оттоманское правительство, чтобы быть приятным России, сделает сверх обычного всё, что от него потребуют. Одно желание е[го] и[мператорского] в[еличества] царя, выраженное прямо, было бы достаточно»⁷⁵. Вспоминая о поездке в Россию, Герцль утверждал: «Я встретил там известное понимание наших сионистских стремлений и желание сделать для нас нечто решительное... я говорил в защиту не только сионистов, но и всех евреев в России. Я старался добиться некоторых улучшений их печального положения и получил уверение, что о подобном улучшении будет вскоре возбуждён вопрос... русское правительство не будет ставить препятствий на пути сионизма, если он, как до сих пор, сохранит свой спокойный, лояльный характер... русское правительство готово поддерживать своим влиянием у султана наше стремление к достижению палестинского чартера»⁷⁶. Встречи с Плеве он оценивал как «крупное дипломатическое приобретение».

Российские евреи внимательно следили за инициативами Герцля, но не во всём им сочувствовали. По словам известного общественного деятеля Г.Б. Слиозберга, «никто не уполномочивал Герцля заявлять от имени евреев, что они считают себя как бы временно пребывающими в России и готовыми оставить родину». Одновременно Слиозберг был уверен, что Герцль вводил в заблуждение Плеве, предлагая ему в обмен на предоставление равноправия договориться с зарубежными еврейскими банками о прекращении финансирования ими русского революционного движения⁷⁷.

10 сентября Герцль сообщил Плеве о своих впечатлениях от VI сионистского конгресса, состоявшегося 23—28 августа в Базеле. Он всё ещё верил в то, что правительства Англии, Франции и Германии поддержат проект колонизации Палестины. Но решающая роль в его осуществлении по-прежнему отводилась Петербургу: «Большие надежды возлагаются теперь на правительственное обещание, содержащееся в письме Вашего превосходительства от 12 августа. Разочарование в этой надежде спутало бы положение и всё, что потерял бы сионизм, представляемый мною и моими друзьями, приобрели бы революционные партии. Спасительное решение зависит теперь от силы обещанного вмешательства перед оттоманским правительством»⁷⁸. 28 октября Герцль вновь просил Плеве устроить ему аудиенцию у Николая II⁷⁹.

Поскольку кишинёвские события вызвали бурную реакцию в мире, Плеве также интересовался ходом конгресса и тем, как вела себя на нём русская делегация. «Насколько мне известно, — успокаивал его Герцль, — и это я говорю как честный человек, никто из русских делегатов на конгрессе не позволил себе ни юридически, ни морально ничего не достойного русского гражданина»⁸⁰.

⁷⁴ Герцль Т. Указ. соч. С. 230.

⁷⁵ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 5.

⁷⁶ Речь доктора Т. Герцля на VI конгрессе сионистов. Одесса, 1903. С. 8.

⁷⁷ Любимов Д.Н. Русское смутное время... С. 88—89.

⁷⁸ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 9.

⁷⁹ Там же, л. 12 об.

⁸⁰ Там же, л. 11.

Встреча Герцля с царём так и не состоялась, а идеи, обсуждавшиеся им с Плеве, предсказуемо встретили весьма прохладный приём в МИД. Возглавлявший его гр. В.Н. Ламздорф занимался тогда урегулированием Македонского кризиса и вовсе не желал выдвигать дополнительные требования к Турции⁸¹. Поэтому он предложил Плеве поручить ходатайство о выделении палестинских территорий для переселения сионистов русскому послу в Константинополе И.А. Зиновьеву. Из МИД ему, с согласия Плеве, сообщили, что «императорское правительство отнеслось к означенным предположениям с полным сочувствием, и министр внутренних дел счёл нужным адресовать по этому поводу письмо д-ру Герцлю, которым оно, с согласия министра, было предано гласности»⁸². Тогда же, 23 ноября, Плеве уведомил Герцля о поставленной перед Зиновьевым задаче. Одновременно он разрешил, несмотря на конфиденциальность их переписки, цитировать свои письма, если понадобится подтвердить готовность российского правительства содействовать сионистам⁸³.

Но Герцль начинал уже скептически оценивать перспективы своих замыслов. «Со всей покорностью я должен признаться, — писал он Плеве 11 декабря, — что не делаю себе слишком больших иллюзий на действительный эффект посредничества в подобной форме, зная нравы и обычаи чрезвычайно искусной турецкой дипломатии. Посредничество русского посла, хотя бы и очень усиленное, рискует быть присоединённым в архивах Высокой Порты к документам других, не принесших плоды посредничеств». Поэтому Герцль просил разрешения опубликовать письмо, посланное ему министром 23 ноября, или хотя бы его часть. Но ещё лучше, по его мнению, было бы устроить ему аудиенцию у Николая II и позволить затем рассказать о ней в печати. «Тогда, по крайней мере, — уверял Герцль, — все увидели бы прекрасные намерения русского правительства помочь разрешению несчастного еврейского вопроса гуманным средством сионизма, и это произвело бы известное действие на международное общественное мнение, именно в данный момент»⁸⁴.

Зиновьев сразу же отправил гр. Ламздорфу донесение, в котором выразил сомнение в успехе возложенной на него миссии. Депеша посла легла на стол императору, и тот 16 декабря начертал на ней: «Справедливый отзыв»⁸⁵. Дальнейшие консультации остановились из-за начавшейся русско-японской войны, а летом 1904 г. Герцль и Плеве почти одновременно ушли из жизни.

23 октября 1903 г., в разгар своей переписки с Герцлем, Плеве встретился также с известным английским общественным деятелем, журналистом и историком еврейства Л. Вольфом. «Он знает евреев и ценит хорошие стороны этого интеллигентного племени, — отзывался Вольф о Плеве, — но он разделяет мнение тех, которые полагают, что трудно предоставить евреям свободный доступ внутрь России, так как русский крестьянин очень беден и, если бы евреи там поселились, ему пришлось бы делиться своим скудным достоянием с переселенцами, которые большей частью принадлежат к непроизводительному классу»⁸⁶. При этом глава МВД не только выражал беспокойство тем, что

⁸¹ Лошаков А.Ю. Граф Владимир Николаевич Ламздорф // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 37—38.

⁸² ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 317, л. 1—1 об.; АВПРИ, ф. 151, оп. 482, 1903 г., д. 3427, л. 5—7.

⁸³ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 317, л. 2 об.—3.

⁸⁴ Там же, д. 610, л. 16—17.

⁸⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, 1903 г., д. 3427, л. 10.

⁸⁶ Беседа В.К. Плеве с Л. Вольфом (1903) // Еврейская старина. 1916. Т. IX. Вып. I. С. 122. После этой встречи Вольф выступил с отчётом-докладом на заседании англо-еврейского общества,

еврейская молодёжь увлечена революционными идеями, но и демонстрировал заботу о благосостоянии евреев, а также готовность продолжить расширение территории, на которой они могли проживать. Этим путём он надеялся добиться ассимиляции верхней, культурной части еврейства и улучшения материального положения его беднейших и малообразованных слоёв. В сионизме он видел прежде всего противовес социализму, но в политические перспективы эмиграции евреев в Палестину не верил⁸⁷.

Вместе с тем в его планах была подготовка проекта переселения евреев на Дальний Восток, в Маньчжурию, о чём он собирался говорить с наместником адмиралом Е.И. Алексеевым. Одобрил Плеве и идею Вольфа разместить еврейских поселенцев в Южной Сибири, чтобы «создать quasi-русский барьер против всё растущих набегов китайцев и японцев»⁸⁸.

Таким образом, репутация «ярого антисемита», которую Плеве приобрёл ещё до кишинёвских событий⁸⁹, в тот период, когда он участвовал в разработке ограничительного законодательства 1880—1890-х гг., отнюдь не отражала всей сложности его взглядов. Скорее всего, Плеве вовсе не лукавил, говоря: «Если мне, в качестве товарища министра, в некоторых комиссиях пришлось действовать против евреев, то не надо забывать, что я был тогда исполнителем чужих распоряжений»⁹⁰. Возглавив МВД, он был заинтересован в том, чтобы сгладить остроту еврейского вопроса, но при этом считал необходимым сохранить контроль над объёмом и характером правовых послаблений.

Опытнейший администратор тщательно следил за условной линией допустимых уступок, которая позволяла соблюдать чрезвычайно хрупкий баланс, не вызывая неприятия монарха. В то же время на сановника безусловно влияли и личные переживания. Известны свидетельства весьма критично относившихся к нему современников, которые рассказывали, с какими добрыми чувствами он отзывался о евреях, вспоминая дружеское общение с ними в юные годы⁹¹.

вызвав у присутствовавших положительную реакцию. Прося разрешение на публикацию данного текста, он надеялся, что «гласность произведёт очень хорошее впечатление в еврейском обществе» (ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 26).

⁸⁷ ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 24 об.—25.

⁸⁸ Там же, л. 25.

⁸⁹ Judge E.H. Op. cit. P. 94.

⁹⁰ Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном в 1864—1909. М., 2006. С. 303.

⁹¹ Там же; ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 610, л. 23; Герцль Т. Указ. соч. С. 231.

«Всё это так необыкновенно и фантастично»: идейные и организационные предпосылки поворота внешней политики России на Дальний Восток в конце XIX в.

Александр Полунов

«All of that is so extraordinary and fantastic»: ideological and organizational prerequisites for the turn of Russian foreign policy to the Far East at the end of the 19th century

Aleksandr Polunov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016250-6

Рассматривая причины, последствия и идеологическую основу поворота внешней политики Российской империи на Дальний Восток в конце XIX в., исследователи связывают его в первую очередь с такими явлениями и процессами, получившими полное развитие во второй половине 1890-х — начале 1900-х гг., как повышенный интерес к восточным народам и их духовным ценностям, стремление воспринимать мир сквозь призму глобальных историко-философских построений. К их числу относилась, в частности, концепция восточничества, разработанная известным учёным, поэтом и публицистом кн. Э.Э. Ухтомским¹. Учитывается и то, что вступившему на престол в октябре 1894 г. Николаю II хотелось проявить себя на новом направлении, сравнительно мало «освоенном» официальной дипломатией. «Его молодое воображение, — писал о царе известный мемуарист, государственный и общественный деятель В.И. Гурко, — неизбежно должно было рисовать ему возможность навсегда связать своё имя с дальнейшим развитием русской государственности и расширением наших пределов на берегах Тихого океана». Именно там он мог «искать применения своего творчества и возможности проявления личной инициативы»².

Но если духовные, идейные и культурные искания рубежа XIX—XX вв. формировали своеобразную атмосферу, манившую на Восток, то с царствованием Александра III, как правило, связывают прежде всего создание материальных и организационных предпосылок для продвижения в Азию, включая начало строительства Транссибирской магистрали и путешествие наследника престола по странам Востока. Между тем уже тогда в правительственных кругах звучали заявления об особых свойствах азиатских народов и их тяготении к русскому самодержавию. «Весь Восток симпатизирует России, — писал в феврале 1893 г. в записке, адресованной императору, лекарь тибетской медицины

© 2021 г. А.Ю. Полунов

Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

¹ О восточничестве см.: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 70—101; *Межуев Б.В.* Моделирование понятия «национальный интерес» на примере дальневосточной политики России конца XIX — начала XX в. // *Полис.* 1999. № 1. С. 26—39; *Суворов В.В.* Восточничество. Культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов, 2015.

² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 307—308.

и чиновник Азиатского департамента МИД П.А. Бадмаев, — и русского царя называют на Востоке как русские подданные-инородцы, так и чужеземцы белым царём-богатырём»³. В ней же утверждалось, что среди монголов и других буддистов популярны легенды о том, что русскому царю суждено стать повелителем Востока. Именно азиаты, полагал Бадмаев, «сознают истинное значение монархического правления, в котором представители государства считаются старшими сыновьями и братьями, нравственно обязанными отвечать за всё как перед отцом монархом, так и перед младшими братьями — его подданными»⁴.

Заявляя о том, что тибетцы, монголы, китайцы тяготеют к власти правившей в Китае маньчжурской династии Цин и охотно перейдут под управление России, врачеватель предлагал императору предварительно создать экономическую почву для утверждения политического господства. Для этого следовало провести от строившейся Транссибирской магистрали железнодорожную ветку к Ланчжоу, центру провинции Ганьсу. Вместе с тем Бадмаев собирался основать в Забайкалье торговую компанию, которая под видом коммерческой деятельности агитировала бы население Монголии и Северного Китая присоединиться к России. Записка вызвала у царя противоречивые чувства. «Всё это так ново, необыкновенно и фантастично, что с трудом верится в возможность успеха», — отметил он в резолюции⁵. В этом отзыве звучал не только скепсис, чувствовалось, что в какой-то степени Александра III заинтриговала открывавшаяся перспектива. Показательно, что вскоре он распорядился выдать тибетскому лекарю из казны 2 млн руб. на учреждаемую им компанию, несмотря на упорное сопротивление министра финансов С.Ю. Витте⁶. Таким образом, уже в начале 1890-х гг. в российских общественных и правительственных кругах распространялись идеологизированные представления о Дальнем Востоке и особой миссии России в этом регионе. Каким же образом происходило их формирование? Каковы были предпосылки данной тенденции?

Важный вклад в выработку идей, которые впоследствии использовались для обоснования поворота во внешней политике, внесли дискуссии, развернувшиеся на страницах консервативной печати во второй половине 1880-х — начале 1890-х гг. Весьма показательна в этом отношении полемика в журнале «Русское обозрение» между генерал-лейтенантом А.А. Киреевым и В.А. Грингмутом⁷. Генерал, выступавший в роли хранителя заветов славянофильства, утверждал, что историческим долгом и главной задачей России на международной арене остаётся защита единоверных и единокровных братьев-славян. «Кому же... как не нам, как не могущественной православной России, заботиться о наших гонимых и притесняемых братьях, всюду, где бы они не оказались?» — вопрошал он⁸. Разумеется, помощь им следовало оказывать абсолютно бескорыстно, не

³ О Бадмаеве см.: *Архангельский Г.В.* Пётр Бадмаев — знахарь, предприниматель и политик // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 74—84; *Лукоянов И.В.* Восточная политика России и П.А. Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 111—126.

⁴ За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева. Л., 1925. С. 57, 59, 73.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 86—87.

⁷ О ней см.: *Медоваров М.В.* Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов. По материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 85—98.

⁸ *Киреев А.А.* Россия и славяне. Второй ответ Spectator'у // Русское обозрение (далее — РО). 1891. № 3. С. 218.

рассчитывая на какое-либо практическое воздаяние. Публицисту импонировал «наивный, славянофильский» взгляд на предназначение власти, который «ставит государству другие цели, не практические — юношеские, идеальные... безо всякой материальной выгоды». По его мнению, только такой подход и гарантировал существование России, поскольку «народ, замыкающийся в своих границах, не принимающий участия в истории человечества, отказывающийся от своих исторических идеалов, действительно начинает сходиться со сцены, начинает гнить, клониться к упадку и обречён на исчезновение»⁹.

Грингмут, с молодости сотрудничавший с изданиями М.Н. Каткова, резко опровергал подобные воззрения. Он, в частности, указывал, что после событий 1880-х гг. — переориентации балканских государств на сотрудничество с Западом, разрыва дипломатических отношений с Болгарией — говорить о славянской солидарности уже невозможно, и «Россия является для австрийских и турецких славян не целью их стремлений, как мы себе иногда воображаем, а лишь средством их европеизации». Помощь им могла бы считаться нравственным долгом лишь в том случае, если бы о ней просили, иначе она теряла смысл и ставила империю в нелепое положение¹⁰.

Этническое и языковое родство со славянами, по мысли Грингмута, не могло играть сколько-нибудь значительной роли в политике государства. Она должна была основываться не на «филологических соображениях», а «на более глубоких культурных стремлениях к общим религиозным, нравственным и политическим идеалам»¹¹. Впрочем, в 1880—1890-е гг. Грингмут рекомендовал вовсе отказаться от масштабных внешнеполитических предприятий, сосредоточившись на выработке самобытного общественного устройства и укреплении национального самосознания. «То, что осталось от Восточного вопроса, — полагал он, — может оставаться в настоящем ненормальном своём виде до тех пор, пока Россия найдёт для себя удобным уничтожить сразу, одним махом все оставшиеся ещё на Балканах политические шероховатости». Пока же нужно терпеливо «набираться нравственных и материальных сил, не расходуя их по мелочам на решение каких-нибудь частных, в сущности микроскопических вопросов, возникающих как мимолётные прыщи на Балканском полуострове»¹².

В целом, как отмечает А.Э. Котов, в 1880-е гг. антиславянские выпады в русской консервативной печати стали общим местом¹³. Тон подобным настроениям во многом задавался сверху. 2 февраля 1879 г. хорошо осведомлённый Киреев отметил в дневнике, что наследник престола разочаровался в прославянском движении, которому сочувствовал с 1860-х гг. Теперь цесаревич называл его «славянщиной»¹⁴. Вступив на престол, Александр III ставил целью своей внешней политики «извлекать из всего всё, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться (стесняться. — А.П.) для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно». В разгар Румелийского кризиса 1885 г. царь настаивал на том, что «довольно популяризовать в ущерб истинным

⁹ Киреев А.А. В защиту «братушек» (письмо к редактору) // РО. 1890. № 8. С. 835, 841.

¹⁰ *Spectator*. Текущие вопросы международной политики. IV. Наши братья // РО. 1890. № 7. С. 374; Современная летопись // РО. 1891. № 2. С. 895.

¹¹ Современная летопись // РО. 1890. № 9. С. 444.

¹² *Spectator*. Текущие вопросы международной политики. V. Г. Татищев и г. Стамболов // РО. 1890. № 9. С. 425.

¹³ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870—1890-х гг.: опыт ведения общественных дискуссий. СПб., 2010. С. 194.

¹⁴ ОР РГБ, ф. 126, д. 8, л. 11 об.

интересам России. Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им»¹⁵. В периодической печати эти идеи развивал С.С. Татищев, считавший, что «единственная здоровая основа великого государства... есть государственный эгоизм, а не романтика»¹⁶.

И всё же остановиться на провозглашении эгоизма и самоизоляции главными принципами политики на международной арене консерваторы не могли. Заявляя о необходимости выработки самобытного национального идеала, Грингмут и его единомышленники понимали, что этого нельзя достичь при решении сугубо прагматических задач и полном безразличии к происходящему в мире¹⁷. «В известном смысле мы готовы согласиться с А.А. Киреевым, — признавал журналист-катковец, — способность жертвовать своими материальными выгодами ради высших интересов есть, конечно, доказательство жизненных сил страны»¹⁸. Но эти «высшие интересы» распространялись им не на славян, а на «Восток в широком смысле слова», включая Иерусалим, Корею и Абиссинию¹⁹. Устремление в эти регионы, находившиеся в стороне от зон, где традиционно возникали конфликты между европейскими державами, как думал Грингмут, отвлекло бы русское общество и дипломатию от чрезмерного увлечения делами Запада.

Поиском особой — восточной, но не славянской — альтернативы для внешней политики России занимался с 1870-х гг. К.Н. Леонтьев. Держась особняком от идейных течений и литературно-журнальных «партий», он не пользовался особым влиянием в верхах и популярностью в обществе, но зато обладал способностью улавливать важные тенденции, намечавшиеся в общественной и интеллектуальной жизни. Именно с этим, вероятно, и было связано повышенное внимание Леонтьева к Азии. Будучи противником прославянских тенденций в русской политике на Балканах и Ближнем Востоке, философ призывал опираться там на греческих иерархов православных поместных церквей. Для него именно они оставались главными хранителями канонических начал, церковной дисциплины и важнейшим оплотом консерватизма. Вместе с тем с 1870-х гг. в его сочинениях всё чаще встречались позитивные упоминания о патриархальных ценностях и подлинной духовности народов Южной Азии и Дальнего Востока. Они представлялись образцом и источником обновления для России и всего мира. «Китай культурнее Бельгии, индусы культурнее североамериканцев», — заявлял мыслитель в 1883 г.²⁰ В 1880 г. он с горечью отмечал, что и «мы сами... до сих пор выдумать ничего не были в силах и в

¹⁵ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801—1914. Т. 3. М., 2018. С. 557, 602.

¹⁶ По словам дипломата Ю.С. Карцова, именно по статьям Татищева русское общество, «воспитанное на архаизмах официального слога и славянофильских туманностях», впервыезнакомилось «с холодным, сжатым и точным языком международных отношений». Подробнее см.: Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова. Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х гг. СПб., 2016. С. 291, 295.

¹⁷ «Передав Восток в чужие руки,... мы и у себя дома не исполним своей программы, — писал Киреев, — как, например, будем мы развивать в нашем молодом поколении уважение и любовь к чувству народности, уча его относиться безразлично к попранию этого чувства у наших соседей, и притом у народов, нам родственных?» (Киреев А.А. Россия и славяне... С. 224).

¹⁸ Современная летопись // РО. 1891. № 7. С. 424.

¹⁹ Spectator. Современные вопросы. I. Россия на распутье // РО. 1894. № 10. С. 849—853.

²⁰ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 51.

деле творчества национального стоим гораздо ниже азиатских народов: индусов, китайцев, мусульман, у которых всё почти своё»²¹.

Размышляя о западноевропейской колониальной экспансии, Леонтьев писал в 1888 г.: «Мы, русские, с нашими серо-европейскими, дрябло-буржуазными, подражательными идеалами, с нашим пьянством и бесхарактерностью, с нашим безверием и умственной робостью сделать какой-нибудь шаг, беспримерный на современном Западе, — стоим теперь между этими двумя пробуждёнными азиатскими мирами, между *свирепого-государственным* исполином Китая и *глубоко-мистическим* чудищем Индии... Спасёмся ли мы государственно и культурно? Заразится ли мы столь несокрушимой в духе своём китайской государственностью и могучими мистическими настроениями Индии?»²². Публицист верил в возможность подобного «заражения» и всячески ему сочувствовал. Основой же для этой надежды служила близость России к странам Востока и мощное влияние на неё туранского (тюркско-монгольского) элемента. По словам философа, «только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской — *туранской* нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы *духовно* независимое; без этого азиатизма влияющей на них России все остальные славяне очень скоро стали бы самыми плохими из континентальных европейцев»²³.

Одновременно с дискуссиями на страницах печати в 1880-е гг. предпринимались и практические шаги, свидетельствовавшие о поисках новых направлений внешнеполитической деятельности. К их числу относились, в частности, попытки установить контакты с Эфиопией (или, как тогда говорили, Абиссинией), не случайно упоминавшейся в статье Грингмута. Африканское государство, издревле исповедовавшее христианство и в 1880-е гг. начинавшее открываться окружающему миру, вело тогда тяжёлую борьбу с соседями-мусульманами и западными колонизаторами (Италией и стоявшей за ней Англией). Эфиопия нуждалась в поддержке и пыталась найти её в северной империи, дорожившей ролью исконной покровительницы восточных христиан (вероисповедание местных жителей считалось близким к православию). Известия из далёкой страны в России встретили с энтузиазмом. По сути, часть русского общества «опознала» в эфиопах новых младших братьев — носителей тех качеств, которыми ранее наделяли славян. В публикациях прессы, отчётах путешественников, изданиях для народа описывали героизм темнокожих христиан, их готовность отстаивать свою самобытность и способность к самопожертвованию²⁴. «Отрезанная от всего мира в продолжение многих веков, — писал поручик В.Ф. Машков — один из первых русских путешественников, побывавших в тех краях, — Эфиопия оставалась одна, предоставленная своим слабым силам, без надежд на более светлое время. Надо удивляться тому, что при таких ужасных условиях, в какие была поставлена небольшая, бедная и слабая духовным

²¹ Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом // Там же. Т. 7. Кн. 2. СПб., 2006. С. 160.

²² Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Там же. Т. 8. Кн. 1. С. 201.

²³ Леонтьев К.Н. Письма о восточных делах. С. 51.

²⁴ Подробнее см.: Азуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения в конце XIX — начале XX в. М., 2011; Григорьева С.В. Мифологизированные стереотипы в межкультурных коммуникациях: эфиопская империя глазами русских // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 202—208.

развитием страна, она не только отстояла свою независимость, но и сохранила чистой свою веру, обычаи, язык и национальность»²⁵.

Русские современники стремились обнаружить в африканской стране очаг патриархальной простоты, чистоты, набожности — качеств, повсеместно исчезавших в Европе под натиском секуляризма и материализма. Эфиопы изображались как «очень религиозный, добрый, честный и трудолюбивый народ»²⁶. Их отношение к России и её правителю мифологизировалось и обрастало ссылками на местные предания и легенды, напоминавшие позднейшие повествования Бадмаева и других восточников о настроениях в среде азиатских народов. «Абиссинский негус негусис (так в тексте. — *А.П.*) чтит только нашего царя первым и сильным царём в мире, а других не считает за царей», — утверждалось в издании, предназначенном для массовой аудитории²⁷. «В горах полуострова Абиссинии, как и на всём Востоке, живёт смутное народное предание о могущественном белом царе, имеющем прийти, рано или поздно, с отдалённого Севера на защиту и освобождение всего восточного христианства», — писал в 1885 г. известный дипломат и один из инициаторов сближения с Эфиопией М.А. Хитрово, придерживавшийся славянофильских взглядов²⁸.

В условиях, когда среди консерваторов шла полемика о том, должна ли внешняя политика следовать принципам «национального эгоизма» или ей пристало вдохновляться высокими, нематериальными целями, сторонники укрепления связей с Эфиопией решительно выбирали второй вариант. «Россия, историческими судьбами поставленная во главе восточного христианства и нравственно ответственная за судьбу каждого её (так в тексте. — *А.П.*) отдельного члена, согласно своим вековым традициям, едва ли может оставаться спокойной зрительницей [того], как политически и духовно тяготеющая к ней страна, с восьмимиллионным населением, потеряет свою самостоятельность... мы обязаны оказать ей хотя бы нравственную поддержку... давай ей понять, что она не одна, что за ней стоит великий северный народ, всегда пекущийся о своих младших братьях», — писал в 1890 г. Машков в записке, адресованной в Главный штаб Военного министерства²⁹. Поручик руководствовался представлениями о наличии у государства особых, идеологически окрашенных задач и морального долга перед «братскими» народами. Но если ранее во властных структурах и особенно в обществе таковыми считались славяне, то теперь к ним относились и эфиопы. Позднее восточники, обосновывая продвижение России в Азию, включили в число новых «младших братьев» и народы Дальнего Востока³⁰.

²⁵ Фёдоров В. [Машков В.Ф.] Абиссиния. Историко-географический очерк. СПб., 1889. С. 28.

²⁶ Ефрем (Цветаев), архим. Поездка в Абиссинию. М., 1901. С. 44, 103.

²⁷ [Белозерский Е.] Что такое Абиссиния и чего хотят от неё итальянцы. М., 1887. С. 7.

²⁸ Российско-эфиопские отношения в XIX — начале XX в. Сборник документов / Сост. А.В. Хренков. М., 1998. С. 77.

²⁹ Там же. С. 138—139.

³⁰ В историографии уже отмечалась перекличка между идеями славянофильства и восточничества (негативное отношение к Западу, превосходство духовного над материальным, приверженность ко всему традиционному в быту). Характерно, что кн. Э.Э. Ухтомский в начале своей деятельности был близок к славянофилам, публиковался в газете И.С. Аксакова «Русь», а также испытал влияние В.С. Соловьёва, разделявшего в конце 1870-х — начале 1880-х гг. славянофильские взгляды. См.: Суворов В.В. Восточничество... С. 176, 185; Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 92.

Поскольку в Петербурге в середине 1880-х гг. почти не было сведений о реальном положении дел в отдалённой и малоизученной Эфиопии, власти опасались направлять туда официальное посольство. А это открывало широкий простор для инициативы частных лиц, которым удалось заручиться негласной поддержкой руководителей различных ведомств. Хорошо известна история авантюриста Н.И. Ашинова (1856—1902), выдававшего себя за «атамана вольных казаков». Вопреки упорному сопротивлению МИД он сумел организовать в 1888 г. экспедицию в Эфиопию. И в этом ему содействовали влиятельные сановники — обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, морской министр И.А. Шестаков и др.³¹ Начинание «вольного казака» окончилось провалом: поселение, которое он попытался основать на берегу Красного моря, разгромили французы, считавшие эту территорию своей. Но уже в 1889 г. в Эфиопию с согласия императора отправился поручик Машков — младший офицер одного из пехотных полков, изъявивший желание содействовать установлению связей России с африканской страной. Экспедиция рассматривалась как частное предприятие, МИД даже не поставили о ней в известность. Офицер числился корреспондентом газеты «Новое время», однако посылал отчёты о своих действиях в Главный штаб³². Вторая его экспедиция, состоявшаяся в 1891—1892 гг., и поездка в 1894 г. отставного поручика Н.С. Леонтьева официально считались предприятиями Императорского Русского географического общества, хотя их руководители состояли в переписке с Военным министерством. Впоследствии Леонтьев, оставшийся в Эфиопии и ставший неформальным советником её правителя Менелика II, поддерживал связь с Главным штабом и Азиатским департаментом МИД³³.

Широкое использование неофициальных механизмов при установлении контактов с отдалённым государством, сочетавшееся с межведомственной борьбой и закулисными интригами, в известной степени предвосхищало ту ситуацию, которая сложится в период проникновения России на рубеже XIX—XX вв. в Монголию и Корею. В 1880-е гг. проявили себя и различные околоправительственные структуры, имевшие статус общественных организаций, но пользовавшиеся покровительством высокопоставленных особ и в некоторых случаях действовавшие самостоятельно. Так, в подготовку экспедиции Ашинова включилось Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, поддерживавшее не только культурные связи, но и освободительное движение на Балканах³⁴. Киреев, являвшийся одним из наиболее активных членов общества, несколько раз принимал Ашинова и свёл его с морским министром Шестаковым. «Добродушный, хотя и не без хитрости, — писал генерал-майор о «вольном казаке» в дневнике 16 мая 1887 г. — Таким (за исключением добродушия) должны были быть и Кортес, и Пизарро, и Ермак»³⁵. Секретарь

³¹ О деятельности Ашинова см.: *Луночкин А.В.* «Атаман вольных казаков» Николай Ашинов и его деятельность. Волгоград, 1999; *Григорьева С.В.* Н.И. Ашинов: африканская эпопея // *Слава и забвение. Парадоксы биографики.* СПб., 2014. С. 504—523.

³² *Хренков А.В.* Машков в Эфиопии (между подвигом и авантюрой) // *Вопросы истории.* 1999. № 2. С. 124—125.

³³ *Хренков А.В.* Африканское генерал-губернаторство поручика Н.С. Леонтьева // *Азия и Африка сегодня.* 2001. № 4. С. 35.

³⁴ См.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960; *Поповкин А.А.* Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге, 1858—1921 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013.

³⁵ ОР РГБ, ф. 126, д. 10, л. 233 об.

общества В.И. Аристов вербовал желающих плыть в Абиссинию на Кавказе, а близкая к славянофилам фрейлина Д.Ф. Тютчева хлопотала о том, чтобы в состав экспедиции включили духовную миссию для сближения эфиопов с православием³⁶.

В Санкт-Петербургское Славянское общество обращался перед своим отъездом и Машков. Ещё в 1887 г. он писал Кирееву, что «дело может вестись только частными лицами, на свой страх и риск и средства». Конечно, первые шаги на новом направлении должны были носить преимущественно негласный характер, но, как предвидел поручик, «минист[р] иностр[анных] д[ел] не решится даже и на такой образ действий». Объяснялось это тем, что в МИД, «говоря словами сказки, “русского духа не слышно”»³⁷. Подобным образом рассуждали впоследствии и энтузиасты проникновения на Дальний Восток. Практически все они — от Бадмаева и кн. Ухтомского до «безобразовцев» — последовательно критиковали бюрократическую систему, указывали на необходимость личной инициативы и неформальных методов во внешней политике, а также на то, что у царя должен быть доверенный советник, способный донести до него тщательно скрываемую правду³⁸.

Значительная роль, которую в ходе проникновения в Эфиопию играли разного рода неофициальные структуры, способствовала тому, что на этом поприще подвизалось много деятелей, отличавшихся не только энергией и решительностью, но и авантюризмом, склонностью к мистификации. Каждый шаг того же Ашинова был связан с теми или иными формами самозванчества. Путешествуя по Ближнему Востоку, он выдавал себя за генерала, наказного атамана Кубанского казачьего войска, хвастался особыми полномочиями и дружбой с вел. кн. Александром Михайловичем³⁹. Леонтьев, прибыв в 1894 г. в Абиссинию, по словам одного из его спутников, устроил «маскарад в черкесках и папахах» — повысил себя в чине до полковника, а следовавшего с ним иеромонаха возвёл в сан епископа, распустил слухи, будто он — брат царя, и обещал африканцам военную помощь России против Италии. В ходе организованного им в 1895 г. посольства Эфиопии в Россию Леонтьев самовольно объявил членов делегации, носивших довольно скромные звания, «принцем», «генералом» и «епископом». В дельнейшем отставной поручик отличился в Африке ещё более масштабными авантюрами⁴⁰. Примечательно, что, несмотря на это (а возможно, и благодаря этому), у него находились влиятельные покровители. Так, военный министр А.Н. Куропаткин в переписке с министром иностранных дел гр. М.Н. Муравьевым в конце 1890-х гг. выражал сожаление о том, «что нам не удалось взять в руки эту бесспорно энергическую личность», тогда как европейские правительства успешно используют авантюристов разного рода в своих интересах⁴¹.

³⁶ Там же, л. 236 об.—237; д. 11, л. 60 об.—61.

³⁷ Российско-эфиопские отношения... С. 90—91.

³⁸ Приближённый Николай П.А.М. Безобразов, вокруг которого группировался кружок сторонников наступательной политики на Дальнем Востоке, называл себя «личным секретарём барина» (т.е. царя) и заявлял: «Я стою один и против меня всё, что связано со старыми порядками, шипит и готово меня растерзать, у меня план и программа есть, есть решимость вырвать нашу государственную и общественную жизнь из болота, но будет ли на это благословение свыше, не знаю» (Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»... С. 499).

³⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 92, 3-е делопроизводство, д. 598, т. I, л. 37в об., 57, 335 об.

⁴⁰ Хренков А.В. Африканское генерал-губернаторство... С. 36, 38.

⁴¹ Хренков А.В. Россия и Эфиопия: развитие двусторонних связей (от первых контактов до 1917 г.). М., 1992. С. 107—108.

Позднее не обошлось без монархического самозванчества и на Дальнем Востоке. Разворачивая торгово-предпринимательскую деятельность в Забайкалье, Монголии и Северном Китае, Бадмаев распускал там слухи о своём родстве с царской семьёй (он был крестником Александра III)⁴². Кн. Ухтомского в 1897 г. воспринимали в Китае как «брата царя», прибывшего по личному поручению Николая II. Распространению подобных слухов, видимо, способствовало то, что миссию востоковеда, проходившую без согласования с МИД, окружал ореол таинственности⁴³.

В целом, Бадмаев и «безобразовцы» как индивидуальными чертами, так и образом действий довольно сильно напоминали своих «эфиопских» предшественников (Ашинова, Леонтьева, отчасти Машкова). Имелся африканский прообраз и у такого знаменитого предприятия «безобразовцев», как Восточно-Азиатская промышленная компания (лесопромышленная концессия на р. Ялу) — акционерного общества, фактически призванного отстаивать государственные интересы России в Корее. В 1888 г., во время подготовки экспедиции Ашинова, к Победоносцеву, поддерживавшему данную затею, обратился его давний знакомый и энергичный сторонник замыслов «вольного казака» — нижегородский губернатор Н.М. Баранов⁴⁴. В письме к обер-прокурору Святейшего Синода он предложил создать, опираясь на будущие ашиновские поселения на берегу Красного моря, Российско-Африканскую компанию. Формально она учреждалась бы с торгово-промышленными целями, но ей «могло бы быть предоставлено право иметь свои суда и гарнизон для собственной обороны», а «по прошествии же некоторого времени и в удобный в политическом отношении момент» правительству оставалось лишь объявить территорию, на которой действовала компания, зоной влияния России, а то и её заморским владением⁴⁵. Показательно, что Александр III, которому доложили о данном проекте, воспринял его всерьёз и собирался обсуждать с министром иностранных дел Н.К. Гирсом.

Позднее с планом экономического освоения Эфиопии выступил Леонтьев, сумевший войти в доверие к негусу и получить от него в 1897 г. в управление южные провинции государства. Ссылаясь на якобы предоставленное ему право свободно действовать на данной территории, он собирался учредить там русское акционерное общество для разработки местных природных богатств и обратился за помощью к С.Ю. Витте, суля ему, что со временем, по мере укрепления экономического влияния, эти земли удастся передать под протекторат России. Министр финансов отклонил предложение отставного поручика, но

⁴² Лукаюнов И.В. «Не отстать от держав...»... С. 91—92. Кроме того, Бадмаев распространял слухи о родстве своего семейства с потомками Чингисхана (Архангельский Г.В. Пётр Бадмаев... С. 84).

⁴³ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Указ. соч. С. 84.

⁴⁴ Н.М. Баранов (1837—1901), будучи морским офицером, прославился подвигами в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг., а после её окончания стал одним из видных деятелей Общества Добровольного флота. Однако затем он оказался вовлечён в конфликт и скандальный судебный процесс с Морским министерством. В марте 1881 г. по протекции Победоносцева стал петербургским градоначальником, но распоряжался в столице столь экстравагантно, что вскоре его перевели на губернаторский пост сначала в Архангельск, а затем в Нижний Новгород. См.: Григорьева С.В. Личность нижегородского губернатора Н.М. Баранова: к вопросу об эффектах межличностного восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5—6. С. 24—31.

⁴⁵ РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 518, л. 7; Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890). М.; Л., 1926. С. 132—133.

тот не пал духом и создал международную компанию с привлечением английского, французского и бельгийского капитала⁴⁶. Показательно, что «безобразовцы», разрабатывая свои проекты, прямо ссылались на опыт Леонтьева, позволивший ему стать правителем «громадной области Абиссинии»⁴⁷. Николай II отнёсся к его начинаниям весьма серьёзно. Когда предприниматель потерпел крах и стал в 1902 г. настойчиво ходатайствовать о том, чтобы уступить свои права петербургскому правительству, император передал дело на обсуждение руководителей финансов, военного и дипломатического ведомств⁴⁸. Однако министры, посоветовавшись, решили воздержаться от участия в явно сомнительной операции. Помимо Леонтьева, вести в Эфиопии торгово-промышленную деятельность пытались поручик К.Н. Арнольди, отставной полковник И.О. Евецкий, чиновник Н.Н. Шедевр. Эти прожектёры и поддерживавшие их дипломаты ориентировались уже на опыт общества Китайско-Восточной железной дороги и Русско-Китайского банка⁴⁹.

В целом отметим, что сторонники русской экспансии на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. внимательно наблюдали за действиями России на эфиопском направлении и, возможно, опирались на опыт контактов с африканской страной. В 1896 г. «Санкт-Петербургские ведомости», возглавлявшиеся кн. Ухтомским и воспринимавшиеся многими как личный орган царя и рупор его восточной политики, опубликовали статью полковника Генерального штаба С.Д. Молчанова, который призывал развивать сотрудничество с государством негуса. Автор признавал, что оно не могло принести быстрой материальной отдачи, но выгодное стратегическое положение Абиссинии казалось ему гораздо важнее⁵⁰. Спустя несколько месяцев газета кн. Ухтомского рекомендовала оказать помощь «стране чёрных христиан», напоминая про их исконное тяготение к России, а также отвагу, военную доблесть и прочие высокие моральные качества⁵¹.

Подводя итог, следует констатировать, что к концу XIX в. в правительственных и околоправительственных кругах Российской империи сложились устойчивые формы деятельности, имелись образцы организационных структур и получили распространение многие идейные установки, которые использовались затем в ходе проникновения в Маньчжурию и Корею. Тем самым поворот внешней политики России на Дальний Восток был подготовлен всей предшествующей эволюцией административных институтов, настроений и воззрений общества и правящих верхов. Безусловно, при Александре III данные тенденции проявлялись менее резко и не имели особого размаха. Николай II, вступив на престол, заметно усилил наметившиеся ранее процессы, внёс в них ярко выраженную тягу к экспериментам, стремление к личному управлению и увлечение масштабными идеологическими построениями.

⁴⁶ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 91—105; Российско-эфиопские отношения... С. 263—264.

⁴⁷ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...»... С. 420.

⁴⁸ Российско-эфиопские отношения... С. 399.

⁴⁹ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 109—110; Россия и Африка. Документы и материалы. XVIII в. — 1960 г. Т. I. М., 1999. С. 229.

⁵⁰ Хренков А.В. Россия и Эфиопия... С. 94—95.

⁵¹ Агуреев С.А. Эфиопия в отражении российского общественного мнения... С. 248—249.

Учреждение Морского генерального штаба в 1906 г.: борьба амбиций и поиск модели управления

Денис Козлов

Creation of the Naval General Staff in 1906: the struggle of ambitions and the search for a command model

Denis Kozlov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016242-7

Создание Морского генерального штаба (МГШ, генмор), ставшее одним из ключевых компонентов реформы флота и морского ведомства после русско-японской войны 1904—1905 гг., неизменно привлекает к себе внимание специалистов¹. Вместе с тем изучение этого сюжета остаётся весьма перспективным, в том числе в связи с вводом в научный оборот воспоминаний, дневников и переписки представителей русской военно-морской эмиграции Б.П. Апрелева, И.К. Григоровича, В.Н. Давидовича-Нащинского, М.А. Кедрова, И.А. Кононова, Д.В. Ненюкова, М.И. Смирнова, П.Е. Стогова, Н.С. Чирикова, А.Н. Щеглова, имевших отношение к первому в России постоянному органу военно-морского стратегического планирования и управления². Это по-

© 2021 г. Д.Ю. Козлов

¹ См.: Данилов В.С. Создание и совершенствование системы управления Императорским флотом России // Военно-исторический журнал. 2013. № 7. С. 3—9; № 8. С. 3—9; Комаров А. Центральные органы управления в отечественном флоте // Морской сборник. 1997. № 4. С. 75—78; Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006; Кондратенко Р.В. Заметки о предистории Морского генерального штаба // Гангут. 2007. Вып. 44. С. 133—148; Крюков В., Кожевников М. Оперативные органы в русском и советском флоте (1905—1941 гг.) // Морской сборник. 1985. № 12. С. 15—19; Монаков М.С., Родионов Б.И. и др. Главный штаб ВМФ: история и современность. 1696—1997. М., 1998; Назаренко К.Б. Морское министерство России в 1905—1914 гг. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001; Назаренко К.Б. «Мозг» флота России. От Цусимы до Первой мировой войны. СПб., 2006; Пантелеев Ю. Развитие штабов в русском флоте от их зарождения до наших дней. Ч. I: Штабы в досоветском периоде истории флота. 1689—1917 гг. Л., 1949; Седых Д.А. Создание морского генерального штаба в контексте реформирования флота в России в конце XIX — начале XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2003; Симоненко В.Г. Морской генеральный штаб русского флота (1906—1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1976; Симоненко В.Г. Для стратегического управления флотом (к 90-летию Морского генерального штаба) // Морской сборник. 1996. № 4. С. 85—87; Симоненко В.Г. Морской генеральный штаб России. Из истории создания и деятельности в 1906—1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 24—29; Цветков И.Ф. Организационно-мобилизационные органы и организационные структуры ВМФ России (1695—1945). СПб., 2000; Greger R. Die Russische Flotte im Ersten Weltkrieg 1914—1917. München, 1970. S. 11—14; McLaughlin S. Russia: Rossiiskii imperatorskii flot // To Crown the Waves. The Great Navies of the First World War / Ed. by V.P. O'Hara, W.D. Dickson, R. Worth. Annapolis, 2013. P. 213—256; Menning B.W. War Planning and Initial Operations in the Russian Context // War Planning 1914 / Ed. by R.F. Hamilton, H.H. Herwig. N.Y., 2010. P. 80—142; Podsoblyayev E.F. The Russian Naval General Staff and the Evolution of Naval Policy, 1905—1914 / translated from the Russian by F. King and J. Biggart // The Journal of Military History. 2002. LXVI, № 1. P. 37—69.

² Письмо А.Н. Щеглова И.К. Григоровичу, ок. 1928 г. (ГА РФ, ф. Р-5970, оп. 1, д. 141, л. 4—5 об.); Чириков Н.С. «Военно-политическая обстановка к моменту вступления на престол го-

зволит обогатить наши представления о создании МГШ новыми деталями и, в частности, пролить свет на «человеческое измерение» этого события. Немаловажным следует признать и сопоставление проходивших почти одновременно процессов конструирования органов стратегического руководства в Морском и Военном министерствах, а также выявление аналогий с зарубежным опытом.

Целесообразность заблаговременного (в мирное время) планирования применения военно-морских сил и командования ими из единого центра стали очевидны ещё в ходе Крымской войны. В 1863 г. при канцелярии управляющего Морским министерством вице-адмирала Н.К. Краббе было учреждено «военно-морское отделение», призванное заниматься развитием отечественного флота и изучением морских сил иностранных государств. В соответствии с новым «Положением об управлении морским ведомством», утверждённым 3 июня 1885 г., был воссоздан Главный морской штаб, на формирование которого были обращены штаты и кадры Инспекторского департамента, упразднённого 20 февраля 1884 г.³ Начальник штаба становился помощником управляющего министерством «во всём, что касается охранения дисциплины во флоте и боевой его готовности»⁴.

За расплывчатой формулировкой скрывались многочисленные функции, которые отныне распределялись между двумя отделами Главного морского штаба. В ведении военно-морского отдела находились боевая подготовка соединений и кораблей, разработка ежегодных программ плавания, хозяйственная деятельность команд, обобщение данных о зарубежных военных и коммерческих флотах, ведение списка судов и «делопроизводство по приготовлению их к боевым действиям»⁵. Второй отдел заведовал личным составом. Всего в них числилось 13 офицеров, поэтому перспективное планирование и управление сводилось к разработке и контролю выполнения программ судостроения и плавания. Снижал эффективность и сложившийся стиль повседневной работы. По словам Р.В. Кондратенко, «немногочисленные делопроизводители не справлялись с обильным потоком информации, да и не стремились усердствовать, не будучи энтузиастами каждого из многочисленных дел, находившихся в их ведении»⁶. В результате штаб практически не влиял на мобилизационную готовность и боевую подготовку военно-морских сил.

В ходе обсуждения новой редакции «Положения...» вице-адмирал И.Ф. Лихачёв высказал идею о создании МГШ по образцу «сухопутного» генштаба.

сударя императора Николая II и русско-японская война с её последствиями для флота и морского ведомства», после 1928 г. (РГА ВМФ, ф. Р-2246, оп. 1, д. 115, л. 1—12); *Шеглов А.Н.* К истории возникновения Морского генерального штаба (Письмо в редакцию) // *Морской журнал*. 1928. № 6/7. С. 17—21; *Давидович-Нащинский В.Н.* Письмо в редакцию // *Морской журнал*. 1928. № 8. С. 15—16; *Смирнов М.* Краткий обзор оперативных идей, положенных в основу организации и подготовки русского флота к войне в период 1906—1914 года. (Воспоминания) // *Зарубежный морской сборник*. 1929. № 7—8. С. 59—78; *Апрелев Б.* Нашей смене. Шанхай, 1934; *Стогов П.Е.* Воспоминания о Морском Генеральном штабе // *С берегов Америки. Юбилейный исторический сборник Общества русских морских офицеров в Америке 1923—1938* / Под ред. С.В. Гладкого и Ю.К. Дворжицкого. Нью-Йорк, 1939. С. 255—271; *Кононов И.А.* Пути к голгофе русского флота (исторический очерк). Нью-Йорк, 1961; *Ненюков Д.В.* От Мировой до Гражданской войны: Воспоминания. 1914—1920 / Публ. А.В. Посадского. М., 2014; *Кедров М.А.* Моя автобиография. 1878—1933 гг. / Публ. Д.Ю. Козлова, Л.И. Петрушевой, В.А. Болтрукевича. М., 2020.

³ *Монаков М.С., Родионов Б.И. и др.* Главный штаб ВМФ... С. 36.

⁴ Цит. по: *Кондратенко Р.В.* Морская политика России... С. 137.

⁵ Свод морских постановлений. Кн. 1. СПб., 1887. С. 8—9.

⁶ *Кондратенко Р.В.* Морская политика России... С. 263.

В июне 1888 г. Иван Фёдорович развил свой проект в статье «Служба генерального штаба во флоте», анонимно опубликованной в журнале «Русское судоходство»⁷. Важнейшей функцией МГШ должно было стать «заблаговременное изучение и составление стратегических планов ведения войны... в случае разрыва и столкновения с каждым из морских и приморских государств, которое может сделаться нашим противником». По мнению Лихачёва, «недостаток настоящего положения в том и состоит, что, с одной стороны, обязанности, касающиеся “подготовки к войне”, не выяснены и не разграничены довольно точно и подробно, а с другой, — что нет особенного, специального для этой цели персонала». И хотя подобных органов управления не существовало ни в одном флоте, «ничто не мешает нам сделать первый шаг и показать пример хорошего порядка и устройства. Нужно только небольшое усилие патриотизма и веры в самих себя, в собственный разум и здравый смысл»⁸.

Однако идея создания МГШ встретила весьма прохладный приём со стороны управляющего Морским министерством адмирала И.А. Шестакова, который рассчитывал свести реорганизацию к расширению функций военно-морского учёного отделения. С особым скепсисом он отнёсся к притязаниям Лихачёва на пост начальника нового штаба. Кроме того, на фоне кампании по минимизации расходов в первые годы царствования Александра III расширение центрального аппарата министерства выглядело явно неуместным. В 1880-х — начале 1890-х гг., когда морские силы были немногочисленны, учёного отделения было достаточно для выполнения функций «генерального штаба флота». В случае конфликта с первоклассной державой России пришлось бы ограничиться обороной важнейших пунктов побережья и организацией «крейсерских операций» на океанских коммуникациях неприятеля. И хотя к концу XIX в. Россия уступала по количеству боевых кораблей основных классов лишь Великобритании и Франции, первая попытка создания полноценного органа стратегического управления флотом была предпринята только осенью 1902 г.

В отчёте о военно-морской стратегической игре «Занятие русскими силами верхнего Босфора», проведенной в Николаевской морской академии⁹, говорилось о необходимости заблаговременной разработки плана применения флота. В ноябре 1902 г. помощник начальника Главного морского штаба контр-адмирал А.А. Вирениус представил управляющему Морским министерством адмиралу П.П. Тыртову доклад об учреждении особого оперативного отделения. Он отмечал, что «разработка планов войны наказом по управлению Морским министерством вменена в обязанность военно-морскому учёному отделу, но до сего времени таковые работы в отделе не производились»¹⁰. Программу деятельности проектируемого отделения составил лейтенант А.Н. Щеглов, считавший, что «отсутствие плана войны должно иметь те же последствия, как и отсутствие боевого расписания корабля»¹¹. Обратившись к опыту интенсивного развития «сухопутной» стратегии на рубеже XIX—XX вв., он обосновал поня-

⁷ В 1912 г. работа И.Ф. Лихачёва с комментариями Г.А. Леера была опубликована в «Морском сборнике» и издана Морским министерством отдельной брошюрой.

⁸ Лихачёв И. Служба генерального штаба во флоте // Морской сборник. 1912. № 11. С. 57—60.

⁹ Домошенкин С.В., Куликов С.В., Лепав В.Н. «Для успешности действий русской эскадры необходимо иметь возможно полные сведения». Место и роль военно-морской географии и военно-морской статистики в стратегических играх Николаевской морской академии // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 22.

¹⁰ Цит. по: Пантелеев Ю. Указ. соч. Ч. I. С. 51—52.

¹¹ Цит. по: Симоненко В.Г. Морской генеральный штаб России... С. 24.

тия «оперативного плана», «плана сосредоточения», а также мобилизационных плана и расписания¹².

Однако Тыртов согласился лишь на временное усиление с 1 января 1903 г. существовавшего военно-морского учёного отделения двумя штаб-офицерами. Проекты создания оперативного отделения в Главном морском штабе и в портах, за которые, в частности, ратовал главный командир Кронштадта вице-адмирал С.О. Макаров, обсуждались в министерстве почти год¹³. Дело сдвинулось только после начала русско-японской войны. 2 февраля 1904 г. Николай II утвердил постановление Государственного совета об учреждении стратегической части военно-морского учёного отделения (из 12 офицеров) и оперативных отделений в штабах главных военных портов в Кронштадте, Севастополе и Порт-Артуре (по три офицера в каждом). 16 февраля заведующим стратегической частью был назначен капитан 1-го ранга Л.А. Брусилов¹⁴. Однако эти запоздалые и паллиативные меры не смогли обеспечить должного качества подготовки флота и управления им в военное время. Достаточно сказать, что «план сосредоточения» был в общих чертах намечен только для Балтийского театра. В августе 1904 г., после откомандирования от штаба Брусилова, его должность оставалась вакантной в течение полутора лет, и деятельность данного подразделения фактически прекратилась.

Флотская корпорация была почти единодушна в том, что это стало одной из важнейших причин катастрофы на Дальнем Востоке. Так, старший лейтенант М.В. Казимиров, читавший в Николаевской морской академии курс военно-морской администрации, в 1912 г. отмечал: «Отсутствие настоящего плана войны и, как следствие этого отсутствия, неправильный выбор операционной базы, неясное разграничение прав и обязанностей органов центрального управления и командующих морскими вооружёнными силами и неподготовленность флота к активным действиям характеризуют положение дел в период до и во время русско-японской войны. Всё вышеизложенное неизбежно привело к мысли о необходимости коренных реформ во флоте вообще и в службе штаба в частности»¹⁵. Морской министр адмирал И.К. Григорович констатировал: «Если такой штаб (МГШ. — Д.К.) был бы до 1903 года, мы, пожалуй, не сунулись бы драться с японцами, а если и начали войну, то подготовка, вероятно, была бы другая, и постройка судов, и стрельба была бы другая, а не то, когда требовалось выпустить в год не больше 15 снарядов учебных на орудие»¹⁶. Контр-адмирал И.А. Кононов на склоне лет писал, что «до русско-японской войны... в Морском министерстве не было органа, который вёл бы оперативную работу и создавал планы войны, подготовлял бы театры военных действий и составлял бы программы судостроения»¹⁷.

Впрочем, схожие проблемы в организации стратегического планирования имели место и в других странах. В Великобритании за него отвечал первый морской лорд, активно подключавший к данной работе постоянный состав Королевского военно-морского колледжа в Портсмуте. Сведения о потенциа-

¹² Грибовский В.Ю. Российский флот Тихого океана 1898—1905. История создания и гибели. М., 2004. С. 56.

¹³ Грибовский В.Ю. Флот в русско-японской войне 1904—1905 гг. Ч. I. СПб., 1997. С. 15—16.

¹⁴ Кондратенко Р.В. Заметки о предыстории Морского генерального штаба. С. 147.

¹⁵ Казимиров М. Морской генеральный штаб // Морской сборник. 1912. № 9. Неофиц. отдел. С. 65.

¹⁶ Цит. по: Симоненко В.Г. Для стратегического управления флотом... С. 87.

¹⁷ Кононов И.А. Указ. соч. С. 20.

ных противниках добывались и обобщались разведывательным департаментом Адмиралтейства. В «Ежемесячнике Морского генерального штаба» за ноябрь 1909 г. указывалось, что «благодаря такому разделению работы по составлению плана войны и подготовке его к исполнению в трёх учреждениях, из коих одно даже не находится в столице, да к тому же не являлось ответственным за результат своих работ, дело подготовки очевидно находилось в весьма плачевном состоянии»¹⁸. Для составления стратегического плана 1908 г., известного как «план Бэлларда», первый морской лорд адмирал Д. Фишер сформировал специальный комитет во главе с руководителем морской разведки¹⁹. Только осенью 1909 г. эти функции были переданы «Военно-морскому мобилизационному департаменту», а в 1912 г. возложены на «военный штаб Адмиралтейства».

В России модернизация центрального аппарата Морского министерства стала уникальным в своём роде примером «реформы снизу». По наблюдению К.Б. Назаренко, «вопрос о создании органа оперативно-стратегического руководства флотом больше всего интересовал молодых морских офицеров, в отличие от высших руководителей ведомства, пытавшихся начать реформирование с хозяйственно-технических учреждений»²⁰. Действительно, «верхний этаж» ведомства в силу ряда причин — от «искреннего заблуждения, вызванного незавершённостью адаптации личности в условиях модернизации общества», до «эгоистического желания любыми средствами сохранить свой служебный статус» — не спешил с модернизацией центральных органов управления²¹. Носителями реформаторских идей выступили офицеры, глубоко уязвленные поражением от второстепенной морской державы, — А.Д. Бубнов, П.В. Гельмерсен, Б.Б. Жерве, М.А. Кедров, А.В. Колчак, В.К. Пилкин, М.М. Римский-Корсаков, В.Н. Черкасов, Г.К. фон Шульц и др. Именно эти сравнительно молодые люди, получившие на флоте прозвище «младотурок», стали движущей силой преобразований²² и, по наблюдению современника, смогли «вдохнуть живой дух в убитый морально личный состав»²³.

В декабре 1905 г. известный публицист, полковник морской артиллерии В.А. Алексеев, более известный под псевдонимом «Брут», высказал идею учреждения «Инспекции боевой готовности флота», являвшейся, по существу, функционально суженным аналогом будущего МГШ²⁴. Наиболее систематизированный и аргументированный проект представил лейтенант А.Н. Щеглов, один из основателей «Общества младших офицеров флота»²⁵. В работе

¹⁸ Цит. по: *Невский А.В.* Гибель эскадры вице-адмирала М. фон Шпее // *Гангут*. 2007. Вып. 41. С. 100.

¹⁹ *Лихарев Д.В.* Флот и военно-морское ведомство Великобритании на пути к Первой мировой войне. 1900—1914. СПб., 2021. С. 272—274.

²⁰ *Назаренко К.Б.* «Мозг» флота России... С. 49.

²¹ См. подробнее: *Седых Д.А.* Искупление греха (поражение как фактор реформирования флота в 1905—1914 гг.) // *Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. Материалы Третьих международных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и научной конференции «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург — Кронштадт, 21—24 октября 2007 г.)*. М.; СПб., 2007. С. 179—182.

²² *Ненюков Д.В.* Указ. соч. С. 31; *Кедров М.А.* Указ. соч. С. 24.

²³ *Апрелев Б.* Указ. соч. С. 29.

²⁴ *Назаренко К.Б.* «Мозг» флота России... С. 11, 50.

²⁵ Общество младших офицеров флота (с февраля 1906 г. — Санкт-Петербургский военно-морской кружок) было образовано осенью 1905 г. Его председателем стал капитан 2-го ранга М.М. Римский-Корсаков (в 1908 г. его сменил капитан 2-го ранга А.В. Колчак), вице-председателями — лейтенанты В.К. Пилкин и А.Н. Кирилин, казначеем — лейтенант А.Н. Щеглов, секретарем — лейтенант А.Н. Кирилин.

«Стратегический обзор русско-японской войны» он рассмотрел ход событий в Жёлтом и Японском морях, вскрыл недостатки в подготовке флота, выявил принципиальные ошибки командования и проанализировал их последствия. Главную причину поражения Александр Николаевич справедливо усмотрел в несостоятельности существовавшей системы управления: «Флот погиб от дезорганизации, и в этом всецело вина Главного морского штаба, которому по праву принадлежит 90% неудач нашего флота»²⁶. Суть задуманной им реформы Щеглов изложил в приложенной к «Стратегическому обзору» записке «О реорганизации Главного морского штаба», где реанимировалась «лихачёвская» идея создания МГШ. Вскоре эти документы, объединённые под заголовком «Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны»²⁷, благодаря содействию влиятельного начальника морской походной канцелярии царя капитана 1-го ранга гр. А.Ф. Гейдена²⁸ были доложены Николаю II и им одобрены²⁹.

Любопытно, что на допросе в Иркутске в 1920 г. адмирал Колчак присвоил авторство этой записки себе, точнее, возглавляемой им группе офицеров³⁰. Это возмутило Щеглова, который, уже находясь в эмиграции, писал Григоровичу: «Морской генеральный штаб был создан по моей мысли и моей записке»³¹. В ответе на заметку автора «Морского журнала», скрывавшегося за инициалами Б.М. и упомянувшего «составителей проектов Генерального штаба»³², Александр Николаевич ещё раз напомнил: «Не было ни составителей, ни проектов, а был лишь один проект, инициатива и труд составления и проведения которого принадлежат единолично мне... Многие годы молча глядев на то, как мои труды приписывались не мне, а иным лицам, я в настоящее время, находясь уже на склоне моей жизни, считаю своим долгом для морской летописи восстановить историческую правду»³³. Поддержал Щеглова и член Парижского военно-морского исторического кружка капитан 2-го ранга Н.С. Чириков: «Составителем осуществлённого по своему единоличному почину проекта соз-

рем — лейтенант Е.А. Беренс. Действительными членами состояли лейтенанты Г.К. фон Шульц, А.Н. Воскресенский, М.А. Кедров, Н.Л. Подгурский, А.В. Колчак, Н.Н. Шрейбер, П.В. Гельмерсен, М.И. Никольский, А.П. Зеленой, В.Н. Черкасов, С.Н. Власьев, А.К. Петров, Е.Н. Мандражи, А.В. Виттефт, В.И. Руднев, Н.В. Кротков, А.В. Домбровский, В.К. Де-Ливрон, С.А. Невражин, граф А.Г. Кейзерлинг, мичман В.В. Виттефт, инженер-механики Н.В. Афанасьев, В.А. Винтер, корабельный инженер Н.Н. Кутейников (*Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906—1914. СПб., 2006. С. 53*).

²⁶ [Щеглов А.Н.] Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны. Ч. I. [СПб., 1906.]. С. 24.

²⁷ О глубине предложенных Щегловым идей и качестве их аргументации говорит то, что в 1941 г., в период становления самостоятельного Народного комиссариата Военно-морского флота, данная работа была переиздана отдельной книгой.

²⁸ Гейден, по свидетельству Н.В. Саблина, был «товарищ детства государя, которому его величество говорил “ты”» (*Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт»*. СПб., 2008. С. 52).

²⁹ ГА РФ, ф. Р-5970, оп. 1, д. 141, л. 4; Щеглов А.Н. Предисловие к материалам истории Морского генерального штаба // Цитадель. 1998. № 1(6). С. 58—59.

³⁰ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака Чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января — 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Т. X. Берлин, 1923. С. 192.

³¹ ГА РФ, ф. Р-5970, оп. 1, д. 141, л. 4.

³² Б.М. Морской генеральный штаб // Морской журнал. 1928. № 4. С. 9.

³³ Щеглов А.Н. К истории возникновения Морского генерального штаба (Письмо в редакцию) // Морской журнал. 1928. № 6/7. С. 17, 20.

дания Морского генерального штаба был молодой в ту пору... лейтенант Александр Николаевич Щеглов... Автор проекта проявил необыкновенное упорство и настойчивость, чтобы добиться осуществления изложенного им на бумаге». Роль членов кружка, который упоминал на допросе Колчак, ограничивалась «лишь тем, что, выслушав чтение содержания записки и составленного проекта, присутствующие единогласно постановили представить морскому министру их мнение о необходимости создания Морского генерального штаба»³⁴.

В своём проекте Щеглов изложил и обосновал структуру МГШ, состав и функции его стратегического и мобилизационного отделов. В первом предполагалось образовать четыре отделения (оперативное, иностранной и русской статистики, архивно-историческое и особое разведочное бюро), во втором — отделения личного состава и материальных средств. В распоряжение начальника штаба в чине вице- или контр-адмирала предполагалось передать 10 штаб-офицеров, 30 обер-офицеров и необходимый вспомогательный персонал³⁵. Александр Николаевич призывал подчинить начальника МГШ непосредственно императору, предоставив ему независимость от морского министра, а по выражению Чирикова, поставив главу МГШ «отчасти как бы над морским министром»³⁶. Вероятно, это насторожило управляющего министерством вице-адмирала А.А. Бирилёва, который, по свидетельству современника, не был противником проекта, но искал «веских оснований, логичности, фактов и твёрдой почвы для направления представления об основании МГШ»³⁷.

Не поддержал генштабовского «сепаратизма» и многоопытный адмирал З.П. Рожественский, отвергший идею разделения морских сил на три независимые части: генеральный штаб, который «думает», плавающий флот, который «действует», и министерство, которое «обслуживает». Он полагал, что независимость нужна начальнику штаба лишь тогда, когда министром является гражданский политик, представляющий партию парламентского большинства. При этом заслуга составителя проекта заключалась, по его мнению, в «весьма талантливом приспособлении... к морской обстановке деталей по организации оперативной работы в Главном штабе сухопутного ведомства»³⁸. Зиновий Петрович, отдадим адмиралу должное, в целом поддержал проект³⁹, в котором наиболее жёстко критиковался именно возглавлявшийся им Главный морской штаб.

В пользу создания МГШ высказался и Брусилов, полагавший, что существование самостоятельного органа стратегического планирования позволит повысить эффективность взаимодействия морского ведомства с другими государственными институтами, причастными к обороне империи. Он предупреждал, что «если стратегическая часть останется на прежнем положении, то сношения с некоторыми другими министерствами, напр[имер], военным, иностранных дел, будут весьма затруднительными, так как положение этой части явится крайне неопределённым, да и управления Морского министерства будут эту часть совершенно игнорировать, как это было до сих пор». Лев Алексеевич

³⁴ РГА ВМФ, ф. Р-2246, оп. 1, д. 115, л. 11.

³⁵ [Щеглов А.Н.] Значение и работа штаба... Ч. II. Объяснительная записка о реорганизации Главного морского штаба. С. 54.

³⁶ РГА ВМФ, ф. Р-2246, оп. 1, д. 115, л. 10.

³⁷ Давидович-Нащинский В.Н. Письмо в редакцию // Морской журнал. 1928. № 8. С. 15—16.

³⁸ Рапорт генерал-адъютанта вице-адмирала Рожественского морскому министру от 7 февраля 1906 г. // [Щеглов А.Н.] Значение и работа штаба... Ч. I. С. 56.

³⁹ Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб., 1999. С. 269.

даже представил на усмотрение морского министра кандидатуры офицеров будущего штаба (пять капитанов 2-го ранга и 11 лейтенантов), которых следовало «освободить от всяких посторонних занятий»⁴⁰.

Обсуждение проекта на разных уровнях шло около четырёх месяцев и сопровождалось изошрёнными аппаратными играми⁴¹. Наконец, 22 апреля 1906 г. на совещании в Морском министерстве при участии 14 адмиралов, 11 штаб- и двух обер-офицеров было принято решение приступить к формированию штаба, а его функции и штат определить в течение месяца. Спустя два дня Николай II подписал рескрипт на имя Бирилёва, где, в частности, говорилось: «Все усилия личного состава флота и все затраты, которые будут делаемы государством для постройки и боевой подготовки флота, тем не менее могут остаться тщетными, доколе в деле его устройства не будут положены новые начала, обеспечивающие правильную, целесообразную работу всего морского ведомства»⁴². Тогда же исправляющим должность начальника штаба был назначен Брусилов⁴³. Из-за нелепой ошибки, допущенной гр. Гейденом «по недомыслию», рескрипт вместо МГШ предписывал создать Управление Морского генерального штаба. Поэтому Бирилёву и Брусилову пришлось обращаться с просьбой «всемилоостивейше исправить ошибку», и 5 июня 1906 г. Николай II подписал указ о переименовании «вновь образованного в составе Морского министерства учреждения»⁴⁴. Одновременно был высочайше утверждён «Наказ Морскому генеральному штабу»⁴⁵.

Примечательно, что мобилизационные вопросы находились в ведении Генерального и Главного штабов, но чётких границ ответственности проведено не было⁴⁶. Как показал опыт, это не способствовало повышению мобилизационной готовности флота. В 1910—1911 гг. обсуждался проект передачи в ведение МГШ всего «мобилизационного дела», однако против выступил его начальник вице-адмирал А.А. Эбергард, полагавший, что оно излишне отяготит орган стратегического управления⁴⁷.

По сравнению с проектом Щеглова первый временный штат МГШ был сокращен на две трети и состоял из контр-адмирала⁴⁸, шести штаб- и восьми обер-офицеров. В составе штаба оказался цвет русской «молодой школы»: по-

⁴⁰ Докладная записка капитана 1-го ранга Л.А. Брусилова морскому министру вице-адмиралу А.А. Бирилёву о необходимости создания Морского генерального штаба и предложение по персональному составу офицеров для работы в данном учреждении // А.В. Колчак, 1874—1920: сборник документов. В 2 т. Т. 1: А.В. Колчак: от кадета до флотоводца, 1874—1918 / Сост. П.Ю. Мажара, Л.И. Спиридонова. СПб., 2021. С. 171.

⁴¹ См. подробнее: *Щеглов А.Н.* Предисловие к материалам истории Морского генерального штаба. С. 56—63.

⁴² Сборник приказов и циркуляров о личном составе чинов Морского ведомства. СПб., 1906. № 16.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству. № 22. Июнь 1906 г. // Собрание узаконений, постановлений и других распоряжений по Морскому ведомству за 1906 год. СПб., 1907. С. 609—610.

⁴⁵ Указатель правительственных распоряжений по Морскому ведомству. № 27. Август 1906 г. // Там же. С. 808—813.

⁴⁶ См. подробнее: *Цветков И.Ф.* Организационно-мобилизационные органы... С. 176—181.

⁴⁷ *Назаренко К.Б.* «Мозг» флота России... С. 138.

⁴⁸ До Первой мировой войны МГШ возглавляли Л.А. Брусилов, А.А. Эбергард, А.А. Ливен, А.И. Русин (с 17 апреля 1914). (См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 255.)

мощником начальника штаба был назначен капитан 2-го ранга А.В. Шталь, начальниками 1-го (Балтийского), 2-го (Черноморского) и 3-го (Тихоокеанского) оперативных отделений — лейтенант Щеглов, капитаны 2-го ранга М.И. Каськов и М.М. Римский-Корсаков, отделение иностранной статистики возглавил капитан 2-го ранга Л.Б. Кербер, русской статистики — лейтенант Колчак⁴⁹. Весьма существенно, что окончание Николаевской морской академии не являлось обязательным условием назначения в МГШ, а его офицеры не имели преференций по службе и особым знакам отличия. Они являлись элитой офицерского корпуса флота, но, в отличие от состоявших в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ), не стали обособленной кастой. В результате, как отмечал служивший в МГШ накануне и в годы Великой войны П.Е. Стогов, «не произошло раскола между действующим флотом и штабом, который избежал опасности... оторваться от флота»⁵⁰.

Руководству морского ведомства удалось избежать и куда более существенных перегибов и ошибок, которыми сопровождалось реформирование центральных учреждений Военного министерства. 21 июня 1905 г. ГУГШ было подчинено непосредственно императору⁵¹. *De facto* подобный статус имели и генерал-инспекторы родов войск — члены царствующей династии. В результате было утрачено единство управления армией: за Военным министерством осталось решение административно-хозяйственных вопросов, включая использование кредитов, за ГУГШ — планы применения и подготовка войск. Однако на практике возникли трения, несогласованность действий, дублирование функций и отправка в военные округа противоречащих друг другу директивных указаний. Зачастую инициативы начальника ГУГШ, даже одобренные Советом государственной обороны (СГО)⁵², под различными предложениями (главным образом из-за недостатка средств) блокировались министром. В результате, как заявил председатель думского комитета по обороне А.И. Гучков, СГО и ГУГШ «разделили власть военного министра, обессилили и обезличили его»⁵³. Поэтому в ноябре 1908 г. Главное управление было возвращено в состав министерства, в декабре следующего года его начальник лишился права личного доклада императору, а на министра вновь возложили обязанности по генерал-инспекторской части.

В морском ведомстве идея «выпячивания» МГШ и формирования системы военно-морского управления по германской модели⁵⁴ была своевременно

⁴⁹ Смирнов М. Указ. соч. С. 60.

⁵⁰ Стогов П.Е. Указ. соч. С. 256.

⁵¹ Генеральный штаб российской армии: история и современность. М., 2006. С. 85.

⁵² Совет государственной обороны — надведомственный коллегиальный орган, предназначенный для «объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования её с деятельностью других правительственных учреждений по вопросам, относящимся к безопасности государства» (О Совете государственной обороны. (Высочайше утверждено 8-го июня 1905 года) // Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права). М., 1996. С. 51—52). Учреждён 8 июня 1905 г. и подчинялся непосредственно царю, работал под руководством председателя — вел. кн. Николая Николаевича. В состав Совета входили шесть постоянных членов по выбору императора и «непременные члены по занимаемым должностям» (военный министр, управляющий Морским министерством, начальники Главного штаба, Главного морского штаба и генерал-инспекторы «родов оружия»). Прекратил работу после увольнения вел. кн. Николая Николаевича от должности председателя 26 июля 1908 г., упразднён 12 августа 1909 г.

⁵³ Цит. по: Двухсотлетие Военного министерства. 1802—2002 гг. Очерки истории Военного министерства. М., 2003. С. 246.

⁵⁴ Большой (или главный) генеральный штаб, существовавший в Германии наряду с войсковым и крепостным генеральными штабами, не зависел от военного министерства. Его

заблокирована. В конце 1906 г. в походной военно-морской канцелярии императора под руководством гр. Гейдена был разработан проект разделения ведомства на две независимые части — собственно министерство и МГШ. При этом командующие Балтийским и Черноморским флотами и Сибирской флотилией переподчинялись непосредственно императору. Фактически речь шла о замене министра пятью морскими начальниками, подчинёнными напрямую верховной власти. В свою очередь, это должно было заметно усилить позиции Гейдена, которого поддержали Брусилов и большинство офицеров МГШ⁵⁵. Здесь просматривается очевидная аналогия с Германией, где подобные функции выполнял императорский морской кабинет во главе с адмиралом генерал-адъютантом Г. фон Мюллером, который бессменно состоял в должности с 1906 по 1918 г. и являлся одной из влиятельнейших персон в военно-морском истеблишменте Второго рейха⁵⁶. Будучи, по определению Э. Редера, «доверенным советником кайзера»⁵⁷, он продержался при четырёх статс-секретарях имперского морского ведомства (морских министрах) и восьмерых начальниках адмирал-штаба. Вместе с шефами военного (генерал М. фон Линкер) и гражданского (Р. фон Валентини) кабинетов Г. фон Мюллер, по выражению генерала К. фон Эйнема, возвёл вокруг кайзера «китайскую стену» и фактически узурпировал доступ к Вильгельму II и влияние на него⁵⁸.

Проект гр. Гейдена обсуждался в кругу авторитетных военно-морских деятелей под председательством Николая II. Бирилёв, поддержанный адмиралами Ф.В. Дубасовым и Е.И. Алексеевым, высказался категорически против столь вопиющего нарушения принципа воинского единоначалия. Свою точку зрения министр мотивировал тем, что «его величество фактически будет не в состоянии в своём лице объединить раздробленные самостоятельные единицы». Царь был склонен поддержать графа, но, встретив такое сопротивление, отступил. Есть основания полагать, что «дерзкая пикировка» министра с императором на этом совещании стала одной из причин отставки Бирилёва в январе 1907 г.⁵⁹

Таким образом, учреждение в России МГШ стало следствием не только объективной потребности в модернизации системы управления флотом на стратегическом уровне, что совершенно справедливо подчёркивается в историографии, но и стремления «младотурок» институализировать свое влияние на принятие и реализацию ключевых решений в области строительства и приме-

начальник, единолично отвечая за разработку планов подготовки и применения сухопутной армии, подчинялся непосредственно кайзеру. То же в значительной мере относилось и к адмирал-штабу (Морскому генеральному штабу). О его функциях подробнее см.: *Жерве Б.* Германия и её морская сила // Морской сборник. 1914. № 9. С. 146—179; *Hubatsch W.* Der Admiralstab und die obersten Marinebehörden in Deutschland 1848—1945. Frankfurt, 1958.

⁵⁵ Протоколы допроса адмирала А.В. Колчака... С. 194.

⁵⁶ *Diercks W.* Der Einfluß der Personalsteuerung auf die Seekriegführung 1914 bis 1918 // *Deutsche Marinen im Wandel. Vom Symbol nationaler Einheit zum Instrument internationaler Sicherheit* / Hrsg. von W. Rahn. München, 2005. S. 238—239; [Müller G., von.] *Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe des Chefs des Marine-Kabinetts Admiral Georg Alexander von Müller 1914—1918.* Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1959.

⁵⁷ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха 1935—1943 / Пер. с нем. В.Д. Кайдалова. М., 2004. С. 30.

⁵⁸ *Ланник Л.В.* Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914—1921 гг. СПб., 2015. С. 222—225.

⁵⁹ См. подробнее: *Алексеев Ю.А., Будко А.А., Галанов М.М. и др.* 300 лет военной истории Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 213; *Цветков И.Ф.* Организационно-мобилизационные органы... С. 178—179.

нения военно-морского флота. Эта попытка казалась в 1906 г. успешной, однако уже через три-четыре года офицерский состав генмора был почти полностью обновлён. Как писал Щеглов, «в бытность морским министром адмирала Воеводского из Морского Генерального штаба были разными способами удалены офицеры, служившие там с основания, и, как мне лично говорил адмирал Эбергард, он получил приказание С.А. Воеводского *вытравить* (выделенное курсивом слово подчёркнуто в оригинале. — Д.К.) из МГШ офицеров первого состава»⁶⁰. Причину этого, по справедливому замечанию В.Ю. Грибовского, следует искать в «борьбе некоторых министров с собственным генмором»⁶¹. Как писал хорошо информированный современник, «большинство старых адмиралов, стоявших у власти, критически относилось к начинаниям Морского генерального штаба»⁶².

Реформаторского импульса «отцов-основателей» МГШ хватило лишь на несколько лет. Согласно периодизации становления данного учреждения, предложенной Д.А. Седых, на смену первичной интеграции скоро пришла консервативная стабилизация⁶³. Уже в 1909 г. главную роль в стратегическом планировании — а именно оно, по замыслу создателей МГШ, являлось его главной функцией — стали играть начальники морских сил Балтийского и Чёрного морей, в штабах которых были созданы оперативные отделения⁶⁴. А с началом Первой мировой войны МГШ, кадрами которого были укомплектованы военно-морские управления при Ставке и штабе 6-й армии, был фактически исключён из контура управления действующим флотом⁶⁵.

⁶⁰ ГА РФ, ф. Р-5970, оп. 1, д. 141, л. 5.

⁶¹ Грибовский В.Ю. Флот в эпоху Николая II // Морской сборник. 1995. № 12. С. 88.

⁶² Ненюков Д.В. Указ. соч. С. 31.

⁶³ Седых Д.А. Создание морского генерального штаба... С. 227.

⁶⁴ РГА ВМФ, ф. 757, оп. 1, д. 49, л. 1—9; Памятная книжка Морского ведомства на 1914—1915 г. Испр. по 1 июля 1914 г. СПб., 1914. С. 16; Указ его императорского величества, самодержца всероссийского из Правительствующего Сената морскому министру, № 9824, 2 сентября 1908 г. // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 2. Калининград, 1999. С. 95, 96; Смирнов М. Указ. соч. С. 76.

⁶⁵ РГА ВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 63, л. 2—5; ф. Р-1529, оп. 2, д. 51, л. 5—6; Шталь А. Совместная работа высшего морского и верховного командования России в мировую войну // Военная мысль и революция. 1924. Июнь—июль. С. 127—129; Крюков В., Кожевников М. Оперативные органы в русском и советском флоте (1905—1941 гг.) // Морской сборник. 1989. № 12. С. 15—19; Симоненко В.Г. Морской генеральный штаб... С. 24—29.

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С.Ю. Витте в политической жизни России конца XIX — начала XX в.

Даниил Русин

Empress Dowager Maria Feodorovna and S.Yu. Witte
in the political life of Russia in the late 19th — early 20th century

Daniil Rusin

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016253-9

С.Ю. Витте, безусловно, был одним из наиболее ярких и крупных государственных деятелей царствования Николая II. Как утверждали Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин, «все значительные преобразования в экономике и политической жизни России этих лет так или иначе связаны с его именем»¹. Неудивительно, что исследователи не раз анализировали разнообразные стороны его деятельности, а также конфликты и контакты с современниками².

Однако его отношения с вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной до сих пор не привлекали внимания историков. Между тем в своих мемуарах в августе 1907 г. Сергей Юльевич писал, что в 1890-е гг. Николай II находился «под полным влиянием императрицы-матери»³. В мае 1911 г., диктуя воспоминания «о посторонних влияниях на императора Николая II», Витте отметил, что «в первые годы его царствования доминирующее влияние на него имела императрица-мать, но влияние это было непродолжительно»⁴. Уже на рубеже веков она «постепенно начала терять всякое влияние на своего сына», которого «уговаривала... не травить финляндцев»⁵. Как же складывалось тогда её взаимодействие с министром, явно претендовавшим на ведущую роль в правительстве?

Работая над мемуарами, Витте говорил, что императрица относилась к нему при жизни Александра III сначала «весьма милостиво», а после женитьбы в 1892 г. на М.И. Лисаневич — «довольно сдержанно и сухо». Тем не менее в конце октября 1894 г. она приняла Сергея Юльевича «очень ласково» и даже сказала ему, что его «очень любил» её покойный супруг⁶. Брак с женщиной, только что получившей развод, выглядел тогда совершенно скандально, «в то время на это смотрели как на нечто исключительное, вообще это не

© 2021 г. Д.О. Русин

¹ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 394.

² Из работ последнего времени см., в частности: Проблемы реформирования России на рубеже XIX—XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте. Сборник статей. СПб., 2018.

³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукьянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 97.

⁴ Там же. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 398—399.

⁵ Там же. Т. 2. С. 73.

⁶ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 393.

допускалось»⁷. Витте, едва назначенный управляющим Министерством путей сообщения, даже подал прошение об отставке, однако этим лишь укрепил доверие к себе Александра III и не только не лишился должности, но и возглавил через несколько месяцев более крупное и влиятельное финансовое ведомство. Тем не менее его супругу по-прежнему не приглашали ко двору. Более того, по свидетельству В.Б. Лопухина, «ей одной из всех жён министров упорно в этом отказывалось»⁸. Даже близкий к Марии Фёдоровне гр. С.Д. Шереметев осуждал её предвзятость к Матильде Витте. 20 февраля 1901 г. граф записал в дневнике: «Это несправедливо и не политично. Для пользы дела нахожу, что нужно следовать другой политике — тем более, что при всех недостатках характера и воспитания Витте — самородок необыкновенного ума... он может быть обаятелен»⁹.

В конце 1901 г. М.И. Витте даже отправила вдовствующей императрице письмо, в котором эмоционально изображала своё положение: «Судьба моего ребёнка беспокоит и мучает меня, я не могу без отчаяния думать не только о том, что я являюсь причиной остракизма, которому может быть подвержена моя бедная маленькая девочка, но и о том, что однажды она может узнать, что именно благодаря её матери мы одни исключены из числа тех, кто имеет счастье быть представленными (ко двору). Именно к Вашему материнскому сердцу, к Вашей справедливости и к Вашей неизменной снисходительности я взываю, чтобы умолить Вас принять меня с моей дочерью»¹⁰.

Редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут, ссылаясь на кн. Г.Д. Шервашидзе, заведовавшего двором вдовствующей императрицы, рассказывал генеральше А.В. Богданович, что ответа на ходатайство жены министра финансов не последовало. Тогда Сергей Юльевич «выхлопотал себе аудиенцию», на которой заявил, что «расстроен» письмом супруги и не допустил бы его отправки, если бы узнал о нём раньше. Вместе с тем он осторожно пытался выяснить, нет ли возможности со временем исполнить её желание. Но Мария Фёдоровна, ссылаясь на волю Александра III, категорически отказала в данной просьбе, несмотря на всё красноречие своего собеседника, который ей весьма импонировал¹¹.

Со своей стороны, Витте избегал столкновений со вдовствующей императрицей. Так, после отставки 14 декабря 1894 г. министра путей сообщения А.К. Кривошеина он хотел провести на освободившееся место А.П. Иващенко-

⁷ Там же. С. 233—234.

⁸ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента иностранных дел / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб., 2008. С. 104.

⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 2, д. 9, л. 30.

¹⁰ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 1168, л. 1—2.

¹¹ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 273—274. Сам Витте 30 декабря 1901 г. сообщил А.А. Половцову об этих объяснениях несколько иначе. Не упоминая о письме жены, он представил дело так, будто узнал от Е.А. Нарышкиной о желании вдовствующей императрицы допустить ко двору дочь М.И. Витте от первого брака, но без её матери. При этом также говорилось, будто сам министр, «испрашивая у покойного государя разрешение жениться, обязался никогда не просить о представлении ко двору жены». На аудиенции, по этой версии, Витте лишь доказывал, что «никаких условий» Александр III ему не ставил, а И.А. Вышнеградский ничего на сей счёт не передавал, не выполнив соответствующее поручение Марии Фёдоровны. Разумеется, сановник считал предложение, якобы сделанное его падчерице, оскорбительным и даже утверждал, что в случае согласия «отрёкся бы от неё» (Половцов А.А. Дневник. 1893—1909 / Публ. О.Ю. Голечковой. СПб., 2014. С. 317).

ва, являвшегося тогда товарищем министра финансов. Однако в последний момент Сергей Юльевич поддержал кандидатуру главного инспектора железных дорог кн. М.И. Хилкова, поскольку к нему «крайне благосклонно» относилась Мария Фёдоровна. Ещё во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. князь сформировал за свой счёт санитарный поезд, который взяла тогда под своё покровительство цесаревна. Позднее она часто встречалась с кн. Хилковым и не скрывала своего расположения¹².

Впрочем, кн. Хилков всё же устраивал Витте гораздо больше, нежели другой претендент — М.И. Кази, которому «протезировал» вел. кн. Александр Михайлович¹³. В других же случаях рассчитывать на сочувствие главы финансового ведомства Мария Фёдоровна могла далеко не всегда. В августе 1895 г. она просила Николая II простить долги (достигавшие 474 тыс. руб.) и выдать миллионную ссуду мужу кн. О.В. Лопухиной-Демидовой. Сетую на то, «в каком трудном положении сейчас находятся все землевладельцы и дворяне», она напоминала, что «нужно поддерживать дворянство и помогать им, пока не поздно», тогда как «министр финансов обогащает казну за счёт их всех. Вот почему княгиня Лопухина боится, что если ты спросишь Витте, можно ли это всё устроить, он откажет»¹⁴. О скептическом отношении Сергея Юльевича к дворянству современникам было хорошо известно, иногда ему приписывали даже ненависть к помещикам¹⁵. Но в данном случае и Николай II признал, что запросы княгини слишком велики и «*по совести*» (здесь и далее курсивом выделены слова, подчёркнутые в тексте. — *Д.Р.*)... обе просьбы её удовлетворить невозможно». Царь полагал: «Самое большое облегчение, которое ей можно оказать (и то *очень* много!), — это простить долг; но после этого ещё подарить ей миллион — это сумасшествие, — и я, милая мама, именно зная, как незабвенный папа относился к такого рода просьбам, *никогда* на это *не* соглашусь... Хороши были бы порядки в Государственном казначействе, если бы я за спиною Витте (он теперь в отпуску) отдавал бы тому миллион, этой два и т.д.? Таким способом всё то, что было накоплено и что составляет одну из самых блестящих страниц истории царствования дорогого папа, а именно финансы, будут уничтожены в весьма немного лет». Мария Фёдоровна не возражала: «Я была уверена, что невозможно исполнить всё, о чём просят Лопухины. Я сама была ошеломлена, когда она назвала миллион, но можно было бы простить долг, который им ещё осталось заплатить, для них это было бы грандиозно»¹⁶. Больше с подобными просьбами она не обращалась¹⁷.

¹² Подробнее см.: *Андреев Д.А.* Первое министерское назначение Николая II: история принятия решения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2011. № 2. С. 5—10. Диктуя воспоминания, Витте, по сути, приписал инициативу назначения кн. Хилкова себе (хотя и не скрывал, что именно Мария Фёдоровна высказалась против Ивашенкова) (Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 413—416). Между тем ещё в то время, когда Витте рассчитывал на успех своего товарища, кн. А.Б. Лобанов-Ростовский уверял Половцова, что «назначение Хилкова... можно считать делом оконченным». При этом он ссылался на записку, полученную тем от вдовствующей императрицы (*Половцов А.А.* Указ. соч. С. 124).

¹³ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 1. С. 412—413. Подробнее об отношениях Витте с вел. кн. Александром Михайловичем см.: *Андреев Д.А.* Октябрь 1902 г., Крым: феноменология одного кризиса // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 4—16.

¹⁴ Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной. 1894—1917 / Публ. Е.А. Чирковой. М., 2017. С. 36.

¹⁵ См., в частности: *Колышко И.И.* Великий распад / Публ. И.В. Лукоянова. СПб., 2009. С. 128.

¹⁶ Переписка... С. 38—40.

¹⁷ *Боханов А.Н.* Николай II. М., 2002. С. 97.

Между тем Витте, узнав о решении монарха, по словам гр. В.Н. Ламздорфа, всё же попытался «уменьшить долг наполовину, но г-жа Лопухина стала испускать павлиньи крики, заявляя, что нельзя не исполнять императорского обещания; весь долг был списан»¹⁸. Правда, по сведениям А.С. Суворина, министр «стал торговаться с дамой и выторговал у ней 150 тысяч, т.е. дал всего 250 тысяч руб.», после чего «императрица не пускала к себе Витте целых полтора года, узнав об этом поступке»¹⁹. Возможно, вследствие этого Сергей Юльевич в дальнейшем стал более внимателен к её просьбам.

А вдовствующая императрица не раз проявляла живой интерес к нуждам предпринимателей, и прежде всего выходцев из Дании. Как утверждает Ю.В. Кудрина, в России она «постоянно оказывала помощь различного рода датским фирмам, торговцам, коммерсантам, инженерам и агрономам»²⁰. Министр финансов оказывался при этом незаменимым посредником. Так, 12 марта 1899 г. Николай II по докладу Витте удовлетворил ходатайство датского подданного Н.П. Бернгольда об учреждении в России пароходного общества, в котором «капитанами на пароходах в течение первых трёх лет деятельности компании могли служить датские подданные»²¹.

На рубеже веков, в условиях мирового экономического кризиса, Мария Фёдоровна решила поддержать датских предпринимателей, образовавших в 1881 г. в Санкт-Петербурге для управления писчебумажной фабрикой акционерное общество «Паллизен Г.И.». Один из его руководителей П. Берг, ещё в 1850-е гг. переехавший в Россию, а с 1893 г. являвшийся датским королевским консулом, отправил вдовствующей императрице письмо с просьбой о финансовой помощи²². В марте 1900 г. министр финансов подробно изложил ей обстоятельства дела: «Ваше величество знает, что в ноябре 1899 года на основании разрешения императора Государственный банк предоставил дому Паллизенов аванс 2 миллиона рублей помимо кредита около 600 тыс. рублей. Обязательства дома составляют 4,5 миллиона рублей, я должен был высказать мнение, предлагая на рассмотрение Вашему величеству, что денежные трудности, испытанные домом, не могут быть преодолены, несмотря на поддержку, предоставленную при условии, что он продолжит пользоваться старым кредитом от третьих лиц на сумму примерно 2 миллиона. К несчастью, это опасение оправдалось: кредиторы, которым возместили долг, не хотят до сегодняшнего момента возобновлять свои расчёты (с Паллизенами. — *Д.Р.*), из этого следует, что дому после израсходования двухмиллионного кредита не хватает для выполнения своих обязательств капитала в 1 миллион; если последние крупные кредиторы также откажут ему в кредите 1 миллион рублей, дому срочно понадобится сумма около 2 миллионов»²³.

Как полагал министр финансов, «в этих условиях у Государственного банка есть выбор: либо отказать в дополнительном кредите размером 2 600 000 рублей, что немедленно приведёт к банкротству дома и значительным потерям для всех кредиторов, либо увеличить кредит до 4,5 миллионов, таким образом становясь единственным кредитором, что, вероятно, увеличит потери и заста-

¹⁸ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894—1896 / Публ. И.А. Дьяконовой. М., 1991. С. 315.

¹⁹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Л.; М., 1999. С. 371.

²⁰ Кудрина Ю.В. Мария Фёдоровна. М., 2009. С. 66.

²¹ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 528, л. 1.

²² Там же, д. 925; Кудрина Ю.В. Мария Фёдоровна. С. 66.

²³ ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 1169, л. 2—3.

вит его (банк. — *Д.Р.*) взять на себя управление промышленными предприятиями дома и особенно тремя бумажными фабриками — задача, для которой финансовая администрация вряд ли подходит». Сам Сергей Юльевич занимал при этом предельно осторожную позицию. «Я считаю своим долгом, — отмечал он, — донести то, что предшествовало, до сведения Вашего величества, прежде чем император даст средства»²⁴. На деле же он скорее стремился подготовить Марию Фёдоровну к неизбежному и снять с себя ответственность за ожидаемый отказ Николая II, который на сей раз денег не дал. В результате, к 26 марта 1900 г. «в Петербурге огласилось прекращение платежей крупной промышленной фирмой Паллизена, участвовавшей в предприятиях пароходных, писчебумажных, издательских, а также в портовой торговле»²⁵. В мае из-за банкротства «главного пайщика, бумажного фабриканта Паллизена», последовала ликвидация акционерного общества «Издатель»²⁶.

Тем не менее ещё в конце зимы 1900 г. в столичном обществе толковали о том, что «датчанину дали 2 миллиона». Как писал в дневнике 22 февраля Суворин, «действительно, дали, благодаря всё матушке-императрице. Какой-то датчанин явился в Петербург, начал предприятие с грошовыми средствами и разорился. Уехал на родину, дождался императрицы, припал к её стопам, и она собственноручным письмом просила своего сына Николая II дать эти 2 миллиона. Он надписал: “дать”, и дали»²⁷.

Тем временем Мария Фёдоровна вновь обратилась к императору: «Я тебе посылаю эту бумагу бедного *Таль*, который меня просил поддержать перед тобой его прошение, когда Витте тебе доложит об его просьбе. Кажется, Витте ему сказал, что можно это устроить»²⁸. Речь, по-видимому, шла о содействии Х.Я. фон Талю (сын которого служил на рубеже веков вторым советником в посольстве в Копенгагене) в размещении на бирже ценных бумаг Уральского акционерного общества «Ермак». Ходатайство матери, усиленное ссылкой на авторитет министра финансов, не могло не расположить царя в пользу просителя. Но уже через год желание Витте угодить вдовствующей императрице и её окружению обернулось неприятностями. 21 апреля 1901 г. Половцов оставил в дневнике пространную запись о том, как «некий Таль, племянник камер-фрау императрицы [М.П.] Флотовой и потому высочайше покровительствуемый, получил весьма обширные права на устройство железной дороги, заведение лесного хозяйства, доменных печей около Верхотурья, пароходства и т.д. Он должен был составить компанию и для этого собрать капитал в 18 миллионов рублей. Таль явился к Витте и предъявил квитанцию одного лондонского банкирского дома о внесении этому дому 18 миллионов рублей. По закону следовало потребовать внесения этой суммы в петербургский Государственный банк, но ввиду флотовского покровительства Витте удовольствовался представленной ему распиской и выдал свидетельство о том, что талевское общество состоялось. Таль поехал в Париж, получил от русского консульства удостоверение о том, что общество законно состоялось, и выпу-

²⁴ Там же.

²⁵ Новое дело. 1900. 26 марта. № 13. С. 448.

²⁶ Там же. 14 мая. № 20. С. 672.

²⁷ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. С. 371. Любопытно, что в переписке Николая II и Марии Фёдоровны, находившейся с августа по ноябрь 1899 г. в Дании, такого письма нет (Переписка... С. 304—327).

²⁸ Переписка... С. 284.

стил акции, не имевшие никакой ценности и достигшие биржевыми манёврами более половины своей номинальной стоимости. Конечно, в один прекрасный день всё это рухнуло, и теперь обманутые Талем люди собираются предъявить к министру финансов процесс о неправильном утверждении вовсе несуществующего общества. Спрошенный о восемнадцати миллионах лондонский банкир отвечал, что деньги эти пролежали у него всего один день и вслед за тем были обратно взяты Талем!»²⁹.

Но если к просьбам в денежных делах министр финансов не мог не относиться настороженно, то к мнениям вдовствующей императрицы о событиях общественной и политической жизни Витте прислушивался особенно чутко. 8 февраля 1899 г. разразились студенческие беспорядки, которые конной полицией пришлось усмирять нагайками, что, в свою очередь, вызвало возмущение в обществе. Сочувствовала студентам и Мария Фёдоровна, уже 8 февраля сообщившая сыну вел. кн. Георгию Александровичу о том, что «ненужное рвение со стороны полиции наделало много вреда»: учащиеся в день годовичного акта «договорились вести себя спокойно и не устраивать ни скандалов, ни шума», однако их «вывело из себя» вывешенное в университете предостережение ректора «не устраивать беспорядков» с указанием размера штрафов за нарушение дисциплины. Тем не менее они «всего лишь были недовольны ректором» и «с воодушевлением» исполнили государственный гимн. Витте изначально выражался о студентах как о «бунтовщиках», с которыми необходимо «покончить». Однако, узнав о позиции Марии Фёдоровны, резко изменил тон³⁰.

На совещании, состоявшемся в МВД 17 февраля, министр финансов представил составленную им записку о студенческих волнениях, которую также подписали министр юстиции Н.В. Муравьёв, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, кн. Хилков и главноуправляющий канцелярией по учреждениям императрицы Марии гр. Н.А. Протасов-Бахметев. В ней утверждалось, что случившееся в столице не имело «политической окраски», а способы обращения с молодёжью оказались «не вполне тактичны». Поэтому рекомендовалось провести расследование, доверив его лицу, «стоящему вне отдельных ведомств», но «на высших ступенях общественной и административной иерархии». И хотя глава МВД И.Л. Горемыкин и министр народного просвещения Н.П. Боголепов доказывали, что волнениям придаётся избыточное значение³¹, Николай II всё же поручил изучить случившееся бывшему военному министру П.С. Ванновскому.

Между тем брожение среди учащихся не прекращалось. 20 марта император сообщал матери: «В университете опять начались беспорядки, в Москве и Киеве также; но я надеюсь, что принятыми на этот раз строгими мерами, удастся, наконец, водворить спокойствие на этот год! Несомненно!». Отвечая ему 1 апреля, Мария Фёдоровна расставляла акценты совершенно иначе: «То, что студенты возобновили свои глупости, очень меня огорчает, особенно то, что теперь Горем[ыкин] захочет притвориться, что был прав, говоря об этом как о политическом деле, а ведь оно совсем не было таким!»³². Однако в марте

²⁹ Половцов А.А. Указ. соч. С. 294—295.

³⁰ Подробнее см.: Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // Российская история. 2012. № 1. С. 60—62.

³¹ Там же. С. 62—63. Копия этой записки хранится в фонде Марии Фёдоровны: ГА РФ, ф. 642, оп. 1, д. 515.

³² Переписка... С. 241, 245.

Николай II всё более отчётливо склонялся на сторону Боголепова и Горемыкина, с иронией отзываясь о суждениях министра финансов³³. 2 апреля в «Правительственном вестнике» студенческое движение официально было признано политическим³⁴.

Вдовствующей императрице оставалось лишь сетовать в письме к вел. кн. Георгию Александровичу на царя, который «слышит лишь то, что исходит из уст» министра внутренних дел, «искусственно» политизировавшего беспорядки с помощью «глупейших мер». Огорчало её и невнимание Николая II к результатам расследования Ванновского³⁵. В мае 1899 г. оно, по сути, завершилось публикацией в «Правительственном вестнике», где сухо говорилось про «неумелые» распоряжения полиции и использование нагаек «без особой необходимостью»³⁶. Казалось, Горемыкин одержал победу, но этим лишь настроил против себя Марию Фёдоровну. А тем временем в ходе полемики о перспективах земских учреждений Витте сумел дискредитировать своего оппонента в глазах императора и К.П. Победоносцева, рекомендовавшего в 1895 г. назначить Горемыкина на министерский пост. В результате, 20 октября 1899 г. МВД возглавил Д.С. Сипягин, с которым министр финансов наладил тесное сотрудничество³⁷.

Когда же в апреле 1902 г. после гибели Сипягина министром внутренних дел стал В.К. Плеве, влияние Витте заметно пошатнулось. 15 августа 1903 г. ему пришлось покинуть финансовое ведомство и занять более высокую, но менее значимую должность председателя Комитета министров. Узнав на аудиенции у Николая II о новом назначении, Витте отправился к Марии Фёдоровне, которая пригласила его на завтрак и «была... в высокой степени милостива и любезна». В этот раз вдовствующая императрица «о делах не говорила, но только сказала, что она чувствует, что Плеве доведёт государя до беды, прибавив: “Недаром мой покойный муж ни за что не хотел назначить Плеве на самостоятельный пост”»³⁸. Сергей Юльевич пытался использовать подобное настроение матери императора. Известному своими консервативными убеждениями гр. Шереметеву³⁹ осенью 1903 г. он внушал, что считает самодержавие «единственной для нас формой правления», однако сомневается «в твёрдости Плеве по этому вопросу». Это явно говорилось для передачи вдовствующей императрице. Впрочем, и

³³ Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба... С. 64—65. По-видимому, императору оказались близки рассуждения вел. кн. Елизаветы Фёдоровны, писавшей ему 20 марта о том, что авторитет Боголепова и Горемыкина «явно рухнул» из-за отступления от правила, согласно которому «и студентов, и полицейских должны судить собственные их руководители». Поручив расследование «своему судье», царь, по мнению великой княгини, придал работе Ванновского «колоссальную значимость», чем воспользовался Витте, который «вмешивается не в своё дело, чтобы завоевать популярность», но «не думает ни об императоре, ни о стране» (Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884—1909) / Сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 456—457).

³⁴ Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1899. 2 апреля.

³⁵ Андреев Д.А. Студенческие беспорядки и борьба... С. 66—67.

³⁶ Правительственное сообщение // Правительственный вестник. 1899. 25 мая.

³⁷ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте... С. 110; Андреев Д.А. Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 47—48, 61.

³⁸ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 615; Т. 2. С. 30.

³⁹ О нём подробнее см.: Белоусова О.В. Граф С.Д. Шереметев в общественной и политической жизни России второй половины XIX — начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

сам граф не доверял Плеве, «испытав на себе его фальшь и его приёмы»⁴⁰. Всё это, разумеется, только усиливало мрачные предчувствия Марии Фёдоровны, и 2 декабря она сказала гр. Шереметеву, что разочарована в Плеве⁴¹.

Витте же, похоже, не терял надежду вернуться на прежнее место при содействии вдовствующей императрицы. 2 февраля 1904 г., зная, что его преемник Э.Д. Плеске безнадежно болен, Сергей Юльевич заявил гр. Шереметеву «о желании работать и быть полезным», а также о целесообразности «поручения ему “временного” управления финансами во время войны». По свидетельству графа, собеседник, «видимо, желал, чтобы его слова были бы переданы»⁴². Под впечатлением от разговора гр. Шереметев спросил аудиенцию у Марии Фёдоровны, на которой горячо доказывал, что «вопрос о министре финансов очень серьёзный и спешный, не терпящий отлагательств», а временное возвращение Сергея Юльевича необходимо. Вдовствующая императрица не возражала, напротив, «она хвалила Витте, его талант и способность ясно излагать, что даже ей понятно бывает, когда он ей объясняет что-либо трудное». Между 2 и 5 февраля Николай II дважды виделся с матерью, однако, даже если они обсуждали перестановки в правительстве, ей ничего не удалось сделать, и 5 февраля гр. Шереметев, обедая у Витте, «узнал о назначении Коковцова министром финансов». Слабым утешением служило то, что тогда же «императрица вызывала Витте на завтрашнее утро в 11 часов»⁴³.

15 июля 1904 г. Плеве был убит террористом. 24 июля, беседуя с гр. Шереметевым, Мария Фёдоровна отметила, что «по способности и энергии» Витте и во главе МВД «мог бы быть пригоден, несмотря на некоторые трудности и неудобства». Но граф тут же напомнил про его «страстность и необузданность». Скорее всего, данная кандидатура всерьёз ими не рассматривалась. Категорически возражая против назначения Б.В. Штюмера, Мария Фёдоровна 5 августа рекомендовала сыну присмотреться к виленскому генерал-губернатору кн. П.Д. Святополк-Мирскому, занимавшему пост товарища при Сипягине. Однако Николай II долго откладывал решение, опасаясь интриг и влияния Витте, которому пришлось 15 августа демонстративно уехать из Петербурга в Сочи⁴⁴.

Заняв министерский пост, кн. Святополк-Мирский сразу же заговорил о доверии к обществу и либерализации внутриполитической жизни. 24 ноября он представил Николаю II доклад, в котором намечалась программа реформ и, в частности, предусматривалось введение в Государственный совет выборных от губернских земских собраний и некоторых городских дум⁴⁵. При этом князь изначально настаивал на привлечении Витте к обсуждению намеченных в МВД

⁴⁰ Шохин Л.И. Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте // Отечественная история. 1998. № 2. С. 153.

⁴¹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5048, л. 123. Подробнее см.: Андреев Д.А. Правительственная «перемена» 15 августа 1903 года в зеркале руморологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2. С. 213.

⁴² Шохин Л.И. Дневниковые записи... С. 154.

⁴³ Там же. С. 154—155; Дневники императора Николая II. 1894—1918 / Под ред. С.В. Мироненко. Т. I. М., 2011. С. 788.

⁴⁴ Подробнее см.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте... С. 137—138; Андреев Д.А. После В.К. Плеве: император Николай II в поисках министра внутренних дел летом 1904 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 76, 86—87.

⁴⁵ Подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 27—33.

мер. 3 декабря 1904 г. гр. Шереметев констатировал в дневнике, что «чувствуется приближение Витте к МВД»⁴⁶. Действительно, тому удалось взять в свои руки подготовку указа 12 декабря о предстоявших преобразованиях и добиться передачи их последующей разработки в Комитет министров⁴⁷. В конце года его называли в Петербурге не иначе как «Serge Premier»⁴⁸. Между тем обстановка в стране накалялась. Уступки, провозглашённые в указе 12 декабря, лишь раззадоривали оппозицию. 19 декабря пал Порт-Артур. Начиналась революция.

Летом 1905 г. Витте отправился в качестве главного уполномоченного на конференцию в Портсмут, где подписал вполне приемлемый для страны мирный договор с Японией, согласно которому Россия уступала южную часть Сахалина и аренду Ляодунского полуострова. Высоко оценивая роль Витте в завершении войны, гр. Шереметев писал Марии Фёдоровне из Москвы: «Только что случившееся великое историческое событие — мир с такой знаменательной дипломатической победой, несмотря на неизбежные потери, является событием такой огромной важности, что я не могу хранить молчание, не выразив Вашему величеству всё то удовлетворение, которое должен чувствовать в момент испытаний каждый, кто желает блага своей стране»⁴⁹.

15 сентября Сергей Юльевич вернулся в Петербург, где готовились к выборам в законосовещательную («булыгинскую») Думу, к переустройству Государственного совета и к превращению Совета министров в орган, объединяющий и координирующий деятельность всех ведомств. На частных совещаниях высших сановников Витте, получивший 18 сентября графский титул, активно высказывался за «сильное правительство, чтобы бороться с анархией», и «полный конституционный порядок»⁵⁰. Однако политическая ситуация ухудшалась. В обществе развернулась петиционная кампания, широко освещавшаяся в печати. Лозунг бойкота совещательной Думы приобрёл популярность у интеллигенции. Оппозиция требовала созыва Учредительного собрания для принятия конституции. Добиться этого предполагалось с помощью всеобщей политической забастовки, начавшейся 7 октября.

16 октября Мария Фёдоровна писала Николаю II из Дании: «Я страшно мучаюсь и беспокоюсь сидеть здесь, читать газеты и ничего не знать, что делается... Сейчас, наверно, единственный человек, который может тебе помочь и принести пользу, это Витте, у которого теперь для этого хорошее место, это гениальный, энергичный человек с ясной головой»⁵¹. В правящих кругах отношение к графу было более сложным. Одни опасались его всеисилия и предсказывали, как гр. А.П. Игнатьев и А.С. Стишинский, что «первый министр будет у нас верховным визирем». Другие, как гр. Д.М. Сольский, считали, что только он сможет предотвратить гибель империи⁵².

Так или иначе, 17 октября Николай II подписал составленный гр. Витте проект манифеста, обещавшего расширение прав подданных и даровавшего

⁴⁶ Шохин Л.И. Дневниковые записи... С. 157.

⁴⁷ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие... С. 33—50.

⁴⁸ Дневник А.А. Бобринского (1910—1911) / Публ. М. Мурзановой // Красный архив. 1928. № 1. С. 130.

⁴⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5050, л. 90 об.

⁵⁰ Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте... С. 205—210.

⁵¹ Переписка... С. 547.

⁵² Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте... С. 216, 223; Степанов В.Л. Граф Д.М. Сольский: путь либерального бюрократа // Российская история. 2018. № 1. С. 139—142.

Государственной думе законодательные полномочия. А 19 октября последовал указ о назначении графа председателем преобразованного Совета министров. Сергей Юльевич был уверен, что в новых условиях общественные деятели охотно пойдут на сотрудничество с правительством. Когда же эти надежды не оправдались, ещё недавно диктовавший свою волю царю сановник растерялся. «Вообще он не ожидал, что ему будет трудно на этом месте, — писал император матери 27 октября. — Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчётах на скорое успокоение». Тем не менее Мария Фёдоровна по-прежнему не видела ему замены. «Витте, — полагала она, — также достоин жалости, столкнувшись с такими ужасными трудностями, особенно неожиданными для него; тебе нужно теперь показать ему своё доверие и заставить действовать согласно его программе. Но этого оказалось недостаточно. «Ты мне пишешь, милая мама, — отвечал Николай II 10 ноября, — чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается всё возможное, чтобы облегчить его трудное положение. И это он чувствует. Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего... А вышло как будто наоборот — повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков!.. С Витте я постоянно говорю об этом, но я вижу, что он не уверен ещё в себе»⁵³. В январе 1906 г. монарх с изумлением и плохо скрываемым отвращением обнаружил, что «Витте после московских событий резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит; он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть, исключая заграничных жидов»⁵⁴.

Такие письма всё чаще вызывали у Марии Фёдоровны досаду и недовольство своим прежним союзником. «Если бы раньше были энергичнее и показали бы больше твёрдости и власти, многого можно было бы избежать, — утверждала она 16 января 1906 г., — и не понимаю Витте, почему он потерял так много времени». Теперь ей оставалось лишь желать, «чтобы это затишье продолжалось по крайней мере до окончания выборов и до начала Думы»⁵⁵. Между тем за неделю до того, как депутаты собрались в Таврическом дворце, 20 апреля 1906 г. гр. Витте был уволен с поста председателя Совета министров. А в начале мая вдовствующая императрица уже не скрывала от гр. Шереметева своего недовольства неискренностью Сергея Юльевича. Тот будто бы «солгал по поводу 17 октября и его роли в этом деле, сваливает на Ник[олая] Ник[олаевича], которого он же оседлал, подослав к нему рабочего-революционера, которого провели к государю(!), что факт глубоко возмутительный»⁵⁶. При личной встрече она упрекала гр. Витте в том, что в октябре 1905 г. он «будто бы вырвал у государя манифест, как это ей говорил сам государь император»⁵⁷.

⁵³ Переписка... С. 552—558.

⁵⁴ Там же. С. 583.

⁵⁵ Там же. С. 584.

⁵⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5050, л. 55 об. По-видимому, подразумевался отказ вел. кн. Николая Николаевича от диктаторских полномочий перед изданием Манифеста 17 октября. На позицию великого князя тогда повлиял рабочий-зубатовец М.А. Ушаков (*Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте... С. 223).

⁵⁷ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 507.

Таким образом, на протяжении первой половины царствования Николая II вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С.Ю. Витте, как правило, оказывались ситуативными политическими союзниками. Сергей Юльевич сильно преувеличивал влияние матери на царя, но иногда небезуспешно использовал его в своих интересах, и прежде всего для ослабления своих противников. Мария Фёдоровна, похоже, также обманывалась относительно решительности и ловкости Витте, не говоря уже о его преданности самодержавию. Она видела в нём наиболее сильную фигуру из прежних сотрудников Александра III, а в начале революции он казался ей чуть ли не единственным спасителем империи. Впрочем, ни полного доверия, ни особой привязанности между ними никогда не было, да и помочь друг другу они могли далеко не всегда. Ни поодиночке, ни сообща они не контролировали решения императора в той мере, в которой желали. Взаимное разочарование, наступившее в 1906 г., заставило обоих искать другие точки опоры в правящих кругах. Мария Фёдоровна стала присматриваться к П.А. Столыпину, гр. Витте несколько позднее проявлял интерес к Г.Е. Распутину.

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и А.Д. Самарин: к истории взаимоотношений

Елена Ковальская

Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and A.D. Samarin:
on the history of relations

Elena Kovalskaya

(Church-Research Center «Pravoslavnaya Enciclopedia», Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870016241-6

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна (1864—1918) и Александр Дмитриевич Самарин (1868—1932) занимали видное место в общественной жизни России начала XX в. По свидетельствам современников, их связывали доверительные отношения. Сын А.Д. Самарина, Юрий Александрович, вспоминал, что его отец был «вхож к Елизавете Фёдоровне и пользовался у неё уважением»¹. Директор Департамента полиции С.П. Белецкий говорил Г.Е. Распутину, что Самарин — «человек, близкий августейшей сестре государыни, отнюдь не сторонник государыни» и его «личный враг»². Императрица Александра Фёдоровна, выступая против назначения Александра Дмитриевича обер-прокурором³, писала Николаю II 16 июня 1915 г.: «По поводу Самарина я гораздо более огорчена, я просто в отчаянии, он как раз из дурной, ханжеской клики Эллы (Елизаветы Фёдоровны. — Е.К.), близкий друг Софьи Ив[ановны] Тютчевой... Я всем сердцем и душой надеюсь, что он не примет [назначения] — это означало бы влияние Эллы и приставание с утра до ночи»⁴. Далее императрица пишет о существовании влиятельного кружка во главе с Елизаветой Фёдоровной, добивавшегося удаления Распутина от царского двора. Но существовало ли это своеобразное «московское лобби»?

А.Д. Самарин происходил из старинного московского дворянского рода⁵. Его прадед, сенатор и поэт Ю.А. Нелединский-Мелецкий, был одним из приближённых вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, а дядя, славянофил Ю.Ф. Самарин (1819—1876) — её крестником, родная сестра Софья Дмитриевна (1863—1934) — фрейлиной императрицы Александры Фёдоровны. Сын богатого помещика и общественного деятеля Д.Ф. Самарина (1831—1901),

© 2021 г. Е.Ю. Ковальская

¹ ОР РГБ, ф. 265, к. 233, д. 37, л. 56.

² Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима: Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. / Под ред. П.Е. Щёголева. Т. 4. Л., 1925. С. 163.

³ Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и император Николай II: Документы и материалы (1884—1909 гг.) / Сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб., 2009. С. 196.

⁴ Письма императрицы Александры Фёдоровны к императору Николаю II. В 2 т. Т. 1. Берлин, 1922. С. 472.

⁵ Подробнее о нём см.: «Подвигом добрым подвизался...»: Материалы к жизнеописанию Александра Дмитриевича Самарина (1868—1932) / Сост. С.Н. Чернышёв, прот. Д. Сазонов. Кострома, 2017; *Поддубная Р.П.* Самарины: страницы жизни. Самара, 2008. С. 493—500.

Александр Дмитриевич уже по самому рождению мог претендовать на первые роли в жизни Москвы. В 1893—1899 гг. он служил земским начальником 4-го участка Бронницкого уезда, в 1899—1908 гг. занимал пост Богородского уездного предводителя дворянства.

Знакомство семьи Самариных с вел. кн. Елизаветой Фёдоровной и её супругом вел. кн. Сергеем Александровичем, возможно, произошло через камер-фрейлину Е.П. Ермолову, тётю Александра Дмитриевича по матери, которой нередко доводилось бывать на «маленьких интимных вечерах»⁶ царской семьи. Великий князь называл её «тётей Катей»⁷, они состояли в переписке, делились личными переживаниями⁸. В 1891 г., став московским генерал-губернатором, вел. кн. Сергей Александрович регулярно принимал Ермолову в своей резиденции⁹. 13 апреля 1897 г., как записано в его дневнике, он «ездил обнимать милую Е.П. Ермолову»¹⁰. Оба были убеждёнными монархистами и глубоко верующими христианами. Екатерина Петровна участвовала в работе восьми организаций, находившихся в ведении вел. кн. Елизаветы Фёдоровны¹¹. В 1910 г., незадолго до кончины Ермоловой, великая княгиня приезжала навестить её¹², затем присутствовала на похоронах. В числе несших гроб находился любимый племянник покойной А.Д. Самарин¹³. Другим связующим звеном была двоюродная сестра Александра Дмитриевича — фрейлина Мария Николаевна Ермолова, входившая в ближайшее окружение Елизаветы Фёдоровны¹⁴.

Знакомство великокняжеской четы с Самариными произошло не позднее 1891 г., когда в связи с охватившим Центральную Россию голодом в Москве по инициативе генерал-губернатора был открыт Комитет по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. Е.П. Ермолова вместе с кн. Н.Б. Трубецкой возглавила Склад вещевых пожертвований. А.Д. Самарина привлекли к организации пошива белья и одежды и их отправки к месту назначения¹⁵, а в 1893 г. назначили членом правления Склада кустарных изделий, также взятого Елизаветой Фёдоровной под покровительство¹⁶. В 1898 г. его отец вошёл в состав Комитета по устройству Музея изящных искусств им. Александра III¹⁷, неоднократно поздравлял великого князя с праздниками, в 1898 г. прислал ему девятый том сочинений своего брата Юрия Фёдоровича. Вел. кн. Сергей Александрович бывал на домашних спектаклях Самариных, благодарил их за пись-

⁶ ОР РГБ, ф. 265, к. 234, д. 16, л. 59 об.—60.

⁷ Там же, л. 60.

⁸ Там же, ф. 253, к. 9, д. 4.

⁹ Там же, ф. 265, к. 234, д. 16, л. 60; Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II... С. 218, 541, 630, 662, 701.

¹⁰ Великий князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы / Сост. И.В. Плотникова. Кн. 5. 1895—1899. М., 2018. С. 337.

¹¹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. 1905—1918 / Сост. Е.Ю. Ковальская. Т. 2. М., 2016. С. 631—632.

¹² ОР РГБ, ф. 265, к. 234, д. 16, л. 60 об.

¹³ Московские ведомости. 1911. 1 января. С. 3.

¹⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 632. Елисавета Фёдоровна называла её просто «Мари» (Т. 1. С. 338).

¹⁵ III отчёт состоящего под председательством её императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны Московского комитета для сбора пожертвований в пользу пострадавших от неурожая. М., 1893. С. 31—32.

¹⁶ Московские ведомости. 1895. 10 апреля. С. 3.

¹⁷ Там же. 1898. 29 апреля. С. 3.

ма и подарки¹⁸. Александр Дмитриевич дважды встречался с ним и его супругой на Складе кустарных изделий¹⁹. В 1899 г. он был избран председателем Богородского уездного комитета Елисаветинского благотворительного общества²⁰, к работе которого привлёк местного фабриканта А.И. Морозова²¹. За свои труды Самарин дважды удостоивался личной благодарности вел. кн. Елизаветы Фёдоровны²². Тем не менее эти отношения оставались достаточно формальными, вероятно, из-за второстепенной роли Самариных в благотворительной жизни Москвы²³.

С началом русско-японской войны сотрудничество Александра Дмитриевича и великой княгини стало более тесным. 12 февраля 1904 г. был открыт Особый комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванной войной на Дальнем Востоке. Александр Дмитриевич вошёл в руководство комитета и образованной при нём Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока²⁴, а с 20 сентября 1905 г. — Комитета по оказанию помощи жертвам русско-японской войны. Семья Самариных также поддерживала созданный великой княгиней Склад по сбору пожертвований на помощь раненым и нуждающимся вследствие войны на Дальнем Востоке. Всего ими было передано организациям великой княгини не менее 12 657 руб.²⁵

В качестве московского губернского предводителя дворянства Самарин заседал в комиссиях, координировавших работу правительственных учреждений и согласовывавших интересы различных сословий. Елизавета Фёдоровна выдвигала его на ключевые должности в своих организациях. 24 апреля 1908 г. Самарин был избран почётным членом Елисаветинского благотворительного общества²⁶, 25 октября — членом попечительского совета Сергиево-Елисаветинского трудового убежища, а в 1909 г. стал попечителем Сергиево-Елисаветинского началь-

¹⁸ ОР РГБ, ф. 253, к. 30, д. 2; ф. 265, к. 199, д. 38, л. 3. Вел. кн. Сергей Александрович отмечал, что С.Д. Самарина «играет с душой и умно», как и её брат, имя которого не указал (ГА РФ, ф. 644, оп. 1, д. 197, л. 23 об.—24).

¹⁹ Московские ведомости. 1895. 10 апреля. С. 3; 1899. 26 января. С. 2.

²⁰ ОР РГБ, ф. 265, к. 162, д. 7, л. 160 об.

²¹ Всего с 1899 по 1917 г. Морозов пожертвовал на содержание Богородского приюта 17 881 руб.

²² Отчёт Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1899 год. М., 1900. С. 47; Отчёт Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1906, 1907 и 1908 годы: 15, 16 и 17-й годы деятельности. М., 1909. С. 46.

²³ Хотя Самарины были приглашены на заседание Благотворительного совета 9 января 1900 г. в городской думе (ОР РГБ, ф. 265, д. 2, л. 164 об.), ни одного из них нет в списке первых лиц, участвовавших в мероприятии (Московские ведомости. 1900. 10 января. С. 2).

²⁴ Отчёт состоявшей при Особом комитете её императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны Исполнительной комиссии по бесплатному размещению больных и раненых воинов, эвакуированных с Дальнего Востока в русско-японскую войну, 14 июня 1904 года — 1 апреля 1906 года. М., 1907. С. 5—6; Отчёт Комитета её императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны, 12 февраля 1904 г. — 1 сентября 1907 г. М., 1908. С. 5.

²⁵ Отчёт Склада её императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны в Москве по сбору пожертвований на помощь раненым и нуждающимся вследствие войны на Дальнем Востоке. М., 1907. Приложение № 3. С. 11, 61; Отчет Комитета её императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны, 12 февраля 1904 г. — 1 сентября 1907 г. М., 1908. С. 181.

²⁶ Отчёт Елисаветинского благотворительного общества в Москве и Московской губернии за 1911 год. М., 1912. С. 111.

ного училища с ремесленным отделением для солдатских детей²⁷, не позднее 1914 г. — товарищем председателя комитета убежища²⁸. Устройством Сергиево-Елисаветинского убежища Самарин и Елизавета Фёдоровна занимались и в годы Первой мировой войны²⁹.

Другим общим делом стал созданный 22 января 1912 г. Комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны для сбора пожертвований в пользу пострадавших от неурожая в восточных губерниях Европейской России и Западной Сибири. Самарин принял на себя обязанности его председателя. В Николаевском дворце под руководством М.Н. Ермоловой шла «усиленная работа по кройке материалов, по раздаче их для шитья, по приёму и отправке на место пожертвований. Работало много дам из высшего столичного общества»³⁰. 9 марта 1912 г. Елизавета Фёдоровна писала графине А.А. Олсуфьевой: «Много работаю, не только в обители, но почти ежедневно во дворце в нашем комитете и на складе для голодающих с Божией помощью (и при сочувствии и доброте, которую я встречаю в каждом деле). Со дня открытия в январе до конца февраля [было собрано] около 45 000 деньгами... одежда, ткани почти 21 000 [аршин], [куплено] 15 000, [сшито] 7 880 платьев и мужского, женского и детского белья, еда, обувь, тёплые вещи... Всё это посылается для самых обездоленных — в организации, отдельным людям, через сестёр милосердия и т.д.»³¹. В «Московских ведомостях» регулярно публиковались сообщения о деятельности комитета³², списки жертвователей³³, финансовые отчёты³⁴. Великая княгиня предполагала, что «Комитет в малой степени должен быть репетицией военного комитета и помочь каждому, кто хочет творить добро, получить прямые указания и направить всё в надёжные руки»³⁵.

Несомненно, что Александр Дмитриевич дорожил контактами с вел. кн. Елизаветой Фёдоровной. После гибели своего супруга в феврале 1905 г. она оказалась в центре внимания общественности, будучи своего рода «лицом» московского монархического движения³⁶. Достаточно упомянуть, что после освящения 5 апреля 1909 г. храма в честь иконы Божией Матери «Отрада» (или «Утешение»), воздвигнутого «в память великого князя Сергея Александровича и всех верных долгу и присяге царских слуг, крамолой убиенных», великую княгиню приветствовали криками ««Ура!» с большим воодушевлением — многочисленные войска и толпа»³⁷. 31 июля 1909 г. С.Д. Самарина, характеризуя некоего доктора Оболенского, отмечала: «Он оказался “правый”, у него на

²⁷ Отчёт состоящих под покровительством её императорского высочества великой княгини Елисаветы Феодоровны Попечительного комитета Сергиево-Елисаветинского трудового убежища, Сергиево-Елисаветинского трудового убежища, Сергиево-Елисаветинского училища за 1909 год. М., 1910. С. 1, 74, 76.

²⁸ Московские ведомости. 1914. 11 декабря. № 287. С. 1.

²⁹ В 1915 г. под председательством Елизаветы Фёдоровны и при участии Самарина был разработан проект нового устава убежища для увечных воинов и училища для солдатских детей на 300 человек (Московские ведомости. 1915. 12 августа. С. 4).

³⁰ Московские ведомости. 1912. 18 января. С. 1; 12 февраля. С. 3.

³¹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 1. С. 686.

³² Московские ведомости. 1912. 24 февраля. С. 3; 4 марта. С. 3; 16 марта. С. 3; 21 марта. С. 2.

³³ Там же. 1912. 3 мая. С. 3; 18 мая. С. 3; 10 июня. С. 3; 20 июня. С. 3.

³⁴ Там же. 12 мая. С. 3.

³⁵ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 1. С. 686.

³⁶ Там же. С. 418.

³⁷ Там же.

письменном столе портреты в[еликой] к[нягини] Елиз[аветы] Фёд[оровны] и графа Д.А. Толстого»³⁸.

Александр Дмитриевич также считался одним из лидеров правых. Осенью 1904 г. он вместе с братом Фёдором Дмитриевичем и другими единомышленниками-дворянами публично указывал на «необходимость твёрдой власти и незыблемость принципов самодержавия»³⁹. 22 января 1905 г. их приветственный адрес императору поддержало Московское дворянское собрание⁴⁰. Летом 1906 г., когда реформирование политической системы шло полным ходом, в семье Самариных царил пессимизм. 6 июля 1906 г. Софья Дмитриевна писала Ф.Д. Самарину: «Если состоится кадетское министерство, то вряд ли долго продержится Государ[ственный] совет. Да и вообще тогда всё пойдёт ещё более усиленным темпом, и трудно даже представить размеры того краха, который должен неминуемо наступить. Но мы все совершенно бессильны его остановить и до конца должны делать каждый своё дело, как ни в чём ни бывало»⁴¹. Фёдор Дмитриевич отказался в 1906 г. от предложенного ему поста обер-прокурора Святейшего Синода, заявив императору о своём несогласии с правительственным курсом. Кроме того, он полагал, что в его назначении «увидели бы признак поворота в сторону реакции»⁴².

После 3 июня 1907 г. монархическое движение стало быстро набирать силу. В январе 1908 г. Московское дворянское собрание снова поддержало подготовленный Самариными адрес Николаю II. «Ныне, как и встарь, — утверждали они, — нет на Руси политической силы, равной царской власти. Царь — единый представитель своего народа, державный выразитель его совести. Он один — верховный руководитель его судеб, ответственный лишь перед Богом. Правда царская — в сознании народном — выше и сильнее преходящего внешнего права, и слово царское животворит мёртвую букву закона». Чтение адреса Александром Дмитриевичем было покрыто «восторженными криками “ура” и продолжительными рукоплесканиями»⁴³. На этой волне в феврале Самарина избрали московским губернским предводителем дворянства.

С великой княгиней Самарина сближало и участие в церковных делах. Они окармлились у старца Зосимовой пустыни иеросхимонаха Алексия (Соловьёва)⁴⁴. Александр Дмитриевич входил в Братство святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа — объединение православных богословов, философов, учёных, общественных и церковных деятелей, призывавшее к возрождению церковных соборов⁴⁵. Среди членов братства были, в частности, духовник вел. кн. Елизаветы Фёдоровны о. Митрофан Сребрянский и о. Иосиф Фудель. Несомненно, их взглядам она симпатизировала и докладывала о деятельности братства Николаю II⁴⁶. В 1913 г. перед обер-прокурором Святейшего Синода

³⁸ ОР РГБ, ф. 265, д. 2, л. 368.

³⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 38, 40.

⁴⁰ Великий князь Сергей Александрович одобрил действия Самариных (Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 1. С. 102—104).

⁴¹ ОР РГБ, ф. 265, д. 2, л. 300.

⁴² Поддубная Р.П. Самарины: страницы жизни. С. 488.

⁴³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 279.

⁴⁴ Московские ведомости. 1912. 10 апреля. С. 3; Отчёт Марфо-Мариинской обители милосердия за 1913 год. М., 1914. С. 30.

⁴⁵ Отчёт совета братства святителей Московских Петра, Алексея, Ионы и Филиппа о деятельности братства за 1913 г. М., 1914. С. 16.

⁴⁶ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 318—319.

В.К. Саблером великая княгиня ходатайствовала о священнике В. Востокове, подвергшемся опале за публичное выступление против Распутина⁴⁷. Александр Дмитриевич тогда же обратился за помощью к митрополиту Московскому Макарию (Невскому)⁴⁸. Их позиция вполне объяснима: о. Владимир являлся законоучителем детей Самарина, читал лекции на курсах при Марфо-Мариинской обители. Сам Самарин неоднократно бывал в обители вел. кн. Елизаветы Фёдоровны. Так, 8 апреля 1912 г. он присутствовал на освящении созданного на её средства Покровского собора⁴⁹, а в 1913 г. от имени московского дворянства передал ей 5 тыс. руб. на содержание кровати в обительской больнице⁵⁰.

В начале 1910-х гг. вел. кн. Елизавету Фёдоровну и Самарина уже связывали не только многолетние деловые контакты, но и общие переживания. Елизавета Фёдоровна поддержала Александра Дмитриевича в один из самых тяжёлых дней его жизни. В январе 1913 г. смертельно заболел его сын Сергей, «великая княгиня по просьбе Лизы Беклемишевой прислала о. Митрофана с ризой преподобного Серафима»⁵¹, чтобы ребёнок смог приложиться к святыне. Полумантия святого была известна совершёнными через неё чудесами исцеления или заметного облегчения страданий умиравших⁵².

Известие о начале Первой мировой войны застало вел. кн. Елизавету Фёдоровну во время паломничества по Уралу. Необходимо было срочно возвращаться в Москву и организовывать благотворительную работу. Не дожидаясь её приезда, А.Д. Самарин и М.Н. Ермолова приступили к подготовительным мероприятиям. 20 июля 1914 г. Мария Николаевна писала Ф.Д. Самарину: «Саша говорит, что будет склад. Я от себя начала готовить выкройки, и модели, и отчётность, чтобы всё было готово к приезду в[еликой] к[нягини]. Она где-то застряла. Говорят, в один день было пропущено 270 поездов военных по Вашей дороге. Вероятно, и везде так, и она где-нибудь сидит»⁵³. Вел. кн. Елизавета Фёдоровна смогла вернуться в Москву лишь 27 июля, а на следующий день уже был открыт Кремлёвский склад имени императрицы Александры Фёдоровны в Москве для раненых и больных воинов и для действующей армии⁵⁴. Попечительницей стала великая княгиня, назначившая своей помощницей М.Н. Ермолову, заведующим склада — Н.К. фон Мекка.

С первых дней войны Самарин принимал участие в сборе пожертвований⁵⁵. Вскоре он стал главноуполномоченным по эвакуации во внутренние районы империи⁵⁶ и по поручению вел. кн. Елизаветы Фёдоровны стал

⁴⁷ Там же. С. 833.

⁴⁸ ГА РФ, ф. 990, оп. 2, д. 556, л. 10 об.

⁴⁹ Московские ведомости. 1912. 10 апреля. С. 3.

⁵⁰ Отчёт Марфо-Мариинской обители милосердия за 1913 год. С. 30.

⁵¹ ОР РГБ, ф. 265, д. 2, л. 427 об., 430.

⁵² Подробнее см.: Ковальская Е.Ю. Преподобный Серафим Саровский в жизни преподобномученицы великой княгини Елисаветы Феодоровны // IV международная научно-практическая конференция. У истоков российской государственности. Кн. 2. Калуга, 2012. С. 80—85.

⁵³ ОР РГБ, ф. 265, к. 188, д. 13, л. 14.

⁵⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 1. С. 38, 206.

⁵⁵ Московские ведомости. 1914. 30 июля. С. 3. За финансовой помощью Александр Дмитриевич обратился к своей семье и получил поддержку. См.: ОР РГБ, ф. 265, к. 177, д. 7, л. 9—10.

⁵⁶ ОР РГБ, ф. 265, к. 162, д. 12, л. 230. Ф.Д. Самарин вспоминал, что его брат «дал своё согласие в Петербурге 20 июля, а 24-го он меня уже извещал, что его назначение состоялось» (ОР РГБ, ф. 265, к. 124, д. 8, л. 6; к. 162, д. 12, л. 230).

председателем московского склада Российского общества Красного Креста (РОКК)⁵⁷. Одной из главных задач склада стало оборудование центрального распределительно-эвакуационного пункта на несколько сотен раненых в Анненгофской роще. 9 декабря 1914 г. Александр Дмитриевич показывал это учреждение царской семье и вел. кн. Елизавете Фёдоровне. По словам начальника императорской охраны А.И. Спиридовича, «то была колоссальная, отлично поставленная организация»⁵⁸. 26 марта 1915 г. великая княгиня повторно посетила сборный пункт, её, как и ранее, встречал Самарин⁵⁹. Он также возглавил созданный под её покровительством в марте 1916 г. Особый комитет по сбору Красного Креста на оказание помощи увечным, раненым и больным воинам⁶⁰.

В качестве московского предводителя дворянства он ездил в Петербург для переговоров с министром внутренних дел и с руководством РОКК по вопросу об организации земствами помощи в размещении раненых и открытии местных госпиталей. 27 июля Александр Дмитриевич созвал экстренное дворянское собрание, на котором было принято решение о создании Общедворянской организации помощи больным и раненым воинам⁶¹. По словам Ф.Д. Самарина, «работы дворянской исполнительной комиссии сосредоточились... на оборудовании санитарных поездов, т.е. на снабжении их кухнями, койками, бельём и, наконец, санитарным персоналом»⁶².

Фёдор Дмитриевич отмечал, что у его брата «не было буквально ни единой свободной минуты»⁶³. Дочь А.Д. Самарина, Е.А. Самарина-Чернышёва, вспоминала, что на нём лежала «огромная административная работа для фронта и тыла. Бесчисленное количество лазаретов по всей России, санитарных отрядов и поездов, эвакуация раненых, а иногда даже просто населения — всё это было подведомственно Красному Кресту и Земскому союзу, и со всех концов тянулись нити к центру — Москве. Вокруг отца объединилась группа новых для него помощников, ставших настоящими друзьями. Все они в эти грозные дни не щадили сил, не жалели времени, а отец мой обладал незаурядным административным талантом... Отца мы видели ещё меньше, он возвращался домой поздно и дома ещё подолгу горел свет у него в кабинете, и он работал за письменным столом, по телефону решая всегда срочные вопросы о лазаретах, раненых, эвакуации»⁶⁴.

⁵⁷ Шлунне Ф.В. Автобиографические записки, 1941—1946 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Вып. 17. М., 2008. С. 135—136.

⁵⁸ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914—1917 гг. Кн. 1. Нью-Йорк, 1960. С. 75—76. 26 марта 1915 г. великая княгиня повторно посетила сборный пункт (Московские ведомости. 1915. 28 марта. С. 3).

⁵⁹ Московские ведомости. 1915. 28 марта. № 70. С. 3.

⁶⁰ Там же. 1916. 14 февраля. С. 3; 12 марта. С. 3.

⁶¹ Москва в годы Первой мировой войны. 1914—1917 гг. Документы и материалы / Сост. Н.В. Антонова, А.С. Балакирев, Е.В. Иванова, Н.А. Филаткина, В.А. Шевченко. М., 2014. С. 547—548.

⁶² ОР РГБ, ф. 265, к. 124, д. 8, л. 3—5 об.

⁶³ Там же, л. 6 об.—7 об.

⁶⁴ Самарина-Чернышёва Е.А. Александр Дмитриевич Самарин // Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М., 2001. С. 137. О ключевой роли Самарина в деле размещения раненых в Москве наглядно свидетельствует деловая документация того времени. Так, на заседании Особой комиссии по наблюдению за правильным и своевременным освидетельствованием, выпиской из лазаретов раненых и больных воинов 15 января 1915 г. «было признано, что... вопросы, связанные с передвижением раненых, должны, как и ныне, быть сосредоточены у главноуполномоченного Красного Креста А.Д. Самарина» (Москва в годы Первой мировой войны... С. 449).

С началом войны остро встал вопрос о координации и контроле эвакуации раненых, работы госпиталей и лазаретов. 10 сентября 1914 г. по распоряжению Николая II был учреждён Особый комитет великой княгини Елизаветы Фёдоровны по объединению забот об эвакуации раненых и благотворительной помощи в Москве и Московской губ.⁶⁵ Самарин входил в состав этой организации, что было вполне объяснимо: работа Особого комитета непосредственно пересекалась с обязанностями главноуполномоченного РОКК. По словам В.Ф. Джунковского, «помощь раненым в Москве поставлена была необыкновенно широко. Забывши совершенно личную жизнь, ушедшая от мира великая княгиня Елизавета Фёдоровна была душой всех добрых дел в Москве. К декабрю месяцу 1914 г. в Москве было до 800 лазаретов, которые за пять первых месяцев облегчили страдания сотням тысяч раненых»⁶⁶.

Летом 1915 г. в связи с большими военными потерями госпитали оказались переполнены. Елизавета Фёдоровна распорядилась предоставить им помещения в находившемся под её попечительством Александро-Мариинском кавалерственной дамы Е.В. Чертовой институте⁶⁷. Великая княгиня также обратилась к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне с просьбой разрешить использовать для медицинских нужд здания гимназий, находившихся в системе учреждений императрицы Марии. В телеграммах Елизаветы Фёдоровны упоминался и Александр Дмитриевич: «Сегодня тысяча раненых. В поездах уже мест нет. С каждым днём их становится всё больше. Сегодня разговаривала с Самариным. Он умоляет о разрешении отдать (для раненых) институты. Будь добра, ответь мне»⁶⁸. Ф.Д. Самарин вспоминал, что его брат в эти дни был «поглощён делами... вечером совещание у митрополита насчёт размещения раненых по монастырям, и вечером ещё совещание насчёт вновь прибывших раненых в дворянском собрании. Их осталось 1 500 в вагонах, не могли найти места. Сашу просили принять участие в этом деле, он... хочет предложить для раненых Дворянский институт, Селезнёвский д[ом] и, может быть, даже дворянское собрание. Такой наплыв раненых объясняется тем, что пришлось увозить раненых из лазаретов, оставленных нами местностей и из соседних с ними»⁶⁹. Самарин участвовал в заседаниях Особого комитета великой княгини, присутствовал при открытии лечебных учреждений во время их посещения Елизаветой Фёдоровной и при отправке санитарных поездов на фронт⁷⁰. Он стоял у истоков создания и являлся членом центрального органа управления Комитета вел. кн. Елизаветы Фёдоровны⁷¹ по оказанию помощи семьям

⁶⁵ Московские ведомости. 1914. 12 сентября. С. 3; Русские ведомости. 1914. 12 сентября. См. также: Ковальская Е.Ю. Николай II и великая княгиня Елизавета Фёдоровна: взаимодействие в сфере благотворительности // Российская история. 2019. № 2. С. 125—126.

⁶⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 472—473.

⁶⁷ Московские ведомости. 1915. 28 июля. С. 4.

⁶⁸ Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 212.

⁶⁹ ОР РГБ, ф. 265, к. 155, д. 5, л. 4.

⁷⁰ Московские ведомости. 1914. 7 октября. С. 4; 21 октября. С. 4; 28 октября. С. 3—4; 1915. 29 мая. С. 3; 9 декабря. С. 3; 24 декабря. С. 3; 1916. 13 марта. С. 4; 5 июля. С. 3; 3 августа. С. 3; 24 августа. С. 3.

⁷¹ Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 59. Право членства в комитете было предоставлено Самарину согласно уставному документу по должности главного уполномоченного РОКК. С 19 октября 1915 г. он стал членом комитета по приглашению.

лиц, призванных на войну, причём играл в них далеко не пассивную роль⁷². Весной 1916 г. за труды в этом комитете Александр Дмитриевич был награждён орденом Св. Владимира 2-й степени⁷³.

В мае 1915 г. в Москве прошли немецкие погромы, поводом для которых послужило лишение работы жён запасных солдат в мастерских комитета⁷⁴. Чтобы снять социальную напряжённость в городе, им следовало срочно предоставить новый заказ Комитету великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну⁷⁵. Так, РОКК заказал 250 тыс. комплектов летнего белья. Самарин оказал «большую помощь», передав Комитету также шитьё респираторов⁷⁶. Мастерские снова открылись, и спустя две недели вел. кн. Елизавета Фёдоровна лично проверила их работу, «подробно интересовалась ходом дела и удостоила многих работниц милостивой беседой»⁷⁷. Мастерские ей показывали А.Д. Самарин и Н.В. Глоба (председатель комиссии трудовой помощи комитета). В декабре 1915 г. Александр Дмитриевич выделил комитету помещение в Московском генерал-губернаторском доме. Находившееся там ранее управление уполномоченного РОКК было переведено в его собственный дом на Поварской улице⁷⁸.

В сентябре 1914 г. вел. кн. Елизавета Фёдоровна открыла Комитет по оказанию помощи раненым и больным воинам, увольняемым на родину (покровительница — великая княгиня, председательница — С.Н. Глебова), в октябре Александр Дмитриевич передал Комитету 3 тыс. руб. от РОКК⁷⁹. 2 февраля 1916 г. они присутствовали на открытии Татианинского убежища и мастерских при нём для увечных и раненых нижних чинов, чья родина была оккупирована⁸⁰. Александр Дмитриевич участвовал в деятельности таких организаций великой княгини, как Комитет по снабжению искусственными конечностями и другими протезами и механическими приспособлениями увечных воинов и неимущих людей и Комитет по устройству передвижных церквей для лазаретов г. Москвы и действующей армии (открыты в январе и апреле 1916 г.)⁸¹.

В начале 1915 г. вел. кн. Елизавета Фёдоровна дала своё имя военно-санитарному поезду (№ 234) Черниговского дворянства, снаряжённому Общедворянской организацией помощи больным и раненым воинам, в мае 1915 г. «при милостивом рескрипте» на имя А.Д. Самарина передала в Общедворянскую организацию Владимирскую икону Божией Матери⁸², в июне 1916 г. присутствовала на открытии московского отдела Общества повсеместной помощи

⁷² Например, Самарин поставил вопрос о необходимости принять на попечение организации семьи погибших и увечных воинов, а также самих инвалидов (ЦГА Москвы, ф. 113, оп. 1, д. 5, л. 38 об., 54 об., 55).

⁷³ Московские ведомости. 1916. 3 апреля. С. 3.

⁷⁴ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. С. 563.

⁷⁵ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 59.

⁷⁶ ЦГА Москвы, ф. 113, оп. 1, д. 5, л. 62—63 об.

⁷⁷ Московские ведомости. 1915. 16 июня. С. 3.

⁷⁸ Там же. 1915. 14 декабря. Прибавление.

⁷⁹ Там же. 1914. 13 сентября. С. 3; 16 сентября. С. 3; 8 октября. С. 3.

⁸⁰ Там же. 1916. 4 февраля. С. 4.

⁸¹ Там же. 27 января. С. 3; 30 июля. С. 3; 17 сентября. С. 3.

⁸² Там же. 1915. 3 мая. С. 3.

пострадавшим на войне солдатам и их семьям, председателем которого был Александр Дмитриевич⁸³.

Летом 1915 г. Александр Дмитриевич занял пост обер-прокурора по протекции вел. кн. Николая Николаевича и главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, его кандидатуру поддержали председатель Совета министров И.Л. Горемыкин и министр внутренних дел Н.Б. Щербаков⁸⁴. Свидетельств о поддержке со стороны Елизаветы Фёдоровны не обнаружено⁸⁵. Николаю II была известна ярко выраженная монархическая позиция Самарина. По словам С.П. Белецкого, «Государь, — я это знаю хорошо, — относился к Самарину сердечно; он его уважал, и это чувство крепло с годами»⁸⁶. Учитывая признанный авторитет Самарина, 15 июня 1915 г. царь писал: «Нужно выбирать человека, имя которого известно всей стране и единодушно уважается. С такими людьми в правительстве можно работать, и все они будут держаться сплоченно — это совершенно несомненно»⁸⁷.

Императрица, напротив, не жалела нелестных эпитетов, отзываясь о Самарине: «ужасно московский и ограниченный», «ужасно узколобый, настоящий московский тип — голова без души», «очень заносчивый человек», «очень неприятное впечатление от его самонадеянности, слепого обожания Москвы и презрения к Петербургу». «Самарин — твой враг, — убеждала она мужа, — если выступает против нашего Друга»⁸⁸. Попытку предотвратить назначение предпринял и Распутин. В письме от 16 июня 1915 г. Александра Фёдоровна сообщала супругу: «Когда Григ[орий] вчера услышал в городе перед отъездом, что Самарин назначен — это уже стало известно, — он был в полном отчаянии, так как он в последний вечер, когда был здесь неделю назад, умолял, чтобы ты не заменял им Саблера теперь, и говорил, что скоро может найтись нужный человек». Царица опасалась, что «теперь московская банда опутает нас, как паутина. Враги нашего Друга — наши враги»⁸⁹. Действительно, при первой же встрече с императором Александр Дмитриевич, по его словам, «с полной откровенностью высказал всё о Распутине» и сказал, что не может «мириться с его теперешним положением»⁹⁰.

Назначение Самарина в обществе встретили с одобрением⁹¹. Как отмечал А.И. Спиридович, считалось, что он «внесёт новую, светлую струю в управление Церковью и сумеет парализовать попытки влияния на её дела со стороны

⁸³ *Флоренский П., свящ.* В санитарном поезде Черниговского дворянства: Заметки и впечатления // Новый мир. 1997. № 5; Московские ведомости. 1916. 16 апреля. С. 3—4; 1915. 3 мая. С. 3; 1916. 22 июня. С. 3.

⁸⁴ *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 157.

⁸⁵ Предположение С.В. Фомина о наличии связи между встречей Николая II с Елизаветой Фёдоровной 7—8 июня 1915 г. и беседой императора с Самариным 10 июня 1915 г. о его назначении на пост обер-прокурора, на наш взгляд, ничем не подтверждено (*Фомин С.В.* Последний царский святой. Святитель Иоанн Максимович, митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец. Житие. Чудеса. Прославление. Служба. Акафист. СПб., 2003. С. 163).

⁸⁶ Воспоминания С.П. Белецкого // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1923. С. 24.

⁸⁷ Письмо Николая II Александре Фёдоровне, 15 июня 1915 г. // *Платонов О.* Николай II в секретной переписке. М., 2005. С. 164.

⁸⁸ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 196—198.

⁸⁹ Там же. С. 197.

⁹⁰ Там же. С. 199.

⁹¹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 586.

приверженцев Распутина. Сразу же пошли легенды, что он принял пост под условием, чтобы Распутин навсегда покинул Петербург и т.д. Никаких таких условий он не ставил, но они так отвечали желаниям общества, что легенде верили и ей безмерно радовались»⁹². Вел. кн. Елизавета Фёдоровна с 1910 г. также выступала против общения царской семьи с Распутиным. В отличие от Самарина, не скрывавшего своих оценок⁹³, она действовала частным образом — путём писем и личных бесед с царской четой. Нет оснований говорить про их совместное выступление против Распутина.

Получив право личного доклада монарху, новый обер-прокурор уже не нуждался в содействии великой княгини. К тому же их позиции далеко не всегда совпадали. В августе 1915 г. Совет министров при активном участии Александра Дмитриевича открыто воспротивился решению императора возглавить русскую армию⁹⁴. Вел. кн. Елизавета Фёдоровна, напротив, приветствовала этот шаг. 27 августа 1915 г. она писала Николаю II: «Молитвы всей России с тобою, особенно в эти дни всеобщего доверия, и усиленно поднимаются все души к Божией Матери, да укрепит Она, наша Заступница, тебя в подвиге, который ты взял на себя для Родины. Молитвенно с тобою»⁹⁵.

В августе того же года Самарин поддержал присланную царю телеграмму Московской городской думы, в которой помимо прочего указывалось на необходимость сформировать «министерство доверия»⁹⁶. К этому моменту он, по сути, уже отказался от идеи неограниченного самодержавия и готов был на уступки Прогрессивному блоку. На заседании Совета министров 21 августа 1915 г. Александр Дмитриевич заявил: «Я тоже люблю своего царя, глубоко предан монархии... Но если царь идёт во вред России, я не могу за ним покорно следовать»⁹⁷. Обратим внимание, что он фигурировал в списке членов предполагаемого октябристского правительства, опубликованном 14 августа 1915 г. в газете «Утро России»⁹⁸.

Вел. кн. Елизавета Фёдоровна, напротив, старалась не вмешиваться в политические вопросы. По словам А.И. Спиридовича, «в Москве считалось, что вел[икая] княгиня ушла от мира»⁹⁹. Ещё в годы русско-японской войны она говорила гр. С.Д. Шереметеву «о счастье своём, что она занята усиленно, и потому не замечает того, что перед нею и вокруг неё дрязги»¹⁰⁰.

Великую княгиню волновал вопрос о новом управляющем учреждений РОКК в Москве после назначения Самарина обер-прокурором. Она обратилась к вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, главе РОКК, с ходатайством о назначении на этот пост С.Д. Самарина: «Позволь мне замолвить слово за брата Самарина и рекомендовать его на должность брата в здешнем Красном Кресте? Зовут его Сергей Дмитриевич. Насколько я знаю, он будет придержи-

⁹² Спиридович А.И. Указ. соч. С. 228.

⁹³ ОР РГБ, ф. 265, к. 233, д. 37, л. 55.

⁹⁴ Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010. С. 370; Фомин С.В. Последний царский святой... С. 181.

⁹⁵ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 225.

⁹⁶ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910—1917). М., 2016. С. 430—431.

⁹⁷ Там же. С. 432.

⁹⁸ Шелохаев В.В. Либерализм в России в начале XX века. М., 2019. С. 413.

⁹⁹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 45.

¹⁰⁰ Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II... С. 701.

ваться в делах той же линии, что и его брат. Конечно, Александр Д[митриевич] не может рекомендовать своего брата, со свойственным самаринскому семейству тактом и сдержанностью он промолчит. Сергею Д[митриевичу] пятьдесят лет; 15 лет назад его выбрали предводителем дворянства Богородска, потом дважды переизбирали, а теперь он — губернский гласный от Самарской губ[ернии]. Если не ошибаюсь, он член Красного Креста и в курсе всех дел»¹⁰¹.

В июле 1915 г. в связи с «великим отступлением» русской армии вел. кн. Елизавете Фёдоровне пришлось экстренно решать вопросы оказания помощи эвакуированным женским монастырям и детским приютам. Она ходатайствовала перед Святейшим Синодом о предоставлении помещения Рижскому Свято-Троице-Сергиеву женскому монастырю. Её прошение поддержал и А.Д. Самарин. Поскольку в подобном положении оказались и другие обители вблизи театра военных действий, то Синод велел епархиальным архиереям «незамедлительно донести об имеющихся в их монастырях помещениях», которые можно было бы предоставить эвакуированным монашествующим¹⁰².

Самарин лишился должности обер-прокурора 26 сентября 1915 г. Непосредственной причиной его отставки стал разразившийся в Святейшем Синоде скандал из-за самочинных действий близкого к Распутину епископа Тобольского и Сибирского Варнавы (Накропина). Как вспоминал Спиридович, «Самарин осложнил дело, придав ему значение распутинского влияния на Церковь»¹⁰³. Сам Александр Дмитриевич считал, что его увольнение «знаменует собой полное торжество Распутина». Он полагал, что его уволили «по настоянию императрицы как сторонника вел[икого] князя (Николая Николаевича. — Е.К.)» и это «принесёт большой вред государю»¹⁰⁴.

Известие об отставке Самарина вызвало волну недовольства против царской четы и правительства¹⁰⁵. В постановлении Московской городской думы 30 сентября 1915 г. говорилось, что «рушатся надежды на скорое устройство церковной жизни согласно с ожиданиями преданного ей русского народа. Москва с тревогой и с сокрушением видит в этом участие тёмных сил, враждебных делу Церкви и государства, участие злых и пагубных влияний и соблазнов, встающих перед православной Церковью и угрожающих судьбам России»¹⁰⁶. Московское дворянское собрание устроило Александру Дмитриевичу «шумную оваацию» и постановило поместить его портрет в залах собрания¹⁰⁷. Московская духовная академия избрала его своим почётным членом. Газеты также «сочувственно» отнеслись к его уходу¹⁰⁸. Хотя Самарин, по свидетельству Л.А. Тихомирова, употреблял «все усилия, чтобы воздержать московское дворянство (единственно, где он имеет влияние) от всяких демонстраций за него», отставка «эксплуатировалась всеми антиправительственными элементами»¹⁰⁹, и

¹⁰¹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 202. Сергей Дмитриевич в это время был помощником своего брата в РОКК (См.: ОР РГБ, ф. 265, к. 155, д. 5, л. 5).

¹⁰² Рункевич С.Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Петроград, 1916. С. 151.

¹⁰³ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 230.

¹⁰⁴ ОР РГБ, ф. 265, к. 162, д. 11, л. 2.

¹⁰⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 247—248.

¹⁰⁶ Новое время. 1915. 30 сентября. С. 5.

¹⁰⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 3 т. Т. 3. М., 2015. С. 31—32.

¹⁰⁸ ГА РФ, ф. 550, оп. 1, д. 519, л. 51.

¹⁰⁹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1915—1917 гг. М., 2008. С. 143—146.

по престижу монарха был нанесён ощутимый удар. В окружении императрицы также понимали, что увольнение Александра Дмитриевича воспримут в Москве негативно, и вину в этом фрейлин С.И. Тютчеву и Е.Ф. Джунковскую: «Первую соединяли с кружком Самарина¹¹⁰, вторую — с братом (В.Ф. Джунковским. — Е.К.). Обоих же считали близкими вел. кн. Елизавете Фёдоровне»¹¹¹.

После увольнения Александр Дмитриевич продолжал активно заниматься политикой. 4 декабря 1916 г., в разгар правительственного кризиса, он возглавил Постоянный совет Объединённых дворянских обществ, который потребовал от правительства «министерства доверия» и принял резолюцию об устранении от власти «тёмных сил»¹¹². Императрица расценила это заявление как «внутреннюю войну» и дала совет Николаю II отнять у Самарина чин¹¹³. 4 января 1917 г. Александр Дмитриевич участвовал в переговорах с М.В. Родзянко, который поставил вопрос о необходимости передачи дел после ожидавшегося роспуска Думы «в руки Объединённого дворянства»¹¹⁴. Однако о подготовке революции речи не шло. Михаил Владимирович полагал, что впереди «более или менее длительное состояние государственной разрухи, которое в конце концов через “министерство доверия” приведёт к конституционной монархии и что эта коренная реформа и означает собой конечное успокоение»¹¹⁵. Несомненно, он считал Самарина своим единомышленником и видел в нём одного из возможных лидеров «движения для блага Родины и борьбы с предателями её»¹¹⁶.

10 января 1917 г. на аудиенции у Николая II Александр Дмитриевич доложил императору о декабрьской резолюции съезда Объединённых дворянских обществ. В начале встречи Самарин уверил царя в «исключительной преданности дворянства самодержавию» и настаивал на «необходимости для России, более чем когда-либо, крепкого монархического начала»¹¹⁷. При этом он отметил влияние на политику «скрытых безответственных сил», к которым причислил семь человек из окружения Александры Фёдоровны¹¹⁸, а в конце разговора заявил о необходимости ограничения самодержавия и передачи власти Совету министров¹¹⁹.

¹¹⁰ Об общении С.Д. Самариной с С.И. Тютчевой см.: Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы... Т. 1. С. 500.

¹¹¹ Спиридович А.И. Указ. соч. С. 248.

¹¹² Там же. С. 189.

¹¹³ Письма императрицы Александры Феодоровны к императору Николаю II. В 2 т. Т. 2. Берлин, 1922. С. 262.

¹¹⁴ ОР РГБ, ф. 15, к. 4, д. 1, л. 30. По свидетельству присутствовавшего на заседании П.А. Базилевского, Родзянко говорил, что «земство и земский союз парализованы; союз городов также; съезды не допускаются; значит, предпринятая Думой борьба за отрезвление будет в корне пресечена, и начатое дело должно погибнуть. Единственной общественной организацией, обладающей достаточным моральным авторитетом и сравнительной свободой действий, является объединённое дворянство, которое одно, по его мнению, может взять в свои руки дело, начатое Думой, принять её наследие» (Там же, л. 79 об.). См. также: Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 216, 294.

¹¹⁵ ОР РГБ, ф. 15, к. 4, д. 1, л. 80.

¹¹⁶ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 294, 216.

¹¹⁷ Материалы к жизнеописанию Александра Дмитриевича Самарина... С. 249.

¹¹⁸ Там же. С. 250.

¹¹⁹ По словам Самарина, «председ[атель] С[овета] м[инистров] должен обладать полной властью и объединять общей программой. Он должен представлять В[ашему] и м[ператорскому] в[еличеству] кандидатов в министры» (Там же. С. 253).

По словам Родзянко, Самарин считал, «что долг его — откровенно всё высказать царю»¹²⁰.

Великая княгиня также считала своим долгом говорить императору правду¹²¹. Как вспоминала гр. Олсуфьева, в это время вел. кн. Елизавета Фёдоровна «стояла за полное единство между императором и Думой, за строгое соблюдение конституционного закона 1905 года и за ответственный кабинет министров»¹²². Тем не менее она не вмешивалась открыто в государственные дела, а о её поддержке конституционной формы правления могли знать только близкие люди. 30 ноября 1916 г. великая княгиня прибыла в Царское Село, чтобы лично предупредить Николая II о росте напряжения в обществе из-за слухов о политическом влиянии Распутина¹²³. 1 декабря 1916 г. состоялся её последний разговор с сестрой, окончившийся разрывом отношений. В письме императору 29 декабря 1916 г. великая княгиня оправдывала участие кн. Ф.Ф. Юсупова в убийстве «старца»¹²⁴ и предположила, что общественное возмущение вскоре прекратится. Так или иначе, говорить о существовании какого-либо «московского лобби» во главе с Елизаветой Фёдоровной не приходится.

Поддерживая идею «ответственного министерства», вел. кн. Елизавета Фёдоровна и А.Д. Самарин оставались монархистами. Но если Самарин разочаровался в Николае II¹²⁵, то великая княгиня не изменила своих чувств. Поздравляя дорогого и близкого человека с Новым годом, она телеграфировала: «Да благословит тебя Бог, любимый Ники, и даст тебе, твоей стране и семье всего самого наилучшего — такова всегда преданная молитва твоей любящей старой сестры Эллы»¹²⁶. По мнению вел. кн. Ольги Александровны, «лишь мама (Мария Фёдоровна. — Е.К.) и тётя Элла по-настоящему защищали интересы Ники — но ни мама, ни моя тётушка не знали, по существу, всех деталей»¹²⁷.

12 марта 1917 г. Самарин послал «приветствие новой власти от чинов эвакуационного совещания г. Москвы», а 23 марта вместе с управлением главноуполномоченного РОКК принёс присягу на верность Временному правительству. В тот же день от имени прошедшего в Москве епархиального съезда клира и мирян Самарин отправил приветственную телеграмму новому обер-прокурору Святейшего Синода В.Н. Львову с предложением совместно «работать, не покладая рук, над трудной задачей искоренения веками накопленных зол» в жизни Русской Церкви¹²⁸.

Вел. кн. Елизавета Фёдоровна после падения монархии оказалась под «охраной Особого караула» Временного правительства. 15 марта её фактически отстранили от управления подчинявшимися ей московскими организациями. 17 марта, одной из последних в Императорской фамилии, она признала свершившийся переворот, заявив: «Признавая обязательным для всех подчинение

¹²⁰ Родзянко М.В. Указ. соч. С. 216.

¹²¹ Там же. С. 380—382.

¹²² Цит. по: Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Фёдоровны. М., 2011.

С. 16.

¹²³ Великая княгиня Елисавета Фёдоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 380.

¹²⁴ «Преступление остаётся преступлением, но это было своего рода дуэль и может рассматриваться как патриотический акт» (Там же. С. 381).

¹²⁵ Материалы к жизнеописанию Александра Дмитриевича Самарина... С. 54.

¹²⁶ Великая княгиня Елисавета Фёдоровна. Документы и материалы... Т. 2. С. 386.

¹²⁷ Там же. С. 372.

¹²⁸ Московские ведомости. 1917. 12 марта. С. 3; 22 марта. С. 3; 24 марта. С. 3; 25 марта. С. 3.

Временному правительству, заявляю, что и со своей стороны я вполне ему подчиняюсь. Елисавета Феодоровна»¹²⁹. Это позволило ей сохранить под своим руководством Марфо-Мариинскую обитель и установить связь с находившейся под арестом царской семьёй¹³⁰. Поддерживала ли она после этого отношения с Самариным, неизвестно. Их судьбы при большевиках сложились по-разному: вел. кн. Елизавету Фёдоровну убили под Алапаевском 18 июля 1918 г., а Александр Дмитриевич трижды арестовывался за активную церковную деятельность, провёл в заключении в общей сложности около пяти лет и скончался в Костроме в 1932 г.

¹²⁹ Там же. 1917. 19 марта. С. 3; Утро России. 1917. 19 марта. С. 4; Русское слово. 1917. 19 марта. С. 4.

¹³⁰ См. подробнее: Ковальская Е.Ю. Великая княгиня Елисавета Феодоровна: жизнь и служение между двумя революциями, февраль—октябрь 1917 г. // Вестник ПСТГУ. 2018. Сер. История. История Русской Церкви. № 85. С. 52—72.

Россия как многонациональная империя: итоги и перспективы изучения

Ольга Большакова

Russia as a multinational empire: research outcomes and prospects

Olga Bolshakova

*(Institute of Scientific Information on Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870016234-8

Изучение России как империи является сегодня одним из ведущих и активно развивающихся направлений в историографии. Принято считать, что «всё началось» с публикации в 1992 г. книги швейцарского историка А. Каппелера «Россия — многонациональная империя», которая вскоре была переведена на разные языки¹. На самом деле та готовность, с которой её приняло научное сообщество, обуславливалась особой актуальностью проблемы в условиях распада СССР на 15 суверенных государств и острой нехваткой исследований такого рода. Позже Каппелер отмечал, что интерес к имперскому опыту России в постсоветском обществе был тогда очень высок и публицистика в данном случае шла впереди научных изысканий. Он утверждал, что российская история «не может быть раскрыта без понимания общего полиэтнического контекста», и в своей книге постарался «откорректировать русоцентристский взгляд», воспринимавший её — особенно на Западе — как «историю русских»².

За прошедшие с тех пор без малого 30 лет количество работ, в которых Россия предстаёт как многонациональная империя, разросло невероятно, и для анализа всей их совокупности потребовалась бы фундаментальная монография. Однако особого внимания заслуживает та, не самая большая, но крайне существенная для российского читателя, часть вышедшей литературы, которую традиционно называли «зарубежной историографией», разделяя в зависимости от языка публикации на англо-американскую, немецкую, французскую и т.п. Сегодня, когда уроженцы разных стран обучаются и защищают диссертации в европейских и североамериканских университетах (и вовсе не обязательно возвращаются работать на родину), сообщество зарубежных русистов стало поистине космополитичным. Оно включает выходцев из России, Европы и Азии — от Скандинавии до Китая. Свои работы они по большей части публикуют на английском, который стал языком научной коммуникации.

Безусловно, национальная историография повсеместно сохраняет господствующие позиции при освещении прошлого родной страны. К тому же по своим размерам она обычно намного превосходит «зарубежную», которую в

© 2021 г. О.В. Большакова

¹ *Kappeler A. Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992; Каппелер А. Россия — многонациональная империя: Возникновение, история, распад. М., 1997.*

² *Каппелер А. «Россия — многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab imperio. 2000. № 1. С. 16—17, 27.*

современных условиях следовало бы назвать «мировой» или «транснациональной». Тем не менее всё больше исследователей выпускают свои труды на английском, участвуют в международных конференциях и грантах, что ведёт к частичной интеграции русистики. Если изобразить нынешнее соотношение «мировой» и «национальной» историографий России графически, это будет выглядеть как две пересекающиеся окружности, из которых вторая значительно больше первой.

В годы холодной войны «железный занавес» разделял не только социалистический и капиталистический мир, но и научные школы. В те времена «западная» историография России (где доминировали представители США) претендовала на научный приоритет — большую полноту анализа, непредвзятость и разнообразие подходов, тогда как советских историков существенно ограничивал диктат марксистско-ленинской идеологии. По мере его ослабления и особенно после его окончательного крушения сотрудничество зарубежных русистов с их российскими коллегами активизировалось, а затем сказались и общие тенденции глобализации науки и образования.

В последние десять лет произошла «интернационализация» исследований, посвящённых России и Восточной Европе (Russian and East European Studies). На её необходимость ещё в 2000 г. указала редакционная коллегия американского журнала «Критика» («*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*»). Способствует ей и журнал «*Ab imperio*», выходящий одновременно в Казани и Нью-Йорке и изначально созданный для освещения проблематики, связанной с империализмом и национализмом на постсоветском пространстве. В журнале сформулировали программу изучения «западного колониализма и династических территориально-протяжённых империй» (правда, в ней сразу же обозначился крен в сторону социологии, политологии, этнологии)³. Свой вклад в интеграцию вносит также издательство «Новое литературное обозрение», уделяющее большое внимание имперской истории России. Наряду с переводами новейшей западной литературы, оно выпускает всё больше совместных трудов иностранных и отечественных учёных, а также историков из бывших республик Советского Союза⁴.

Тем не менее, при всех интеграционных процессах, между национальной (отечественной) и зарубежной (транснациональной) историографией сохраняются существенные водоразделы, пролегающие прежде всего в области методологии. В России лишь в малой степени восприняли «имперскую парадигму», ставшую основой так называемого имперского поворота в исторической науке, который произошёл на Западе на рубеже 1980—1990-х гг. в связи с резко возросшим интересом к этничности и национализму. Безусловно, историки начали учитывать этническое и конфессиональное разнообразие страны, тер-

³ См. публикации, подготовленные коллективом журнала: Новая имперская история постсоветского пространства. Сборник статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань, 2004; *Empire Speaks Out: Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden, 2009; Новая имперская история Северной Евразии / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, М.Б. Могильнер. Ч. 1—2. Казань, 2017.

⁴ См., в частности: *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М., 2019; *Таки В.* Россия на Дунае: империя, элиты и политика реформ в Молдавии и Валахии, 1812—1834 годы. М., 2021. Показательна биография В. Таки: родившись и получив образование в Молдавии, он защитил диссертацию в Центрально-Европейском университете в Будапеште, затем работал в университете Альберты (Канада) и в Санкт-Петербургском филиале НИУ ВШЭ, после чего вновь переехал в Канаду.

мин «империя» стал практически обязательным при рассмотрении её истории XVIII—XIX вв. и желательным — для всего периода Раннего Нового времени. Отношение к Российской империи, которая ранее ассоциировалась с отсталостью и угнетением и осуждалась как «тюрьма народов», стало значительно более позитивным. Однако зачастую этим всё и ограничивается.

Между тем «имперский поворот» не только активизировал изучение империй как таковых, но и предложил иной взгляд на государственные формы, характеризующиеся высоким уровнем централизации власти и иерархической структурой наряду со значительным этнокультурным, языковым и правовым разнообразием управляемых территорий. К этим историческим «долгожителям», существовавшим по своим законам, неприменимы обычные мерки национального государства. В рамках активно развивающейся «новой имперской истории» их взаимодействие и соперничество рассматриваются в контексте «глобального» исторического процесса, в котором европейский «Запад» не выступает уже в роли ведущей силы во множестве неуправляемых процессов и случайных событий.

«Новая имперская история» тесно связана с постколониальными исследованиями, с их интересом к этничности и — что было особенно актуально в 1990-е гг. — к формированию идентичности. В отличие от «старой», занимавшейся изучением экономики, политики и военной экспансии, она придаёт большое значение человеческой субъективности и опирается на категории культуры, гендера и расы⁵. В центре её внимания — взаимодействие колонизаторов и колонизируемых, которое далеко не всегда сводится к прямому угнетению и репрессиям. Как писали редакторы журнала «Критика», «на смену “сосредоточению войск” пришёл дискурс, иностранному нашествию — культурные программы, прямому угнетению — микротехнологии власти»⁶. В «новой имперской истории» произошла существенная трансформация методологии. Так, при анализе источников, наряду с «медленным чтением» (*close reading*), теперь повышенное внимание уделяется языковым конструкциям и «маргинальным» точкам зрения. Неудивительно, что важное место в изучении империй отводится антропологии, культурологии (*cultural studies*), этнологии, гендерным исследованиям.

В зарубежной русистике «новая имперская история» получила большое развитие, хотя в ней используются далеко не все аспекты «имперской парадигмы»⁷. Тем не менее в её методологии и проблематике произошли существенные изменения. Трансформировались и общие представления об империи. Их теоретические основы в конце XX — начале XXI в. обсуждались в ведущих журналах («The Russian review», «Kritika», «Ab imperio» и др.), проводивших дискуссии и круглые столы с участием социологов и политологов⁸. Ими пред-

⁵ Ghosh D. Another set of imperial turns? // American historical review. 2012. Vol. 117. № 3. P. 772.

⁶ Some paradoxes of the «new imperial history» // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2000. Vol. 1. № 4. P. 624.

⁷ Есть отличные книги, не придерживающиеся «имперской парадигмы»: Lieven D. Empire: The Russian Empire and its rivals. New Haven, 2000; LeDonne J. Forging a unitary state: Russia's management of the Eurasian space, 1650—1850. Toronto, 2020.

⁸ Imperial dreams // The Russian review. 1994. Vol. 53. №. 3. P. 331—381; Ethnicity and nationality in imperial Russia // The Russian review. 2000. Vol. 59. № 4. P. 487—576; Ex tempore: Orientalism and Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2000. Vol. 1. № 4. P. 691—727; Политическая история империи — политическая история нации: на пути к синтетическому методу? // Ab imperio. 2002. № 2. С. 89—132. Кроме того, на рубеже веков вышло несколько значимых сборников: Russia's

лагались разнообразные дефиниции, которые удовлетворительно описывали бы и Россию, определялись принципы типологии. Тогда был проведён водораздел между «классическими» колониальными империями Западной Европы с их «заморскими» владениями и империями континентальными (Российской, Османской, Габсбургской). Принадлежность к двум разным типам подтверждалась и хронологически: континентальные империи исчезли после Первой мировой войны, а «морские» — вследствие Второй. Их распад косвенно подтверждал то, что СССР также являлся империей и рухнул, «не справившись» с национализмом, как ранее «не справился» с ним царизм.

Прежде социальные науки давали историкам готовую схему: империя, будучи домодерным феноменом, неизбежно идёт к распаду, уступая место современному национальному государству. Для этой «архаичной» государственной формы характерны безраздельная власть правителя, насильственные методы управления, неравноправие и дискриминация; властные отношения в ней строятся по вертикали и по оси центр—периферия, а социальная структура строго иерархична. В конечном счёте отсталые империи противопоставлялись прогрессивным и эффективным национальным государствам, основанным на равенстве и признании гражданских свобод. Эта схема исходила из теории модернизации и более общих представлений об историческом процессе как стадийном поступательном движении человечества к демократии западного типа. Она органично вписывалась в либеральную критику империй и империализма, безраздельно господствовавшую в западном общественном мнении и науке после Второй мировой войны.

Однако постколониальные исследования конца XX в. развивались уже в ином интеллектуальном климате — в условиях острой критики национализма, европоцентризма и идеи прогресса как таковой. Они изначально оспаривали «нормативный» характер теории модернизации, согласно которой условный «Запад» и такие его черты, как парламентская демократия, свобода предпринимательства, рыночная экономика и национальное государство, превращались в незыблемый эталон для всего мира. В новой системе координат колониализм видели уже не только как форму прямого господства и эксплуатации — речь шла о «дискурсивной власти», когда жители колонируемых территорий описывались европейцами как низшие по уровню развития и незрелые по сравнению с великодушными колонизаторами. Согласно разработанной Э. Саидом концепции ориентализма, учитывавшей идеи А. Грамши о субалтерновых (подчинённых) группах и М. Фуко о «власти/знании», описание «Востока» при помощи западных категорий приобретало авторитет универсальной «научности», не допуская самовыражения восточных народов. Тем самым подобное «знание» оказывалось инструментом колониального правления и одновременно служило самоутверждению Европы. Кроме того, говорилось об уничижительности модели «центр—периферия»⁹, о серьёзном влиянии колоний на метрополию и о том, что колониальное правление представляет собой систему взаимных уступок.

Orient: Imperial borderlands and peoples, 1700—1917 / Ed. by D.R. Brower, E.J. Lazzerini. Bloomington, 1997; Imperial Russia: New histories for the empire / Ed. by J. Burbank, D.L. Ransel. Bloomington, 1998; Of religion and empire: Missions, conversion, and tolerance in tsarist Russia / Ed. by R.P. Geraci, M. Khodarkovsky. Ithaca, 2001.

⁹ О периферийности «центра» при рассмотрении его из колоний см.: Chakrabarty D. Provincializing Europe: Postcolonial thought and historical difference. Princeton, 2000.

Спор о применимости в русистике схемы Саида обнажил серьёзные методологические проблемы. Ведь, оставаясь для Европы в каких-то отношениях «Востоком», Россия выступала как «Запад» на своих азиатских окраинах. Поэтому среди зарубежных авторов преобладает мнение, что она занимала особое, двойственное положение «между Востоком и Западом», и это обуславливало её «необычную» толерантность к восточным подданным¹⁰.

Так или иначе, фокус исследований сместился от центра к окраинам, к особенностям государствовождения в «имперской ситуации» и проблемам национальной идентичности — в том числе и русской, которая выковывалась во взаимодействии с другими народами. Изменился и общий ракурс: если раньше описывалась преимущественно модель «упадка» империи, неудержимо двигавшейся к своему краху, то теперь, в рамках «новой имперской истории», исследователи обратились к факторам её многовековой стабильности и процветания. При этом в новейшей литературе выделяются тематические «кластеры», требующие самостоятельного рассмотрения.

История с географией. Изучение России как империи, а не национального государства, неизбежно влечёт за собой фрагментацию исследований по регионам при расширении их географического охвата. Первоначально зарубежные историки обратили свой взгляд на западные окраины России, а также на Поволжье и Кавказ, затем — на Среднюю Азию и Русскую Америку, а в последние годы — на русско-китайское пограничье.

С 1990-х гг. в работах о России всё чаще использовался термин «Евразия». Исследователи и теоретики достаточно быстро оценили его эвристический и «освободительный» потенциал, позволяющий осознать проницаемость границ, увидеть культурное разнообразие контактных зон, сосредоточить внимание на империях и диаспорах, не вписывая их, как прежде, в рамку национальных историй¹¹. Это привело даже к переименованию некоторых научных институций и журналов, сменивших в названиях «Russian» на «Eurasian». Для транснациональной историографии (в отличие от отечественной) этот топоним выглядит политически нейтральным, а его употребление свидетельствует обычно о желании преодолеть бытовавшую в годы холодной войны фиксацию на изолированности стран и регионов¹². Вместе с тем это дало новый импульс для сравнений России с другими «евразийскими империями» позднего Средневековья и Раннего Нового времени, а также стимулировало интерес к контактным зонам между ними. И тут довольно быстро американскую концепцию фронта вытеснило понятие «пограничья», или «окраин» (*borderlands*).

Осмыслению этого феномена посвящена фундаментальная монография одного из крупнейших американских историков-русистов А. Рибера, сравнившего путь пяти империй (Габсбургов, Российской, Османской, Сефевидской и Цинской) с момента образования до почти одновременного распада в 1911—1923 гг. Он представил историю Евразии как «борьбу за окраины», происходившую на периферии этих держав и протекавшую на двух уровнях: «сверху, в ходе

¹⁰ См., в частности: *Orientalism and empire in Russia* / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, M. Martin. Bloomington, 2006.

¹¹ *Hagen M., von.* Empires, borderlands, and diasporas. Eurasia as anti-paradigm for the post-Soviet era // *American historical review*. 2004. Vol. 109. № 2. P. 445—468.

¹² *Kotkin S.* Mongol Commonwealth? Exchange and governance across the Post-Mongol space // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history*. 2007. Vol. 8. № 3. P. 487—531; *Grant B.* We are all Eurasian // *NewsNet*. 2012. Vol. 52. № 1. P. 6.

государственного строительства, и снизу — в виде реакции порабождённых народов», добивавшихся сохранения своей культуры и автономии «посредством сопротивления либо приспособления к имперскому правлению»¹³. Благодаря трудам Рибера в историографии закрепилось представление, согласно которому окраины континентальных империй — это «оспариваемое геополитическое пространство», с размытыми, подвижными и легко проницаемыми границами. И это больше нацеливало исследователей на выявление множества сложных взаимосвязей — межгосударственных, межкультурных, межэтнических.

Новое понимание характерных черт Российской империи предлагают история пространства (*space history*), занимающаяся его субъективным измерением и отвергающая прежний географический детерминизм¹⁴, и транснациональная история, освещающая «движение людей, товаров и идей через границы и материки». Их подходы лучше всего зарекомендовали себя там, где прослеживаются «пересечения» и культурные связи, в частности, при анализе процессов в тех регионах, где сталкивалось российское и османское влияние (Средняя Азия, Поволжье, Крым и Кавказ), или на русско-австрийском пограничье, в Польше¹⁵. «Государство» не играет в этих исследованиях основополагающей роли, основное внимание уделяется людям — их субъективному опыту, идеям и пристрастиям, наконец, формам идентичности, а этническое, языковое и культурное разнообразие раскрывается в контексте противостояния империй.

Не следует забывать, что империи — это всегда завоевания и соперничество, как военное, так и дипломатическое или экономическое. К XIX в. Россия, по общему мнению, уже являлась равноправной участницей «мира империй», она «понимала себя и действовала — дипломатически, экономически, дискурсивно — в рамках глобального имперского миропорядка, основанного на имперской экспансии и конкуренции»¹⁶. Однако традиционный геополитический подход активно увязывается теперь с развитием глобальной и экологической истории. Современная историография высвечивает такие «романтические» аспекты империализма, как сопутствовавший ему дух приключений и открытий, мечтания о завоевании природы и «торжестве европейской цивилизации над дикостью». Русские экспедиции, осмысленные как инструмент собственно «имперской» экспансии (в том числе интеллектуальной), всё больше привлекают внимание.

Не игнорируют зарубежные авторы и морскую стихию. За последние 20 лет в мировой историографии утвердилось мнение, что моря и океаны вовсе не препятствия, а скорее пространство взаимодействия, торгового и культурного обмена, движения населения¹⁷. Неудивительно, что и в русистике появля-

¹³ Rieber A.J. The struggle for the Eurasian borderlands: From the rise of Early Modern empires to the end of the First World war. Cambridge, 2014. P. 1.

¹⁴ Bassin M. Imperial visions: Nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East. 1840—1865. Cambridge, 1999; Russian empire: Space, people, power / Ed. by J. Burbank, M. Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007; Space, place, and power in modern Russia: Essays in the new spatial history / Ed. by M. Bassin, C. Ely, M.K. Stockdale. DeKalb, 2010.

¹⁵ Empire and belonging in the Eurasian borderlands / Ed. by K.A. Goff and L.H. Siegelbaum. Ithaca, 2019. P. 2; Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. N.Y., 2010; Shatterzone of Empires: Coexistence and violence in the German, Habsburg, Russian, and Ottoman borderlands / Ed. by O. Bartov, E.D. Weitz. Bloomington, 2013.

¹⁶ Bojanowska E.M. A world of empires: The Russian voyage of the frigate «Pallada». Cambridge; L., 2018. P. 5—6.

¹⁷ Leikin J. Across the seven seas: Is Russian maritime history more than regional history? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian history. 2016. Vol. 17. № 3. P. 631—646.

ются монографии, в той или иной мере строящиеся вокруг «морской темы»¹⁸. Действительно, стремление к морю — один из тропов имперской истории, причём не только российской. Однако долгое время русисты, помня про «континентальный» характер России, находились под обаянием колонизации — освоения огромных территорий Евразии, и прежде всего Степи¹⁹. И наметившийся поиск «морских» сюжетов в русской истории свидетельствует о том, что прежняя классификация понемногу утрачивает свой вес. В частности, всё чаще отмечается условность противопоставления континентальных и заморских империй, поскольку путешествие, скажем, из Москвы в Омск вряд ли было легче, чем на пароходе из Марселя в Тунис²⁰.

Общей тенденцией зарубежной историографии остаётся стремление к большей открытости. Так, и в русистике изначально превалявавшая склонность к глубокому погружению в отношения различных регионов с «центром» уступила потребности увидеть их место и роль в контексте всей империи и во взаимосвязи с «заграницей». Становление империи воспринимается при этом как процесс принципиально незавершённый, как *«work in progress»* — она постоянно строится, расширяя свои границы, как физические, так и ментальные.

Строительство империи. Существование Российской империи уже давно не отсчитывается с эпохи Петра I. В ряде современных работ оно охватывает период с середины XV в. до 1917 г., а иногда (особенно в публикациях журнала *«Ab imperio»*) и до 1991 г. Чаще всего её возникновение связывают с присоединением Казани Иваном IV (т.е., по сути, отождествляют империю и царство). Это облегчает анализ её особенностей в контексте общей истории Евразии, где, опираясь на наследие Чингисхана, Османская, Сефевидская, Могольская и Цинская империи вырабатывали сходные стратегии управления и типичную имперскую идеологию²¹.

В рамках такого, очень влиятельного в русистике, сравнительно-исторического подхода Россия выглядит как одна из типичных евразийских империй Раннего Нового времени, усиление которых происходило в течение XV—XVIII вв. по мере развития коммуникаций, формирования бюрократии и усовершенствования армии, обеспечивавших сильную, почти абсолютную власть правителя на обширных пространствах, населённых разнообразными народами. При этом центр (метрополия) безусловно доминировал над периферией, но подчинение покорённых народов и провинций осуществлялось на разных условиях. «Разнообразие» — ключевое слово для описания империи, возникшей в ходе завоевания, но сохранявшей на присоединённых территориях сложившиеся там формы управления, социальной организации и образа жизни. Большой вес в изучении «евразийского прошлого» России получила концепция «империи различий», согласно которой политика «дифференциации» по отношению к

¹⁸ Jones R.T. Empire of extinction: Russians and the North Pacific's strange beasts of the sea, 1741—1867. Oxford, 2014; Roberts A. Migration and disease in the Black Sea region: Ottoman-Russian relations in the late eighteenth and early nineteenth centuries. L.; N.Y., 2016; Sifneos E. Imperial Odessa: Peoples, spaces, identities. Leiden; Boston, 2018; Herlihy P. Odessa recollected: The port and the people. Brighton (Mass.), 2018.

¹⁹ Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: The making of a colonial empire, 1500—1800. Bloomington, 2002; Sunderland W. Taming the wild field: Colonization and empire on the Russian steppe. Ithaca, 2004.

²⁰ Campbell I.W. Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731—1917. Ithaca, 2017. P. 10.

²¹ Kollmann N.Sh. The Russian empire, 1450—1801. N.Y., 2017. P. 2.

отдельным группам населения (например, к остзейским баронам и сибирским охотникам) обеспечивала стабильность и целостность империи²².

«Евразийское прошлое» России не исключает и сравнений другого рода. В частности, процесс поглощения Казанского царства рассматривается и в контексте европейского государственного строительства²³. Хотя при этом, разумеется, не отрицается значимость для Московского государства как монгольского, так и византийского политического и культурного наследия.

В исследованиях начального периода строительства империи особое внимание уделяется политике и риторике завоеваний, которые интерпретируются достаточно нейтрально: «экспансионизм» считается сегодня одной из существенных характеристик эпохи Раннего Нового времени как в Европе, так и в Евразии в целом. Прослеживая эволюцию обоснований экспансии, авторы указывают, что в XVI—XVII вв. актуальным «лозунгом» была «победа над исламом», в XVIII в. высшей целью стало достижение статуса великой державы, но никогда не исчезала и идея «возвращения исконных земель»²⁴.

Исследователи отмечают гибкость политики Москвы, постоянно пересматривавшей условия своих «сепаратных сделок» с теми или иными народностями в том, что касалось объёма налогов и повинностей, форм местного управления и прав. В то же время они указывают на отсутствие в ней «системы и последовательности»²⁵. Испытывавшей недостаток людей имперской власти приходилось действовать прагматично: там, где структура общества была более схожей с московской, цари даровали новым подданным фактически те же самые права и привилегии, какими пользовались и жители метрополии. К востоку от Казани Москва (как и её тогдашние соперники — Османская империя и империя Цин) принимала «политическую, социальную и культурную экологию Степи» и демонстрировала веротерпимость. Те же стратегии контроля со стороны центра применялись и к «инородцам» Сибири: государство не слишком вторгалось в их жизнь, и дань в первое время была довольно умеренной. Вместе с тем признаётся, что отсутствие «идеологии крестового похода» (*crusading ideology*) отличало православных завоевателей от католических конкистадоров²⁶. Некоторые народности (как, например, башкиры) привлекались к защите степных рубежей. Но особую роль в этом играло казачество. Казаки выступали не только колонизаторами, но и посланниками царя, активно участвовали в освоении новых земель и развитии торговли. Одновременно под влиянием государства и контактов с местным населением происходило изменение идентичности этой мультиэтнической общности, о чём с интересом пишут зарубежные историки²⁷.

²² Burbank J., Cooper F. *Empires in world history: Power and the politics of difference*. Princeton, 2010.

²³ Romaniello M.P. *The elusive empire: Kazan and the creation of Russia, 1552—1671*. Madison (Wis.), 2012.

²⁴ См., в частности: Kollmann N.Sh. *Op. cit.* P. 5—6.

²⁵ Steinwedel Ch. *Threads of empire: Loyalty and tsarist authority in Bashkiria, 1552—1917*. Bloomington, 2016. P. 19.

²⁶ Steinwedel Ch. *Threads of empire...* P. 41; Kivelson V. *Cartographies of tsardom: The land and its meanings in seventeenth-century Russia*. Ithaca, 2006.

²⁷ Boeck B.J. *Imperial boundaries: Cossack communities and empire-building in the age of Peter the Great*. Cambridge (Mass.), 2007; Barrett T.M. *At the edge of empire: The Terek cossacks and the North Caucasus frontier, 1700—1860*. Boulder, 1999; Witzennrath Chr. *Cossacks and the Russian Empire, 1598—1725: Manipulation, rebellion and expansion into Siberia*. L.; N.Y., 2007.

На огромном расстоянии от Москвы власть царя поддерживалась по большей части символически, поэтому средствам её репрезентации и отразившим их текстам, включая «ментальные карты», уделяется повышенное внимание. Как правило, при этом говорится о формировании своего рода «наднациональной» идеологии, укоренённой в православии, об описании правящей династии как героической, харизматичной, способной защитить страну от врагов, а подданных — от несправедливости. «Правосудие и милость» — классические атрибуты правителя в евразийской традиции²⁸. По мере включения Российской империи в европейские дела европеизировалась и её идеология²⁹. К концу XVIII в., когда была установлена власть над Сибирью, началось продвижение на Дальний Восток и Аляску, удалось отвоевать у Османской империи часть черноморского побережья и произошли разделы Польши, складывается образ империи, несущей «свет цивилизации». Тогда же важной характеристикой её величия, наряду с военной мощью, становятся богатство и разнообразие подвластных ей народов и пространств. Подчёркивая отличия России, зарубежные историки констатируют, что реализованный ею вариант цивилизаторской миссии был типичным для европейских империй того времени, однако он не принижал зависевшие от неё этносы, будучи «интегративным, а не иерархичным»³⁰.

Включение в состав Российской империи Средней Азии и Казахстана в XVIII—XIX вв. совершилось уже в европейском, а не евразийском культурно-идеологическом контексте. Было ли это аннексией или добровольным присоединением, каждый исследователь решает сам, но обычно учитывается, что те или иные государственные и протогосударственные образования, зажатые между более сильными соседями, выбирали Россию как «меньшее зло».

С конца XVIII в. империя активизирует в этих регионах сбор информации, которую русским администраторам предоставляли участники экспедиций, чиновники, военные и местные жители. В Казахской степи, например, он начался сразу после вхождения в состав империи Малой и Средней орды, однако массовым стал уже после учреждения в 1845 г. Русского географического общества; большой вклад в эту работу вносили «казахские посредники». Оказалось, что, вопреки мнению Саида, знание производилось в тесном сотрудничестве с теми, кому предстояло его затем навязать. Мощным инструментом имперского управления становится использование статистики («знания») для категоризации и гомогенизации населения³¹.

Изучение азиатских регионов Российской империи позволяет применить постколониальный анализ в практически чистом виде. Во второй половине XIX в., завоевав Среднюю Азию, Россия встала в один ряд с такими державами, как Англия и Франция; изменилось и её самоощущение, и способы управления, и лежавшая в их основе цивилизаторская риторика. Сам «научный»

²⁸ Kollmann N.Sh. Op. cit. P. 3—4.

²⁹ Имперская идеология XVIII в. исследуется достаточно активно, в том числе и нашими соотечественниками: Maiorova O. From the shadow of empire: Defining the Russian nation through cultural mythology, 1855—1870. Madison, 2010; Proskurina V. Creating the empress: Politics and poetry in the age of Catherine II. Brighton, 2011.

³⁰ Kollmann N.Sh. Op. cit. P. 451. См. также: Vulpius R. The Empire's Civilizing Mission in the Eighteenth Century: A Comparative Perspective // Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts / Ed. by T. Uyama. N.Y., 2012. P. 13—31.

³¹ Campbell I.W. Knowledge and the ends of empire: Kazak intermediaries and Russian rule on the Steppe, 1731—1917. Ithaca, 2017. P. 11.

дискурс того времени был европейским по существу и отсылал к современному, модерному колониальному строительству, с характерным для него стремлением «возвысить» отсталые окраины³². Так, в Европе и в России обсуждались приёмы, которые могли бы приучить кочевников к оседлому образу жизни, считавшемуся признаком «цивилизации». В мировой историографии история освоения русскими Туркестана анализируется именно в колониальном контексте и прямо или опосредованно сравнивается с происходившим в Британской Индии³³. При этом в дореволюционных и советских проектах по обустройству и экономическому развитию региона обнаруживается отчётливая преемственность³⁴.

Пищу для размышлений даёт и самая отдалённая, «настоящая» колония России — Аляска. Несмотря на то, что она недолго находилась в составе империи, в местной культуре до сих пор просматривается «российский след». И это позволяет по-новому раскрыть проблему эффективности «управления по-русски»³⁵.

Политика империи. Управление империей остаётся самой актуальной и востребованной темой. При этом исследуется преимущественно политика, обеспечивавшая социальную стабильность и лояльность нерусских подданных.

Зарубежные историки изначально указывали на отличие «морских» держав, чьи колонии находились на большом удалении от метрополии, от России, Османской Турции или владений австрийских Габсбургов, расширявшихся обычно за счёт смежных территорий. Этим будто бы было обусловлено нерасторжимое единство колониальной и внутренней политики континентальных империй, и в результате возникала ситуация «внутренней колонизации», при которой государство относилось к подчинённым (субалтерновым) социальным группам, прежде всего к крестьянству, по сути, как колониальная администрация³⁶. Однако в России, как свидетельствует целый ряд исследований, дело обстояло сложнее: «колонизируемые» в центральных губерниях русские крестьяне на азиатских окраинах выступали полноценными колонизаторами³⁷.

Пытаясь проследить формирование русской имперской идентичности и выявить методы культурной ассимиляции, историки обращаются к политике русификации и христианизации, включая и такие прежде неочевидные её аспекты, как преобразование ландшафта и наделение тех или иных мест исто-

³² *Sahadeo J.* Russian colonial society in Tashkent, 1865—1923. Bloomington, 2007; *Northrop D.* Veiled empire: Gender and power in Stalinist Central Asia. Ithaca, 2004; *Khalid A.* Central Asia: A new history from the imperial conquests to the present. Princeton, 2021; *Keller Sh.* Russia and Central Asia: Coexistence, conquest, convergence. Toronto, 2020.

³³ *Brower D.* Turkestan and the fate of the Russian empire. N.Y., 2003; *Morrison A.S.* Russian rule in Samarkand, 1868—1910: A comparison with British India. Oxford, 2008.

³⁴ *Obertreis J.* Imperial desert dreams: Cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860—1991. Gottingen, 2017; *Peterson M.K.* Pipe dreams: Water and empire in Central Asia's Aral Sea basin. Cambridge, 2019.

³⁵ *Luehrmann S.* Alutiiq villages under Russian and U.S. rule. Fairbanks, 2008; *Miller G.A.* Kodiak Kreol: Communities of empire in early Russian America. Ithaca, 2010; *Vinkovetsky I.* Russian America: An overseas colony of a continental empire, 1804—1867. Oxford; N.Y., 2011; *Owens K.N., Petrov A.Yu.* Empire maker: Aleksandr Baranov and Russian colonial expansion into Alaska and Northern California. Seattle, 2015.

³⁶ *Эткинд А.* Внутренняя колонизация: имперский опыт России. М., 2013; *Sabol S.* «The touch of civilization»: Comparing American and Russian internal colonization. Boulder, 2017.

³⁷ *Peopling the Russian periphery: Borderland colonization in Eurasian history* / Ed. by N. Breyfogle, A. Schrader, W. Sunderland. N.Y., 2007.

рическими ассоциациями, имеющими сакральное значение³⁸. Репрессивный характер действий властей в работах, как правило, не акцентируется (но, безусловно, учитывается). Одним из первых объектов исследования стали западные окраины России. Ещё в 1990-е гг. американец Т. Уикс писал о том, что русификация началась не при Александре III, а гораздо раньше — после подавления польского восстания 1863 г. Правда, проводилась она не последовательно и сводилась, по сути, к ряду мер, вызванных сиюминутными нуждами. Позднее присоединившиеся к разработке данной темы учёные показали, что внедрение русского языка в делопроизводство и образование отнюдь не означало тотальную культурную ассимиляцию. Империя по-прежнему демонстрировала этноконфессиональную толерантность³⁹.

Вместе с тем насаждение русской культуры в южной и восточной части Российской империи (а позднее и СССР) рассматривается как инструмент европеизации и развития «отсталых» окраин. Не случайно исследователи обращают внимание на образование и просвещение, на углубление востоковедческих штудий, а также на возникновение модернизаторских движений среди нерусских народностей (в частности, джадидов и хаскала)⁴⁰.

Большой массив литературы посвящён конфессиональной политике империи, которая ранее отождествлялась с национальной. Однако, поскольку в царской России религиозная идентичность была неотделима от национальной, а вероисповедание играло основополагающую роль в классификации населения, американский профессор П. Верт признал неисторичным использование такой аналитической категории, как «национальность», вплоть до 1917 г. По его мнению, управление империей зиждилось на религиозных институтах и понятиях⁴¹. Тем самым он солидаризировался с концепцией Р. Круза, увидевшего в России признаки «конфессионального государства»⁴². Разветвлённая сеть конфессиональных структур, действовавших в сфере образования и социального обеспечения, решавших правовые вопросы и судебные споры, наконец, заключавших и расторгавших браки, воспринимается им как «инструмент имперского управления». Впрочем, далеко не все согласились с концепцией Круза. Основная масса исследователей склонна писать о смешанной «этноконфессиональной политике».

В большинстве их работ, без каких-либо моральных оценок, реконструируется ситуация в том или ином регионе. Достаточно глубоко (а в каких-то аспектах и исчерпывающе) изучено Поволжье. Причём если сначала освещалась преимущественно политика «центра», то затем настала очередь мусульманства

³⁸ Kozelsky M. Christianizing Crimea: Shaping sacred space in the Russian empire and beyond. DeKalb, 2010.

³⁹ Weeks T. Nation and state in late imperial Russia: Nationalism and russification on the Western frontier, 1863—1914. DeKalb, 1996; Staliūnas D. Making Russians: Meaning and practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam; N.Y., 2007.

⁴⁰ Dowler W. The classroom and empire: The politics of schooling Russia's Eastern nationalities, 1860—1917. Montreal, 2001; Geraci R.P. Window on the East: National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca, 2001; Tolz V. Russia's own Orient: The politics of identity and Oriental studies in the late imperial and early Soviet periods. Oxford, 2004; Khalid A. The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998; Litvak O. Conscript and the search for modern Russian Jewry. Bloomington, 2006.

⁴¹ Werth P. The tsar's foreign faiths: Toleration and the fate of religious freedom in imperial Russia. Oxford; N.Y., 2014.

⁴² Crews R.D. For prophet and tsar: Islam and empire in Russia and Central Asia. Cambridge, 2006.

и особых групп (к примеру, кряшен)⁴³. Уже в значительной мере раскрыта «общественно-политическая» и социально-культурная роль ислама, показано участие мусульман в строительстве империи⁴⁴. В бурно развивающейся иудаике, сосредоточенной прежде всего на проблемах еврейской идентичности, также пристально анализируется влияние правительственной политики⁴⁵.

В исследованиях зарубежных русистов прослеживается общая траектория этноконфессиональной политики Российского государства⁴⁶. В XVI—XVII вв. необходимость защиты рубежей преобладала над религиозными соображениями: в Московском царстве не стремились превратить тюркоязычное и финно-угорское население Поволжья, Степи и Сибири в русскоговорящих православных. С петровского времени и вплоть до смерти императрицы Елизаветы Петровны в Поволжье и Сибири практиковались массовые насильственные крещения язычников и мусульман. Затем наступила эпоха толерантности, и только в конце 1820-х гг. под влиянием идей «романтического национализма» с его обострённым вниманием к этнографическим особенностям различных племён и народностей возникло достаточно утопическое чаяние того, что в обозримом будущем все подданные империи станут православными и русскоговорящими. При этом в восточных регионах веротерпимость почти не нарушалась вплоть до гибели монархии.

Между тем с конца 1820-х гг. от Крыма до Аляски оживилась миссионерская деятельность. Как и в других колониальных империях, усиленно осуществлялось просвещение иноязычного иноверческого населения, в России получившее характер его русификации. В период «поднимающегося национализма», который считается частью «века империй», пореформенная Россия вступала одновременно с Европой. Активную русификацию в эти годы фиксируют главным образом исследователи западных окраин империи, и то с большими оговорками. Стремясь поддерживать стабильность и спокойствие в обществе и избегая трений с Османской империей и Персией, правительство придерживалось веротерпимости, особенно в южных регионах, за исключением Степи, где его руки были полностью развязаны, и политика русификации и христианизации велась достаточно свободно. Тем не менее вплоть до присоединения

⁴³ Werth P.W. At the margins of orthodoxy: Mission, governance, and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827—1905. Ithaca, 2002; Kefeli A. Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. Ithaca, 2014; и др.

⁴⁴ Campbell E. The Muslim question and Russian imperial governance. Bloomington, 2015; Frank A.J. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, education, and the paradox of Islamic prestige. Leiden, 2012; Tuna M. Imperial Russia's Muslims: Islam, empire and European modernity, 1788—1914. Cambridge, 2015; Kane E. Russian hajj: empire and the pilgrimage to Mecca. Ithaca, 2015; Ross D. Tatar empire: Kazan's Muslims and the making of imperial Russia. Bloomington, 2020.

⁴⁵ Schainker E.R. Confessions of the shtetl: converts from Judaism in imperial Russia, 1817—1906. Stanford, 2017; и др.

⁴⁶ Помимо уже упоминавшихся монографий и сборников см.: Breyfogle N.B. Heretics and colonizers: Forging Russia's empire in the south Caucasus. Ithaca, 2005; Frank A. J. Muslim religious institutions in imperial Russia: The Islamic world of Novouzensk district and the Kazakh Inner Horde, 1780—1910. Leiden; Boston, 2001; Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845—1917. Montreal, 2002; Kan S. Memory eternal: Tlingit culture and Russian Orthodox Christianity through two centuries. Seattle, 1999; Miller G. A. Kodiak Kreol: Communities of empire in early Russian America. Ithaca, 2010; Mostashari F. On religious frontier: Tsarist Russia and Islam in the Caucasus. L., 2006; Naganawa N. Molding the Muslim community through the tsarist administration: Mahalla under the jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly after 1905 // Acta Slavica Iaponica. Sapporo, 2006. Vol. 23. P. 101—123; Skinner B. The Western front of the Eastern church: Uniate and Orthodox conflict in 18th-century Poland, Ukraine, Belarus, and Russia. DeKalb, 2009.

Средней Азии в 1870-е гг. среди кочевников «киргиз-кайсацкой степи» ислам использовался в качестве «инструмента цивилизации», лишь затем его заменили православие и русская культура. После революции 1905—1907 гг. и особенно в ходе Первой мировой войны в условиях стремительного пробуждения национального сознания значение традиционной сословной иерархии и конфессиональной принадлежности снизилось, а провозглашённая в 1905 г. «свобода совести» стала идеалом, сохранявшим своё значение и в раннесоветскую эпоху.

Падение империи. Гибель Российской империи в какой-то момент оказалась на обочине зарубежной историографии, как и «парадигма 1917 г.». Кроме того, после распада Советского Союза многие искренне считали, что империи являются исторически обречённым типом государства, и по мере созревания национального самосознания на периферии они непременно разрушаются, уступая место более современной и совершенной политической конструкции. Однако конкретно-исторические исследования по мере накопления материала всё убедительнее опровергали эту схему. Характерные для империи методы «дифференциации» обнаруживались в практике национальных государств, а имперские власти занимались формированием наций. Дихотомия «нация—империя», как и другие идеально-типические конструкции, все меньше удовлетворяют профессиональных историков⁴⁷. Откровенно прогрессистское представление о национализме как главном «могильщике» империй постепенно исчезает из их работ⁴⁸. В последнее время в них больше говорится об этничности и культуре.

Только столетие Первой мировой войны заставило вспомнить о причинах и обстоятельствах исчезновения четырёх континентальных империй. Это позволило по-новому посмотреть и на Русскую революцию, хронологические рамки которой были существенно расширены. Теперь уже обычно пишут о «непрерывном кризисе» 1914—1922 гг. А некоторые историки предпочитают даже рассуждать об общемировом кризисе начала XX в., представлявшем единую цепь войн и революций.

В опубликованных «к юбилею» трудах представлена широкая панорама событий, происходивших в разных частях Российской империи⁴⁹. Лучше всего специфика «имперского подхода» к данной тематике отразилась в фундаментальной монографии Дж. Санборна, использовавшего модель деколонизации. По его мнению, в ходе Первой мировой войны решалась судьба самого существования империалистического контроля. Кризис начался задолго до убийства в Сараево. В России же он прошёл несколько стадий, начиная с «имперского вызова» (его Санборн видит в Туркестанском восстании 1916 г.) и заканчивая «социальной катастрофой», перешедшей в «апокалиптический штопор» в период Гражданской войны. Между тем процесс крушения государства был запущен ещё в августе 1914 г., когда вступил в действие закон о военном положении на западных рубежах империи. В прифронтовых зонах возник вакуум власти, процветала анархия, за которой последовала экономическая разруха.

⁴⁷ Kivelson V.A., Suny R.G. Russia's empires. N.Y., 2017. P. 12.

⁴⁸ Детально проблема соотношения национального и имперского государственного строительства в Европе и Евразии в течение «длинного XIX в.», рассмотрена в сборнике: Nationalizing empires / Ed. by A. Miller, S. Berger. Budapest, 2015.

⁴⁹ Особенно показателен сборник, изданный в рамках масштабного международного проекта «Великая война и революция в России, 1914—1922»: The empire and nationalism at war / Ed. by E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen. Bloomington, 2014.

На фоне поражений и отступления армии в 1915 г. эти проблемы, проявившиеся сначала только в западных губерниях, быстро проникли в глубь страны. После Февральской революции казалось, что федерализм способен удовлетворить запросы местных элит при сохранении центральной власти. Однако борьба за национальные права выплеснулась летом 1917 г. на улицы, антиколониальные лозунги зазвучали и в метрополии, похоронив политический авторитет партии кадетов. Принцип «права наций на самоопределение», соединённый с крайне популярным лозунгом «мир без аннексий и контрибуций», получил поддержку широких масс. В дальнейшем, получив международное признание, в том числе на Версальской конференции, он стал неотъемлемой частью послевоенного миропорядка⁵⁰.

Позиция Санборна во многом близка взглядам А.И. Миллера, который склонен искать причины распада империи в центре, а не в антиимпериалистических движениях на периферии⁵¹. В. Кивелсон и Р. Суни также указывают на постепенное ослабление метрополии и утрату ею прежнего авторитета⁵². Однако, по их наблюдениям, приёмы и принципы имперского правления сохранились и после падения царского режима. И это для них главный аргумент в пользу того, что «антидемократический» Советский Союз также являлся империей. Подспудное убеждение в том, что национальное государство, с равенством и правами человека — «лучшая» и наиболее «эффективная» форма организации власти, видимо, продолжает влиять на интерпретации историков.

* * *

За последние 30 лет разработка имперской парадигмы в зарубежной русистике достигла зрелости. При этом, в отличие от «новой имперской истории» других регионов мира, в ней сохраняется устойчивый интерес к институтам, характерный скорее для эпохи господства теории модернизации. Тем не менее всё реже в исторических трудах встречается термин «модернизирующаяся империя» и всё чаще описываются различные формы, приёмы и инструменты империостроительства, касающиеся как «воображаемой географии» («присвоения пространства»), так и культурно-лингвистической консолидации населения.

Некогда широко распространённое мнение о том, что по сравнению с европейскими державами Россия проявляла меньшую склонность к насилию и большую толерантность по отношению к колонизируемым, теперь высказывается осторожнее и с оговорками. Поскольку прежние трактовки «тюрьмы народов» опровергнуты, историки всё реже упоминают про ту или иную уникальность российского империализма. А насилие как интегральная часть всякого колониализма активно изучается на материале как восточных, так и западных окраин России. В условиях заметного «полевения» мирового научного сообщества среди учёных набирает обороты «возвращение к истокам» — к социальной истории низов и угнетённых групп. В современной ситуации следует также ожидать

⁵⁰ *Sanborn J.* Imperial apocalypse: The Great war and the destruction of the Russian empire. N.Y.; Oxford, 2014.

⁵¹ *Miller A.* The role of the First World War in the competition between Ukrainian and All-Russian nationalism // The empire and nationalism at war. P. 87.

⁵² *Kivelson V.A., Suny R.G.* Russia's empires. N.Y., 2017. P. 266.

повышенного внимания к гендерным сюжетам — это одна из лакун в исследованиях Российской империи в рамках «новой имперской истории»⁵³.

Перспективным направлением представляется изучение проблематики экоистории и в первую очередь — истории медицины и естественных наук, служивших освоению природных богатств России⁵⁴. Несомненно, по-прежнему актуально и «человеческое измерение» прошлого, а фигура «человека империи» ещё не раз станет предметом биографического исследования⁵⁵.

⁵³ Категория гендера применяется в литературоведении: *Layton S.* Russian literature and empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. N.Y., 1994; *Ram H.* The imperial sublime: A Russian poetics of empire. Madison, 2003.

⁵⁴ *Lynteris Chr.* Ethnographic plague: Configuring disease on the Chinese-Russian frontier. L., 2016; Eurasian environments. Nature and ecology in imperial Russian and Soviet history / Ed. by N.B. Breyfogle. Pittsburgh, 2018; Science and empire in Eastern Europe: Imperial Russia and the Habsburg monarchy in the 19th century / Ed. by J. Arend. Göttingen, 2020.

⁵⁵ Russia's people of empire: Life stories from Eurasia, 1500 to the present / Ed. by S.M. Norris, W. Sunderland. Bloomington, 2012; *Weislo F.* Tales of imperial Russia. The life and times of Sergei Witte, 1849—1915. N.Y., 2011; *Sunderland W.* The Baron's cloak. A history of the Russian Empire in war and revolution. Ithaca, 2014; *Akiyama T.* The Qırghız Baatır and the Russian empire: A portrait of a local intermediary in Russian Central Asia. Leiden, 2021.

К.А. Соловьёв. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законотворчества

Изучение внешне стабильных политических систем, находившихся накануне их существенной трансформации или даже краха, актуально в наше время, пожалуй, как никогда. Что обеспечивало их прочность или придавало им видимость прочности? Как и почему переставали действовать привычные механизмы? Отчего ощущение незыблемости настоящего и уверенности в будущем сменялось чувством обречённости и бесперспективности? Как был устроен бюрократический аппарат и где пределы его эффективности? В какой мере неограниченность полномочий способна компенсировать ограниченность возможностей? Все эти и многие другие вопросы так или иначе встают при обращении к событиям последних десятилетий XIX — первых лет XX в. Этот период начался с категоричного манифеста о неприкосновенности самодержавных прав и завершился столь же торжественным обещанием монарха частично разделить власть с Думой. За это время воображаемые «конституции», будто бы сочиняемые представителями высшей бюрократии, сменились массовыми конституционными убеждениями и предпочтениями в её среде. Вместо свёрнутой в 1881 г., в момент разгрома террористического подполья, обширной программы преобразований с конца 1904 г. пришлось осуществлять ещё более существенные реформы, но уже в условиях разгоравшегося революционного движения. Причём лишь на первый взгляд эти 20 с лишним лет могли показаться временем покоя и медленных, почти незаметных изменений. При ближайшем рассмотрении они оказываются на удивление насыщены напряжённой законотворческой и административной деятельностью, постоянной сменой лиц и реорганизацией учреждений. Вместе с тем за угрюмо-монументальной фигурой Александра III скрывалось тотальное (и взаимное) недоверие и всеобщее разобщение: власти и подданных, царя и министров, династии, сословных и профессиональных групп, вплоть до расслаивавшейся от усиленной консервации деревни. При его преемнике, в равной мере невзрачном и симпатичном, склонном одновременно к фатализму и авантюризму, всё, копившееся под спудом, стало выходить наружу: страна стремительно неслась к обрыву самоистребления. Хотя обманчивая повседневность, которой оставалось длиться совсем недолго, ещё сохраняла черты прежнего размеренного порядка вещей.

Свой взгляд на происходившие тогда процессы и бытовавшие «понятия», «институты» и «практики» подробно изложил в недавно вышедшей монографии главный научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук К.А. Соловьёв¹. В её обсуждении приняли участие доктора исторических наук В.В. Журавлёв и Е.А. Крестьянников, а также кандидаты исторических наук Д.А. Андреев и М.А. Волхонский. *Материал подготовлен А.В. Мамоновым.*

¹ Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

Споры об истоках отечественного конституционализма и парламентаризма и о природе политической системы, сложившейся в результате реализации начал Манифеста 17 октября 1905 г., приобрели в современной историографии весьма оживлённый характер. Исследователи пишут вслед за М. Вебером² про «мнимый конституционализм», о «дуалистической монархии» или о некоем межеумочном этапе на пути к утверждению конституционных порядков и норм (на чём настаивал в своё время кадет В.А. Маклаков). Как компромиссный вариант используется дефиниция «думская монархия» с размытым пониманием её внутреннего содержания.

Что же касается государственного строя, существовавшего в Российской империи до 1906 г., то ещё сохраняется тенденция характеризовать его тривиальным термином «самодержавие» в якобы неизменном, устоявшемся и «проверенном» веками понимании. Труд К.А. Соловьёва даёт уникальную возможность «окунуться» в глубины повседневного существования и жизнедеятельности политического организма России, пережившего за четверть столетия два одинаково сокрушительных, хотя и разнородных, потрясения: 1 марта 1881 г. и 17 октября 1905 г. Монография раскрывает обстановку, возникшую между этими судьбоносными испытаниями царского режима на жизнеспособность, прочность и выживаемость.

При этом сам автор отмечает: «Разговор о поздней Российской империи обычно сводится к вопросу: почему она пала в 1917 г.? Вопрос можно поставить по-иному: почему столь сложно организованное, внутренне противоречивое образование так долго существовало и даже динамично развивалось на протяжении XIX — начала XX в.?» (с. 339).

Размышляя об этом, Соловьёв делит свою монографию на три главы: «Понятия», «Институты», «Практики». Их стройная и логически выверенная последовательность позволяет поэтапно анализировать несущие конструкции империи, которая объективно созрела (и перезрела) для серьёзного и неотложного реформирования, но слишком долго и непоследовательно осознала это. Так долго, что практически силой вырванный у царя 17 октября 1905 г. манифест застал её властную верхушку в состоянии разброда.

Три кита, на которых держалась (но уже не покоилась) имперская власть, — самодержавие, закон, реформы (нацеленные в их консервативном варианте на сохранение существующего порядка) — рассматриваются в книге в «режиме историзма». В соответствии с ним «любой важный термин, любой характерный оборот становятся подлинными элементами нашего познания лишь тогда, — как подчёркивал в своё время М. Блок, — когда они сопоставлены с их окружением, снова помещены в обиход своей эпохи, среды или автора, а главное, ограждены — если они долго просуществовали — от всегда имеющейся опасности неправильного, анахронистического истолкования»³. Такой подход позволяет автору показать, как время безжалостно подтачивало эти три фунда-

² Вебер М. О буржуазной демократии в России // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. М., 1997. С. 39—40.

³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 91.

ментальные опоры, некогда служившие гарантом незыблемости империи, но теперь превращавшиеся в средства её разрушения.

Широко признанная в обществе славянофильская версия самодержавия, вступая в конфликт с политической практикой, парадоксальным образом видоизменялась: её истинные ревнители были не в силах примирить свой идеал с реальностью и невольно пополняли ряды либеральной оппозиции (с. 20—45).

Глубокое разочарование вызвало у подданных и то, что правительство, разрабатывая и издавая новые законы, не всегда могло просчитать, как они будут работать, и не раз искренне удивлялось результатам (часто печальным) осуществления своих благих намерений. Проводившиеся в узкоклановых интересах преобразования и разнородные попытки «улучшить» систему, ничего не меняя, только усугубляли её главный порок, заключавшийся в том, что правящая верхушка «продолжала видеть своих подданных на весьма значительном расстоянии». Но это лишь усиливало их убеждённость в том, что в тогдашней России по определению не может быть власти, «внушающей доверие обществу» (с. 337).

Тщательному анализу подвергается в книге эволюция государственных институтов империи (царь, Государственный совет и его канцелярия, Правительствующий Сенат, Комитет министров, министерства, разного рода комиссии и комитеты), которые создавали своей порой бурной, но не согласованной деятельностью режим «централизованной анархии». При этом «буксовала» любая система «сдержек и противовесов». Так, Государственный совет как высший законосовещательный орган, призванный, в частности, «сдерживать своеволие министров, готовых подменить самодержавие собственным произволом» (с. 137), не мог эффективно выполнять свою роль, не обладая даже правом законодательной инициативы. Нередко важнейшие решения (как, например, финансовая реформа С.Ю. Витте) обходились без его участия. Существование Комитета министров, являвшегося чисто декоративным учреждением, лишь оттеняло факт отсутствия правительства как некоего целого, способного координировать действия отдельных министров, каждый из которых «вёл свою игру» (с. 180). В этих условиях межведомственные трения играли скорее положительную, чем отрицательную роль (с. 232).

Проблема бюрократии и бюрократизма, неизбывная для российской государственности, в конце XIX — начале XX в. приобрела свои специфические черты. Управленческая корпорация оставалась «главным героем на политической сцене Российской империи» (с. 105), а сами чиновники — реальными творцами, «демиургами» её законодательства. Вместе с тем «имевшие место бюрократические “игры” в большей степени напоминали неупорядоченное броуновское движение, когда у каждого из участников законотворческого процесса была своя цель, а у системы в целом — нет: она находилась в статическом положении» (с. 244).

Бюрократия, конечно же, самосовершенствовалась. Государственные структуры, испытывавшие дефицит способных администраторов, немало сделали для пополнения их числа. Однако «актёры в труппу набирались новые, может быть, лучше прежних, а сцена практически не менялась» (с. 121—122). Истинные же настроения «новобранцев» проявились лишь после 17 октября 1905 г. Многие чиновники перестали тогда стыдиться своих конституционных взглядов и даже поддерживали требование всеобщего избирательного права (с. 133—134).

Каковы же были итоги эволюции политической системы империи в исследуемый автором период? С чем она подошла к событиям Первой русской революции, заставившей царизм заметно изменить своё обличье? Видя в славянофильской концепции самодержавия миф, Соловьёв полагает, что «можно говорить о “мнимом авторитаризме”, имевшем место в России до 1905—1906 гг.» (с. 342). Таким образом, от «мнимого авторитаризма» страна перешла на новом этапе к «мнимому конституционализму». Если это так, то именно «мнимость» — верный признак потери политическим строем страны своих ориентиров — можно считать главной приметой исследуемой эпохи. Под пресом модернизации, подспудного становления новых — буржуазных — отношений царизм терял свою «самость», становясь всё более чужеродным телом в организме российского социума.

Успешному проникновению автора в суть изучаемых событий, во всём «многоцветье» их проявлений, способствует широта и надёжность источниковой базы, на которую он опирается. Тут и впервые вводимые в научный оборот архивные материалы РГИА и ГА РФ, хорошо известные и, наоборот, редко используемые дневники, воспоминания и письма десятков непосредственных участников описываемых событий. Как известно, свидетельства современников — сложный, до предела субъективный источник. Но при профессиональной его критике, демонстрируемой автором, он отражает «человеческое измерение» жизнедеятельности политической системы империи: «мир фактов» выступает в противоречивом единстве с «миром мнений», настроений, эмоций, открывая историкам поле для дискуссий.

Опираясь, видимо, прежде всего на суждения приближённых к трону особ, Соловьёв заключает: «Цари чувствовали, что самодержавная власть неизменно выскальзывала из рук самодержцев» (с. 99). С таким утверждением в отношении Александра III ещё можно согласиться: инициированные им контрреформы правомерно рассматривать как свидетельство обеспокоенности императора именно этим обстоятельством. Но величайшим преступлением Николая II перед собой, своей семьёй(!) и, конечно же, перед страной, о которой он думал в последнюю очередь, являлось как раз отсутствие у него — до поры до времени — такого предчувствия. Если оно и таилось в глубинах его сознания, то никак не проявлялось в политических действиях. Даже своё падение он объяснял «трусостью и изменой» всех, кого только можно. «Забыв» при этом о самом себе.

Три с половиной десятилетия отвела история для более или менее стабильной (а в ряде направлений и динамичной) эволюции страны в промежутке между гибелью царя-освободителя в 1881 г. и гибелью царизма в 1917 г. На сроки и динамику «умирания» империи решающее влияние оказывали результаты сложного взаимодействия трёх факторов: силы исторической традиции «самодержавства» (по выражению С.О. Шмидта), степени воздействия социальной инерции и, наконец, скорости разложения системы. При этом первые из них, заложенные в нашей национальной ментальности, достаточно долго сдерживали распад государственного и общественного организма. Исследованный Соловьёвым период подготовил «неуклюжее так называемое самодержавие», т.е. «централистскую полицейскую бюрократию», по оценке М. Вебера, к тому, чтобы «самой выкопать себе могилу»⁴. «Мнимый конституционализм», заложенный политическими и законодательными акциями 1905—1906 гг., отсрочил эту мрачную перспективу, но не смог её предотвратить.

⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 39.

Предметное выявление процессов, тщательно проанализированных в книге на материалах 1881—1905 гг., имеет методологическое, общесоциологическое звучание. Оно помогает глубже понять то, что произошло со страной в последнем десятилетии многострадального XX в., а могло и не случиться, если бы власть и общество усвоили одинаково поучительные для них уроки социально-политического краха Российской империи. «Верхи» осознали бы тот непреложный факт, что нельзя «сверх меры» спекулировать на теряющей свою привлекательность традиции и излишне уповать на прочность социальной инерции, а «низы» и их радикальные лидеры помнили бы о катастрофических последствиях бездумного разрушения того, что можно было ещё преобразовать. Запоздавшее прозрение одного из последних советских лидеров, заявившего о том, что «мы не знаем общества, в котором живём», было вполне созвучно происходившему на рубеже XIX—XX вв., когда царизм также стремился «направлять» развитие народа, не желая видеть, как менялись его жизнь и социальный облик на самом деле.

Новаторская монография К.А. Соловьёва вносит существенный вклад в современную историографию истории предреволюционной и революционной России.

Евгений Крестьянников: «Кабинетная» история и бюрократическая опасность*
Evgenii Krestiannikov (Tyumen State University, Russia): «Cabinet» history and bureaucratic danger

DOI: 10.31857/S086956870016245-0

Книга К.А. Соловьёва, главным героем которой стал высший отряд российской бюрократии, — незаурядное историографическое явление. Её автор, признавая, что о чиновничестве уже «много написано и отечественными, и зарубежными исследователями» (с. 105), отдаёт должное достижениям предшественников (с. 13—16), но предлагает взглянуть на жизнь петербургских кабинетов сквозь призму «политической повседневности» (с. 9—12). Воспоминания, дневники, эпистолярное наследие, разного рода записки — как опубликованные, так и обнаруженные в хранилищах архивов, музеев и библиотек, позволили тщательно изучить процедуры и режимы службы столичных сановников, высших учреждений и их канцелярий.

Российский истеблишмент предстаёт перед читателем в мелочах и казусах бюрократической рутины. Политика и состояние государства прослеживаются по передвижению по инстанциям «бумаг», инициированных в коридорах власти и становящихся, в случае отсутствия непреодолимых препятствий, законами, качество которых зависело как от воли высокопоставленных персон, так и от множества наглядно демонстрируемых в книге обстоятельств: волокиты текущего делопроизводства, исправности межведомственной коммуникации, степени отлаженности административных механизмов и приёмов, тонкостей управленческих традиций, умения того или иного администратора разбираться в хитросплетениях чиновничьих связей и угождать начальству, его личных интересов и пристрастий, а также многого другого.

При этом сколько-нибудь единый алгоритм принятия правовых норм отсутствовал, сохранявшаяся законодательная процедура являлась «неудовлетво-

* Статья подготовлена при поддержке Тюменской обл. и РФФИ, проект № 20-49-720019.

рительной» (с. 205), а «институциональная организация власти была такой, что она предусматривала сразу несколько альтернативных путей законотворчества» (с. 243). Бюрократический порядок ведения дел, не исключавший влияния случайностей и «во многом непредсказуемого баланса сил», как минимум дважды сравнивается автором с хаотичным броуновским движением. Ведь если даже «у каждого из участников законотворческого процесса была своя цель», то «у системы в целом — нет» (с. 244, 342—343).

Укоренившиеся формы и способы разработки законов обладали настолько могучей силой, что царь, высшие сановники и правительственные учреждения играли по отношению к ним подчинённую роль. Сам император, возглавляя сверхцентрализованное и постоянно нуждавшееся в санкциях верховной власти государство, находился во власти огромной машины делопроизводства. Николай II жаловался на перегрузки, вызванные бесконечным чтением документов (с. 82), и пытался сократить количество бумаг, поступавших к нему на рассмотрение (с. 78). Неудивительно, что важнейшие государственные меры готовились и принимались бюрократией в соответствии с её вкусами и предпочтениями (с. 99, 114), она «вершила судьбы страны» и «оставалась главным героем на политической сцене России» (с. 105).

В начале XX в. современники видели в бюрократии «самостоятельный общественный класс, развивавшийся согласно со всей совокупностью условий социальной жизни»⁵. Соловьёв признаёт в этом «управленческом классе» нечто отдельное от остального общества, в своём высшем звене наделённое качествами «корпоративного единства, аполитичного профессионализма, административной фантазии и самоуверенности квалифицированного юриста» (с. 340). Тем не менее имперская власть отнюдь не была монолитна, иногда наоборот, отношения столичных чиновников и учреждений строились на основе бескомпромиссных противоречий, трений и даже вражды между министрами и министерствами (с. 181, 226—230, 343). В постоянном конфликте с ними оказывался Государственный совет (с. 165). В итоге автор констатирует, что в России не существовало правительства «в полном смысле этого слова» (с. 271).

Из высших государственных учреждений, пожалуй, лишь Сенат, наполненный высококвалифицированными, добросовестными и деловитыми служащими, соответствовал решению возложенных на него задач и потребностям общества (с. 240—243). Стоявший над ним в иерархии власти Государственный совет, напротив, характеризуется автором как «далеко не всегда бывший на высоте своего положения». Хотя там и заседали обладатели «необходимого опыта и знаний», большинство из которых поступило на службу ещё при Николае I (к началу XX в. таковых насчитывалось 52 из 89), некоторые из них из-за преклонного возраста и слабого здоровья уже не могли полноценно трудиться (с. 139—149). Комитет министров Соловьёв называет «безвластным правительством», а министерскую организацию — «централизованной анархией». Впрочем, именно министерства он считает главными звеньями в политической системе Российской империи, а их руководителей — «ключевыми фигурами на “бюрократическом олимпе”» (с. 205).

В целом, петербургский государственный аппарат представлен в книге закостенелым, парализованным канцелярскими процедурами, «не цельным механизмом, а совокупностью не во всём согласованных деталей» (с. 343), ино-

⁵ *Ивановский В.В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // *Русская мысль*. 1903. № 8. С. 10.

гда находившим внутренний консенсус и «усовершенствовавшим» себя такими способами, как создание временных комиссий или постоянных комитетов и советов из представителей разных ведомств (с. 232—238). Потенциал собственного обновления, а равно и улучшения порядков в стране у властной верхушки был незначителен. Большая «Реформа», предусматривавшая «демонтаж правившего режима» (с. 341), казалась в тех условиях невероятной, реальные новации происходили лишь в «узком коридоре возможностей» и осуществлялись «“украдкой”», в надежде, что их не заметят, не оценят как действительно полномасштабные преобразования» (с. 67).

Такой, по выражению автора, «конспиративный» путь реформирования сочетался с распространёнными в правительственных сферах установками, требовавшими от «настоящей реформы» широкой программы, системности и масштабности. Но следование данному требованию едва ли приносило положительные плоды. Об этом наглядно свидетельствовала, в частности, судьба Комиссии для пересмотра законоположений по судебной части под председательством министра юстиции Н.В. Муравьёва, пытавшейся изменить российское правосудие, придерживаясь планомерности и системности. Пять лет её работы (в книге ошибочно говорится про 1894—1904 гг., но она была официально закрыта в 1899 г.) и около 500 заседаний окончились для страны и судов фактически безрезультатно. Между тем казна потратила на них примерно 100 тыс. руб. (с. 59—60).

Соловьёв достаточно чётко даёт понять, что правящая верхушка существовала в России в своём собственном довольно специфическом и обособленном пространстве. Неудивительно, что «высшая бюрократия весьма приблизительно представляла население страны, его хозяйственную жизнь», а «жёсткая бюрократическая форма создавала видимость всеобщего порядка, скрывая при этом содержание социальных процессов, о которых можно было только догадываться» (с. 333). Реформаторы рубежа XIX—XX вв. плохо знали страну (с. 64), каналы связи с её населением были слабо налажены и отличались неэффективностью. Готовя важные решения, в столице нередко опирались на искажённую информацию губернаторских отчётов, лишь иногда приглашали к обсуждению проектов экспертов и прислушивались к прессе исключительно определённого направления (наиболее влиятельны, согласно монографии, были «Московские ведомости» и «Гражданин» (с. 283—293)).

Не менее заметный разрыв существовал между петербургскими и провинциальными администраторами даже наиболее высокого ранга. В министерствах зачастую не догадывались об их мнениях и чаяниях. К примеру, когда на заседании «муравьёвской» комиссии специально приглашённых старших председателей и прокуроров судебных палат спросили об успешности работы присяжных заседателей, те подавляющим большинством (18 из 20) признали, «что по деятельности своей этот суд не только является вполне удовлетворяющим своей цели, но и вообще представляет собою лучшую форму суда, какую только можно себе представить для разрешения большей части серьёзных дел»⁶. Едва ли Муравьёв и его подчинённые, критически относившиеся к институту «общественной совести», ожидали услышать столь однозначный ответ. Как ни

⁶ Цит. по: *Кони А.Ф.* Вступительное и заключительное сообщения о суде присяжных и о суде с сословными представителями при руководстве совещанием старших председателей и прокуроров судебных палат 29—31 декабря 1894 г. // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 4. С. 47—48.

странно, министр, ещё недавно сам принадлежавший к судейской корпорации, явно недооценивал степень её профессиональной солидарности.

Описанная Соловьёвым управленческая система плохо улавливала сигналы, исходившие от империи, которая «находилась в сложных отношениях с петербургским миром канцелярий» (с. 340). Поэтому, к примеру, активизация политики по отношению к азиатским окраинам страны таила в себе непредсказуемость и немалые угрозы. Именно в освещаемый в книге период в правительственных сферах стали проявлять небывалый ранее интерес к Сибири, связывая с ней будущее экономическое процветание России⁷. Тогда же в Петербурге приступили к включению Средней Азии в «общеимперскую систему координат» и сближению её административного устройства с внутренними губерниями⁸. Одновременно в конце XIX в. в данных регионах вводились Судебные уставы 1864 г., и в коридорах Министерства юстиции, начиная с его главы, бурно и пагубно для дела разыгралась бюрократическая фантазия. Смутно осознавая реалии Азиатской России, но считая её подходящей для экспериментов, чиновники задумали внедрить там особую «окраинную» модель правосудия, изначально обречённую на провал. Возможно, наиболее яркой и неудачной её чертой стало «изобретение» должности мирового судьи со следовательскими полномочиями. Его критиковали, пожалуй, все юристы, кроме зависевших непосредственно от министра или находившихся под его влиянием. Но только после того, как в 1905 г. Муравьёв покинул свой пост, в самом министерстве данный институт признали откровенно негодным, а председатели Ташкентской, Омской и Иркутской судебных палат в один голос заявили о том, что деятельность судей-следователей приносит ощутимый вред⁹.

Конечно, власть и общество, включая оппозицию, объединяли бесконечные нити родственных и дружеских связей, иные сановники вынашивали конституционные замыслы, заигрывали с общественностью и земцами, а некоторые из них и сами избирались в земские гласные (с. 296—320). Однако этого вскоре оказалось уже недостаточно, поскольку, по мнению современников, государственный организм был настолько подвержен «бюрократической опасности», что для его выздоровления требовалось внедрение широких политических свобод и самоуправления¹⁰.

Монография Соловьёва, отмечая нарастание дисгармонии между управлявшими и управляемыми, явно и неявно подводит читателя к мысли о неотвратимости революционных потрясений: «Россия вступила в острую фазу политического кризиса, когда любой шаг — вперёд или назад, влево или вправо, или даже просто стояние на месте — предопределял его эскалацию» (с. 320). При этом бюрократия становилась заложницей подобного развития отношений государства и общества. А то, что чиновники «в значительной своей части были не готовы отстаивать правящий режим» (с. 331), свидетельствовало

⁷ Ремнёв А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX вв. Омск, 1997. С. 158.

⁸ Котюкова Т.В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М., 2016. С. 5; Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. С. 629.

⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 894, л. 14—14 об., 38; Государственный архив Иркутской области, ф. 246, оп. 9, д. 1, л. 6.

¹⁰ См., например: Тотомиани В. Бюрократическая опасность // Мир Божий. 1905. № 5. С. 177—185.

о бесперспективности царизма¹¹. Так или иначе, исследование К.А. Соловьёва показало, что «кабинетная» история не только увлекательна, но и открывает перед историками новые рубежи.

Михаил Волхонский: Законотворчество в Российской империи: статичные структуры или динамичный процесс?

Mikhail Volkhonsky (Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)): Lawmaking in the Russian Empire: static structures or a dynamic process?

DOI: 10.31857/S086956870016237-1

В книге К.А. Соловьёва поставлены масштабные задачи. В центре внимания автора оказались «характерные черты законотворческого процесса», «важнейшие черты политического режима», «большие циклы политического развития: особенности политической системы, политического поведения, политической культуры» в Российской империи конца XIX — начала XX в. Исследуются они в рамках «новой политической истории», изучающей не акты государственной власти, а её структурные и культурные особенности, а также «политическую повседневность» (с. 10).

В целом нельзя не согласиться с тем, что «реальные практики законотворчества и администрирования в полной мере не описывались делопроизводственными материалами», а для того чтобы «искажённая картина политической жизни» была «выпрямлена», необходимо учитывать «алгоритмы политического поведения». Однако взаимодополняющий анализ делопроизводственных материалов и источников личного происхождения, которые в основном и дают информацию о «политической повседневности», не является каким-то открытием, задолго до того, как появилась «новая политическая история», им успешно пользовались в своих работах П.А. Зайончковский, Л.Г. Захарова, В.Г. Чернуха и многие другие отечественные учёные.

Гораздо более спорно утверждение автора о том, что при характеристике «политической системы» основное внимание надо уделять институтам, а не людям (хотя сам Соловьёв много говорит о влиянии личностных черт различных сановников на деятельность тех учреждений, с которыми они были связаны). Ещё труднее согласиться с парадоксальными и априорными заявлениями, будто носителями подлинной власти выступают обыватели, которые определяют, что есть норма (какая именно: социальная, правовая, политическая?), будто власть это не решение, а процедура (возможно, и то и другое одновременно?), и т.п.

Сомнительно и то, что «политическая повседневность разворачивается в пространстве, а не во времени», поскольку её устойчивые структуры меняются очень медленно. Всё же не стоит преувеличивать их стабильность, ведь сам автор неоднократно пишет о том, как они менялись под влиянием, например, смены главы того или иного учреждения. Конечно, изучение подобных струк-

¹¹ Это перекликается с давно сформулированной на Западе концепцией «двойной поляризации», подразумевающей, что падению самодержавия в равной мере способствовали как конфликт между пролетариатом и классом собственников, так и рост напряжённости между привилегированными слоями общества, откуда рекрутировалась бюрократия, и собственно царизмом. См.: *Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 (Part One) // Slavic Review. 1964. Vol. 23. № 4. P. 619—642; Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905—1917 (Part Two) // Slavic Review. 1965. Vol. 24. № 1. P. 1—22.*

тур подразумевает в числе прочего и анализ статических состояний. Однако в монографии исследуется прежде всего «проблема законотворчества», а это как раз в первую очередь *длительный процесс*, состоящий из ряда *растянутых во времени* стадий: инициативы, подготовки и обсуждения проектов предполагаемого закона, его утверждения, кодификации и реализации. Разумеется, особенности и характер этих этапов раскрываются только в их динамике и взаимодействии. И только в этом *движении* от первоначально поставленных задач к тому, что в итоге санкционировалось верховной властью, можно увидеть подлинное место, роль и значение тех или иных технических процедур и институтов.

Но в книге Соловьёва выстраивается классическая пирамидальная схема учреждений Российской империи, участвовавших в разработке законодательства, — император, Государственный совет, Государственная канцелярия, Комитет министров, министерства, межведомственные комиссии и т.д. Затем, в другой главе, говорится собственно про «законотворческий процесс», и это ведёт к повторению наблюдений и мыслей, уже изложенных ранее в разделах о высших и центральных органах власти. Особо отмечено влияние прессы, экспертов и общественности. Автор словно раскладывает на столе отдельные детали сложного механизма и предлагает читателю представить, как он работал, когда все они соединялись вместе.

О том, как появлялись законопроекты, кто и почему их инициировал, сказано очень кратко. Однако автор несколько раз, ссылаясь на высказывания разных лиц, настаивает на том, что «высшая бюрократия весьма приблизительно представляла население страны, его хозяйственную жизнь» (с. 333). Схожие заявления действительно часто звучали в XIX — начале XX в. и в обществе, и в правительственных сферах. Это была расхожая форма критики и самокритики «просвещённого» чиновничества. Между тем на практике всё оказывалось несколько сложнее.

К примеру, в январе 1883 г. государственный секретарь А.А. Половцов утверждал в дневнике: «Кавказ *terra incognita* для петербургских министров»¹². Но если присмотреться к тому, как в 1880-е гг. разрабатывались и обсуждались конкретные законопроекты, касавшиеся Кавказа, то выясняется, что министры и члены Государственного совета весьма неплохо разбирались в кавказской специфике. Так, в 1882 г. министр финансов Н.Х. Бунге со знанием дела дискутировал с главноначальствующим гражданской частью на Кавказе кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым о сложении долгов грузинского дворянства перед Закавказским приказом общественного призрения. При этом глава финансового ведомства демонстрировал осведомлённость не только об обстоятельствах составления соответствующего законопроекта, но и о реальных доходах местных аристократов, а также о том, как именно они проматывали деньги, взятые под залог имений¹³.

Естественно, в Петербурге ощущался недостаток информации о постоянно менявшемся положении дел на разных окраинах. Но для её получения существовали отработанные административные методы, которые отнюдь не сводились к вызову экспертов в столицу. Например, сведения о Кавказе поступали как от главноначальствующего, так и от специально командировавшихся для их сбора чиновников или же от той или иной временной комиссии, учреждав-

¹² Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. I. М., 1966. С. 35.

¹³ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4381, л. 75 об.—76.

шейся в крае из представителей министерства и местной администрации. Тот же Бунге для уточнения размера и причин задолженности грузинской знати направил в 1883 г. в Тифлис тайного советника К.А. Буха, который в итоге и предложил устроивший всех компромисс¹⁴.

Соловьёв скептически оценивает всеподданнейшие отчёты губернаторов и генерал-губернаторов, полагая, что «губернатор не был надёжным источником информации о положении дел в своём регионе» (с. 336). Впрочем, это подтверждается не критической проверкой содержавшихся в них данных, а высказываниями разных лиц, отражавшими скорее циркулировавшие в правящих кругах мнения. И при этом совершенно не учитывается, что именно отчёты главного начальника края, с наложенными на них царскими отметками и резолюциями, становились начальной точкой подготовки тех или иных законопроектов. Например, для кавказской администрации, после упразднения наместничества в 1881 г. напрямую подчинённой министерствам, это порою был единственный, но достаточно эффективный способ, позволявший преодолеть сопротивление ведомств и инициировать процесс разработки нужных мер. Характерно, что после столкновения с Бунге в 1882 г. кн. Дондуков-Корсаков изложил свои соображения о необходимости экономической поддержки местного дворянства в отчёте, одобренном затем императором¹⁵.

В книге чрезмерно драматизируются такие общеизвестные факты, как отсутствие в Российской империи органа, объединявшего деятельность правительства, наподобие европейского «кабинета», соперничество ведомств, медлительность работы различных комиссий. В то же время довольно интересен анализ внутренней жизни министерств, в которой большую роль играли индивидуальные качества их руководителей, а также характерные черты личного состава канцелярий. Удачно раскрыт автором и такой элемент «политической повседневности», как внутриведомственные конфликты. Не менее любопытны соображения о существовании в Российской империи «публичной политики» и о составе её «политического класса», включавшего, как следует из монографии, представителей высшей бюрократии, среднего чиновничества и аффилированной с ними земской и столичной общественности.

К сожалению, в монографии лишь вскользь упоминается о частных совещаниях сановников и их роли в «законотворческом процессе». А ведь эти неофициальные встречи позволяли быстро достичь компромисса по спорным пунктам того или иного проекта. Так, в 1881 г. вел. кн. Михаил Николаевич обсуждал с «кавказцами» (представителями высшей бюрократии, служившими ранее на Кавказе) планы ликвидации наместничества и учреждения должности главноначальствующего гражданской частью. Впоследствии кн. Дондуков-Корсаков неоднократно собирал их, дабы обеспечить гладкое прохождение через Комитет министров или Государственный совет таких щекотливых дел, как, например, проект преобразования Общества восстановления православного христианства на Кавказе и т.п.

Некоторые формулировки, встречающиеся в книге, явно требуют дополнительных пояснений. «Российский чиновник, — пишет Соловьёв, — каким бы высокопоставленным он ни был, политиком не являлся. Он не мог поставить вопрос (если только не в частной беседе) о векторе развития страны. В сфере его интересов — исключительно родное ведомство и направления деятельности

¹⁴ Там же, л. 77 об.—78.

¹⁵ Там же, л. 77—77 об.

последнего» (с. 245—246). Однако ранее исследователь признавал, что «министр не мог ограничиться работой исключительно во благо собственного ведомства» (с. 208), писал об «амбициозных проектах отдельных государственных деятелей» (с. 105), о том, как «министр финансов, пользуясь своим немалым влиянием, активно вмешивался в работу прочих ведомств», а «Плеве в качестве министра внутренних дел небезуспешно боролся с попытками Витте явочным порядком расширить сферу своей компетенции» (с. 227—229). Автор не пытается примирить эти противоречия (иногда даже может показаться, что он их вовсе не замечает). Но тут, конечно, не так просто провести чёткую грань между противоречивостью суждений учёного и антиномиями самой изучаемой эпохи, которые историкам ещё предстоит выявить и точно сформулировать.

Дмитрий Андреев: «Бюрократическая империя» и её «правлящая корпорация» в современном исследовании*

Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): «Bureaucratic empire» and its «ruling corporation» in modern research

DOI: 10.31857/S086956870016232-6

К.А. Соловьёв указывает на давно назревшую потребность пересмотреть такие безнадёжно устаревшие штампы, как «абсолютизм», которые «прочно укоренились в историографии и порой определяют современное понимание процессов столетней давности» (с. 25—26). Это нельзя не приветствовать, однако изменение обобщающих выводов возможно лишь при новом осмыслении конкретных фактов, кажущихся давным-давно и совершенно однозначно объяснёнными. Разумеется, как справедливо пишет автор, «трудно строить утверждения на слухах и домыслах, распространённых в обществе и получивших отражение в мемуарной литературе. Иных же источников — очень мало» (с. 230). Однако если их «мало», из этого отнюдь не следует, что надо обходиться вовсе без них, довольствуясь тем, что оказывается под рукой, и объясняя сложнейшие «влияния» на царские решения «простой» ссылкой на слова того или иного современника, часто тенденциозно настроенного и далеко не всегда и не обо всём осведомлённого.

Так, опираясь на высказывания Н.М. Чихачёва и гр. В.Н. Ламздорфа, с тревогой отмечавших после кончины Александра III неготовность его сына к исполнению новой миссии, автор заключает, что Николай II был «вечно колебавшимся и оказывавшимся под влиянием своего ближайшего окружения» (с. 70—71). Тем самым, по сути, воспроизводится ещё один чрезвычайно живучий историографический миф, тогда как в действительности даже в первые месяцы царствования последнего императора (не говоря уже о последующем периоде, когда он вполне освоился с ролью монарха) всё обстояло гораздо сложнее¹⁶.

Столь же рискованно освещать назначения на правительственные посты с помощью цитат из сочинений весьма сомнительных личностей, оставляя их без должного комментария. Ведь читатель книги и впрямь может поверить И.И. Колышко, писавшему, будто Д.С. Сипягин стал министром внутрен-

* Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

¹⁶ Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. № 4. С. 114—125.

них дел в результате усилий С.Ю. Витте и графов И.И. Воронцова-Дашкова и С.Д. Шереметева. Соловьёв, правда, допускает, что тут не обошлось и без московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, но делает это с оговоркой («судя по всему») и без ссылки на источники. В подтверждение своего предположения автор приводит лишь сохранившееся в воспоминаниях гр. Шереметева упоминание о том, что великий князь в конце 1893 г. желал видеть Сипягина товарищем министра внутренних дел (с. 85—86), тогда как к осени 1899 г. ситуация существенно изменилась. Между тем назначение Сипягина главой МВД было давним, выношенным и символически значимым решением прежде всего самого Николая II: он рассматривал его как отложенное на несколько лет исполнение воли покойного отца¹⁷.

Соловьёв верно указывает на то, что в 1894—1904 гг. вдовствующая императрица Мария Фёдоровна имела «несомненное влияние» на Николая II. В частности, именно по её «инициативе» пост министра внутренних дел занял кн. П.Д. Святополк-Мирский¹⁸. Только, сообщая об этом, автор почему-то ссылается на дневниковую запись А.А. Киреева, относящуюся не ко второй половине лета — началу осени 1904 г., а к февралю 1897 г. (с. 86). «Немалую роль сыграла рекомендация» матери царя и в том, что в 1901 г. Министерство народного просвещения возглавил П.С. Ванновский. Но сведения из её переписки с Николаем II, которые приводит автор, стоило бы дополнить хотя бы свидетельствами из дневника гр. Шереметева, доказывающими, что, делая этот выбор, император учитывал и позицию Сипягина. Фигуре А.А. Клопова посвящён один абзац (с. 96—97), при этом даже не упоминается о том, что он фактически являлся кратурой вел. кн. Александра Михайловича¹⁹.

Вызывает недоумение авторская оценка вел. кн. Сергея Александровича. Несмотря на свою «репутацию человека сугубо консервативных взглядов», он будто бы «был готов солидаризироваться с противниками правительственного курса своего старшего брата — Александра III». Это наблюдение основано на единственной записи в дневнике сенатора В.П. Безобразова, сделанной в апреле 1887 г., вскоре после назначения великого князя командиром Лейб-гвардии Преображенского полка (с. 87—88). При этом сам великий князь даже ничего не заявлял, а только «вполне соглашался» с тем, что ему «решительно говорил» собеседник, который, кстати, мог и преувеличить неотразимость своих доводов. Очевидно, что подобные разговоры за завтраком никак не отражают позднейшую позицию вел. кн. Сергея Александровича, например, на посту московского генерал-губернатора. Да и другие упоминания о нём в книге Соловьёва опровергают эту характеристику.

Большое внимание в монографии уделяется двум ключевым институтам «законотворческого процесса» конца XIX — начала XX в. — Государственному совету и Комитету министров (а вместе с ними и министерской системе управления как таковой). По мнению Соловьёва, фактически существовавшее между ними «распределение обязанностей» являлось во многом «ситуативным», чётко

¹⁷ См.: *Андреев Д.А.* Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 35—53.

¹⁸ Об этом подробнее см.: *Андреев Д.А.* После В.К. Плеве: император Николай II в поисках министра внутренних дел летом 1904 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 72—88.

¹⁹ Это убедительно показано в статье, к сожалению, не использованной в книге: *Лукашов И.В.* Тайный корреспондент Николая II А.А. Клопов // Из глубины времён. Вып. 6. СПб., 1996. С. 64—86.

не регламентировалось и зависело по существу от волеизъявления государя и его окружения (с. 192). Но из этого ещё не следует, будто «тайное» предназначение Комитета министров состояло в том, чтобы обеспечивать «руководителям ведомств» возможность «вести торг» и «уходить от личной ответственности». Колких суждений из дневников А.А. Половцова и И.А. Шестакова (с. 195) для такого вывода всё же недостаточно.

Характеризуя восприятие должности председателя Комитета министров, самого этого учреждения и его канцелярии, автор систематизирует известные и малоизвестные факты, отразившие постоянно нараставшую внутри политической системы империи потребность в объединении правительства. Даже К.П. Победоносцев, больше других помешавший такому объединению в 1881 г., «неоднократно предлагал Александру III возродить Совет министров». Сам Соловьёв допускает, что в этом случае «Совет министров мог бы заменить собой Государственный совет» (с. 138), в обход которого не раз действовали последние императоры и министры (с. 165—166). Но Александр III не желал «стеснить свободу дискуссии в кругу высших сановников» (с. 138—139) и к тому же, «в отличие от отца, не любил председательствовать на заседаниях Совета министров», а при Николае II этот орган и подавно «практически не собирался» (с. 79). Возможно, причины этого стали бы яснее, если бы автор подробнее раскрыл характер и историю данного учреждения, детально изложенные в работах В.Г. Чернухи, до сих пор не утративших своего значения²⁰.

Так или иначе, в 1881—1904 гг. императорам приходилось брать на себя функции «медиатора» и улаживать конфликты «противоборствовавших ведомств» чаще, нежели ранее. И это не могло не усиливать их роль. Но Соловьёв почему-то полагает, что такое положение монарха «свидетельствовало не об укреплении его власти, а об упрочении позиций министерств» (с. 238).

По мнению Соловьёва, в 1881—1904 гг. «наличие публичной политики можно констатировать лишь с высокой долей условности» (с. 245). Однако собранный им в книге материал показывает иное. Хотя, конечно, элементы «публичной политики» в её российском варианте имели весьма специфические неинституализированные черты, проявляясь в виде общественного мнения или «партийного» противостояния группировок в правительстве. Так, в книге говорится о стремлении министра внутренних дел гр. Д.А. Толстого выглядеть в глазах коллег и общества творцом собственного курса (с. 256). Точно так же действовали и его предшественники — графы М.Т. Лорис-Меликов и Н.П. Игнатьев, и почти все преемники — И.Л. Горемыкин, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве и др. Подробно описанная ещё Л.Г. Захаровой²¹ борьба в верхах вокруг подготовки Положения о земских начальниках 1889 г. (с. 258—269) имела все признаки политического конфликта. Соловьёв видит в ней «столкновение двух групп бюрократии» (с. 269), участники которого «должны были добиться определённых политических целей, не имея шансов высказать свои политические убеждения» (с. 270). Характерно, что «и большинство, и меньшинство Государственного

²⁰ Чернуха В.Г. Конституирование Совета министров (1861 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 8. Л., 1976. С. 164—184; Чернуха В.Г. Совет министров в 1861—1882 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 9. Л., 1978. С. 90—117. Досадно, что Соловьёв далеко не всегда упоминает работы своих предшественников. Так, обращаясь к проектам созыва Земского собора, обсуждавшимся в 1881—1882 гг. (с. 74—75), он использует неопубликованную рукопись воспоминаний гр. Н.П. Игнатьева, но игнорирует другую её редакцию, изданную уже более 20 лет назад: Игнатьев Н.П. Земский собор / Публ. И.В. Лукоянова. СПб.; Кишинёв, 2000.

²¹ Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

совета говорили на одном и том же языке, повторяли одни и те же формулы, но при этом расходились друг с другом кардинально». И всё же «усечённый вариант публичной политики не позволял надеяться на предметное обсуждение существенных вопросов государственного курса» (с. 270). Но тут же в книге показана «организованная оппозиция в Государственном совете, выискивавшая нестандартные приёмы политической борьбы» (с. 266), а также использовавшая «традиционный бюрократический механизм торможения», для пуска которого «нужно было перевести разговор в иную плоскость — высших принципов и основополагающих идей» (с. 262). Более того, автор признаёт вовлечённость в спор самого императора, опасавшегося, что в случае провала законопроекта «Государственный совет будет “ликовать победу” над ним, государем» (с. 269). Конечно, эта дискуссия не имела формы парламентских дебатов, но велась она вполне «предметно» и «по существу», что прекрасно осознавалось всеми её участниками и наблюдателями.

Вполне укладывается в рамки публичной политики, опять же с поправкой на российские условия, и соперничество Плеве и Витте. Наконец, сам Соловьёв признаёт, что «конкуренция за экспертов» между группировками бюрократов «нередко оборачивалась сражением за популярность в общественном мнении» (с. 280), а поскольку периодические издания так или иначе влияли на власть, то и благодаря прессе даже до Манифеста 17 октября 1905 г. публичная политика имела «пускать незначительное, но пространство» (с. 281). Автор весьма убедительно показывает, как именно выражалось влияние на политику «Московских ведомостей» и «Гражданина» (с. 283—294), как пользовался возможностями печати Витте (с. 295—296). К этому можно было бы добавить немало примеров, когда «партийная» борьба происходила уже не в «сферах», но захватывала довольно широкие круги общественности²².

Публичная политика действительно появляется там и тогда, где и когда предпочтения публики имеют решающее значение при выработке политических решений. В России их роль была гораздо скромнее, борьба за направление правительственного курса шла исключительно в верхах. Однако в пореформенный период она велась с оглядкой на общественное мнение, к которому постепенно относились всё более и более серьёзно.

Поэтому нет оснований считать, что в России на рубеже XIX—XX вв. всё политическое вытеснялось в некое «подполье» и приобретало «конспирологический характер» даже среди представителей высшей бюрократии. Между тем именно с этим, а также с всеобщей «убеждённости в необходимости Реформы в России» Соловьёв связывает то, что чиновники «в значительной своей части были не готовы отстаивать правящий режим» (с. 330—331). Но материал книги убеждает в обратном: вовсе не ущербность политической жизни подтачивала лояльность элиты, напротив, её возможности и соблазны оказались слишком велики для тех, кто держал в руках рычаги государственного управления, она стала для них «школой модернизации» и трансформировала прежнюю мотивацию.

Отталкиваясь от работ К. Шмитта, Соловьёв подводит читателя к мысли, что пореформенная Россия стремительно превращалась в своего рода «государство экспертов» (с. 102), которым распоряжались «технократы», обладавшие

²² См., в частности: В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. «Литературные изгнанники» (материалы неизданной книги). Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии / Сост. Е.В. Иванова. СПб., 2014. С. 610—624, 653—664.

«необходимыми знаниями и опытом» (с. 122). Это «бюрократическая империя», где «в сущности именно бюрократия — правящая корпорация в стране». Она «продолжала вершить судьбы» империи и «оставалась главным героем на политической сцене», обеспечивая собственные интересы соответствующими «законодательными решениями» (с. 105, 114). Но эксперты всегда действуют в пространстве *Realpolitik*, публичный или непубличный её характер не имеет для них принципиального значения (хотя закрытость, естественно, удобнее). Во всяком случае, автору следовало бы обратить внимание на размышления Шмитта о роли «косвенной власти» для «государства экспертов»²³. Наблюдения немецкого философа, безусловно, помогают понять, насколько тонкой и пронизываемой была грань между публичностью и кулуарностью политики в России конца XIX — начала XX в.

Несомненным достоинством монографии является введение в научный оборот неизвестных ещё источников. Среди них — фрагмент из воспоминаний инженера А.В. Ивановского, до революции занимавшегося устройством и эксплуатацией портового хозяйства (с. 116), не вошедшие в мемуары суждения В.И. Гурко о «русской конституции», при которой царь был «лишён возможности решать хотя бы главнейшие вопросы государственной жизни на основании сведений, им лично собранных», но «в споре министров мог видеть тот же вопрос с различных сторон» (с. 229), и т.д. Вместе с тем, как ни странно, Соловьёв порой не обращается к источникам, содержащим наиболее точные сведения об интересующих его сюжетах. Так, при подсчёте количества встреч с ключевыми министрами Александра II и Александра III он использует камер-фурьерские журналы, но аналогичные данные за 1895—1904 гг. берёт из дневника Николая II (с. 80—81), хотя в нём часто просто упоминаются «доклады» не только без привязки к конкретным персонам, но и без уточнения, сколько именно их было в тот или иной день.

В целом, книга К.А. Соловьёва производит неоднозначное впечатление. Сделанные им интересные наблюдения во многом нуждаются в дополнительной аргументации и страдают от чрезмерного увлечения искусственным методологическим инструментарием²⁴. Однако эта работа, несомненно, стала вехой в изучении позднего самодержавия, продолжая традицию, заложенную в фундаментальных трудах ленинградских учёных²⁵.

²³ Подробнее см.: Андреев Д.А. История российской власти в имперский период: проблемы исследовательской методологии // История государственного строительства России. Пекин, 2021. С. 117—134 (на кит. яз.).

²⁴ Например, очень спорна абсолютизация концепта «политической повседневности». Подробнее см.: Андреев Д.А. Феноменология русского самодержавия на рубеже XIX—XX веков в оптике «политической повседневности» // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 521—528.

²⁵ Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.

Татьяна Матасова

Византийское наследие в России и Венеции в эпоху Петра Великого*

Tatiana Matasova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The Byzantine heritage in Russia and Venice in the era of Peter the Great

DOI: 10.31857/S086956870016248-3

Отечественную историографию последних десятилетий отличает устойчивый интерес к истории связей России с греческим миром после падения Византии под натиском турок в 1453 г. Отношениям русских государей с восточными патриархами, «милостыням» московских правителей в афонские монастыри и в другие обители православного Востока, проблемам греческого влияния на церковную и интеллектуальную жизнь XVI—XVIII вв. уделяют внимание такие российские исследователи, как Б.Л. Фонкич, Т.А. Опарина, Д.Н. Рамазанова, Н.П. Чеснокова, В.Г. Ченцова, Т.В. Никитина, О.Е. Петрунина, Л.А. Герд. В истории отношений России с итальянским миром в XV—XVIII вв. греческий элемент также был весьма существенным.

Особое место среди итальянских государств этого времени занимала Венеция, *quasi alterum Byzantium*, как о ней говорил кардинал Виссарион — выдающийся греческий интеллектуал и церковный деятель, главный инициатор брака Софьи Палеолог с Иваном III. С другой стороны, Виссарион, будучи «римлянином» и по духу, и по месту жительства, с 1440-х гг. способствовал налаживанию связей Московской Руси именно с «Вечным городом». Венецианские греки с конца XV столетия в той или иной степени были вовлечены в отношения Русского го-

сударства и со Светлейшей республикой, и с Римом. Как справедливо заметил протоиерей Георгий Флоровский, сам брак Ивана III с Софьей «привёл... к сближению Московии с итальянской современностью»¹. Нельзя не вспомнить и другого выдающегося представителя Русского зарубежья — Н.П. Кондакова, полагавшего, что русская и итальянская средневековые культуры питались из одного, византийского источника, что способствовало продуктивному сотрудничеству двух миров². Таким образом, связи России с итальянскими государствами были нередко переплетены с отношениями с греческим миром.

В числе актуальных вопросов российской науки традиционно находится и проблема оценки преобразований Петра Великого — главные особенности отношений государя с Европой, характер заимствований с Запада, вектор его реформ как в светской, так и в церковной жизни России, предпосылки его бурной деятельности. В последние годы продуктивно исследуются связи Петра I с итальянским миром, особенно с Венецией и папством³.

Эти направления соединены в фундаментальном исследовании протоиерея Алексея Ястребова, посвящённом истории дипломатических, церковных и культурных связей России последних десятилетий XVII —

* Ястребов А.О. Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого: Россия и греческая община Венеции. М.: Познание, 2018. 394 с.

первой четверти XVIII в. с Венецианской республикой. Значительная роль греков в этих связях неоспорима. Автор монографии, много лет проживший в Италии, получивший степень доктора философии в Папском Урбанианском университете (Рим) и в 2002—2019 гг. несший послушание настоятеля православного прихода святых Жён-мироносиц в Венеции, поставил перед собой задачу раскрыть широкую панораму русско-венецианских связей, в которые были активно и неизбежно вовлечены греки, жившие в «городе мостов и каналов» и/или связанные с Лагуной тесными семейными, интеллектуальными или другими узами. А.О. Ястребов стремился показать роль греческой общины Венеции в процессе активизации контактов России и Светлейшей республики в контексте не только сближения с Европой в целом, но и внутривосточных инициатив царя, направленных на модернизацию страны. Последнее требовало в том числе квалифицированных кадров на разных направлениях. Решение поставленной в работе научной задачи невозможно без обращения к церковным настроениям греческой диаспоры Венеции и особенностям межконфессиональных отношений. Эта проблематика неизбежно выводит и на сюжеты, связанные с симпатиями в отношении «латинян», которые были характерны для не слишком значительной, но всё же заметной части русской аристократии и духовенства, которые подчас становились тайными католиками. Таковыми стали, например, братья Александр и Сергей Милославские, Пётр Артемьев, Палладий Роговский (Рогов) (с. 325—341)⁴.

Исследуя различные аспекты связей России и Венеции, Ястребов справедливо выделяет два их этапа: первый (1695—1701) «был подчинён антиосманской тематике и связан-

ным с нею военным вопросам», второй (1710—1722) «проходил под знаком коммерческого интереса» (с. 107). Несомненным достоинством книги является то, что автор начал исследование с достаточно ёмкого, но структурно значимого экскурса в историю становления греческой общины Венеции. Тем самым он показал, как унитатским деятелям греческой общины Италии уровня кардиналов Исидора и Виссариона уже в конце XV столетия уступило место твёрдое в убеждениях православное духовенство, искавшее возможностей свободного исповедания веры, пусть и в ситуации католического окружения и вынужденной эмиграции. Так проявилось духовное преодоление унии даже в среде той немногочисленной части греческого народа, кто изначально был миролюбиво настроен по отношению к «латинянам»⁵. Автор блестяще представил историю появления в XVI в. греческой церкви Св. Георгия в Венеции, связанную с началом некоторого притеснения православных уже в конце XV в.: Совет Десяти издал официальный запрет на совершение богослужений по православному чину в любом другом месте, кроме изначально католической церкви Св. Власия (с. 191). С той поры греки около столетия добивались права возвести собственный храм.

Рассказ о перипетиях жизни православной греческой общины в Венеции в середине XV—XVII в. дал возможность показать истоки настроений греческой диаспоры города, которые доминировали на рубеже XVII и XVIII вв. и, соответственно, определяли отношение венецианских греков к России, их надежды и чаяния в отношении русского государя. Автор убедительно показал, что греки, находившиеся в Венеции в довольно принижённом положении, жаждали видеть в Петре I своего заступника и

избавителя. Однако реальность оказалась значительно сложнее. Пётр действительно благоволил православным грекам Лагуны, но не ради заботы об их участии, а в связи с нуждами собственной страны. Именно благо Российского государства являлось для Петра главным ориентиром и главной целью. Ястребов нашёл множество подтверждений тому, что именно при Петре греки были вовлечены в процессы строительства Российской империи, чему способствовало благоприятное стечение обстоятельств.

На рубеже XVII и XVIII вв. в Венеции наступил период мощной католической реакции, сопровождавшийся захватом греческой церкви греко-католиками (1708), во главе которых стоял митрополит Филадельфийский Мелетий Типальд⁶. Ястребов справедливо отмечает значение этого трагического обстоятельства: «Именно в такой момент венецианских греков поддержал Пётр, давая им понять, что они не оставлены один на один с католическими властями» (с. 194). В свою очередь «обиженные православные оказались как нельзя кстати в его внешне- и внутривосточных планах. Он широко применил знания единоверцев как в России, где они сформировали костяк военной, медицинской и церковной элиты, так и за её пределами, в первую очередь в самой Венеции, где они исполняли дипломатические и консульские функции» (с. 252). Выступив защитником православия в Лагуне, Пётр — *Petrus Primus Russograecorum (!) Monarca*⁷ — дал грекам надежду на заступничество и помощь чуть ли не во всех сферах их жизни, что позволило государю широко привлекать их на военную и гражданскую службу. Очарование русским царём было столь велико, что перу именно венецианского грека Антонио Катифоро принадлежит знаменитая биография Петра Великого⁸,

приобретшая большую популярность в Европе и позже переведённая на несколько языков, в том числе на русский (с. 228).

Нельзя не упомянуть ещё одно достоинство книги, состоящее в том, что автор последовательно знакомит читателя с греками, находившимися на русской службе в царствование Петра (начиная с 1680-х гг.). Среди них не только такие известные деятели, как Иоанникий и Софроний Лихуды (особенно важна для автора фигура Иоанникия как выдающегося интеллектуала и видного дипломата) (с. 70—87), Дмитрий и Иван Боцисы или врачи Иаков Пеларино и Георгий Поликала (по всей видимости, оказывавший и весьма сомнительные с этической точки зрения услуги при дворе) (с. 152), но и справщик Афанасий Скъяда, медики Иван Мелиссинно, Антон Севасто, Михаил Скендо, сподвижник И. Боциса Анастас Лихуд (сын Иоанникия), священник Ливерий Колетти (близкий Мелетию Типальду, бывший духовник царевича Алексея), русский агент в Венеции Андрей Кассис.

Говоря об участии греков в деле передачи интеллектуальной традиции, стоит отметить, что те с начала новой эры по крайней мере дважды становились трансляторами выдающейся культурной миссии, способствовавшей сущностному перерождению культуры, которой они несли свою мудрость. В частности, это произошло в конце XIV — начале XV в., во время эмиграции на Запад, когда греческие учителя (Мануил Хрисолор и др.) обучали греческому языку итальянских гуманистов, чьи труды ознаменовали подлинное начало эпохи Возрождения. Отмечу, что эхо этой учёности чувствовалось и в русской культуре рубежа XV и XVI вв. Во второй раз это случилось в последние десятилетия XVII — начале XVIII в.,

когда «итальянизированные» греки просвещали Россию, становящуюся империей. Примечательно, что они обучали не только греческому, но и итальянскому языку. Интересно, что в самом конце XVII в. «изучение итальянского языка для русской молодёжи было приоритетным» (с. 83). Так, на правление Петра приходится своеобразное преодоление острого противоречия между «латинофилами» и «грекофилами», имевшее место в России в 1680-х гг.

Ястребову удалось тонко прочувствовать черты сложной и противоречивой политики Петра на рассматриваемом направлении. По мысли автора, император как мудрый и чуткий политик в отношении венецианских греков, терпевших притеснения от католиков, не шёл «на конфликт ни с Римом, ни с католической Венецией», взывая эти мощные силы лишь к законности и справедливости в отношении тех, чьи интересы он обещал защищать. Исследование со всей очевидностью обнаруживает, что «в планах Петра греки, конечно, играли чисто техническую роль, но сами они, видя в нём единственного, кто по-настоящему думает о них или, по крайней мере, публично декларирует своё единство с ними, были готовы служить ему всеми доступными средствами» (с. 222, 254). Эта традиция служения русскому православному государю идёт ещё от греков последних десятилетий XV в., приехавших на Русь в окружении Софьи Палеолог или немного позднее. Траханиоты⁹, Ралева, Ангеловы¹⁰, Ласкарисы находились в числе тех, чьи умения и таланты способствовали становлению сильного государства с центром в Москве. Именно в Венеции в ту пору греки так надеялись на силу русского государя, который сможет освободить их родину, что подчас были готовы выдать желаемое за действительное.

Наслушавшись греков и вдохновлённый их надеждами, сенатор Доменико Малипьеро в 1470-х гг. сообщал, что московский «король» Иван III «в скором времени направится на борьбу с турками, потому что он — зять деспота Фомы Палеолога»¹¹. Для мира итальянских греков старший сын Ивана III и Софьи Палеолог оказывался не столько продолжателем рода Рюриковичей, сколько наследником византийских императоров. Воспитанный в Италии Максим Грек, обращаясь к Василию III, называл его «Василием Ивановичем Палеологом»¹². Греки конца XVII — первой четверти XVIII в. продолжали эту традицию. Русские государи для них оставались единственной надеждой.

Исключительно важно, что Ястребов, пристально исследовав петровское время, стремился к более широкому историко-культурному обобщению, формулируя наблюдения над характером и ролью греческого влияния в России и в Венеции XV — начала XVIII в. Основываясь на глубоком знании как опубликованных, так и архивных источников, обладая широчайшим историческим и, что немаловажно, богословским кругозором, автор справедливо заметил, что греческое наследие преломлялось в этих двух мирах, пусть и имеющих общий исток, совершенно по-разному. И Русское государство, и Светлейшая республика стремились в ходе своего исторического бытия наследовать лучшие черты Ромейской державы. По мысли Ястребова, в конечном счёте у Москвы получилось то, что не вышло у венецианцев, поскольку если в первом случае имел место мирный процесс и добровольное вручение греками московскому государю прав на лидерство среди православных народов, во втором всё было не так однозначно. Многолетнее соперничество Венеции и Константинополя,

из-за которого во многом последний сделался неспособным противостоять османской угрозе, отсутствие действительной помощи Запада в критический для империи момент, активная католическая пропаганда среди греков до и особенно после 1453 г. — всё это сделало Венецию неоднозначным партнёром для наследников византийцев. Тем более что там они оказывались в униженном положении эмигрантов, а в Москве принимались в качестве ценнейших кадров в главных сферах жизни государства и общества. Несмотря на то что именно в Венеции оказалось огромное количество мощей общехристианских святых¹³, Венеция, увы, не стала таким же духовным общехристианским центром, как Рим или Константинополь. Москва же, пусть и не обладавшая таким числом общехристианских реликвий, но сумевшая преодолеть все выпавшие на её долю трудности и использовать дарованные ей богатства, стала истинным «Третьим Римом».

Большим подарком читателям служат Приложения, в которых приведены тексты и, что особенно важно для русскоязычных исследователей, переводы малоизвестных¹⁴ или вовсе не известных ранее документов по истории греко-русско-венецианских отношений. Из числа последних выделяются царские грамоты 1686—1687 гг. и грамота от дожа 1695 г., а также документы 1703 г., связанные с греками на русской службе И. Бодисом и Г. Дасколи (с. 273—289, 291—299), впервые вводимые Ястребовым в научный оборот.

В своём исследовании Ястребов не раз обращается к петровской политике в отношении католической Церкви, специально рассматривая её и в одном из разделов Приложений. Автор не только остановился на известных фактах диалога России с Римом, но и, базируясь на неизвестных

до настоящего времени источниках, пришёл к выводу, что отношение Петра к «латинской» Церкви было двойным. Богослужение, богословские особенности, церковная практика, архитектура — эти и другие¹⁵ аспекты привлекали царя, особенно в годы его молодости, когда, разочарованный в православном духовенстве, не поддерживавшем в основной массе его реформы, он определял свои приоритеты в других христианских традициях. Тем более что связи России с Папским престолом, обусловленные нуждами реальной политики, возобновились уже в 1672—1673 гг. Говоря о последних десятилетиях XVII в., уместно воскликнуть вслед за классиком историографии русско-итальянских связей, немалое время посвятившим разысканиям в итальянских архивах: «Мыслимо ли было огородить себя (от сношений с католиками. — *Т.М.*) китайской стеной, если соприкосновение с Западной Европой усиливалось с каждым годом!»¹⁶. Но крайняя политизированность римской Церкви, её неразборчивые методы в достижении целей, а главное, ещё не изжитая со времён Средневековья претензия на главенство над светскими монархами не только в духовных, но и в мирских делах привели к жёсткому отпору и негативным суждениям царя о политике папства (с. 317—318).

Книга исключительно удачно иллюстрирована редкими и подчас уникальными изображениями Венеции XVIII столетия, её заголовки умело стилизованы под печать петровского времени. Бросается в глаза, впрочем, невнимательность корректоров издательства, допустивших несколько досадных оплошностей¹⁷. Отсутствие именного и географического указателей затрудняют быстрый тематический поиск по насыщенному конкретными фактами исследованию.

Эти недочёты, впрочем, никак нельзя вменить в вину автору.

Книга А.О. Ястребова представляет собой пример вдумчивого и глубокого междисциплинарного исследования, находящегося на стыке истории внешней политики России, истории культуры и богословия. Перед нами актуальный, интересный и во многом уникальный труд, способствующий как трансляции уже добытого знания, так и новым размышлениям, а главное — благодаря введению в научный оборот новых источников — будущим открытиям.

Примечания

¹ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 58.

² Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 2. СПб., 1915. С. 392—393. Эта мысль развита А.Г. Габричевским в статье, написанной в 1947 г., но так и не напечатанной в то тревожное время. Искусствовед писал: «Единство эллинской традиции, переданной Византией как Италии, так и Руси, может отчасти объяснить то “чудо”, которое совершилось в Московском Кремле в 1475—1479 гг. (речь идёт о строительстве католиком Аристотелем Фиораванти главного храма православной Руси. — Т.М.)» (Габричевский А.Г. Итальянские зодчие в России // Россия и Италия. Вып. 2. М., 1996. С. 226).

³ Андросов С.О. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. СПб., 2003; Андросов С.О. Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб., 2011; Плеханова М.Б. Борис Иванович Куракин в Риме в 1707 году // Dalla Russia in Italia. Intelletuali e artisti a Roma (XVIII e XIX secoli). Salerno, 2015. С. 23—40.

⁴ Вслед за Е.Ф. Шмурло и А.В. Флоровским М.Б. Плеханова справедливо отметила, что русские стольники, отправленные в Италию для изучения мореходного дела в последние годы XVII в., «встретившись с католическим миром, переживали смущение и колебания, в разной степени сближаясь с католичеством... К русским ученикам были приставлены активные деятели католической церкви» (Плеханова М.Б. Борис Иванович Куракин... С. 28).

⁵ Неприятие унии основной массой греческого духовенства и народа ярко описано в воспоминаниях Сильвестра Сиропула (*Сиропул С. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском соборе (1438—1439)*). В 12 ч. СПб., 2010. С. 298, 312, 323).

⁶ Ястребов А.О. Новые сведения о деятельности митрополита Мелетия Типальда на рубеже XVII—XVIII вв. // «Востанет цесарь в опустевшей земле»: Люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н.С. Борисова. М., 2020. С. 296—306.

⁷ См.: Петрунина О.Е. Русско-греческие отношения и эволюция «Великой идеи» греков в XIII — начале XX века // Греческий мир в XVIII—XX вв. в новых исторических исследованиях. М., 2006. С. 36.

⁸ Catiforo A. Vita di Pietro, il Grande imperador della Russia, estratta da varie memorie publicate in Francia e in Olanda. Venezia, 1736.

⁹ В недавнее время доказана историчность Мануила Дмитриевича Траханиота (*Матасова Т.А., Воробьёв Г.М.* Новый документ по истории связей греческого мира и России последней четверти XV в. // Византийский временник. М., 2016. Т. 100. С. 256—270).

¹⁰ Хотелось бы обратить внимание читателей на открытие новых документов, связанных с Мануилом Ангеловым — послом Ивана III в Италию (*Матасова Т.А.* Миланский список московской грамоты 1493 г.: автограф грека из окружения Софьи Палеолог // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2(80). С. 5—13; *Матасова Т.А.* Латинский перевод грамоты Ивана III 1493 года в Милане и Флоренции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 2(84). С. 41—51).

¹¹ Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero, ordinate ed abbreviate dal senatore Francesco Longo // Archivio storico italiano. Vol. VII. Parte 1. Firenze, 1843. P. 106. Русский перевод отрывка см.: *Скржинская Е.Ч.* Русь, Италия в средневековье. СПб., 2000. С. 281. Об интерпретации этого высказывания Малипьеро см.: *Матасова Т.А.* Софья Палеолог. М., 2016. С. 163—164.

¹² Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М., 2008. С. 119.

¹³ *Де Антига Р.* Венеция. Гавань святых. СПб., 2021; Ястребов А.О. Святыни Венеции: Православный историко-художественный путеводитель по базилике Святого Марка и церквям Венеции. Падуя, 2010.

¹⁴ Под «малоизвестными» документами я понимаю те, что были опубликованы ещё Е.Ф. Шмурло в фундаментальных изданиях источников по истории русско-итальянских отношений, «потерянные» в обилии других документов, собранных этим выдающимся исследователем. Между тем именно отобранные Ястребовым источники весьма ярко отражают многие идеи, представленные в его исследовании.

¹⁵ В эпоху Петра Великого предпринимались попытки получить некоторые святыни из Рима, в том числе частицу мощей Алексия, человека Божия, — небесного покровителя единственного сына Петра и одного из самых почитаемых в России святых с домонгольской

эпохи. Получение этой реликвии было одной из целей римской миссии кн. Б.И. Куракина 1707 г. (Плюханова М.Б. Борис Иванович Куракин... С. 30).

¹⁶ Шмурло Е.Ф. Сношения России с папским престолом в царствование Петра Великого (1697—1707) // Историки-эмигранты: Во-

просы русской истории в работах 20-х — 30-х гг. М., 2002. С. 212.

¹⁷ Например, на с. 112 написано «стало Ливорно», тогда как правильно — «стал Ливорно»; на с. 146 и далее правильно написано «Скьяда», однако на с. 153 ошибочно — «Скьяда».

Максим Зайцев

Рец. на: А.В. Белов. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 613 с., ил. (Historia Russica)

Maksim Zaytsev

(Saratov State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Belov. Reforma goroda Ekateriny II (po materialam guberniy Tsentral'noy Rossii). Moscow, 2019

DOI: 10.31857/S086956870016239-3

Отечественная историческая урбанистика, набирающая в последние десятилетия всё больший размах, пополнилась фундаментальным трудом сотрудника Института российской истории РАН, кандидата исторических наук А.В. Белова. Это логическое продолжение многолетней работы автора, результаты которой — его диссертация¹ и несколько монографий². Новая книга посвящена предпринятой в правление Екатерины II реформе города, под которой понимается комплекс мер, направленных на формирование новой сети городских поселений, закрепление за ними внешних статусных признаков и конкретных функций, создание разнообразных государственных и общественных учреждений, введение официальных типологии и иерархии поселений. При этом «реформа города» отделяется от «городской реформы», заключавшейся в упорядочении системы самоуправления и хозяйственной деятельности посадского (городского) населения путём фиксации его прав и обязанностей (с. 10, 59—60). Такой подход придаёт исследованию опреде-

лённую новизну, отличая его от наработок предшественников (И.И. Дятлина, А.А. Кизеветтера, Н.Д. Чечулина, Ю.Р. Клокмана, Б.Н. Миронова, Л.Ф. Писарьковой, А.И. Куприянова и др.). До сих пор никто не пытался комплексно рассмотреть совокупность государственных мероприятий эпохи Екатерины II, направленных на трансформацию российского города.

В центре внимания автора — губернии Центральной России: Калужская, Ярославская, Владимирская и Московская, являющиеся в историко-культурном смысле «сердцем» нашей страны. Проведение реформы города в данном регионе, безусловно, оказало существенное влияние на совершенствование принципов и методов самого преобразования, не говоря уже о её значении для местного социально-экономического и культурного развития.

Структуре работы присущи стройность, взвешенность и внутренняя логика. Первые две главы посвящены рассмотрению подготовительных мероприятий, а также анализу выработки оснований реформы. По мнению

автора, Екатерина II и её окружение «подготовили обстоятельно продуманный план» (с. 102), главная цель которого — «привести на смену отслужившему своё феодальному городу-крепости современный город — город Нового времени». Для этого создавалась структура, способная эффективно решать злободневные проблемы: управление, повышение хозяйственной активности, снижение рисков и т.д. (с. 55, 59).

Уже эти разделы заставляют задуматься о корректировке периодизации истории русского города. Традиционно в качестве рубежа принимается бурная эпоха Петра I. Однако Белов стремится доказать, что город ещё долго сохранял многие черты, присутствующие ему в XVI—XVII вв.: функция крепости, соответствующая поселенческая структура, воеводское управление и т.п. (с. 30, 490—493, 523). Интересно, что к сходным выводам в своё время пришли И.И. Дитятин и А.А. Кизеветтер, изучавшие преимущественно городской социум и самоуправление. С их точки зрения, только административные и социальные реформы 1770—1780-х гг. заложили основу для формирования на месте посадской общины единого всеобщего городского общества, получившего возможность реализовывать свои права и интересы через новый муниципальный орган — городскую думу³. Так что данную эпоху, возможно, стоит рассматривать в качестве переломной для всего масштабного процесса российской урбанизации с гораздо большим основанием, нежели эпоху Петра I.

Главы 3—6 посвящены созданию указанных выше губерний и осуществлению преобразований в них. В каждом случае рассматривались организация городской сети (из старых и «вновь назначенных» пунктов), формирование коронных и общественных

учреждений, строительство публичных зданий, внешнее благоустройство поселений, а также выполнение городами важнейших функций: размещение администрации, суда, войск, тюрем и стратегических запасов продовольствия, открытие и содержание учебных, медицинских и благотворительных заведений. Автор обработал колоссальный фактический материал, извлечённый из нескольких центральных и областных архивов. Данные по каждой губернии и поселению приведены во всех подробностях, что местами придаёт тексту справочный характер. С точки зрения науки это безусловный плюс, однако делает чтение и восприятие книги довольно трудоёмким занятием. Она больше ориентирована на специалистов, нежели на «широкий круг читателей», как отмечено в аннотации.

Тем не менее создана яркая картина преобразования городов Центральной России на рубеже XVIII и XIX вв., во всех нюансах отражены особенности трансформации жизни в них, сложность изменений, наглядно видны результаты и историческая значимость государственных мероприятий. Притом удачно показана специфика реформы в каждой из изучаемых губерний. Например, любопытны сведения о проблемах, с которыми власти столкнулись при выборе «кандидатур» уездных городов Калужской губ.: из-за отсутствия в ней хорошо развитых экономических поселений в качестве «донора» пришлось выступить соседней Московской. Ярославская и Владимирская губернии же оказались более «обеспеченными», здесь иногда сами жители сельских поселений, обладавших высоким промышленным и торговым потенциалом, боролись за получение городского статуса. Однако кажется, что в случае с Московской губ. автору стоило уделить больше внимания проблеме негативного вли-

яния столичного города на развитие малых центров, о чём он упоминает лишь вскользь (с. 488).

Стоит положительно оценить обращение к роли личности в изменениях, акцент на то, что успех или неудача реформы сильно зависели от фигуры администратора, избранного для создания той или иной губернии и управления ею. Любопытно стремление генерал-губернаторов и гражданских губернаторов (очевидно, вследствие инструкций свыше) внимательно изучать положение дел на вверенной им территории, а уже затем действовать, исходя из условий местности. В целом корпус подобранных чиновников соответствовал задачам реформы, хотя не обошлось и без исключений (владимирский генерал-губернатор Р.И. Воронцов). Думаю, стоило бы уделить внимание принадлежности некоторых действующих лиц к масонской организации (того же Воронцова или А.П. Мельгунова). Влияние просветительских и этических идей масонства, на мой взгляд, помогло бы объяснить многие решения участников реформы и их поведение в отдельных ситуациях.

Главы 7 и 8 посвящены «зигзагам» политики государства в эпоху Павла I и Александра I, а также иерархии и типологии городских поселений, установившимся на рубеже XVIII и XIX вв. По мнению Белова, «разжалование» некоторых городов Павлом «осуществлялось не как отрицание новым императором политики и наследия матери, а исходя из назревшей и осознанной необходимости» (с. 519). В последнем разделе, фактически играющем роль заключения, содержатся важнейшие теоретические выводы. Формулируются тезисы о том, что, во-первых, вторая половина XVIII и начало XIX в. представляют собой рубеж в истории русского города, поскольку «именно тогда он об-

рёл форму и содержание, в контексте которых существует и по сей день», а во-вторых, в ходе реформы «произошло переустройство городов в соответствии с нормами Нового времени как в плане характера населения (от служилых людей и слобожан к “городовым обывателям”», так и в отношении городской структуры и функций» (с. 523).

В целом учёному удалось успешно решить поставленные задачи, продемонстрировав на конкретных примерах историческую обусловленность, содержание и значение реформы. Как и полагается фундаментальной монографии, она отвечает на многие важные вопросы, проливает свет на ранее малоизученные темы, вместе с тем заставляет задуматься и о новых проблемах.

В то же время не со всеми положениями можно безоговорочно согласиться. Прежде всего, сомнение вызывает «выведение за скобки» преобразования городского самоуправления. В монографии почти не упоминаются такие учреждения, как городские магистраты и городские думы, соответственно реформированные или созданные Екатериной II. Из-за этого реформа выглядит как процесс создания и совершенствования города нового типа исключительно государством без участия общества. Однако одна из главных особенностей эпохи «просвещённого абсолютизма» — попытка привлечь различные слои населения к решению задач как местного, так и общегосударственного характера. Именно для этого расширялись не только сословные права дворянства, но и его участие в органах администрации и суда. Для этого же совершенствовалась ориентированная на городские сословия система судебных учреждений (магистратов) и создавались думы — выразительницы интересов всех жителей. Жалованная грамо-

та стимулировала население (прежде всего купцов, мещан и ремесленников) активнее участвовать в обеспечении собственных первоочередных нужд (развитие торгово-промышленной сферы, внешнее благоустройство, образование, медицина и т.п.). В этих сферах органы самоуправления должны были действовать совместно с коронными учреждениями и под их контролем⁴. Таким образом, изменения в области самоуправления являлись важной составной частью реформы города.

Характерный момент: используя произведения Н.В. Гоголя в качестве «критической оценки современника», автор утверждает, что в них «провинциальный город имел весь (!) требуемый набор учреждений и структур, предначертанных реформаторскими планами императрицы» (с. 581). Между тем среди действующих лиц комедии «Ревизор» отсутствует городской голова, нет упоминаний о городской думе и магистрате или членах этих органов. То же самое касается и поэмы «Мёртвые души». В представлении великого писателя русский город вообще лишён самоуправления, что, конечно, является лишь особенностью конкретных литературных произведений. Использовать их для изучения образа города в сознании современников, конечно, можно и нужно, но нельзя забывать, что смысл и назначение художественного текста принципиально отличны от текстов исторических источников. Читая Гоголя, историк должен задаваться вопросом, насколько изображённый им уездный или губернский «город N» типичен для соответствующей эпохи и нет ли здесь крупных лакун.

Замечание вызывает чересчур категоричная убеждённость автора в радикальном характере и безусловном успехе изучаемой реформы. При чтении монографии местами созда-

ётся впечатление, что русский город до эпохи просвещённой императрицы не имел ни администрации, ни полиции, ни пожарной службы, ни благоустройства, и всё это появилось лишь благодаря мероприятиям 1770—1780-х гг. Абсолютизация изменений во многом вызвана недооценкой предшествующего периода. Государство впервые попыталось «вычистить и облагодетельствовать» города ещё при Петре I. Получилось немного, а в середине XVIII в. некоторые начинания сошли на нет. Тем не менее городские поселения приобрели набор специфических функций и основные компоненты городского быта. Можно говорить лишь о низком уровне их развития и крупных проблемах, которые заставили правительство предпринять широкомасштабные действия.

Кроме того, сам автор приводит многочисленные примеры создания при Екатерине II уездных центров из сельских поселений или из городов, считавшихся таковыми исключительно по наличию у них укреплений. Естественно в «новоназначенных» городах приходилось формировать соответствующую инфраструктуру практически с нуля, поэтому масштабные перемены действительно бросаются в глаза. Но это была не переделка средневекового города в современный, а превращение села в город. В крупных поселениях со старинной городской традицией качественные изменения оказались не столь впечатляющими, хотя невозможно отрицать бурный количественный рост учреждений и служб социального характера.

Значение реформы для дальнейшего развития действительно велико, но насколько? Во-первых, автор установил довольно неопределённые хронологические рамки исследования, в одном месте обозначив их как период «проведения административной реформы Екатерины II, а также ближай-

ших к ней десятилетий» (с. 8), в другом отметив, что «в первой четверти XIX в. завершился процесс, начатый Екатериной II» (с. 520), а в заключение признав, что «многое из запланированного императрицей неизбежно реализовывалось почти до середины XIX столетия» (с. 585). Такой подход соответствует принципу историзма, но создаёт впечатление, что преемники Екатерины следовали проекту её реформы. На деле же Павел I пытался отменить или видоизменить многие начинания своей матушки в городской сфере. Независимо от того, вызывалось это органическим отрицанием её мировоззрения или, как считает автор, назревшей необходимостью⁵, масштаб решений императора оказался весьма значителен. Александр I, обещавший править «по законам и по сердцу» августейшей бабки, не стеснялся вносить в созданную ею систему существенные изменения и дополнения. Так что полного возвращения к принципам городского управления не произошло, и начала, заложенные в него Павлом I, сохранялись и развивались на протяжении всей первой половины XIX в.⁶

Во-вторых, положение о безоговорочном успехе реформы не согласуется с тем фактом, что уже спустя весьма скромный по историческим меркам период правительство вновь обратило внимание на состояние городской сферы и приступило к разработке проектов преобразований. Дитятин (которого автор критикует, на мой взгляд, излишне резко) относил первые шаги в этом направлении к 1821 г., когда Государственный совет признал, что «городское хозяйство никакими мерами правительства не может быть улучшено, если не озаботиться о коренном преобразовании самого городского управления, неудовлетворяющего многим современным требованиям»⁷. Л.Ф. Писарькова

считает, что правительство «впервые озадачилось установлением причин бедственного положения городов» в 1825 г.⁸ Следовательно, преобразования Екатерины II с точки зрения самого государства оказались не настолько эффективны, чтобы обеспечить интенсивное развитие затронутой ими сферы даже на протяжении полувека.

В-третьих, своей излишне категоричной убеждёностью в долгосрочном характере результатов преобразований рубежа XVIII и XIX вв. автор невольно принижает значение Великих реформ 1860—1870-х гг. и их влияние на развитие русского города. Не думаю, что именно в этом заключается его осознанная позиция, потому хотелось бы больше конкретики в определении того, что именно из екатерининских изменений просуществовало до наших дней (помимо выстроенных в ту эпоху зданий).

Высказанные замечания относятся к разряду теоретических вопросов и являются предметом научной полемики. Их появление вызвано исключительно высоким уровнем рецензируемой монографии и бесспорной актуальностью рассматриваемых в ней вопросов. Она вносит большой вклад в изучение истории отечественных городов с точки зрения их социального, культурного и экономического развития. Её фактический материал и теоретические положения могут и должны быть использованы для дальнейших исследований в смежных областях знания, а также в учебном процессе.

Примечания

¹ Белов А.В. Интеграция пригородных поселений в урбанистическую структуру Москвы во второй половине XIX — начале XX века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

² Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX — начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин. М., 2005; Белов А.В.

1812 год в судьбе русского города: влияние наполеоновского нашествия на состояние городских поселений Центральной России и жизнь их обывателей. М., 2018; Белов А.В. Москва и уездные города второй столичной губернии на исходе правления Екатерины II: реформа города. М., 2018.

³ Дитятин И.И. Устройство и управление городов в России. Т. 1. СПб., 1875. С. 505—506; Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 799.

⁴ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003. С. 498.

⁵ Причём во втором случае получается, что принципы реформы Екатерины II уже при Павле не соответствовали объективным условиям.

⁶ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. М., 2010. С. 57.

⁷ Дитятин И.И. Указ. соч. Т. 2. Ярославль, 1877. С. 371.

⁸ Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России... С. 66.

Татьяна Филиппова

«В координатах многовековой истории своей страны»*

Tatiana Filippova

(Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«In the coordinates of the centuries-old history of our country»

DOI: 10.31857/S086956870016255-1

«Он победил и время, и пространство», — сказала об А.С. Пушкине А.А. Ахматова. И это была не поэтическая фраза «коллеги по творчеству», а констатация исторического феномена. Более двух веков русский поэт не только остаётся с читателем в ореоле начала начал отечественной словесности, но и неизменно присутствует в центре внимания одного из элитных отрядов гуманитаристики — пушкинистов. В разные эпохи к личности и творчеству Пушкина обращались с исследовательскими целями П.В. Анненков и П.И. Бартенев, Б.П. Модзалевский и Н.О. Лернер, Д.М. Мережковский и Г.П. Федотов, В.Я. Брюсов и А.А. Ахматова, Ю.Н. Тынянов и Ю.Г. Оксман, Б.В. Томашевский и В.В. Виноградов, Л.Я. Гинзбург и Ю.М. Лотман, многие другие выдающиеся представители отечественной науки, философии, литературы. Иностранные учёные и деятели «Русского

зарубежья» также внесли вклад в освоение наследия великого поэта.

Пушкинская тема в меняющемся социокультурном пространстве каждый раз прочитывается по-новому, а потому неиссякаема для исследовательской рефлексии. И закономерно, что литературный талант и масштаб творческой личности Александра Сергеевича, уже при жизни названного современниками «солнцем русской поэзии», дали имя не только исторической эпохе, но и особому направлению исследований. Пушкинский дискурс как путь развёртывания мышления и выявления ментального феномена, выраженного в тексте; пушкинский текст как смысловое выражение мировоззрения и мировосприятия своего времени, взглядов, мнений, всегда требовали исследовательской междисциплинарности, учёта исторического и социокультурного контекста, энциклопедической эрудированности.

* Пушкины: генеалогическая энциклопедия / Отв. ред. О.Н. Наумов. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 592 с., ил.

Эти черты отличают создателей генеалогической энциклопедии «Пушкины», посвящённой 220-летию со дня рождения поэта. Авторы идеи проекта, доктора исторических наук В.В. Журавлёв и О.Н. Наумов, редакционный совет издания, в который входят член-корреспондент РАН С.М. Каштанов, советник Президента РФ В.И. Толстой, доктор исторических наук В.В. Шелохаев, кандидат исторических наук О.В. Рыкова, правнуки поэта — А.А. Пушкин и Ю.Г. Пушкина, а также сильный коллектив авторов статей создали уникальный труд. Однако содержание и смысловая значимость проделанной работы выходят далеко за рамки обозначенного жанра.

От «А» до «Я», от Азова до Ярославля; от Адмиралтейств-коллегии до Ямского приказа; от Акинфия Великого (праправнука Радши, родоначальника рода Пушкиных) до Татьяны Яковлевой, дочери Льва Львовича Пушкина, — так в алфавитной последовательности статей энциклопедия наполняется лицами, географическими объектами, историческими событиями, названиями учебных заведений и государственных учреждений, геральдическими сведениями и проч. Пушкинская генеалогия понимается широко и является далеко не единственным объектом интереса авторов и издателей книги.

Сверхзадачу проекта сформулировал В.В. Журавлёв: «За лаконичными, казалось, бесстрастными строками энциклопедических статей... раскрывается многовековая драма древнего дворянского рода, реализующего свой многовековой социальный и индивидуальный, чисто человеческий потенциал участием практически во всех значимых событиях российской истории. “Одушевить” же эту драму, наполнить её живыми приметами, самим духом сменявших друг друга эпох,

помогает нам Александр Сергеевич. Когда пытаешься “единым взором” охватить все нити, связывающие его с предками, начинаешь верить в то, что духовный, творческий потенциал гения “куётся” и получает огранку веками жизнедеятельности его “пращуров”. Поэт жил, мыслил и творил не только в отведённой ему судьбой России Александра I и Николая I. Он жил в координатах многовековой истории своей страны» (с. 5).

Социогенеалогический подход, пронизывающий издание, реализуется в работе на макро- и микроуровне исследовательских задач, помогая преодолеть границы литературоведения и исторической науки, культурологии и социальной антропологии, генеалогии и филологии. Это создаёт удивительный «эффект присутствия» поэта в самых разных историко-культурных эпохах и сферах жизни нашей страны. Черета предков и потомков Александра Сергеевича — воеводы, думные дворяне, сокольничие, бояре, стольники, стряпчие, губернаторы, сенаторы, прокуроры, носители практически всех чинов Табели о рангах, деятели эмиграции, а также советского и постсоветского времени — все они «одушевляют» историческое время страны и соединяют пространство прошлого и настоящего именем и духом поэта, подтверждая мысль Л.Г. Березовой, что «историческая пушкиниана представляет собой модель культурного самосознания России», а сам «живой Пушкин» видится как «опора в реальной сегодняшней жизни, источник современного самосознания»¹.

Глубоко эмоциональное отношение Пушкина к прошлому своей страны, переживание его через личный жизненный опыт отразилось в известном письме П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., в котором прозвучал отказ поэта «иметь иную историю, чем история наших предков, как её

нам дал Бог». Но была и иная, рационально-исследовательская сторона восприятия прошлого, не мешавшая, впрочем, любви и верности «родному пепелищу». Ещё В.О. Ключевский со всей определённою назвал поэта историком, точно подметив, что «всё написанное Пушкиным — исторический документ, длинный ряд его произведений — поэтическая летопись нашего времени»². Позднее эту же тему развил Лотман, увидев в поэте человека «глубоко исторического мышления». Подчёркивая «напряжённый характер» его исторических рефлексий, учёный усмотрел в Пушкине-мыслителе серьёзного аналитика, ибо тот «стремится оценить события не с позиций романтического субъективизма, а в свете объективных закономерностей истории. Интерес к законам истории, историзм сделаются одной из доминирующих черт пушкинского реализма»³.

В издании особенно привлекают статьи профессора Наумова, обобщающие его исследования судеб потомков Пушкина в послереволюционное время, когда представителям рода приходилось выбирать линию поведения в драматически меняющейся реальности, когда лишь со временем «образ поэта активно интегрировался в советскую идеологическую систему» (с. 10). Наумову также принадлежит большинство разделов в статьях общего характера, дающих подробнейшую информацию о том, к примеру, кто из рода Пушкиных принимал участие в том или ином историческом событии, где обучался, служил, каким орденом был награждён, какую должность занимал в местном управлении и проч. Тем самым создан внушительный пушкинский *компендиум*.

Особо отмечу статью доктора исторических наук В.С. Листова, посвящённую теме смены поколений в творчестве Пушкина и выступающую

в качестве не просто приложения к основному тексту, но литературно-исторического «камертона», настраивающего читателя на сущностное восприятие социогенеалогического подхода. «В пушкинском мире, — подмечает автор, — единый закон наследования в поколениях равно распространяется на весь умопостигаемый космос. Поэтому энциклопедические знания о Пушкине были бы неполны без попытки собрать и обобщить историю его дворянского рода, прослеживаемого от начала истекшего тысячелетия до наших дней» (с. 526).

Одно из важных свойств энциклопедии состоит в том, что её тексты «работают» на самых разных уровнях читательского восприятия, профессионального интереса и интеллектуальной подготовки. Учёные найдут в ней ценные подробности и уточнения, связанные с исправлением ошибок и неточностей, десятилетиями копившихся в трудах о роде Пушкиных. Так, в энциклопедических статьях scrupulозно перечислены разночтения в датах и других сведениях, упомянуты ошибочные варианты, снабжённые необходимыми пояснениями, подробностями и коррективами. Учителям школ и преподавателям вузов материалы энциклопедии дадут ценный материал для представления пушкинской темы учащимся. Для студентов-гуманитариев издание станет компасом в мире пушкинистики, его историческом и литературном измерении. Читателям-любителям статьи откроют длящуюся почти восемь веков историю одного из самых старинных дворянских родов Европы, занимающего третье место в России после Рюриковичей и Аксаковых.

Основу энциклопедических статей составляют источники, относящиеся к роду Пушкиных, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Среди них — документы

центральных и региональных архивов и музеев России и Литвы, семейных архивов представителей рода в России и за рубежом. В дополнение к статьям приведена краткая поколенная роспись Пушкиных; наиболее полная из имеющихся в историографии, она доведена до 2018 г. Внушительный научно-справочный аппарат издания включает первый в отечественной науке библиографический перечень литературы по генеалогии поэта — свыше 250 изданий.

Во вступительной статье к энциклопедии подчёркнут масштаб проделанных поисков и его результаты, иными словами — «общеисторический смысл» труда. Он проявляется в том, что «систематизированное воссоздание исторической Судьбы рода Пушкиных в её многогранной, противоречивой целостности и на длительной временной дистанции, сопоставимой с эпохой существования отечественной государственности, вплотную подводит к решению задач реконструкции универсального образа отечественного дворянского рода как такового». Но, что не менее важно, новизной и масштабностью энцикло-

педия «Пушкины» «открывает новые горизонты и возможности для дальнейшего изучения такой безбрежной темы, как место и роль дворянства в становлении и многовековой эволюции российской цивилизации» (с. 13).

Пушкину принадлежит замечательный афоризм, со свойственным поэту интеллектуальным изяществом формулирующий глубинную связь между художественным творчеством и рациональным познанием: «Истинное воображение требует гениального знания». Генеалогическая энциклопедия «Пушкины» может стать надёжным проводником на пути к пониманию этой закономерности.

Примечания

¹ Березовая Л.Г. Александр Сергеевич Пушкин // Пушкин А.С. Избранное. Ч. 1 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.Г. Березовой. М., 2010. С. 47.

² Ключевский В.О. Речь, произнесённая в торжественном собрании Московского университета 6 июня 1880 г., в день открытия памятника Пушкину // Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. М., 1990. С. 77—78.

³ Лотман Ю.М. Пушкин // История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. С. 320, 338.

Алексей Ипатов

Рец. на: А.Э. Котов. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2019. 285 с.

Aleksey Ipatov

(Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia)

Rec. ad op.: A.E. Kotov. Russkiy politicheskiy predmodern: zabytyye «konservatory» vtoroy poloviny XIX veka. Saint Petersburg, 2019

DOI: 10.31857/S086956870016240-5

Монография А.Э. Котова посвящена сравнительно малоизвестному кругу «консерваторов» пореформенной России. Ранее автор уже детально

исследовал опыт ведения дискуссий в русской консервативной журналистике 1870—1890-х гг., взгляды М.Н. Каткова и биографии публицистов из его

ближайшего окружения¹. Кроме того, им был подготовлен к печати сборник отечественных антинигилистических памфлетов второй половины XIX в.²

В кратком предисловии говорится об отсутствии общепризнанной дефиниции консерватизма, включавшего в себя различные, нередко враждебные друг другу течения с собственной ценностной базой. Конечно, все их приверженцы являлись монархистами, но к таковым относилась тогда и большая часть либералов. Именно поэтому, по мнению Котова, для характеристики мировоззрения российских консерваторов не столь важен их монархизм как таковой, сколько «та социальная и идеологическая база, которую они под него подводили» (с. 5—6). В результате автор сосредотачивается на изучении противостояния и сотрудничества национального и сословно-имперского направлений в русском консерватизме.

В первом разделе — «Над могилой Каткова: спор о “белом нигилизме”» Котов анализирует газетную полемику, последовавшую после смерти издателя «Московских ведомостей». В неё втянулись «Новое время», «Гражданин», «Варшавский дневник», «Русский курьер», те же «Московские ведомости» и др. Этот спор не только продемонстрировал неоднозначность оценки современниками как самого Михаила Никифоровича, так и его публицистического наследия, но и выявил, что оно не могло быть вписано ни в одно из существовавших тогда течений общественно-политической мысли. Некоторые даже считали, что влиятельный редактор и издатель «Русского вестника» и «Московских ведомостей» олицетворял вполне самостоятельное «направление», заметно отличавшееся от всех прочих. Вместе с тем эта дискуссия плавно переходила в обсуждение «идеальной» для России формы государственности —

кому-то из наследников Каткова она виделась в национальном государстве с первенствующей ролью русского народа, другим — в многонациональной империи, скреплённой сильной центральной властью и единой идеологией.

Второй раздел посвящён разногласиям среди славянофилов, их представлениям о государственном устройстве России и политике на окраинах (прежде всего в Северо-Западном крае и в остзейских губерниях). При этом особое внимание уделено позиции Ю.Ф. Самарина — «“подлинного основателя” русского направления» (с. 73). Кроме того, Котов рассматривает взаимоотношения славянофилов с их либеральными и консервативными оппонентами, в частности с Катковым и его последователями, и отмечает, что они нередко приводили к неожиданным альянсам.

Более подробно проблемы, с которыми сталкивались русские «консерваторы» в Западном крае, освещены в разделах «“Нравственный Кавказ” Ивана Корнилова», где говорится о судьбе и мировоззрении попечителя Виленского учебного округа середины 1860-х гг., и «“Петровский топор” Михаила Юзефовича», в котором создан портрет видного борца с полонизмом и украинофильством, многолетнего председателя Киевской комиссии для разбора древних актов. В их положении Котов находит много общего: признание в узком кружке единомышленников, ожесточённая и изматывающая борьба с врагами «русского дела», противоречивые отношения с часто сменяющимся начальством и ещё более сложные — со столичной, московской и петербургской, интеллигенцией. С другой стороны, на их примере хорошо видно, как причудливо складывалось порою взаимодействие консервативных русофилов с властью. Так, если И.П. Корнилов лишился должности

попечителя по решению А.Л. Потапова, занявшего генерал-губернаторский пост, то М.В. Юзефович, опираясь на поддержку того же Потапова, ставшего уже шефом жандармов, добился в 1876 г. ликвидации в Киеве центра украинофильской пропаганды.

В последнем разделе («Народностей много, собственность одна») раскрываются особенности «дворянского консерватизма» — от ожесточённой полемики «полякующей» скарятинской «Вести» со славянофилами и «Московскими ведомостями» до А.Д. Пазухина, по словам Котова, в 1880-х гг. «сумевшего окончательно “встроить” основные тезисы дворянского консерватизма в рамки катковского направления» (с. 271). Здесь же характеризуются позиции Р.А. Фадеева, К.Н. Леонтьева и др.³

В заключении Котов констатирует, что «мало кто из условных “консерваторов” XIX века был противником *развития* России», а «многие из них в молодости прошли через увлечение либеральными или даже левыми идеями» (с. 279). Более того, и в ходе их споров относительно «моделей государственного строительства» в пореформенные годы «оттачивался тезис о “природном” русском демократизме», подхваченный впоследствии П.А. Столыпиным. Впрочем, по

мнению автора, «трансформация из сословной империи в национальное государство была одним из аспектов переживаемой Россией “буржуазной” модернизации» (с. 282).

Монография А.Э. Котова вносит значительный вклад в изучение отечественной общественно-политической мысли второй половины XIX в. Можно лишь сожалеть, что при её подготовке в текст попали досадные опечатки и в ней появились киевский «генерал-губернатор П.В. Анненков» (с. 150) и «левоярусный» (вместо «львояростный») М.Н. Катков (с. 152). Тем не менее профессионализм автора, его эрудиция и собранный им материал возвращают в историографию забытые имена и делают данную книгу необходимой для исследователей русского «консерватизма».

Примечания

¹ Котов А.Э. Русская консервативная журналистика 1870—1890-х гг. (опыт ведения общественной дискуссии). СПб., 2010; Котов А.Э. Птенцы гнезда Каткова. СПб., 2013; Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860—1890-х гг. СПб., 2016.

² «Под каким соусом нас съедят»: русский антинигилистический памфлет второй половины XIX века / Сост. А.Э. Котов. СПб., 2019.

³ См. также: Иванов А.А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016.

Олег Айрапетов

Образцовая публикация*

Oleg Airapetov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

The way it's supposed to be

DOI: 10.31857/S086956870015479-7

Профессор Л.Г. Захарова любила повторять слова своего учителя

П.А. Зайончковского о том, что на подлинное научное бессмертие исто-

* Кедров М.А. Моя автобиография. 1878—1933 гг. / Вступ. ст., коммент. Д.Ю. Козлова, Л.И. Петрушевой, В.А. Болтрукевича; при участии Е.В. Балуткиной и Ю.Г. Орловой. М.: Квадрига, 2020. 300 с.

рик может рассчитывать лишь при подготовке справочной литературы или издания источников, важных для последующих поколений исследователей. Разумеется, при условии таковой их публикации, которая обеспечивает читателей всем необходимым не только для чтения и понимания текста, но и для полноценной работы с ним.

Группа учёных из Института российской истории РАН под руководством доктора исторических наук Д.Ю. Козлова осуществила именно такой труд. Выпущенную ими книгу открывает блестящий источниковедческий очерк заведующей архивохранилищем ГА РФ по истории Белого движения и эмиграции Л.И. Петрушевой. Ей удалось кратко и ёмко описать историю фонда М.А. Кедрова и документов, которые были использованы при подготовке к печати его автобиографии. При этом, правда, не обошлось без распространённой в наше время идеализации «России, которую мы потеряли», и «белой» эмиграции. Так, с сожалением говорится о том, что власти держав-победительниц «не предоставили благоприятных условий для проживания на их территории даже представителям военной эмиграции» (с. 10). Но почему они должны были их создавать? И как, если совсем ничего не делалось, не менее 20% русских эмигрантов, оказавшихся в Европе, нашли себе новый дом в той же Франции? Кстати, обескровленная, в том числе и в финансовом отношении, республика взяла на себя содержание русской эскадры, приняв корабли (с. 9), которые ей, мягко говоря, были не нужны. Увы, требовательная любовь редко бывает взаимной.

Автобиография Кедрова, в строгом смысле слова, не является воспоминаниями, и в ней почти нет особо ценных сведений, которых нельзя было бы обнаружить в других материалах. Она даёт скорее рамочное

описание основных событий в жизни адмирала, для понимания их значения читателю понадобятся обширные познания, и тут незаменимую помощь ему окажут комментарии. Их объём вполне сопоставим с текстом самого источника. Если автобиография заняла в книге чуть более 43 страниц (с. 19—63), то комментарии к ней — 32 (с. 64—96). Кроме того, значительная, если не бо́льшая, часть тома отведена под 37 приложений — это 15 документов из РГА ВМФ и ГА РФ (выписки из аттестаций, послужной список, сведения о плаваниях Кедрова, отзывы о нём, приказы, отрывки из дневников и писем и т.п.), фрагменты из мемуаров современников, а также статьи из таких эмигрантских периодических изданий, как «Военная быль», «Морской журнал», «Часовой», «Возрождение» и «Русские новости» (с. 98—202). Весьма содержательны и краткие биографические справки о 98 лицах, упоминаемых в текстах источников (с. 203—250). Публикаторы, без сомнения, провели большую работу.

Первое, что буквально бросается в глаза при чтении записок Кедрова, — его везение, благодаря которому ему только в русско-японскую войну трижды чудом удалось избежать смерти. Флаг-офицер вице-адмирала С.О. Макарова, он не погиб на броненосце «Петропавловск» лишь потому, что случайно оказался в тот день на миноносце «Боевой». Перейдя в штаб контр-адмирала В.К. Витгефта, он служил на броненосце «Цесаревич», участвовал в сражении в Жёлтом море и остался в живых на открытом мостике во время взрыва 12-дюймового снаряда. Вылечившись после ранения, он попал в эскадру З.П. Рожественского, где получил назначение на броненосец «Император Александр III», который погиб вместе со всей командой в Цусимском сра-

жении. Однако буквально накануне Кедрова перевели на вспомогательный крейсер «Урал», который также потонул, но большая часть его команды спаслась на транспорте «Анадырь», гружённом взрывателями для торпед и умудрившемся уйти из Цусимского пролива и, обогнув Японские острова, добраться до французского Мадагаскара, а затем вернуться в Либаву (с. 21—23). Так везло далеко не всем.

Межвоенный период Кедров очертил очень кратко, хотя и отметил, что большая война застала его в «кипучей деятельности» (с. 26). Только благодаря комментариям и приложениям (с. 147, 160) читатель может судить о том, каковы были настроения адмирала летом 1914 г. Его участие в Первой мировой войне, к сожалению, описано столь же скупо, хотя он был свидетелем и участником весьма важных и интересных событий. В 1914—1915 гг. Кедров представлял Русский флот на Grand Fleet'е и находился в распоряжении адмирала Дж. Джеллико, ему поручались дипломатические миссии в Норвегии и Швеции. В 1915—1916 гг. он командовал дредноутом «Гангут», где при нём произошли волнения, которые сам автор назвал «бунтом», — эпизод, конечно, экстраординарный. Кедров изложил его на двух страницах (с. 32—33) — почти столько же сказано им о Цусимском сражении или о сотрудничестве с англичанами в начале войны.

Судя по всему, Кедров так и не смог изжить обиду. По его словам, он добился блестящих результатов по показателям стрельбы, борьбы за живучесть, манёвров и т.п. Но стоило ему сойти на берег, чтобы «размять ноги» после долгого пребывания на дредноуте, как на корабле начались выступления матросов «против немцев». Формально причиной беспорядков стала требовательность, проявленная старшим офицером после погрузки угля и помывки корабля. Разумеется, старший

лейтенант барон О.Б. фон Фитингоф оказался жертвой разжигаемых страстей. Тем не менее морской министр И.К. Григорович отстранил Кедрова от командования кораблём. И это решение вполне соответствовало нормам «Морского устава», согласно которым именно командир отвечал за всё на вверенном ему корабле и, «неослабно поддерживая воинскую дисциплину», обязан был «содержать постоянно корабль и команду в совершенной исправности»¹. Если корабль действовал в составе эскадры, командиру следовало как можно реже покидать его и запрещалось ночевать на берегу без разрешения флагмана². Старший офицер был лишь «главный помощник командира по управлению кораблём и непосредственный блюститель дисциплины»³, и ответственность за его действия нёс Кедров. О правовой стороне дела в «Автобиографии» он умолчал, хотя ему, конечно, были хорошо известны положения «Морского устава».

Между тем обидевшийся офицер через старого друга флаг-капитана императора генерал-адъютанта адмирала К.Д. Нилова обратился за поддержкой к Николаю II. И царь не только вернул его на «Гангут», но и произвёл в контр-адмиралы с оставлением в Свите (с. 34). Во всей этой более чем сомнительной истории Кедров особенно гордился тем, что не позволил себе критиковать «у государя своих начальников и министров, да и государь никогда бы и не допустил такой с моей стороны бестактности» (с. 34). К сожалению, этому двусмысленному моменту комментаторы автобиографии не уделили должного внимания, хотя они довольно критически оценивают и тщательно проверяют встречающиеся в ней утверждения (в частности, об успехах минных постановок и т.д. (с. 80)).

В главах, посвящённых революции и Гражданской войне, чувству-

ются антибольшевистские настроения Кедрова. Впрочем, на Балтийском флоте падение монархии сопровождалось такими эксцессами (с. 39—40), что из старшего командного состава радоваться происходившему мог только возглавивший флот вице-адмирал А.С. Максимов, «который братски целовался и приветствовал свободу»⁴. С первого же дня своего командования он заявил о том, что всю жизнь был революционером, ждал «этого часа освобождения и дождался»⁵. Получив в начале марта титул «адмирала революции»⁶, Максимов постоянно говорил о свободе и радости её обретения. Этот демагог вызывал у Кедрова особое и вполне понятное отвращение (с. 42). Сам же он под руководством А.И. Гучкова пытался тогда спасти то, что ещё было возможно, и тех, кому мог помочь. Получалось это не очень удачно.

Особый интерес у читателя, условно, вызовет глава, посвящённая организации эвакуации армии барона П.Н. Врангеля из Крыма и последующему существованию «белого» русского флота. В эмиграции умирали не только люди, но и корабли (с. 46—59). Эскадра Черноморского флота нашла себе последний приют в Бизерте, а сам адмирал — в Париже. Его жизнь в 1933—1945 гг. удачно раскрывается в приложениях. В них образ Кедрова дан в развитии и получился более полным. «Автобиография» всё же вышла несколько лапидарной. К тому же она составлялась исключительно по памяти и, как справедливо отмечают публикаторы, имеет значительное количество «фактографических ошибок, неточностей и лакун». Более того, она зафиксировала, по сути, те представления, которые сложились у адмирала к июню 1933 г., когда он завершил работу над текстом. Между тем они продолжали развиваться и меняться. Всё же Ке-

дров являлся не только военным, но и высокопоставленным членом РОВС, которого в обзоре Иностранного отдела ОГПУ называли «морским Кутеповым» (с. 171). Точнее, он пытался играть роль политика в изгнании. Не следует забывать, что русская эмиграция «первой волны», по точному наблюдению профессора Д. Ливена, почти всю жизнь прожила «на чемоданах». И Кедров не был исключением. В частности, он долго не хотел принимать французское подданство, «надеясь ещё послужить своей Родине» (с. 60—61), хотя это мешало ему занять должность инженера и обеспечить себе достойный достаток.

Эмигранты ожидали возвращения — сначала триумфального, потом — какого получится и с кем придётся. Предпочтение, разумеется, отдавалось французам и англичанам, но рассматривались и другие варианты: японцы, финны, поляки, румыны, китайцы «молодого маршала» Маньчжурии, союз европейских стран во главе с А. Гитлером. Хотя, конечно, идти «с кем придётся» соглашались далеко не все. Тем не менее во время нацистской оккупации Парижа, по свидетельству генерала П.Н. Шатилова (коллеги Кедрова по РОВС), адмирал поддержал идею дать «нечто вроде письменной присяги на верность Хитлеру» и даже стал одним из первых её подписантов (с. 197). Однако это не помешало ему правильно оценить в 1945 г. победу Советского Союза, пересмотреть свои взгляды, осудить коллаборационистов и приветствовать победителей (с. 198). Думается, тут сказались не только политические расчёты и настроения, господствовавшие в освобождённой Франции весной и летом 1945 г. Как и множество русских военных, Кедров не мог не признать успехи Красной армии, и перед смертью он сделал это. Искренне или нет — сейчас трудно сказать. Но сделал он это публично.

Публикация появилась в результате большой работы авторского коллектива во главе с Д.Ю. Козловым. Она образцово подготовлена и, безусловно, найдёт и читателя, и исследователя, которому будет весьма полезной.

Примечания

¹ Морской Устав 1885 года. СПб., 1885. Ст. 240. С. 92—93.

² Там же. Ст. 273. С. 105.

³ Там же. Ст. 340. С. 135.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчёты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года / Под ред. П.В. Волобуева. Т. 1. Л., 1991. С. 171.

⁵ Д.А. День 4 марта на крейсере // Военная быль (Париж). 1959. № 34. С. 7.

⁶ Утро России. 1917. 16 марта. № 72. С. 1.

Владимир Булдаков

Революция и театр, революция как театр*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Revolution and theater, revolution as theater

DOI: 10.31857/S086956870016235-9

Увесистый том начинается словами: «Эта книга — исследование по истории русской революции». Звучит неожиданно, однако в полной мере соответствует исследовательскому пафосу автора. Взгляд на революцию через её отражения, особенно в театральной жизни, историографически и эпистемологически давно назрел. Однообразные «политические» интерпретации революционного хаоса становятся познавательны бесплодными в силу утраты «живых людей» и новых идей.

В данной монографии речь идёт не только и не столько о самом театре, о котором и без того написано немало. Автор предлагает взгляд на революцию из театра, точнее, из бывших императорских театров. Их в России существовало пять: Александринский, Мариинский, Михайловский в столице, Большой и Малый в Москве. Они всегда играли роль своеобразно-

го камертона театральной жизни, а в 1917 г. невольно стали частью революционного действия. Возник по-своему символический парадокс: бывшим «придворным» театрам предстояло выжить в предельно взбаламученной среде в качестве государственных сценических площадок. Это открыло возможность взглянуть на революцию из «иного» — всё ещё непривычного — измерения.

Исследование Гордеева разделено на четыре главы. В первой показано, как революция вторглась в размеренную театральную жизнь, выдвинув новых людей, претендующих на её реформирование. Во второй передаётся та сумбурная атмосфера, в которой делались попытки выработать «театральную конституцию», способную удовлетворить естественное стремление творческих людей к автономному существованию (привычно оставаясь при этом под крылом власти). Третья

* Гордеев П.Н. Государственные театры России в 1917 году. Изд. 2, испр. и доп. СПб.: РПГУ им. А.И. Герцена, 2020. 856 с.

посвящена описанию противоречивых мнений и резолюций по поводу «конституции», высказанных «большими» и «малыми» служителями сцены. Наконец, в четвёртой прослежено влияние революционных потрясений на «души» той особой породы людей, которые привыкли изумлять публику своими перевоплощениями. Революционный «театр» задавал им новые правила игры.

Перед нами попытка пересказать историю революции через эмоции людей, вроде бы далёких от неё в силу специфики профессии. Несомненно, это тот самый трудноуловимый метанарратив революции, который сыграл в её ходе значительную, но всё ещё недостаточно оценённую роль¹. В связи с этим весьма впечатляет «пёстрая» источниковая база исследования. Автором использованы материалы 20 архивов и рукописных отделов музеев Санкт-Петербурга и Москвы, пресса (не только театральная), а также мемуарное наследие видных деятелей культуры (опубликованное и неопубликованное). Из этих разнообразных документов складывается та эмоциональная аура эпохи, в которую давно пора взглянуть историкам революции. Использование «человеческих» документов позволило создать уникальную работу, способную вызвать интерес широкого круга профессиональных обществоведов и рядовых читателей.

Обычно всякое общественное потрясение сопровождается многозначительной символикой — к этому, во всяком случае, склоняется воображение. Оказывается, «придворные» артисты по-своему приняли участие в Февральской революции. За несколько дней до её начала наименее обеспеченные служители Мариинского театра тщетно добивались прибавки жалованья; правительственные чиновники ответили, по отзыву директора теа-

тров В.А. Теляковского, «письменным онанизмом». В результате 21 февраля во время спектакля «Майская ночь» хористы устроили «молчаливую» забастовку; на следующий день в другом спектакле её продолжили музыканты. На этом забастовочное движение не остановилось, оно продолжалось до победы революции (с. 85—93). В общем, старая власть ухитрилась вызвать недовольство даже среди людей, призванных скрашивать всё более унылое существование подданных империи.

Особый интерес вызывают события, связанные с постановкой В.Э. Мейерхольдом в Александринском театре лермонтовского «Маскарада». Его первая генеральная репетиция состоялась 23 февраля — в день начала революции. Оказалось, что в тогдашних условиях отношение зрителей и театральной критики к этому по-своему выдающемуся спектаклю («запоздалому цветку довоенной (имперской) культуры»), готовившемуся шесть лет, основательно разошлось. Вряд ли такое могло произойти ранее, хотя недругов у приткого режиссёра-экспериментатора всегда хватало. А 25 февраля исполнитель главной роли Ю.М. Юрьев получил от императора подарок — золотой портсигар с бриллиантовым орлом, причём сразу после вручения награды недалеко от театра отчётливо прозвучал громкий выстрел (с. 99—102). Актриса Е.И. Тиме в частном письме от 29 сентября вспоминала то «странное, страшное время», когда с пышным театральным зрелищем «кончилась Империя» (с. 105—106).

Конечно, вся система императорских театров нуждалась в основательном реформировании, а не просто в смене вывески. И сразу же выяснилось, что найти руководителя этого дела, который удовлетворил бы всех заинтересованных лиц, совсем непросто. При всём «консерватизме» теа-

тральных трупп их участники были захвачены теми же настроениями, что и основная масса российского образованного общества. В театральной среде оказалось относительно немного «революционеров», однако многие надеялись «приподняться» на революционной волне. Обнаружились и провокаторы, попытавшиеся свести счёты с «реакционным» начальством. Примечательно, что пост главы Петроградских государственных театров занял молодой певец В.Ф. Беспалов, не лишённый серьёзных — вплоть до диктаторских — политических амбиций (с. 232). Это наталкивает на известные сравнения.

Во второй главе «Вокруг “театральной конституции”» последовательно и обстоятельно рассмотрены попытки разработки главного документа, по которому предстояло реорганизовать систему императорских театров. Это также оказалось непросто. Привычному управлению сверху теперь противостояли основательные самоорганизационные процессы в театральной (и не только) среде. При этом даже здесь проявил себя «классовый» фактор: рабочие сцены держались отчуждённо от труппы. Примечательную дискуссию породило предложение Мейерхольда о привлечении к работе по разработке «конституции» представителей Петроградского Совета — большинство его не поддержало. Артисты готовы были терпеть любую «дающую» власть, при этом эгоистично «отгородившись» от неё. В результате текст «конституции», как и следовало ожидать, приобрёл компромиссный характер (с. 342). Это означало, что им будут недовольны буквально все, а следовательно, он не сможет работать. Вместе с тем наметилась линия раскола, которая пройдёт через артистическое сообщество после Октября. Всё это характерно и для революционного процесса в целом. Думается,

что автор мог бы прямо сказать, что актёры как люди повышенной эмоциональности своим поведением вольно или невольно обнаруживали тот путь, по которому пойдут события.

В третьей главе «Демократия за кулисами: общественная жизнь в театральных коллективах» рассмотрены общественно-политические процессы на уровне отдельных театров. Актёры не были едины. Профессиональные различия приобретали порой болезненный «сословный» характер. Так, в Мариинском театре отмечалось противостояние оперной и балетной трупп: вокалисты считали себя «аристократами». Обособленно держались рабочие сцены (своего рода парии театра). При этом они готовы были беспардонно вмешиваться в репертуар из «шкурных» соображений: не хотелось работать над излишне сложными декорациями (с. 571—572). Подобные настроения заразили значительную часть трудящихся: все хотели «дающей» революции, не требующей социальной ответственности. При этом проблема жалованья довлела над прочими вопросами не только в актёрской среде. Отмечалось изобилие пересудов, склок, амбиций при отсутствии общего взгляда на будущее.

Для историков революции наибольший интерес представляет четвёртая глава «Революционная повседневность казённой сцены», в которой рассмотрены новые проблемы и обстоятельства, оказавшие значительное влияние на деятельность государственных театров. Так, чрезвычайно остро встала проблема «запрещённых дней»: отказ от «увеселений» на время церковных праздников (особенно Великого поста). Поначалу взяло верх либертеррианское настроение: долой любые запреты, практикуемые старой системой! Однако с лета 1917 г. всё чаще звучали противоположные мнения. Наконец, 12 октября Св. Синод

высказался за сохранение прежних запретов (с. 647, 652). Трудно, однако, представить, что все негосударственные театры последовали этому пожеланию. И это объяснялось не только коммерческой стороной дела. К тому времени церковь уже фактически оказалась отделена от государства, а потому противники запретов вполне могли сослаться на право конфессиональной индифферентности.

Возникла также проблема неравенства доходов. В целом до революции ведущие актёры всех наиболее известных театров не были обижены окладами: их максимум достигал 18 тыс. руб. в год. Но если в Московском художественном театре произошло некоторое снижение доходов «звёзд» за счёт низкооплачиваемого персонала², то заработки ведущих артистов государственных театров, напротив, стали подсаживать (с. 719—721, 726). Естественно, «аристократия» сцены отнюдь не горела желанием терять статус. Не менее показательна дискуссия о судьбе театральных абонементов — системы привилегированного распределения мест в зале, которая поддерживала кастовый характер доступа к зрелищу. В конечном счёте систему сохранили — главным образом по финансовым соображениям — в слегка изменённом виде. Революция всякий раз наталкивалась на традицию, писаную и неписаную. В этом её непреходящая трудность.

Автор не прошёл мимо известного «революционно-марьяжного» сюжета: мнимой женитьбы А.Ф. Керенского на актрисе Е.И. Тиме (на деле состоявшей в браке с артистом Н.Н. Качаловым). Характерно, что опровержения актрисы не помогли: глупая сплетня получила долгую жизнь (с. 788—790). По-видимому, бульварная газета использовала слухи о том, что Тиме некогда приписывали связь с одним из великих князей, а Керен-

ский, став во главе правительства, поселился в апартаментах Александра III будто бы с «балериной немецкого происхождения». На деле он проживал там с двоюродной сестрой законной жены³. Этот факт извратили, явно с целью опорочить премьера. Газету поспешили закрыть.

Чрезвычайно интересен вопрос о революционной цензуре, который касался прежде всего проблемы «монархизма». Повод новым «цензорам» давали даже названия привычных спектаклей: «Жизнь за царя», «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Иудейский» и проч. (с. 804—805). Разумеется, театральный «монархизм» не имел ничего общего с реальным. И избавиться от него не удалось: репертуар почти не изменился, бесплодными оказались поиски новых произведений. Более того, со временем публика стала одобрительно воспринимать «монархические» монологи со сцены (в частности Бориса Годунова в «Смерти Иоанна Грозного»).

Автор считает, что в массе своей актёры тяготели к праволиберальным взглядам; крайние ориентации, как монархические, так и большевистские, были редкостью. Преобладала аполитичность, что не исключало одиночных проявлений левизны. При этом некоторые персональные эмоциональные выпады друг против друга могли приобретать чисто внешнюю политическую окраску. Так было не только в театре.

В государственных театрах шли процессы, характерные для страны в целом. Иначе и быть не могло. Недаром 24 сентября актриса Александринского театра С.И. Смирнова-Сазонова оставила в дневнике характерную запись: «Что делается в России, то и в театре. Сами выбирают себе начальство, потом начинают его ненавидеть и готовы свергнуть» (с. 367). В чём причина? Вероятно, в том, что

судьба театра (как и всей России) оказалась слишком завязана на людских страстях, мало считающихся с объективными обстоятельствами.

Всякое перемешивание культурных пластов чревато парадоксальными, комическими, а чаще трагическими ситуациями. Так, в гардеробах — а театр, как известно, начинается с вешалки — стали пропадать пальто, галоши, часы. В начале мая в умывальной комнате министерской ложи Большого театра обнаружилась отдушина, через которую просматривалась артистическая женская уборная. Запахло пикантным скандалом. «Интересно знать: для кого был сделан этот наблюдательный пункт», — вопрошала пресса. Вопрос был риторическим — ложа принадлежала министру Двора гр. В.Б. Фредериксу (с. 786—787). Однако дальше намёков дело не пошло: то ли тема разврата верхов наскучила, то ли сюжет показался не столь впечатляющим. Во всяком случае, даже об известной практике сожительства видных актрис и балерин с членами императорской фамилии быстро забыли — после рассказней о связях Распутина с Александрой Фёдоровной прочая информация на этот счёт казалась пресной.

На взгляд автора, в театральной жизни 1917 г. преобладали дезорганизационные процессы, главным образом связанные с опытом актёрского самоуправления. При этом главной движущей силой самоуправленческих интенций являлся групповой эгоизм. Актёры требовали для себя всё больших привилегий, отдельные их категории не желали входить в положение даже своих товарищей по сцене, не говоря уже о зрителе или о государстве с его сильно ослабленными финансами.

Конечно, ко времени падения Временного правительства артисты разочаровались в революции, а их

коллективы разуверились в способностях к самоорганизации. В результате, считает автор, происходила постепенная концентрация власти в руках управляющих труппами и главноуполномоченного по государственным театрам Ф.Д. Батюшкова. Деятели театра оказались не исполнителями, а скорее «зрителями» собственной судьбы. С этим выводом нельзя не согласиться. Остаётся только добавить, что та же тенденция прослеживается в эволюции взглядов и настроений других социальных классов и групп. Итог «красной смуты» предопределила именно неспособность масс к самоуправлению.

Автор сконцентрировался на анализе положения дел в государственных театрах. Хотелось бы для сравнения, хотя бы в общем виде, узнать о поведении актёров частных театров. Впрочем, это скорее задача на будущее.

Тема, к которой обратился автор, к сожалению, всё ещё остаётся вне поля зрения историков. Считается, что этот материал слишком специфичен. К тому же для историков революции тема выглядит слишком узкой и периферийной. Работа Гордеева убеждает, что это совсем не так. Придерживаясь системного подхода, невозможно игнорировать проблемы и сюжеты, которые на первый взгляд кажутся маргинальными. Практика микроисследований убеждает, что с помощью скрупулёзного рассмотрения «узких» тем можно не только уточнить некоторые принципиально важные вопросы, но и углубить существующие представления о революционном процессе в целом. Эвристические возможности постижения «театра революции» истине неисчерпаемы.

П.Н. Гордеев блестяще владеет сложным и противоречивым материалом, а потому его выводы не вызывают сомнения. И всё же думается, что они

могли бы прозвучать более весомо, будучи экстраполированы на российскую общественность в целом. Конечно, актёры в массе своей эгоцентричны, эмоциональны, при этом весьма консервативны. Но то же самое характерно и для других слоёв российского общества, включая рабочих, чего отечественные исследователи упорно не замечают. Между тем именно эта черта политической культуры облегчила приход к власти большевиков со всеми вытекающими последствиями. Таково было наследие самодержавия, по самой своей природе противостоявшего формированию гражданского общества. И этот феномен всё ещё не получил должной оценки.

Вглядываясь в кипение актёрских страстей, поневоле укрепляешься в старом «подозрении»: революция в России не случайно казалась большим

политическим театром со всеми подбавляющими декорациями, тогда как страна жила по своим собственным, практически неизменным «естественным» законам.

Примечания

¹ См.: *Булдаков В.П.* Метанарративы и микронарративы Русской революции: к переосмыслению сложившихся представлений // Столетие русской революции 1917 года и её значение в мировой истории и культуре. Будапешт, 2018; *Булдаков В.П.* Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918—1920 гг.) // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917—1922. СПб., 2020.

² *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты Русской революции. М., 2017. С. 99.

³ *Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905—1917 гг.). М., 2012. С. 84, 226.

Наши авторы

Айрапетов Олег Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Башнин Никита Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина

Большакова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Будakov Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Волхонский Михаил Алексеевич, кандидат исторических наук, преподаватель факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений МИД России

Гуськов Андрей Геннадьевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Журавлёв Валерий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории

Зайцев Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Ипатов Алексей Михайлович, старший научный сотрудник Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, Воронеж

Ковальская Елена Юрьевна, заведующая библиотечной службой Церковно-научного центра «Православная энциклопедия»

Козлов Денис Юрьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, доцент, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета

Кротов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Курукин Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Матасова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мелентьев Фёдор Ильич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Международной лаборатории региональной истории России Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный специалист Государственного архива Российской Федерации

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, заместитель директора Дирекции изучения истории МПГУ, профессор Московского педагогического государственного университета

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Русин Даниил Олегович, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Станков Кирилл Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Филиппова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Шамин Степан Михайлович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Шварц Искра, доктор философских наук, профессор Института восточноевропейской истории Венского университета (Австрия)

СОДЕРЖАНИЕ

Наследие Ништадта

Д.А. Редин

Империя Петра Великого: курс — вест, ветер встречный 3

Историк и источник

П.А. Кротов, И. Шварц

Письмо российского генерала Л.Н. фон Алларта о битве под Полтавой 23

Россия и мир

Н.В. Башнин, А.Г. Гуськов, С.М. Шамин

Война на Северном Кавказе (1686—1698 гг.) 30

К.Н. Станков

Александр Гордон Охинтул: якобит, генерал и биограф Петра I 44

И.В. Курукин

Цена побед: о стоимости военных кампаний в России XVIII в. 52

Реформы и Церковь

И.Н. Шамина

Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701—1703) 60

Символы власти

Ф.И. Мелентьев

«Историческое перо». К атрибуции главного символа отмены крепостного права 74

Народы и пространства

А.Э. Котов

Западнорусский анабасис Ксенофонта Говорского 84

А.С. Минаков

В.К. Плеве и политика в отношении евреев в России на рубеже XIX—XX вв. 102

А.Ю. Полунов

«Всё это так необыкновенно и фантастично»: идейные и организационные предпосылки поворота внешней политики России на Дальний Восток в конце XIX в. 116

Д.Ю. Козлов

Учреждение Морского генерального штаба в 1906 г.: борьба амбиций и поиск модели управления	126
--	-----

Династия и элита

Д.О. Русин

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна и С.Ю. Витте в политической жизни России конца XIX — начала XX в.	137
--	-----

Е.Ю. Ковальская

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и А.Д. Самарин: к истории взаимоотношений	148
---	-----

Профессия и сообщество

О.В. Большакова

Россия как многонациональная империя: итоги и перспективы изучения	163
--	-----

Диалог о книге

К.А. Соловьёв. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законодательства	178
<i>В.В. Журавлёв: Эпоха «мнимого авторитаризма»</i>	<i>179</i>
<i>Е.А. Крестьянников: «Кабинетная» история и бюрократическая опасность</i>	<i>182</i>
<i>М.А. Волхонский: Законодательство в Российской империи: статичные структуры или динамичный процесс?</i>	<i>186</i>
<i>Д.А. Андреев: «Бюрократическая империя» и её «правлящая корпорация» в современном исследовании</i>	<i>189</i>

Обзоры и рецензии

<i>Т.А. Матасова — Византийское наследие в России и Венеции в эпоху Петра Великого</i>	<i>194</i>
<i>М.В. Зайцев — А.В. Белов. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России)</i>	<i>200</i>
<i>Т.А. Филиппова — «В координатах многовековой истории своей страны»</i>	<i>205</i>
<i>А.М. Ипатов — А.Э. Котов. Русский политический предмодерн: забытые «консерваторы» второй половины XIX века</i>	<i>208</i>
<i>О.Р. Айрапетов — Образцовая публикация</i>	<i>210</i>
<i>В.П. Булдаков — Революция и театр, революция как театр</i>	<i>214</i>
Наши авторы	220

CONTENTS

Nystadt's legacy

D.A. Redin (Institute of History and Archeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

Empire of Peter the Great: course — west, headwind 3

The historian and the source

P.A. Krotov (Saint Petersburg State University, Russia), I. Schwarcz (University of Vienna, Austria)

A letter from Russian General L.N. von Hallart about the battle of Poltava 23

Russia and the world

N.V. Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; I.E. Repin Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture), A.G. Guskov, S.M. Shamin (both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

War in the North Caucasus (1686—1698) 30

K.N. Stankov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Alexander Gordon Okhintul: Jacobite, general and biographer of Peter I 44

I.V. Kurukin (Russian State University for the Humanities, Moscow)

The price of victories: on the cost of military campaigns in Russia in the 18th century . . . 52

Reforms and the Church

I.N. Shamina (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Practical implementation of the first stage of the Church reform of Peter I (1701—1703) 60

Symbols of power

F.I. Melentev (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

«Historical quill». Attribution of the main symbol of the abolition of serfdom 74

Peoples and spaces

A.E. Kotov (Saint Petersburg State University, Russia)

West-Russian anabasis of Xenophon Govorsky. 84

A.S. Minakov (Moscow State Pedagogical University, Russia)

V.K. Plehve and the policy towards Jews in Russia at the turn of the 19th—20th centuries 102

A.Yu. Polunov (Lomonosov Moscow State University, Russia)

«All of that is so extraordinary and fantastic»: ideological and organizational prerequisites for the turn of Russian foreign policy to the Far East at the end of the 19th century 116

Institutions and communities

D.Yu. Kozlov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- Creation of the Naval General Staff in 1906: the struggle of ambitions and the search for
a command model 126

Dynasty and elite

D.O. Rusin (Lomonosov Moscow State University, Russia)

- Empress Dowager Maria Feodorovna and S.Yu. Witte in the political life of Russia in
the late 19th — early 20th century 137

E.Yu. Kovalskaya (Church-Research Center «Pravoslavnaya Enciclopedia», Moscow, Russia)

- Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and A.D. Samarin: on the history of relations . 148

Profession and the community

*O.V. Bolshakova (Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy
of Sciences, Moscow)*

- Russia as a multinational empire: research outcomes and prospects 163

Discussing recent books

- K.A. Soloviev. The political system of the Russian Empire in 1881—1905: the problem of
lawmaking 178**

- V.V. Zhuravlev (Moscow Region State University, Russia): The era of «imaginary
authoritarianism» 179*

- E.A. Krestiannikov (Tyumen State University, Russia): «Cabinet» history and bureaucratic
danger 182*

- M.A. Volkhonsky (Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)):
Lawmaking in the Russian Empire: static structures or a dynamic process? 186*

- D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): «Bureaucratic empire» and its
«ruling corporation» in modern research 189*

Reviews

T.A. Matasova (Lomonosov Moscow State University, Russia)

- The Byzantine heritage in Russia and Venice in the era of Peter the Great 194

M.V. Zaytsev (Saratov State University, Russia)

- Rec. ad op.: A.V. Belov. Reforma goroda Ekateriny II (po materialam guberniy Tsentral’-
noy Rossii) 200

T.A. Filippova (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

- «In the coordinates of the centuries-old history of our country» 205

<i>A.M. Ipatov (Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia)</i>	
Rec. ad op.: A.E. Kotov. Russkiy politicheskiy predmodern: zabytyye «konservatory» vtoroy poloviny XIX veka	208
<i>O.R. Airapetov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i>	
The way it's supposed to be	210
<i>V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Revolution and theater, revolution as theater	214
Contributors to this issue	220

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор
Мац А.Г.	— Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
- 3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

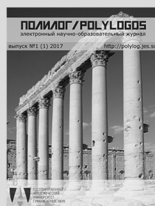
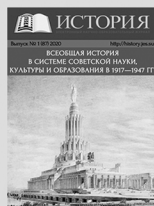
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ
История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА
Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА
Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).